

Шрон Великих Предков

Вот и пришло долгожданное время покинуть беспокойный север, дабы вернуться на родной, тихий и спокойный юг! Осталось только выдержать долгие месяцы сухопутного маршрута и сохранить в тайне то, что будущий Император путешествует с ними под видом простого слуги. Довезти до столицы в целости и сохранности, сдать с рук на руки Наместнику, и жизнь наконец-то войдёт в спокойное русло...

Войдёт ведь?!

Часть I Змеиными тропами

Великий Учитель Нешемти всегда говорил своим ученикам, что поступь их должна быть невесома, как полёт пера, изящна как танец журавля, и горделива как взгляд благородного орла, что восседает на старой сосне над скальным обрывом.

Его вечный соперник Мастер Шоики же утверждал, что шаг карита должен быть твёрд и весом, подобно поступи великана, стать должна быть величественная и незыблема, как скала, а присутствие — грозно простираться подобно громовой туче.

А пока они спорили, чья школа лучше, потрясая небеса своими голосами, воршика Тай просочился чрез охранные периметры одного, взобрался кружными путями в жилище второго, да уволок все ценности обоих до последней перламутровой пуговицы и гнутой монеты.

И когда мастера бросились вдогонку за воршикой, путь его извивался по оврагам, струился по рекам, и исчезал в щелях каменных распадков бесследно...

"Сказки о богах и героях, записанные старым Лисом на ослиной шкуре"

— Тц! Да не пихайся ты! Лежи спокойно!

— Колено убери!

— Тихо!!! Оба!!!

Шипение было раздражённым и злым. Кое-кто нервничал, и его явно достала их возня, потому Шоуки счёл за лучшее вдохнуть поглубже, и попытаться расслабиться. Получалось плохо. Потайное дно, наскоро организованное в телеге, было тесным и низким, под ногой мешался чей-то вещевой мешок, жёсткие доски больно ударили в бок и спину на каждом ухабе, да к тому же становилось всё холоднее, чему не способствовало стеснённое положение, даром что молодого принца в него едва не вжало. Тепла от чужого тела шло мало, а опушка ворота ещё и нос нещадно щекотала.

Можно было попытаться отвлечься медитацией, но обстановка не располагала совершенно, а чувства находились в таком раздрае, что только и оставалось что страдать и ёрзать, пытаясь устроиться поудобнее.

И гнать, гнать из головы мысли об уважаемой госпоже Шиинне, а то и так спасу никакого нет...

Сверху на доски был навален грязный, слежавшийся снег. За зиму его падало так много, что сугробы, образовавшиеся после расчистки дворов и проходов приходилось закидывать на телеги и вывозить за город, на специально отведённые участки. И если на солнце в последние дни было даже как будто бы тепло, и относительно белые простыни начали подтаивать, а с крыш свешиваться ледяные иглы, то слежавшийся снег сугробов источал лютый холод, окутывавший их деревянный гроб, казалось бы, со всех сторон. А ещё в этом снеге были намешаны копоть, грязь, конский навоз, и не пойми ещё какая дрянь. Хорошо хоть не воняющая с морозу.

Шоуки попытался подоткнуть под ухо край своего плаща, в процессе заработав пинок то ли от Амарими, то ли от Алана, и отстранённо подумал, что о таком в Императорских Хрониках не напишут.

“И тогда будущий Император, в те времена носивший имя Ишимари, вместе со своими ближайшими сподвижниками, тайно покинули территорию Поместья в телеге с заледеневшими помоями.”

Шоуки тихо и нервно хохотнул, чувствуя, что в носу, к тому же, зудит всё сильнее. Ещё расчихаться не хватало из-за этого мехового воротника — его нос только-только пришёл в хоть какую-то норму...

К тому моменту как едва плетущиеся коняжки вытянули телегу за город, естественно — сделав изрядный крюк из-за проклятого порушенного моста, и Шоуки с Амарими задубели изрядно, прижались друг к другу ещё плотнее, чтобы сохранить хоть какое-то тепло. А ведь ещё предстояло ехать до условленного места, находящегося как раз по пути к месту свала вывозимого из города снега...

И когда в борт ударили условленным стуком, Алан выскользнул из их схрона как ни в чём ни бывало, потянулся, поправил одежду, бодро вспорхнул в седло подведённого ему коня, да занялся приторачиванием к седлу поклажи.

А вот его с Амарими доставали. Оба шипели и тихо ругались, пытаясь согнуться-разогнуться и хоть как-то привести к послушанию окоченевшие тела.

Не успел он хоть немного размяться, как Шотиши подвёл к нему коня, и Шоуки едва не рухнул на землю в глубоком шоке. Закатав губу и обнажив здоровенные жёлтые зубы на него взирал, насторожив уши, Маленькое Пятнышко.

Кровь мигом ударила в голову, понеслась по жилам, возвращая тепло в конечности под суматошный грохот сердца.

— Как?! — только и смог выдохнуть Шоуки, машинально взяв сунутую ему в руки уздечку.

— Вместе с оставленными в охотничьем замке вещами вернули, — Шотиши похлопал чудовище по лоснящемуся боку.

— Ничего серьёзного, отдохнул, и хромота прошла. Знатный конь. Повезло тебе!

Шоуки сглотнул, не зная, куда такое везение затолкать, и вынужден был в седло полезть. А так надеялся отвязаться от этой зверюги! Вон уже, глазом косит и ухом прядёт.

Рядом уже вскарабкивался в седло своего коня Амарими. Разве что сбруя у того была обычная, да и молодой принц был одет как рядовой карит, носил пояс слуги рода Ита.

Конспирация сейчас была поставлена во главу угла. В наибольшей безопасности они были до тех пор, пока никто посторонний не знает ни о пробуждении Дара у младшего принца короля севера, ни о том, что он отправляется на юг. Тем более — в компании Амарими, который вполне мог послужить пешкой в кровавых игрищах северной знати.

Столько событий пронеслось за последние недели... Стоило вспомнить их и попытаться упорядочить — голова шла кругом.

Королевство севера, оказывается, уже по их приезду звенело от напряжения. Некая тайная организация готовила переворот, накачивая столицу одержимыми куклами, слепленными из живых людей, и всячески пресекала своё преждевременное раскрытие. У них были какие-то договорённости с оппозиционными дворянами, которые пытались периодически сместить династию Коэнов, видимо планировался слаженный удар, но определённые события нарушили злодеям все планы. Несколько оплошностей, похоже, потрепали нервы заговорщиков, вошедших в последнюю стадию подготовки к перевороту, и когда одна из их групп, как раз пытающаяся ликвидировать последствия такой оплошности, нарвались на охотничью партию младших принцев...

Как итог — Амарими предупредил Посольство о том что в город свозят одержимых, Алан с помощью какого-то артефакта поднял на уши дом на Перекрёстке, передав им красный сигнал тревоги, и всё завертелось...

Активировали магические барьеры, прикрывающие старый город и королевский дворец, заговорщики бросили свои отряды одержимых на ключевые точки щита, пытаясь его нейтрализовать. Переполошенные отряды бунтующих семейств тоже бросились к столице, надеясь, что шанс её захватить ещё есть, несмотря на то что всё началось за несколько дней до назначенной даты. Одному из таких отрядов бравые принцы и подпортили день, обрушив целый мост...

Себе на головы.

Зато от такого потрясения, или близкого контакта с духовной силой каритов, отчаянно пытавшихся удержать здоровенные железные балки, в Алане проснулась кровь его далёких Предков, и пробудился Дар.

И вот сейчас они спешно и тайно переправляют наследника Императорского трона на юг...

План, в целом, было простой. Раз в месяц-два, иногда чаще, иногда реже, из Посольства

сухопутным маршрутом отправляется на юг курьер с письмами, дипломатической перепиской, документами и ещё чёрт-те какими бумагами на радость столичным чиновникам. С ним отправляется охрана, а заодно слуги, кому пришла очередь вернуться в родные края на продолжительный отдых. Увы, проклятие, захватившее северный континент, негативно сказывалось на здоровье южан, и постоянно находиться на территории Посольства могли немногие.

И вот, этим утром такой курьерский отряд у всех на виду выехал из ворот посольства, проследовал по улицам ещё не оправившегося от попытки переворота города, миновал блокпосты и направлялся теперь к одному из замков, запирающих входы в обширное сердце северного королевства.

И их пятёрка к этому отряду присоединится в одном из перелесков, заменив другую пятёрку, которая...

Шоуки понятия не имел, что потом будет делать эта подменная пятёрка, пересидят наверно какое-то время в каком-нибудь глухом углу, прежде чем вернуться в поместье.

Вот на точку встречи с ними и направились, по звериной тропе через заснеженный лесок. Первый шок от встречи со своим конём прошёл, и Шоуки начало неудержимо клонить в сон — сказывалась весьма тяжёлая, бессонная ночь...

Всё шло довольно гладко. Длинноногие южные кони рысили с неплохой скоростью, и по прикидкам Алана, до южного выхода из долины они должны были донести отряд ещё засветло. Выносливая и сильная порода одинаково хорошо подходила для дальних переходов, и для ведения боевых действий, однако же весьма плохо приживалась на холодном севере. И виной ли тому отсутствие плотной длинной зимней шерсти, или же непереносимость эфирного фона, Алан не знал. Вот да Саммеша мог быть в курсе — на конюшнях его родни пытались скрещивать дорогих южных скакунов с местными породами.

При мысли о своём окружении, оставленном в столице и окрестностях, будущему Императору стало не по себе — тоскливо и мутно. Оставлять родной край (особенно в такое время!) не хотелось совершенно, но и другого выбора он не видел. Если отец не справится...

Нет, справится. Он не может не справиться. Но если найдётся какой-то неучтённый фактор, что многократно усложнит ситуацию... Если такое случится, хорошо бы чтобы он, Алан, мог вернуться домой с небольшой, но очень зубастой армией южан. А для этого нужно не только встретиться с Наместником, но и начать наращивать личную силу. Южане силу уважают, и просто устроить седалище на троне будет недостаточно, чтобы получить полную поддержку юга. Ему нужны учителя, ему нужно место для тренировок, ему нужны советы, ему нужна библиотека имперской столицы в конце концов!

И присутствие там, откуда, похоже, растут ноги у одной из сторон, подстрекавших мятежников.

К тому же доставить Амарики домой в целостности и сохранности тоже чертовски важно. К слову, именно эта версия их присутствия была скормлена остальному отряду для сокрытия его, Алана, личности. Для них он — Ишимари, дальний родственник госпожи Иты, смесок, родившийся на севере и получивший вместо Дара магию северян. Сопровождает спешно эвакуируемого принца в качестве подстраховки от всякой магической пакости, в статусе таком же, что и его телохранители.

Забавно получилось. Правду скрыли за правдой, которую назвали ложью для своих и правдой для прочих соучастников.

Иногда Алан просто ненавидел интриги и недоговорки на которые приходится идти ради соблюдения неких высших целей.

И ведь заняв древний трон ему этого... доброго варева придётся хлебнуть большим таким ковшом.

Но это когда будет... Лучше пока отбросить невесёлые мысли и думать о насущном. В частности, ненавязчиво придержать коня, чтобы сместится поближе к Шоуки и тихонько пнуть его ногу. Медленно, но верно заваливающийся на бок парень вскинулся и часто заморгал оглядываясь.

С сочувствием посмотрел на карита — совсем его заморили вчера, на ходу засыпает. И это — Шоуки, страдающий приступами маниакальной ответственности за подопечных!

Алану не хотелось знать, что эта разъярённая фурия с ним сделала. Руки-ноги не оторвала, и на том спасибо.

Амарими обернулся на них, услышав возню. Он ехал вперёд них, как и подобает господину.

— За той скалой начинается ущелье. Не пройдёт и часа, как мы достигнем его, — сообщил Алан.

А там — пройти насквозь замок, спустится на середину склона и заночевать в довольно крупной придорожной корчме, ютящейся над обрывом. Это самый нервный отрезок пути. Нервный — ибо предсказуемый до одури. Запирающий долину замок не миновать, спуск от него тоже только один. Альтернатива — козьими тропами пробираться через горы, но это слишком большой риск, и слишком много времени займёт. Массивных южных скакунов трудно будет провести тропами. Велик риск потерять пару, и даже наличие заводных не делает его приемлемым.

Отряд уверенно двигался вперёд, спокойно минуя блокпосты на перекрёстках и подступах к перевалу. Штандарт имперского курьера и амулет-пропуск, что нёс глава отряда, творили чудеса. Их даже не останавливали до самой крепости, только там, извиняясь, накрыли весь отряд чарами, да проверили подлинность пропуска прежде чем открыть ворота.

Ничего предосудительного чары не нашли — ни боевых амулетов, ни навешенных иллюзий. На Алане снова была темнящая кожу мазь, и приколотый волосяной хвост-неразличимая чарами маскировка. Его приняли за южанина, либо смеска в первом поколении, и не придали значения.

Ибо к чему бравым стражам южане, когда мятежники, что могут попытаться вырваться из долины, все местные да родовитые?

За перевалом в лицо пахнуло тёплым ветром и сыростью. На эти склоны весна всегда приходила раньше, и было здесь, в среднем теплее. Дорогу держали в хорошем состоянии, и её не тревожили проснувшиеся с таянием снегов ручьи.

Сверху хорошо просматривались убегающие к горизонту холмы, вырытые реками овраги и голые лиственные леса, сменяющие карабкающиеся по склонам ели. Под деревьями ещё лежал снег, но на открытой местности он уже походил на битую молью вуаль, расползаясь быстро и мокро. Поганое время для путешествий, если, конечно, не собираешься придерживаться крупных торговых трактов, соединяющих столицу с побережьем.

Они спускались ухоженным серпантинном, разгоняя по обочинам дороги случайных путников и минуя гружёные возы, а Алан вспоминал старую сказку, что рассказывают в горах на северо-западе, да немного на островах хладоморья. Сказку про лису о семи хвостах,

прародительнице всех лис, что спасаясь от охотников один за другим, будто ящерица, отбрасывала свои хвосты.

Они сбивали преследователей с толку, извивались как живые и увлекали за собой погоню в снежную пелену, но раз за разом бессовестный филин насмехался над охотниками, закладывая над ними круги и говорил, что они погнались за бесполезным хвостом, упустив саму лису.

И охотники возвращались по следу, и отыскивали новый, и вновь гнали лису всё дальше и дальше в снега.

И когда у неё остался последний хвост, лиса не стала сбрасывать его. Лиса дотянулась до неба, сдёрнула с него бессовестного филина и разодрала на мелкие клочки.

А охотники? Охотники отступили в ужасе, осознав, что всё это время охотились не за зверем, а за звериным духом.

Алан переключался с одной сказки на другую, примерял к себе и к обстоятельствам и никак не мог определиться — есть ли в их случае охотники? Если есть, то за чем охотятся они — за простым зверем в синем платье с красной вышивкой, или за звериным духом, скрывающемся под накинутой личиной? А бессовестный филин, что каждый раз указывает на обман отброшенного хвоста? И не зря ли разложил он столько хвостов, когда охотников нет и в помине?

За размышлениями начали сгущаться сумерки — на восточных склонах темнело быстро. Но и дорога уже вывела к небольшому плато, на котором развалился старинный трактир со своими хозяйственными постройками, дворами, загородками да складами. Подъём в гору занимал много времени, особенно, для тяжело гружённых возов, здесь же можно было остановиться не боясь опоздать к воротам крепости до темноты, и потом ночевать под стенами. Более того, это место особенно любили купцы с юга, и, как оказалось, отряды курьеров, едущие из, или в Посольство. Без лишних слов выкатившийся во двор дородный хозяин заведения проводил гостей в самую дальнюю от дороги часть хозяйства, да к типичному южному дворику с собственной конюшней да крупной, очень старой постройкой.

Алан удивился — не знал что тут есть подобное, но прислушавшись к ощущениям, только хмыкнул задумчиво — эфирный фон тут падал едва ли не в ноль, не удивительно, что кто-то из южан решил обосноваться на этом пятачке когда-то.

Ноори Тайко, командир отряда и дальний родственник прежнего посла, лично проверил большое полупустое помещение, да начертанные на его стенах знаки. После — велел заносить заветный сундучок с документами, обёрнутый плотной вощёной тканью. Часть людей отправил накормить-почистить лошадей, а Амарими и "его людей" вежливо пригласил располагаться.

Их не привлекали к обустройству ночлега, но когда после проведения неких манипуляций кариты один за другим начали подходить к вмурованному в стену камню со странными знаками на нём, и Амарими, и его телохранители, и даже с трудом держащий глаза открытыми Шоуки подошли к камню, на минуту приложив к нему ладонь. Алану сделали жест сидеть, он и сидел, наблюдая, в своём углу.

В очаге — квадратной выемке в полу, над которой подвешивался на крюке котёл, тем временем развели огонь. Шоуки вернулся и хлопнулся на толстенную циновку у стены, кажется, сразу заснув.

— И что это? — спросил Алан любопытно, кивнув на стену. — Сторожевой камень?

— Да, самый настоящий сторожевой камень! — Амарими, похоже, тоже был удивлён

увидеть его здесь. — Можно спать спокойно, того количества духовной силы, что ему отдали, хватит, чтобы барьер продержался всю ночь в активном состоянии.

— Потому эта точка была отмечена "повышенной надёжностью"? — припомнил карту Алан.

Южный принц кивнул. Таких, помнится, на карте было ещё три. Три из почти трёх десятков — путь обещал быть долгим. Но сегодня, похоже, можно было расслабиться. Настоящая дорога с трудностями и лишениями начнётся завтра. А сегодня так, баловство.

В котле над огнём завалили травяной чай, а еду приволокли из трактира в корзине, да большом казане на коротких ножках. Шоуки пришлось расталкивать и совать в руки миску с одуряюще пахнущей кашей из трёх злаков, с морковкой, с кусочками свиного сала и засушенными на зиму травами. Алан с воодушевлением принялся за свою порцию, и только когда деревянная миска опустела, понял, что несколько поторопился.

Южане поглощали кулёш стоически, но без охотки, за исключением пары на вид бывалых путешественников, и Шоуки, который, кажется, вообще не понимал спросонья, что именно ест. А вот Амарими и вовсе ковырялся в тарелке с потерянным видом, гоня туда-сюда кусочек прозрачного сала с тёмной полоской шкурки.

Для кого-то, похоже, походные трудности уже начались.

Прищурившись, Шоуки пошёл на противника, решительно чеканя шаг и всем своим видом демонстрируя уверенность и силу. Чудовище насторожено подняло уши, развернув их к нему и глядя поблёскивающим круглым глазом. Шоуки невозмутимо подошёл к самой морде чудовища, достал из-за спины крупное мочёное яблоко, или что-то на него очень похожее, утащенное из здешнего погреба.

Бархатные губы удивлённо шевельнулись, ноздри втянули воздух. Бросок был резок и внезапен, но Шоуки ждал его, и потому успел убрать пальцы, подвесив взятку в воздухе даром.

Подношение с хрупом исчезло в пасти чудовища, то задумчиво его зажевало, и отвлеклось достаточно, чтобы Шоуки сумел накинуть потник, и взгромоздить седло на спину коня без особых проблем — тот не крутился, не перешагивал опасно, пытаясь оттоптать ноги — стоял и задумчиво хрумкал яблоко.

Быстро затянув подпругу, Шоуки накинул узду на морду твари, та заинтересованно тянулась к его рукам, но он был ловчее.

Выдохнул. Отступил в сторону, разглядывая Маленькое Пятнышко. Маленькое Пятнышко с прищуром разглядывал его, чуть переминаясь с ноги на ногу.

Вокруг шевелились всё активнее — кариты седлали коней, навьючивали небогатую поклажу и важный груз на других, выводили во двор. Действовали шустро — все торопились убраться из этого клоповника.

С большого торгового тракта они свернули третьего дня, и двигались теперь по довольно сомнительным, и более того, стремительно раскисающим дорогам. Местами образовались глубокие колеи, заполненные мутной водой, местами дорога напоминала чавкающую глинистую кашу. Страшно было смотреть, как низкие северные лошадки плетутся сквозь неё, заляпаные жирной глинистой грязью по самое брюхо. Да и собственным лошадям приходилось тщательно отмывать ноги на стоянках.

Снег стремительно рассасывался, уползая в лес, под деревья, ручьёв, речушек и заполненных водой канав попадалось количество невероятное, и всё это куда-то текло и журчало. Матерь-солнце приятно грела кожу своими нежными касаниями, и хоть это радовало, скрашивая путь.

Обстановка в этом краю была, на взгляд Шоуки, спокойная. Да, в воздухе витало напряжение, путники и торговцы опасались передвигаться поодиночке и пользовались услугами наёмников, чужаков в поселениях привечали насторожено, но, в целом, снова возникало ощущение, что люди просто соблюдали дежурные предосторожности при очередном за декаду мятеже.

Он даже Алана об этом спросил, но тот только рассмеялся.

— Ну смотри, — пояснил он тогда, привалившись к тёплому боку невероятно длинной и низкой печи того длинного, но высокого здания, где они разместились на ночь. — Мы сейчас двигаемся через земли с разряженным эфиром. Так безопаснее — по множеству причин, безопаснее для нас, но местные жители лишены возможности защищать себя магией. От бандитов, от дикого зверя, да мало ли от чего! Они здесь всегда немного нервные и на взводе. А тут ещё такие события в центральной долине...

Вот и сейчас — едва отряд выехал с постоялого двора, слуги наглухо закрыли высокие

ворота. Да и сам постоянный двор стоял немного поодаль от деревеньки, во-он крыши виднеются за высокими заборами из дикого камня. Выехали на дорогу, обогнув здоровенную лужу на перекрёстке, и прибавили ходу, держась плотной группой.

Шоуки привычно щупал своим “пристальным взором” пространство вокруг, но ничего кроме оброненной и утопшей в грязи металлической мелочи пока не чуял.

Темп взяли снова хороший, благо, кони спокойно выдерживали полдня с такой нагрузкой, а после дневного отдыха дорогу продолжали на заводных, позволяя поработавшим с утра спокойно чесать следом на недоуздке. Самая счастливая вторая половина дня — когда можно было ехать не на Пятнышке. Заменявший его жеребец тоже был подозрительным, но вёл себя спокойно.

Может — подло усыплял его бдительность, кто знает...

Но вот чего подменить не вышло бы при всём желании — так это задницу, отбитую о седло. Так что поход, кроме прочего, превратился в затяжную тренировку по накачке тела духовной энергией ради исцеления и укрепления. Это давало свои плоды — из всего отряда только Алан и Амарими страдали, сползая с сёдел и несмотря на попытки скрыть постыдную слабость, были заметно стеснены в шаге.

Дорога снова ныряла в овраги, обнажающие тут и там скальное основание, закрутилась мимо массивных валунов, поросших мхом, а иногда даже кривенькими деревцами и кустами. Густой, дикий лес истекал ручьями, но дорога оставалась проходимой — то ли глины в почве становилось поменьше, то ли близость скального основания играла свою роль.

Всё шло своим чередом, очередной овраг со струящейся по дну водой постепенно обрастал каменными склонами, превращаясь в миниатюрное ущелье. В камне появилась прорубленная канава, и дорога проступила из-под слоя холодной воды.

По краю весело журчало, мрачные ели нависали сверху, и Шоуки встрепенулся, тронул Пятнышко пятками, протискиваясь вперёд, к голове отряда. Вредный конь, на удивление помог, куснув за круп плетущегося впереди жеребца, из-за чего тот шарахнулся и взбрыкнул, натянув недоуздок и заставив чуть присесть коня, к седлу которого был подвязан.

На возню начали оборачиваться, и расступаться. Глава отряда тоже обернулся, увидел поданный Шоуки знак и немного замедлился.

— Где? — коротко спросил господин Тайко, чуть склонив голову и почти не разжимая губ.

— Впереди, где накренившаяся ель, — Шоуки пристроился чуть позади него, придерживая вошедшего во вкус и норовящего куснуть что-то ещё Пятнышко за металлические части уздечки. — Справа — десять человек, и два, предположительно, мага. Слева — ещё два десятка. Лучники. Все при клинках.

Глава отряда медленно кивнул. Развернуться в узком овраге-ущелье не представлялось возможным. Во всяком случае — быстро.

Ноори Тайко прищурился, и, заведя руку за спину, начал складывать знаки пальцами, отдавая распоряжения. Потом глянул на Шоуки, и тот кивнул. Ему взглядом указали сторону.

Их приготовления не вызвали серьёзных подозрений, так что над оврагом было тихо, если не считать цоканья копыт по каменистой дороге. До приметной ели оставалось всего ничего, когда Ноори Тайко свистнул громко, аж в ухе зазвенело, и остановил коня, заставив того развернуться поперёк дороги.

Шоуки споро вытряхнул ноги из стремян, открыл клапан седельной сумки, выхватывая

из неё ворох ножей и тонких спиц, бросил новую порцию духовной силы в ноги и оттолкнувшись от крупа недовольно всхрапнувшего Пятнышка вспрыгнул вверх и влево. Охрана отряда его опередила, приземлившись на краю оврага, и он бросился вдогонку за вырвавшейся вперёд пятёркой. Противники вскакивали из своих укрытий, поднимая луки, кто-то, с той стороны, орал приказы. Шоуки отправил стайку спиц в тех лучников, у которых заметил амулеты, сбивая щиты один за другим. Большая часть успела сделать по выстрелу, но кариты легко смели стрелы в сторону, прежде чем врубиться в нестройный ряд явно паникующих северян.

Сбоку полыхнуло ярко-рыжим, огонь хлынул в овраг, но тут же вспучился и был отброшен вперёд и вверх мощной волной духовной силы.

Спицы и ножи метались в воздухе, обозначали щиты и впивались в тела. Луки были отброшены, участники неудавшейся засады схватились за клинки, но четырёхкратный перевес на этой стороне оврага уже ничего не решал.

Они, должно быть, собирались ударить в спину.

Иначе — какой смысл нападать на каритов столь малым числом?

Ничего удивительного в том, что Шоуки первым заметил неладное. Амарими встрепенулся, поняв что тот направляется к голове отряда. Наблюдал. Чуть прищурился прочитав указания, что раздавались знаками, и как только дана была отмашка, резко натянул поводья, поворачивая коня боком и выхватывая клинок. Якобы — защищал драгоценный сундучок, что был навьючен на идущего в поводу коня. На деле — перегородил дорогу жеребцу Алана, прикрыв его собой и вызвав возмущённый взгляд и тихое шипение.

Шотиши и Тарики прикрыли с боков, командир Тайко остался впереди, выхватив своё оружие — все три укороченных, но широких клинка, которые подвесил в воздухе, оставляя руки свободными.

Одновременно с этим две пятёрки каритов ловко ушли вверх, взяв каждая по стороне оврага. Шоуки почесал следом, умудрившись повторить высокий прыжок прямо из седла.

Серебряный, однако.

Непонятные типы из неудавшейся засады спохватились слишком поздно, кто-то заголосил, отдавая приказы, с неба как ниоткуда рухнуло целое море огня, и бесславно отступило под натиском духовной силы командира. На принца только жаром повеяло, да кони заволновались. А ещё затрещал знакомо, заставив чуть дрожать воздух над головой щит. Амарими обернулся, глянув на чем-то даже удивлённого Алана, но спрашивать не стал, завертел головой, высматривая потенциальные опасности. Где-то наверху кричали, слышался звон клинков, но заклинаниями больше не кидались, да и вообще возня быстро стихала и частью удалялась. Кони волновались, перетапывались, сбившись в кучу, но покладисто дожидались хозяев, не пытаясь разбежаться. Некоторые, похоже, были недовольны тем, что их оставили в этом недоущелье, без возможности присоединиться к драке — ржали, воинственно вскидывая головы и били копытами.

Но всё кончилось довольно быстро, только далеко впереди что-то гроыхнуло напоследок.

Не прошло и минуты, как на краю справа показалась пара каритов, волокущих языка — потрёпанного мужика в стёганой броне и вида довольно бандитского. Впрочем, Амарими половина северян с их пышными бородами казались бандитами.

Слева показалась вся группа. Двое были ранены, по виду несерьёзно, за Шоуки зависли

кинжалы и ворох вязальных спиц, которые ужене казались такими глупым приобретением, когда их покрывала кровь.

— Маги ушли, — доложил один из воинов справа. — Избавились от побежавших подчинённых, мы успели прикрыть одного.

— Мы оставили пару раненых. Но говорить они смогут недолго, — заметил карит слева, и покосился на Шоуки, вернувшего ему невозмутимый взгляд.

С них и начали. Амарими не отпустили на допрос, оставив “караулить” ценный сундук, и сопеть в компании собственных телохранителей, да под присмотром ещё пятерых. Алан тоже порывался следом, но его останавливали почти отвесные стены оврага, карабкаться по которым на потеху присутствующим ему не хотелось, должно быть. Но хоть лошадей развернули, пока ждали. Вернуться к перекрёстку и пойти другим маршрутом решили с ходу.

Допрос тех нападавших, что остались наверху, много времени не занял. А после глава отряда со спутниками вернулся, и занялся тем побледневшим типом, которого сволокли вниз, и поставили на колени посреди дороги. Ему пару раз врезали, чтобы он заткнулся, и мужик всё зыркал на помалкивающих каритов, и в особенность на невозмутимо протиравшего спицы от крови Шоуки.

Раскололся мужик быстро, с ходу отвечая на вопросы и перестав юлить при первой же угрозе. И его слова принцу не понравились. Шестёрка, полунаёмник-полубандит, знал он, конечно, немного, но главное, что вынес из его бедного на информацию рассказа Амарими, так это то, что их основной целью был “самый молодой тщедушный узкоглазый из этого отряда”.

Сколько им пообещали, где их наняли и как не назвавшиеся маги с аристократическими замашками убеждали их что хорошего залпа в спины отряда хватит, чтобы вывести из строя большую часть воинов, его не интересовало. Амарими неверяще перекатывал на языке эти два слова — “самый молодой”...

Описание, однозначно указывало на него самого. Другого толкования в принципе быть не могло.

Поймал напряжённый взгляд Алана. Похоже, им нужно было поговорить... Но возможности не представлялось долго. Очень долго.

Бандита, знавшего так мало и так много одновременно, зарубили, оставив валяться посреди дороги, и подгоняя коней, вернулись по своим следам к перекрёстку, который прошли несколько часов назад, и скакали по другому пути почти до самой темноты, то и дело бросая назад, на дорогу печати, заравнивающие следы. Срабатывали они через раз — проклятие вокруг хоть и было слабо, но ни разу не исчезало, а из-за него напитанные духовной силой знаки дестабилизировались и рассасывались без должного эффекта.

Заночевали в лесу, пройдя по руслу мелкой и широкой речки с каменистым дном и едва найдя место, чтобы выбраться на высокий противоположный берег. Уже в сгущающихся сумерках нашли наконец место с совсем слабым проклятием, и старшие кариты принялись обустривать лагерь, ставя защитные барьеры. Кто-то кашеварил, кто-то обхаживал коней, чистя их и проверяя копыта. Алан сам бочком отодвинулся в сторонку, и Амарими насел на него, сощурившись недовольно:

— Ты что-то знаешь?!

— Знаю, — согласился он, поглядывая по сторонам. Не хотел, чтобы их услышали посторонние. — Помнишь тех типов, что мы взяли по пути к парку? Они шли по твою душу. Взять столицу нахрапом не удалось, и, пожалуй, единственное, что могло бы

дестабилизировать ситуацию достаточно, чтобы им помочь хоть в чём-то, это твоя смерть. Нас, должно быть, срисовали, когда мы перебирались через остатки моста, тот южанин указал район поисков, и они развесили сигналку в нескольких местах нашего предполагаемого маршрута.

— И мне не сказали?!

— Не хотели тебя зря тревожить, — будущий Император улыбнулся неловко и немного виновато.

— И морем ты меня отпускать не захотел тоже поэтому? — сощурился Амарими.

— Среди заговорщиков есть несколько хладоморских родов, так что определённая опасность была... Да и погода в этот месяц обычно выдаёт всякие сюрпризы... — неохотно согласился Алан.

— А мне сказать?!

— Мне казалось, шанс, что среди нас окажется филин мизерный. К чему было тебя зря тревожить?

— Филин? — не понял молодой принц.

— Я расскажу тебе эту сказку позже, пообещал Алан, заметив возвращение старших каритов, закончивших с барьером.

Шоуки украдкой сцедил зевоту в кулак, и попытался взбодриться, прогоняя по телу потоки духовной энергии. Получалось у него это уже весьма неплохо, прогресс был значительный... По крайней мере, ему так казалось. Выспрашивать о скорости развития на этой ступени у присутствующих каритов было как-то неловко, такие разговоры полагалось вести с учителем.

Но вот что у него перестало получаться — так это отгонять сон. До того, чтобы полностью обходиться без сна, ему было ещё далеко, а короткие медитации не давали желаемого результата. Следовало выспаться наконец на привале, оба принца уже заклевали намёками на это, но какой тут сон, когда за их отрядом охотятся какие-то непонятные хмыри?!

Шоуки бдел, не решаясь потакать слабости тела, ибо ночами, несмотря на защиту и караулы, отряд был уязвим, да и днём, в целом, уязвим перед хорошей засадой. Тем более, что хорошее место для привала, позволяющее выставить полноценную защиту, попадалось не каждый раз, и приходилось уповать только на караулы. Алан в такие вечера ходил кругами, то ли изображая, что что-то колдует, то действительно что-то колдуя.

Никакого треска, света, и прочих атрибутов северной магии, во всяком случае, видно не было. Хотя это не показатель — Алан объяснял как-то что боевая магия и прикладная сильно отличаются количеством вкладываемого эфира, и как следствие, последняя почти не имеет видимых эффектов

Двигались совсем дикими местами, неудобными полузаброшенными дорогами, избегая жилья, и, то и дело, резко меняя направление, чтобы перейти на другой маршрут, которых было подготовлено не меньше десятка. Такой путь сказывался на всех, Пятнышко и тот стал снулым и раздражительным, оставив свои попытки кусаться и лягаться исподтишка.

Эфирный фон вокруг скакал как проклятый, от почти не существующего, до вот этой “аномалии” через которую они проскочили вчера вечером. До Круглого моря болотистая низина по своей пакостности не дотягивала, но всё равно подарила массу неприятных ощущений. Даже северянина проняла, ехал бледный, кусая губы с таким рвением, что

нижнюю раскровил.

Хорошо прошли по краю, быстро покинув неприятное место. Но вот заболоченная местность не кончилась — деревья измельчали, по краям узкой то ли тропы, то ли дороги всё больше попадалось мха, там и тут опасно блестела вода и запах болота всё усиливался. Но хоть просматривалась местность вокруг достаточно хорошо, и опасаться засады...

Шоуки сморгнул. Прислушался к своим ощущениям, и сонливость сняло как рукой. Он сцепил зубы, чтобы не выругаться в голос, и лягнув коня пятками снова двинулся к голове отряда со всё той же проклятой новостью...

Болота мокли под слоем бодро зеленеющего мха. Редко какое окнище демонстрировало последние льдины — снег в этой местности сошёл быстро под напором тёплого весеннего солнца. Но к огромному счастью Алана, комарами пока даже не пахло.

Потому что только комаров ему на голову и не хватало!

Столько всего свалилось на голову, столько всего! Их — выследили!

Выследили несмотря на всю секретность и целый ворох запасных маршрутов, типичных и нетипичных для таких вот отрядов, их всё равно выследили!

По некоторому размышлению, вывод напрашивался только один — филин тут есть. Может, и не двуногий, может, какой-нибудь амулет. Шоуки не нашёл ничего подозрительного, значит вещь может быть из полудрагоценного камня, или даже дерева. Они, конечно, не настолько эффективны...

А ещё собственная магия никак не хотела даваться в руки. Да, ему удалось создать полноценный щит без костыля в виде амулета, но тонкие чары создавать стало тяжело — напитку, хм, эфиром, он мог теперь обеспечить, но контролировать сложные структуры стало куда тяжелее.

Он и представить не мог, что долгожданная сила эфирной “мышцы” станет для него такой проблемой. Хорошо, приоровился за пару ночёвок развешивать стандартную сигналку, структуры которой не разрывает на куски обилием эфира. А вот с плетением детектора никак не удавалось справиться — очень уж сложная и тонкая схема. Нет, в ауре то он её выплелал, но как только пытался раскинуть по площади и напитать эфиром-не-эфиром, её начинало распирать и корёжить.

И ведь, никаких ошибок в схеме не допускал! Перепроверил всё три раза, вычертив схему на земле веточкой и пересчитав воздействия. Боевого мага из него не получилось, но теорию он знал и в отдельных разделах прикладной разбирался великолепно.

Но в одной из попыток он всё же засёк подозрительный всплеск, прежде чем заклинание развалилось. Увы, это не помогло определить — дело в маячке или в действии мощного дальнобойного отслеживающего артефакта? Последнее казалось бредом... Но да и амулет “вспышки”, помнится, увидеть в руках мятежников он не ожидал.

Или отклик ему и вовсе померещился... Как много вопросов, как мало ответов. И нет ученических записей под рукой, по которым можно было бы свериться, освежить память. Надо было попросить брата принести, да кто ж знал...

Ошибся, или следилка? Или маяк?

Он перебирал варианты, рассеянно скользя взглядом по расстилающемуся слева болоту. Старая дорога, полускрытая ползучими мхами, понемногу забирала направо, к возвышенности покрытой нормальным лесом. От невесёлых мыслей его отвлекло движение сбоку, Алан уставился на Шоуки, сразу заметив холодный блеск в его глазах, и подал лошадь вперёд, поравнявшись с парнем. Тот бросил на него задумчивый взгляд, и сам приблизился, похлопав всхрапнувшего скакуна по шее.

— Слева. Чуть меньше полёта стрелы в сторону большого ледяного островка. Там люди, оружие и доспехи, какие-то странные детали, но я ничего не вижу, — тихо произнёс Шоуки, почти не разжимая губ.

— В болоте? Иллюзия, должно быть, — тихо пробормотал Алан, одёрнув себя, чтобы не

взглянуть в указанном направлении. — Останься здесь. Я сам переговорю.

Шоуки послушался, и Алан тронул коня пятками, подавая его вперёд. Выехал вперёд, поравнявшись через минуту со старшим каритом, бросившим на него пронзительный взгляд.

— Господин Тайко, Шоуки засёк преследователей. — произнёс Алан. — Прошу, не оглядывайтесь. Они идут под чарами невидимости позади нас, слева, топями. С ними довольно сильный маг, раз смог обеспечить подобное прикрытие.

Мужчина хмыкнул. На мгновение прикрыл глаза.

— Почему всё ещё не напали? Ваше мнение.

— Возможно... ведут? К засаде? — предположил Алан неуверенно. — Мне трудно судить не зная их точной численности и... способа передвижения. Есть кое-какие мысли...

— Вы сможете снять это наваждение? — уточнил карит.

— Я могу попытаться. — медленно кивнул Алан. — Но стоит ли избавляться от преимущества?

— Преимущества... — карит чуть качнул головой. — То что мы знаем о них, но не видим, даёт нам куда меньшее преимущество, чем вы себе представляете, уважаемый Ишимари. Предки наградили вас иным Даром, обладающим иными сильными и слабыми сторонами. Кариты хороши в прямой сшибке.

Он придержал коня, направил его в сторону с дороги, на пяточок травы с небольшими деревцами, приткнувшись к ней. Там спрыгнул, да сделал вид, что поправляет подпругу, заодно сделав знак отряду остановиться. Алан, помедлив, тоже слез с седла.

— Открой нам глаза, Ишимари, — спокойно попросил старший карит. — И там мы уже решим, что и как делать.

Алан медленно кивнул, подивившись спокойной уверенности этого человека. Перья филина ему не шли совершенно, так что он решил отбросить эту мысль и действительно попробовать разобраться с чужими чарами. Хотя и сомневался, что у него хватит мастерства подобрать ключик к чарам сокрытия такого масштаба и профессионализма. Хорошо хоть добраться до них сможет. С пробуждением Дара и освоением “внутреннего очага” он мог себе позволить создать длинный “щуп” с хорошей пропускной способностью, и...

Хм. А зачем, собственно, ему искать подход к чужим чарам, когда его дурной силы хватит банально перегрузить их?

Шоуки закусил губу, пытаясь дотянуться подальше своим “пристальным взором”. Даже в груди немного заныло, хотя он и отвыкнуть успел от этого чувства за последнюю неделю. Он уделял внимание именно тому направлению, где почуял неладное, то странное... нечто, на котором передвигались незнакомцы. Противники вернее — ибо не в их ситуации надеяться на какое-нибудь безумное совпадение и недопонимание.

Он терпеливо ждал, и когда Алан с главой отряда остановились и спешили, тоже спрыгнул на землю, и проскользнул ближе к ним между лошадьми, удерживая недовольно всхрапнувшего коня за металлические детали узды Даром.

Алан сосредоточено жмурился, чуть шевеля пальцами. Господин Тайко делал вид, что поправляет седло.

— Они держат дистанцию. То появляются, то отстают слишком далеко для меня. Самое меньшее — десяток, не могу сказать точно, — сообщил Шоуки тихо.

Голова отряда тихо кивнул ему, и указал взглядом на сосредоточенного Алана. Ну, ждать так ждать. Делая вид, что остановка спонтанная, и они ничего не подозревают — а то

преследователи и так ведут себя настороженно и держат куда большую дистанцию.

Шоуки не успел перебрать варианты того, что затевает Алан, как со стороны болота донёлся характерный треск лопнувших чар. В этот раз — очень громкий и частый, напоминающий трескотню праздничных шутих.

Кариты хищно развернулись к источнику звука... И разочарованно замерли, сверля непонятное взглядами. Шоуки, уже примерившийся к самому краешку чужой кольчуги, за которую мог ухватиться, тоже запнулся, увидев наконец преследователей.

По пестреющему окнищами тёмной воды болоту, по колышущимся полотнищам жёлто-рыжего мха двигалась боевая ладья. Не слишком крупная, с высоким вздёрнутым носом, на котором была вырезана голова то ли собаки с выпученными глазами то ли жабы с удлинённой мордой. Потемневшие от времени борта несли на себе вереницы вырезанных свежих рун, а над бортами возвышались грубо сбитые из досок угловатые щиты, закрывавшие пассажиров этого странного судна. Вёсла замерли, в приподнятом положении, обтекая водой и осыпаясь какой-то растительной трухой.

— По сёдлам! — разочарованно велел господин Тайко. — Уплотнить строй! Ты и ты — наблюдение за врагом! Откроются — сначала цепляйте, затем поднимайте тревогу!

И уже тише добавил:

— Шоуки, бди.

Молодой карит кивнул, как и прочие, не спеша, вернулся в седло, да пристроился рядом с хмурым Аланом. Отряд продолжил путь, только на замершую ладью все поглядывали недобро то и дело.

— А... Почему все такие спокойные?! — не выдержав, тихо прошептал будущий Император, опасно наклонившись в седле, чтобы оказаться ближе.

— Они прячутся за щитами без единого гвоздя, торчащего наружу, — пояснил Шоуки спокойно. — И детали этой лодки тоже все закрыты дерюгой или просто находятся внутри. Ухватиться — не за что, для воздействия, непосредственно на дерево чересчур далеко. Вот если кто неосторожный высунет хоть краешек своего оружия или брони за щиты...

Нет, он может навести шороху в ладье, стоит той подойти хоть чуточку ближе. Но командир не давал такого приказа. И правда — глупо показывать такой козырь противнику, который имеет все шансы уйти живым с этим знанием.

Ладья скользила по болоту как по воде, гоня перед собой мутный бурун странно подрагивающей воды. Шла она на вёслах, ловко огибая низенькие кривенькие деревца, не делая разницы между окнищами с водой, торфяными плавнями, и вполне себе прочными участками суши. И следа она не оставляла почти, лишь местами вороша растительность, живую да перегнившую по краям окнищ. Редкую траву на островах только приминала. И держались преследователи на хорошем расстоянии, не торопясь нагонять или хоть как-то иначе проявлять агрессию. Передвигаться с таким сопровождением было нервно, но...

И кариты ничего не могли сделать типам в ладье, и оттуда кидаться что стрелами что какими-то чарами было практически бесполезно. Опасно даже — можно было легко подставиться под Дар.

— Хм, логично, — вздохнул Алан. — Они точно одни?

— Если замечу ещё кого-то — обязательно скажу, — пообещал Шоуки. — А что?

— Хладоморцы редко боевые ладьи по одной пускают, — поморщившись, пояснил Алан. — Наверное, пришли с реки Ягвы, в неё отсюда пара проток уходит. Хотя могли и по суше перескочить волоком, для них это плёвое дело.

— Чары помогают лодке идти по земле? — спросил подъехавший ближе Амарими.

— Да, создают водяную подушку под днищем. Далеко вглубь суши на такой не уйдёшь — вода быстро расходуется, но вот так, по болоту, или по дельте, между протоков перескакивать — самое оно.

— И невидимость тоже за счёт рун на борту держится? — спросил Шоуки задумчиво, в очередной раз оглянувшись задумчиво на преследователей.

— Вот невидимость, как раз снаружи, совсем свежие руны вырезаны, поддерживающие водяную подушку чары вшиты именно что в саму... как там эта балка посередине называется, киль?

Жаль. Кинуть к лодочке ножик, да пошкрябать им по письменам было заманчивой мыслью. Да только толку, если вывешивать обратно чары они и так не торопятся. Кстати, почему ждали? Впечатлило, что их защиту так шустро взломали?

Старая дорога поворачивала, вдаваясь чуть дальше в ползучее болото, прежде чем изогнуться и повернуть наконец к суше. Ноори Тайко отдавал распоряжения, вполне обоснованно полагая, что впереди, на выезде к более твёрдой земле их может ждать засада. Шоуки начал обласкивать своим вниманием не только болото слева, но и справа, и впереди дорогу не забывал, напрягался, пытаясь дотянуться дальше, всё сужая область своего внимания, ибо это, на удивление, сокращало расходы духовной энергии на неё, и, в конце концов, засёк!

— А... Ишимари, кажется, ещё одна ладья. Впереди и слева, примерно между той большой водой и теми сосёнками! — прошипел он возбуждённо, аж приподнимаясь в стремени. Но разглядеть ничего не удалось — морок, похоже, скрадывал и те малые следы, что оставляла за собой ладья.

— Сейчас попробую... — кивнул Алан, прикрывая глаза. Морщился — явно не нравилось колдовать прямо из седла, но в этот раз он справился куда быстрее. Снова треск, мутно подёрнулся воздух в подозрительном месте, открывая вторую ладью, колыхнулся, остатки чар напозли на ещё одну невидимую посудину, заставляя морок вокруг неё так же исказиться, пока тот не лопнул.

Эта пара вырвалась вперёд отряда, и судя по всему шла довольно бодро, когда её раскрыли. Более того, ходу не сбавила, а, кажется, даже прибавила — вёсла так и мелькали, где молотя по воде, а где отталкиваясь от жёсткого.

Шоуки это не понравилось, как не понравились и железные кольца, что различил его дар, так что он подцепил-таки закрывавший борта щит за гвозди и отогнул в сторону, почти сорвав с креплений. Совсем сорвать — силы не хватило, но это было уже и не нужно — на новых противников смотрели почти все. Так что, стоило появиться проёму, как кто-то подхватил Даром тяжёлый боевой топор, кто-то — его вскрикнувшего хозяина. Рыжий детина воспарил над ладьёй матерясь и ругаясь, но быстро заткнулся, когда им, аки мешком с камнями прошли по борту судна, сшибая деревянные щиты. Замах и удар вышли даже слишком хороши — разломив деревянные щиты, у самого вздёрнутого носа ладьи кольчуга на притихшем мужике лопнула, и его тело безропотно ухнуло в болото. А на открытой теперь всем взорам ладье началась бойня. Пара сноровистых мужиков догадалась перескочить через дальний борт, то ли укрывшись за ним, то ли утопнув в болоте, остальных либо забили их же оружием, либо утопили. Последними выволокли из ладьи и ухнули в воду две длинные то ли пищали, то ли бомбарды, деревянные, но часто перекрытые стальными кольцами, опять же, с рунами, нанесёнными на них.

Вторая ладья прибавила ходу — вёсла замелькали ещё чаще, но вот она, увы, и так была слишком далеко и для Шоуки, и для порядком взопревших каритов отряда. И стремительно шла на опережение, к холмам покрытым лесом впереди.

Ноори Тайко отдал распоряжение прибавить ходу, и отряд начал ускоряться, понемногу растягиваясь на узкой дороге.

Никому не хотелось дать время рыжеголовым уйти далеко вперёд и установить свои орудия с удобным видом на дорогу. И вообще гадать, сколько там ещё лодок-переростков скрыто под чарами, и на сколько из них есть орудия, способные доставить ворох проблем даже каритам третьей ступени.

Дорога становилась чуть суше и шире, начали проступать из под слежавшейся грязи и жухлой травы каменные плиты, так что кони набрали неплохую скорость. Рвавщуюся вперёд ладью нагоняли, и нагоняли бодро, так что в какой-то момент, вёсла с одного из бортов ухнули вниз, оставляя борозду и разворачивая судно носом к дороге. Упали пристроенные по бокам от высокого носа деревянные щиты, и тут же грохнуло, плюнув дымом. Прицел был так себе, одно из каменных ядрышек просвистело перед отрядом, второе сбили столь мощным выбросом духовной силы, что он не только отклонил камень, но и полукругом сорвал дёрн и мох, пустил по воде круги.

Сколько времени у них уходит на перезарядку?!

Оказалось — достаточно много. По крайней мере, прежде чем они вылетели к подножию холма, выстрелить успели всего трижды. Из шести залпов три ушло совсем мимо, два картечных не застали каритов врасплох, а потому были легко отброшены, и одно каменное ядро врезалось в камень дороги и осколками посекло ноги коням. Несерьёзно, животные вскрикивали зло и разгорячённо, и ходу не сбавили.

Пронеслись к первым деревьям, углубляясь в лес, коим поросли холмы. Ненормальная лодка выскочила на дорогу и покатила прямо по ней, готовясь ударить в спину отряду, но старшие кариты повыхватывали клинки и активно срубали тонкие деревца и толтые ветви, заваливая дорогу позади. В них вёсельное недоразумение и завязло, пальнув в след совсем уж наугад и мимо.

Остановились сильно после того, как углубились в холмы. Привал делать не стали, до вечера можно было и поголодать — с преследователями-то на хвосте. Хладоморцам ничего не стоило вернуться в реку на той стороне болота и уже по ней вырваться вперёд, так что стоило добраться до переправы как можно скорее. Осмотрели заработавших мелкие царапины лошадей, переседлали заводных, и снова тронулись в путь. Шли ходко и молча, Шоуки выбился вперёд, вычувывая засаду, но таковой не обнаружилось. Брод с перекатами, полноводный по весеннему времени, взяли с нахрапу, сильно вымокнув второпях. Следы на берегах зачистили, и торопливо ушли в лесную чащу по старой дороге. Несколько раз сворачивали на перекрёстках, и только по тёмному времени, вымотанные и замёрзшие начали обустривать стоянку на какой-то проплешине, скрытой от дороги холмами и лесом. Выходить на неё и вовсе пришлось по узкой тропке растянувшись цепочкой. Шоуки только и гадал, знал ли господин Тайко о этой поляне, или повёл отряд наугад — лишь бы с дороги?

Едва немного обустроились, да обходили усталых лошадей, Алан сманил Шоуки в сторону, и напряжённо зашептал, мрачно поглядывая в сторону укопанного в землю костерка:

— Как ты отличаешь магические амулеты от тех цацек, что у вас принято таскать на поясах?!

— По форме, в основном. Эфира в них я не чую, да и материалы часто совпадают. И там и там пользуют небесный металл и бронзу, и некоторые другие сплавы.

— То есть, если выполнить амулет в виде поясной подвески... — ещё больше напрягся северянин.

— То я разницы не замечу, — мрачно подтвердил Шоуки, сообразив к чему клонит Алан.

— Это была прекрасная идея! — Амарими вдохнул полной грудью бьющий в лицо тёплый ветер. Он гулял над зеленеющими пастбищами, заплатками полей с активно пробивающимися озимыми, и нёс терпкий запах первых весенних цветов. Природа пробуждалась невероятно быстро, да и матушка-солнце, честно сказать, могла бы быть и помягче — спина начинала преть под тёплой накидкой. Подмывало её снять, но да опять простыть на ветру не было никакого желания.

Да и мысли гуляли... такие себе.

— Раз ты так говоришь, значит идея точно была ужасна во всех отношениях, — проворчал Шоуки, глянув сперва на молодого принца, затем на ухмыльнувшегося Алана.

— Несомненно. Рискованно, необдуманно, безрассудно, а главное — внезапно и незапланированно! — согласился тот. — То что надо в нашей ситуации и за что нам несомненно попытаются поотрывать головы. Ну или затравить чтением нотаций.

Шоуки мрачно хмыкнул. Кому из их тройки оторвут голову, а кто отделается нотациями было и так ясно, но переспорить принцев он был не в силах, как и бросить их на произвол судьбы. И плевать, что один из них — долгожданный будущий Император!

В бездну, к демонам, куда Предки не заглядывают!

Третьего дня, после пересечения брода, Алан опять поколдовал что-то и, утащив его с Амарими в сторону, напряжённо поведал, что снова поймал испускаемые “маячком” сигналы. По его предположениям, это был амулет с неким “накопителем”, дохнувшим в небогатой на эфир местности, но потом снова впитывающий эфир, когда фон повышается, и после испускающий особенное плетение-сигнал через рваные промежутками времени. В какой-то момент северянин перешёл на какую-то сложную, непереводимую терминологию, и пришлось его осаживать, и просить либо рассказать попроще, либо объяснить, как с этим бороться. Увы, найти зловредную штуку у будущего императора не вышло — он ещё не мог управляться со своей магией настолько тонко, хотя кое-какой прогресс и был в последние дни. И хуже того, штука была либо костяная, либо стилизованная под традиционный оберег или поясное украшение. На резонное предложение Шоуки оповестить Ноори Тайко и велеть всем сдать подвески для досмотра или уничтожения оба принца зафыркали и покачали головами.

Аргумент у них был, что сработает это только если штуку подбросили, или подменили. Если же с отрядом едет предатель, то он “маячок” либо не сдаст, либо прикинется, что не при делах, и какую гадость устроит после — неизвестно. И нет ли у него запасных... хм, средств отслеживания. Не обыскивать же всех, раздевая до исподнего?

С точки зрения Шоуки — почему бы и нет, когда на кону стоят жизни понятно кого. Пару минут позора ради благого дела переживут все, неженок в отряде нет. Но этой спевшейся парочке больше по душе пришёлся вариант по-тихому свалить от отряда и продолжить путь самостоятельно.

Тихие, но очень экспрессивные возражения Шоуки успеха не возымели, на него вывалили кучу сомнительных аргументов, хоть сколько-то адекватным из которых был только один — маленький отряд на узком перешейке и подходах к нему заметить будет труднее, чем большой.

Ибо противник знает, что они двигаются туда, и наверняка примет меры. Тем более, у

него на подхвате хладоморцы, которые наверняка будут бодро курсировать по обе стороны перешейка, опрашивать немногочисленных местных, и разбрасывать всякие неприятные магические гадости там, где это возможно.

Определённо, аргумент, но разве же с этими самыми отрядами не легче будет разбираться в пятнадцать рыл, ну, может в четырнадцать, если с ними таки едет предатель и шпион?!

Оба отмахнулись, что их троих просто не заметят! А если что — кони вынесут.

Тут Шоуки охватило искреннее негодование, он призывал в свидетели Предков, Матерь-солнце и Отца-громовержца, грозился, что снимет с себя всякую ответственность за целостность их высокородных, но прискорбно пустых голов. Но делал это максимально тихо и стараясь сдерживать порывы к сопровождению речи бурной жестикуляцией, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Оба принца слушали его молча, глядя с таким снисходительно-сочувствующим выражением, что Шоуки только и оставалось, что сдуться, и мрачно согласиться на эту авантюру. Как бы извиняясь, Амарими пообещал оставить господину Тайко записку, чтобы тот не переживал и организовал какие-нибудь отвлекающие манёвры. Уж он-то точно не предатель!

Хотелось побиться головой о камень. Очень. Но пришлось тихо готовиться к очередному в его недолгой карьере “побегу” от своих же.

И подмешивать в чай непонятную траву, добытую Аланом. Тот заверял, что это не яд и не сильное снотворное, а потому просто расслабит и поможет заснуть покрепче и поскорее. Так что Шоуки изображал бдящего караульного в свою смену, пока остальные подрёмывали, и подавал сигналы подельникам, тихо седлающим лошадей, если начиналось какое-то шевеление среди прочих каритов.

Прошло на удивление гладко, хотя и заняло порядком времени. Коллеги зевали, встряхивались, пытались избавиться от навязчивой сонливости, вставали, проходясь вокруг заглубленного костра, чтобы разогнать кровь. А там его сменили, и Шоуки ушёл к своему лежаку, обождал, делая вид, что спит, потом тихонько поднялся и подхватив мешок прокрался к условленному месту, куда эта парочка увела лошадей.

Естественно, они оседлали Пятнышко!

Надо было наверное, предупредить их...

— А Шотиши и Тарики? — попенял принцу Шоуки. — Неужели ты им не доверяешь? С ними срываться “в бега” было бы куда безопаснее.

— Доверяю конечно! — захлопал глазами Амарими. — Как я могу не доверять своим телохранителям? Просто впятером было бы сложнее уходить. Да и про депеши не стоит забывать — ценному грузу всё ещё нужно достойное охранение.

А Императору охранение не нужно, что ли?!

Шоуки медленно выдохнул, сдерживая праведное возмущение.

Радовало только то, что меры они приняли, чтобы сбить со следа и своих, и вероятно, чужих. И плугали по чаще, убирая следы что Даром, что магией, и банально пустили лошадей по руслу неглубокого ручья, и тщательно пересмотрели сбрую и вещи в поисках вероломно подкинутых маячков, или ещё чего подозрительного. Не нашли ничего, кроме усохшего и слегка заплесневевшего куска хлеба в одной из седельных сумок. И потом долго отсыпались, ибо улепётывание и заметание следов заняло всю ночь. Шоуки караулил в первую смену, подозрительно косясь на лошадей, оставленных совсем рядом, но те спали,

свесив головы, тоже замотанные переходом по ночному лесу только под свет крохотного волшебного огонька.

И что-то его дёрнуло позволить парочке поспать подольше, так что караулил он далеко за полночь, прежде чем разбудить сменщика. И теперь сильно жалел о том, что поддался этому порыву душевной доброты, глядя насколько оба принца бодры, веселы и довольны собой.

— Ладно, допустим. А если на остальной отряд теперь нападут невидимки с пушками, а меня там нет, чтобы предупредить о засаде? — проворчал Шоуки, испытывая навязчивое желание зевнуть. Но слабость показывать было нельзя! И так им вертят как хотят...

— Если среди них предатель — то какое нападение? — невозмутимо отозвался Алан. — Если нет, то невидимки, скорее всего, обнаружат отсутствие цели и не станут связываться с отрядом. Зачем рисковать зря? Не думаю, что наши преследователи располагают такими большими ресурсами, чтобы идти на лишний риск.

Не думает он. Шоуки тихонько вздохнул, и обвёл рассеянным взглядом просторы. Ну хоть свежая молодая зелень, покрывающая пашню откровенно радовала взгляд. И наводила на мысли.

— Хорошо, хорошо, о, отмеченные Предками гении военной стратегии! — молодой карит воздел руки в наигранном молитвенном жесте. — Явите в таком случае мне, недостойному, скорбному разумом простаку оторванному от сохи, от чего вы набили мешки овсом и рисом, не взяв при этом ни специй, ни вяленого мяса, ни сушёных кореньев, ни хотя бы котелка, где тот рис варить?

Принцы нахмурились, а потом растерянно переглянулись. Между ними произошла какая-то странная жестикуляция, после которой Алан вздохнул, и не очень уверенно выдал:

— Торопились, не хотели шуметь лишний раз, брали только самое необходимое?

— Ещё и корми вас теперь... — заключил Шоуки, хмыкнув.

На удивление, Алан оказался более стойким к подножному корму, чем Амарими. Шоуки ожидал обратного — в конце концов, Амарими проходил ту же подготовку в лагере за помещьем, что и остальные молодые кариты, и там походной жизни отводилось достаточно времени. Алан же жил в столице своего королевства, выбираясь за её пределы только в охотничьи угодья и по гостям что в северном краю, что, однажды, в южном. Однако же он спокойно жевал что мясо, что рыбу, жаренную на углях без соли и специй, да закусывал корневищами приметной болотной травы. Амарими же быстро начал сперва вздыхать, потом откровенно ныть, потеряв всякий аппетит. А ещё так тоскливо вздыхал, когда Шоуки возвращался, добыв очередного зайца. Этих тощеватых по весне ушастиков попадалось достаточно — только успевай нож выхватить, да поддать пятками бока Пятнышка — чудовище тут же срывалось вслед за улепётывающей добычей что по полю, что сквозь кусты. Это и пугало до одури, и было, в то же время, довольно удобно — за мелкой подвижной целью ножом угнаться было труднее, чем могло показаться, а кидать так, без Дара, Шоуки даже не решался. Невольно вспоминалось, как учитель тренировался с подвижными мишенями на Копейном дворе.

Надо будет самому заняться чем-то подобным по возвращении.

Так что, через пару дней продвижения по лесам и полям, было решено таки “выйти к людям” для покупки всего необходимого для готовки в полевых условиях.

— Самое интересное — деньги то у вас есть? — после принятия этого решения уточнил

Шоуки.

— Есть! — Алан кивнул, и покопавшись за пазухой, достал какую-то... тонкую квадратную книжицу из выделанной кожи?

— Эм... — неуверенно потянул Шоуки.

— Ты что, местных денег не видел? — Амарими улыбнулся вдруг лукаво. Шоуки неуверенно покачал головой. И правда не видел совсем. Как-то не до покупок было, вот Шотиши по лавкам иногда бегал, да...

А будущий император открыл книжицу-не книжицу и вытащил из неё несколько исписанных листков вроде бумажных амулетов или печатей. Шоуки недоумённо сморгнул, просительно протянул руку и, получив дозволительный кивок, взял бумажку. Покрутил в руках, пытаясь прочитать надписи.

— Каз-на-чей-ский... бе... би-лет...эк... эк-ви-ви-ле... Три... Трём червонцам... — читал Шоуки и так не очень на языке северян, а уж витиеватый шрифт и вовсе заставлял глаза болеть. Ещё пара мгновений потребовалась на осмысление прочитанного. — То есть... Вместо золота вы используете просто бумажки?!

— Не просто бумажки! — усмехнулся Алан. — Казначейские билеты отпечатаны на особой бумаге, в которую вплетены в специальном порядке особым образом реагирующие на специфические чары волокна! Да и краска так же непростая, так что подделать их очень нелегко. К тому же, специальная комиссия занимается выявлением подделок и поимкой фальшивомонетчиков! А наказание за такое — пожизненная каторга. Нет, серебряные и медные монеты тоже в ходу, но вместо крупных сумм используются вот такие вот билеты разного достоинства. И это банально удобнее чем таскать с собой мешок золота. Его, кстати, полностью вывели из обращения и передали на обеспечение эмиссии в казначейство...

— И что, все... Вот прям все пользуются вот этими бумажками вместо золота?! — у Шоуки такое в голове не укладывалось. — Как это провернули? Люди просто расстались с деньгами ради этого?

Помахал бумажкой. Его праведное возмущение парочку не проняло. Амарими и вовсе снисходительно улыбнулся.

— Вспомни местные обычаи. Жёлтый цвет — цвет смерти. У нас тоже есть поговорка, что каждая монета умыта кровью, кстати.

— Это было не так уж трудно, — кивнул Алан. — Мой дед весьма грамотно провёл денежную реформу, не единомоментно, в течение нескольких лет, и с предоставлением определенных преференций... долго рассказывать. Сейчас, кстати, старинные золотые монеты тоже можно обменять, но уже по цене золотого сплава.

Алан забрал бумажку, и упрятал в свой странный кошель.

— Так что средств у нас хватит на всякие мелкие расходы. Даже коня купить... — Алан задумался на мгновение, но продолжив, разбил затрепетавшие было надежды молодого карита: — Хотя, к чему нам северные мохноножки? За южными красавцами они не угонятся...

И перевёл почти что влюблённый взгляд на маленький табун из шести жеребцов, коварно выползший из рощи на пашню поживиться свежей зеленью. Пришлось идти загонять обратно под прикрытия деревьев, чтобы оседлать, и двинуться дальше, свернув на разбитый, грязный просёлок. Привёл он к довольно крупной деревне, даже с парой каменных домов и трактиром. Шоуки не особо нравилось принятое решение, но обзавестись хотя бы солью и котелком было действительно нужно, а то, что они засветятся здесь... Поди

разбери, какой именно дорогой пошли после очередного перекрёстка? И не свернули ли в поля, в конце концов. Вот что что, а карта у них была хорошая, очень подробная, со множеством ориентиров — можно было двигаться и вовсе без дорог, лишь бы кони прошли.

Деревня смотрелась несколько поспокойнее тех, которые они уже видели. Вместо высокого частокола — плетень, тоже высокий, конечно, но призванный скорее защищать огороды от выгнанной на пастбища скотины. И к дороге она почти жалась — символические ворота располагались по одну сторону дороги, а трактир со своими хозяйственными постройками — по другую. Несмотря на это, когда они сторговались с сонным трактирщиком за припасы и овёс для лошадей, деревенский забор был увешан чумазой любопытной малышнёй, а у “ворот” паслось несколько мужиков, упорно делавших вид, что они заняты делом. Да не удивительно — чужаки, да ещё южане на здоровенных лошадях просто не могли не привлечь внимание. Когда они отъезжали, любопытные взгляды так сверлили спины, что хотелось оглянуться, но троица держалась.

— Может, стоит вернуться лесом к той рощице, в которой мы ночевали, и пойти другой дорогой? — предложил Шоуки. — Сдаётся мне, через пол дня все окрестные деревни будут знать какие чужаки тут появлялись, и куда поехали.

— Можно, но потеряем время, — засомневался Алан.

— Лучше нам потерять немного времени, чем оставлять такой след! — не согласился с ним Амарими. И руками всплеснул. — Нет, ну вы видели, как они на нас смотрели? Будто на козла-канатаходца из бродячего цирка... А раньше...

— А раньше нас был большой хорошо вооружённый отряд, и высовывать свой нос лишний раз местным было боязно, — хмыкнул Шоуки. — Во-он там можно свернуть. Ветки только отгибаем аккуратно.

Пришлось спешиться и долго вести лошадей в поводу — выбранная тропка была совсем уж узкой, а лес только густел, низко нависающие ветви заставили бы нагибаться слишком уж часто. Да и Амарими так мечтательно поглядывал на котелок и сумки, притороченные к седлу пятнышка, что следовало скорее сделать привал и хотя бы перекусить добытыми пирогами. Вчерашними, с капустой, но да выглядели они неплохо, лишь бы не помялись.

Так сделали хорошую петлю, и остановились на полянке ввиду давешнего поля. Из под густых лап ельника просматривалась зелень полей и та самая дорога. Ветер приносил оттуда тепло, хотя под сводами леса было сыро и прохладно. Подвесили лошадям торбы с овсом да сами расхватили пироги, устроившись на стволе поваленного дерева, уже облешшего от коры и местами поросшего какими-то поганками.

— А ничего так! — заметил Алан. — Свежие наверно совсем хороши были.

На вкус Шоуки было пресновато, но по сравнению с жёстким мясом без соли вполне себе. Амарими вроде тоже не был разочарован. Ну ничего, на ужин можно будет сварить риса, порадовать несчастного принца нормальной едой.

Так и лакомились, отмахиваясь от ранних комаров, когда ветерок донёс издалека перестук копыт и бряцание сбруи. Шоуки торопливо проглотил остатки своего куска, и осторожно приблизился к границе леса, скрываясь за низкими ветвями. Чуть погода рядом нарисовались оба настороженных принца. Шоуки сделал им знак не высовываться, ибо вдалеке пронёсся по дороге отряд каритов. Было далековато, но Шоуки был уверен, что брошенные коллеги, скачущие в сторону той деревни, выглядели ну очень злыми.

— Надо же, почти нагнали! — нервно хохотнул Амарими.

— Может, стоит вернуться ещё немного назад? — предложил Шоуки задумчиво. —

Можно даже к тому леску, где мы с ними расстались. И уже оттуда двинуться... Какой-нибудь очень другой дорогой!

— Ну, похоже, пора произнести заветное слово! — легкомысленно заявил Алан, и, аккуратно сложив карту, спрятал её в непромокаемый чехол.

— Это какое? — заинтересовался Амарими, отгоняя сорванной на обочине хворостинкой очередного алчного комара.

— Мы заблудились, — сухо пояснил Шоуки.

— И что теперь?

— Просто едем вперёд до тех пор, пока не наткнёмся на какой-то ориентир.

— Мы сейчас двигаемся на юг, — прикинул Алан. — Если выйдем к реке, значит нас занесло в Леасский кантон. Если упрёмся в предгорья, значит мы куда севернее, чем мне казалось, в Зеленокряжье. Если выйдем к обжитым местам, значит умудрились сделать круг и вернулись туда, откуда начали.

— Ну, наверное, это не так плохо? — предположил Амарими. — Если мы сами себя найти не можем, что уж говорить о врагах? Да и о союзниках тоже...

— Как хорошо, что мы купили много соли в той деревеньке. Надолго хватит, — продолжил язвить Шоуки. Не радовала его ситуация, места незнакомые — мало ли куда они могут вот так вот забрести. Благословенные Земли не изобиловали опасными местами — охотничьи угодья за рекой, несколько проклятых мест в горах, окрестности горы Аят... Такие места можно было пересчитать по пальцам, и занимали они достаточно обширные области, а здесь всякая дрянь была рассыпана будто просо по полу, если судить по карте, конечно. По заверениям Алана, ничем кроме нестабильного, либо слишком высокого, либо слишком низкого фона эти места не грозили, оставив опасности на откуп естественным причинам вроде дикого зверья или болотных топей.

Но всё равно было беспокойно.

— Расслабься! — посоветовал Алан. — Ничего ужасного не произошло, мы просто потеряем пару дней времени. Ну, может, ещё пару кружек крови — откуда здесь столько комаров?

— Может, мы возвращаемся к болоту? — с сомнением огляделся по сторонам Амарими. — Хотя лес его обступал совсем другой. И воздух здесь посвежее.

— Не наговаривай. Торфяные болота не так уж и воняют, особенно если сравнивать с некоторыми топиями...

Шоуки слушал как принцы препирались по поводу болотного запаха, и чувствовал настойчивое желание помедитировать. Привести внутреннее в равновесие со внешним, притупить остроту некоторых чувств, повысить концентрацию на текущем моменте и преисполнится спокойствия...

Через пару часов вроде бы наезженная дорога, которой они так неосмотрительно доверились, окончательно превратилась в узкую, петляющую по лесу тропу. Тут и там ещё угадывались колеи от тележных колёс, но всё чаще они скрывались под молодой травой, кочками папоротников, раскинувших коричневые прошлогодние лапы, да молоденькими деревцами с набухающими почками. Ещё через что-то около часа небо окончательно затянуло тучами и начал накрапывать дождь, разогнавший настырное комарьё. Радость длилась недолго, да, кусать их перестали, но дождь и не думал утихать, и, кажется, только усиливался, делая жизнь всё менее и менее комфортной. Уже подумали остановиться и

попробовать спрятаться под деревьями, когда очередной поворот тропы вывел их к прогалине, за которой виднелся характерный частокол и крыши домов. Порядком заросшие молодыми деревцами и травой крыши, да и частокол выглядел расшатанным и ненадёжным. Остановили коней невольно. Переглянулись.

— Зброшенная, наверно. Ну хоть дождь переждём... — задумчиво пробормотал Алан.

— И часто у вас брошенные деревни попадают? — уточнит Амарими.

— Случается. От всякого зависит. Может, тут больше пушниной промышляли да лесными целебными травами. Зверь ушёл, и промысел усох.

— Или опять углежоги, — передёрнул плечами Шоуки.

— Вряд ли. Слишком далеко от сколько-нибудь крупных городов. А уголь — не тот товар, который выгодно тащить за тридевять земель, — покачал головой Алан, и тронул коня вперёд.

Ворота были распахнуты, одна створка покосилась. Дома выглядели плохо, крыши из дранки и соломы замшели и начали зарастать всем чем только можно, низкие заборчики покосились, огороды и сады заросли. У пары зданий крыши и вовсе успели провалиться. Да и деревенька была маленькая — десятка два домов с надворными постройками.

Дождь только усиливался, так что осмотром домов не увлекались — убедились, что внутри нет ничего мало-мальски ценного, и деревню покидали вдумчиво, забирая всё вплоть до мебели, и спрятались от непогоды в довольно неплохо сохранившейся конюшне. В домах было темно, низко и пахло брошенностью и мышами. Неприятно, в общем. А в конюшне можно было распахнуть двойные двери, запуская внутрь и свет, и пахнувший дождём воздух. Кони пофыркивали, задумчиво топчась в углу, в который их загнали, парни стянули намокшие плащи да развесили на перегородках, сушиться.

Дождь не утихал. Зарядило, похоже, надолго, так что решили пообедать, раз уж такое дело.

Готовку по заведённой уже традиции взял на себя Шоуки, с удовольствием променяв на неё возню с лошадьми. Да и, по правде сказать, готовил он лучше, чем эти двое вместе взятые.

У самого входа, куда почти долетали брызги с навеса развёл костерок из старых досок, выломанных из перегородки да пучка слежавшейся соломы. Полыхнуло хорошо, дым устремился сквозь щели в потолке на полупустой сеновал. Покосился вверх, но, вроде, потолок был достаточно высок и можно было не опасаться что искры утянет туда и подпалит всё к демонам. Вылил остатки воды в котелок, подвесил его над огнём, да заметил, что парни притихли и увлечённо пялятся на одну из балок под потолком. Подошёл. Тоже уставился на пучёк каких-то травок повешенный на гвоздик. Усохший и ломкий пучёк.

— Это что?

— Примета. От злых духов, — пояснил Алан. — Они здесь везде!

— Кажется, в том доме я тоже пару видел... — пробормотал Амарими. — Пойти проверить, что ли?

— Сходи, — согласился Шоуки. — Заодно поищешь, где воды набрать. На колодцы вряд ли можно рассчитывать, но мало ли...

В итоге мстительно выгнать молодого принца под усиливающийся ливень так и не получилось, лошади отлично напились из натёкшей перед воротами лужи, а котелок сполоснули под стекающей со стыка крыши и навеса водой. По некоторому размышлению, этой же воды набрали заварить чай из сомнительной подзаборной травки. Алан уверял, что

травка пригодна в заварку, во всяком случае.

Отвар получился так себе, ну хотя бы горячий. Вполне подойдёт потягивать, слушая шум непрекращающегося ливня, и глядя на то, как разрастается и бурлит лужа во дворе их укрытия.

Шоуки так и задремал, привалившись спиной к перегородке, и проснулся только под шкрябанье, с которым Амарими вырезал на стенах конюшни защитные печати для построения периметра. Дождь всё так же лил. Воздух был сыр невероятно, и на деревню опускались сумерки.

Потом они подгрестили угли подальше от входа, опасаясь наступления лужи, натаскали старого сена с сеновала, чтобы устроить себе лежаки. Шоуки убедился, что периметр поставлен, Пятнышко загнан в стойло и обезврежен, и завалился отсыпаться за все предыдущие недели. В конце концов, даже м'кари по такой погоде не охотятся, люди и подавно будут искать укрытие, а не выслеживать шибутных принцев.

Так что отрубился он с чувством выполненного долга, быстро, и крепко заснув.

Увы, помогло это не очень — пришли мутные сновидения, тяжёлые и настырные, полные невнятных, тревожных образов. Вывернуться из них не получалось, Шоуки соскальзывал всё глубже в эту муть, будто его утягивали туда холодные, липкие пальцы...

Неладное Алан почувствовал задрёмывая под убаюкивающей шелест дождя по лужам и крыше. Где-то в углу мерно капало — старая крыша не выдержала такого ливня и дала наконец слабину. Кони глухо переступали с ноги на ногу по утопанному полу стойл, остатки костра уже даже не потрескивали, укрывшись серым пеплом. Слабый красноватый свет углей почти иссяк, погружая конюшню в темноту. Из прикрытых дверей тянуло холодным, сырым воздухом, и парни спали, сжавшись под просохшими плащами.

А ещё снаружи было светло, яркая луна бросала глубокие синие тени, и свет просачивался в щель между неплотно закрытыми створками, медленно ползя по полу...

Какая к чёрту луна во время такого ливня?!

Он вскинулся... Ну во всяком случае попытался вскинуться — тело вроде как напряглось, плечо даже дёрнулось, веки удалось открыть чуть пошире, но взгляд сфокусировать он не смог и всё перед глазами поплыло, вызывая головокружение и желание зажмуриться. Но он сумел подавить панику, и замер, пытаясь сообразить, что происходит, и следя за расплывающимся светом. Свечением... Оно плыло в воздухе всё же, кажется, а не ползло по полу. Изгибалось, обзаводясь отростками. Алан попробовал шевельнуть пальцами, но слабость в мышцах просто парализовала. Или то, что казалось слабостью в мышцах. Это не яд, это некое воздействие, вероятно, на ауру, вот в ауру он и попробовал взглядеться, чувствуя, как тяжело бухает сердце и “внутренний очаг” разгорается, готовясь предоставить бурлящую в нём мощь для любого потребного действия. Почти сразу на фоне его тепла почувствовал что-то, что смутно напоминало холодные липкие крючья, и начал наполнять ауру мелкими плетениями, имитирующими этой самой ауры параметры. Наполнить их эфиром, подтолкнуть к крючьям — стандартная тактика борьбы с паразитами! И сработала она отменно, хотя Алан и близко не представлял, откуда здесь могло взяться столько этой дряни.

Едва почувствовав, как паразиты переключаются на приманку, и их воздействие на ауру слабеет, Алан накрылся щитом, плотным и аж гудящим от мощи, сжался под ним, восстанавливая дыхание и кровоток в мышцах. Сжимал-расжимал пальцы, потом щипал себя

за бедро, прогоняя онемение, и наконец приподнялся, разглядывая со злым прищуром смутное подобие туманной фигуры, отодвинувшееся от полусферы щита и теперь склоняющееся над южанами. Ан нет. Паразит тут был один. Просто разросшийся до размера нездорового.

По крайней мере, Алан о таких только читал. Каким плетением их там гонять надо было?!

Алан поднялся на ноги... Вернее, попытался подняться, и упал на колени, глухо выругавшись. Голова закружилась, в ушах зазвенело. Эх его приложить успело...

Но это значило, что ему следует поторапливаться, пока паразит не осушил ауру парней насухо. Ладно, по старинке, нематериальная нечисть боится, кроме всего прочего, огня!

Будущий Император сел на пятки, не рискуя вставать, и сняв щит, щелчком пальцев запалил пламя, щедро скармливая ему то, что южане называли Даром, и стараясь направить поток горизонтально.

Сработало — подобие фигуры почти потерялось в рыжеватых отсветах огня, и отшатнулось, утянув с собой свои тонкие цепкие ручки. Алан мстительно повёл рукой, выгоняя дрянь на улицу, после чего выдохнул — как бы ни был дух голоден, после купания в огне он отступит на некоторое время.

В дальнем конце конюшни раздалось встревоженное ржание. Ему быстро начали вторить, фыркать, и перетаптываться. Алан сморгнул, и выругался ещё раз — огонь успел закрепиться на перегородке, на почерневшей створке дверей, и судя по свету в широких щелях между потолочными досками с большим энтузиазмом устраивался на сеновале.

Сорвался, едва не на четвереньках, к парням, тормоза их и пиная. Над головой нарастал весёлый гул с треском, а эти двое вяло бормотали что-то сквозь сон и даже пытались отмахиваться.

Алан ещё раз озабоченно глянул вверх, окончательно перепугался, и ухватив обоих за шкуру просто выволок наружу, выбив двери волной сырой силы. Бросил слабо дёргающиеся тела в луже, растёкшейся почти до самого порога, развернулся назад, ошалело глянув как уже клубится под потолком и рвётся наружу густой дым, подсвеченный огнём, и бросился обратно, туда где уже истерично ржали и бились в перегородки кони. В итоге его едва и не затоптали, когда мощные скакуны снесли перегородку и понеслись на выход, судя по вскрикам, южане прочухались достаточно, чтобы убраться с их пути. Алан отлепился от перегородки, закашлялся, пригнулся, чувствуя на макушке жар стремительно распространяющегося пожара, и схватив ближайшее седло, поволок его наружу.

После второй ходки пришлось окунуться в лужу — жар становился совсем уж нестерпимым. К счастью, к нему присоединился и Шоуки, и совсем уж недоумевающий Амарими, и большую часть пожитков они успели выволочь, прежде чем всё внутри конюшни окончательно заволокло дымом и огнём.

Так они и сели — на кучку сваленных прямо в лужу вещей, и глядели как разбушевавшееся пламя борется с дождём, и от крыши конюшни валит пар. Огонь победил очень быстро — прожаренные перекрытия хрупнули и крыша сложилась внутрь, выпустив в небо сноп быстро сбитых тяжёлыми каплями искр. И после этого вся мощь непогоды обрушилась на лишившееся прикрытия пожарище. Шипения, треска, и искр стало ещё больше.

— Это... вообще что... было? — медленно произнёс Шоуки, сползая в лужу. В отблесках пламени хорошо было видно, как дождь пытается смыть с его лица грязь и копоть.

— А это было именно то, из-за чего это место покинули люди, — пояснил Алан со вздохом. — Дух, скорее всего, непогребённого самоубийцы, под влиянием эфирного поля переродившийся в аурного паразита. Нападает на спящих, тянет силы, его жертва испытывает кошмары, упадок сил, может серьёзно заболеть в конце концов, а старики и малые дети имеют серьёзный шанс не пережить ночь кормёжки этой дряни. Начинает она обычно с родных и близких, потом переходит на соседей, и становится всё сильнее... Видимо, изгнать её не получилось, отыскать труп и захоронить как положено — тоже, и потому жители просто ушли в другое место, в расчёте что эта дрянь просто развеется с голоду через пару лет. Однако ж она успела разожраться до весьма пугающих размеров, а главное — с голодухи стала поразительно агрессивной и нетерпеливой.

— Хм. Ну допустим. А огонь откуда? — подозрительно глянул на него карит.

— Ну... Увлёкся, отгоняя её от ваших бранных тел... — неохотно сознался Алан.

— Пожог хоть? — пожевав губу уточнил Амарими с надеждой.

— Не, ушла.

Помолчали, глядя как неохотно занимается пламенем стоявший слишком близко к конюшне сарай.

Небо начало светлеть, подсвечивая неохотно рассасывающиеся тучи, когда они наконец переловили разбежавшихся лошадей и начали собираться в дорогу. Дело было нелёгкое, животные были перепуганы, возмущены, и кажется, не горели желанием иметь что-то общее с этими мелкими и хлипкими двуногими. Хорошо хоть за пределы брошенной деревни не выбежали, плутая по улицам и дворам, изредка освещаемым отблесками пламени в лужах.

Дело осложнялось тем, что этот злобный призрак продолжал нападать. Отчаянный голод гнал его вперёд, заставляя хитрить, подкрадываться, набрасываться в самый неподходящий для них момент. Просто в голове вдруг всё начинало мутиться, на плечи наваливалась усталость, а в следующее мгновения жертву нападения уже выдёргивали из лужи, носом в которую та рухнула.

Спустя два таких купания и так мокрый до нитки Шоуки сообразил, как различать атаки голодной твари ещё на подходе, и просто тыкал пальцем в нужную сторону и командовал “огонь!”. Работало на удивление хорошо, хотя работающий “огнём” Алан и прицепился с возмущёнными расспросами — у него в голове не укладывалось, как Шоуки это делает. Шоуки тоже не понимал, но ему было плевать, он просто хотел убраться отсюда в сухое, тёплое, а главное — безопасное место, где можно просто упасть и спать до пришествия Импе...

Ах, ну да...

Потом взваливали пожитки на лошадей — пожитков стало меньше, как и сбруи, одну уздечку пришлось соображать из верёвки. Овёс весь вымок в луже и его щедро отдали лошадям, а остатки их пиршества бросили — всё равно сушить было некогда и негде. Уже когда взгромоздились в сёдла, мокрые, уставшие и злые, Шоуки вспомнил кое о чём и поманил из пепелища походный котелок. Тот выкатился из-под балок довольно бодро, зашипел в луже и сам прыгнул в руки. Бок его заметно погнулся, то ли от жара, то ли от того, что на него наступили копытом, но тонкостенный котелок из паршивенького чугуна выдержал такое испытание, и был пригоден к использованию по назначению.

По-хорошему нужно было просохнуть самим и просушить вещи, но как избавиться от призрака Алан не помнил, а отгонять его вечно не было никаких сил и желания, потому

было решено последовать примеру местных жителей и просто убраться подальше. Эти проклятые предками создания просто не могли отойти от места своего упокоения слишком далеко.

Пока ехали — продрогли окончательно и расчихались. Найти приличный источник воды не удалось, а потому отмывались от грязи в притопленном по мокрому времени овраге, быстро превратив его просто в большую мутную лужу. Ну хоть корку грязи с одежды счистили. И потом молча пилились в разведённый костёр, пытаясь хоть немного согреться и просохнуть. Пили чай из молодых побегов крапивы, густо росшей по краю оврага, давились размякшими припасами, но хоть немного согрелись...

Парней начало клонить в сон, Шоуки тоже подумывал о том, чтобы завалиться прямо на сырую землю, когда довольно жидкое проклятие всколыхнулось, и рухнуло сверху, впечатывая его в землю рядом с костром, и обрушившись на голову так, что сознание начало уплывать, а грудь сдавило, не давая вдохнуть свободно.

Шоуки пытался сопротивляться, но только и смог что слабо дёрнуться, зарываясь пальцами в горячую золу. Ощущения разительно отличались от пережитого в проклятой деревеньке, и бороться с этой давящей мощью в какой-то мере удавалось, сосредоточившись на остром жаре, облизывающем руку. По крайней мере, сознания он не потерял, и слышал, как шуршат и переговариваются в кустах, приближаясь. Рядом зашипел ругательно Алан, но судя по всему, так и не смог сдвинуться с места — со своего положения Шоуки его не видел.

— Ба, гляди-ка, знакомое лицо! — басовито усмехнулись на местном. Шоуки видел только мелькнувшие за костром сапоги, украшенные мехом. Попытался сосредоточиться на Даре, но едва не отключился.

— А я всё думал, где узкоглазые раздобыли такого сильного мага? А это его высочество уполовинил стратегический запас амулетов! — продолжил насмехаться голос.

Возня, уже за спиной, там, где Алан, там, куда ушли две пары чужих ног. Шоуки собрал всю свою силу воли в кулак, и шевельнулся, сдвигая пальцы глубже, к углям. Ещё чуть-чуть, ещё...

— Маленькое отродье Коэнов, — проворчал другой голос. — Ярл будет доволен — глупые птички сами слетели нам в руки...

Алан что-то там огрызнулся, но Шоуки не слушал, сосредоточившись на острой боли, прочищающей сознание. Несколько размеренных вдохов, и Дар наконец начал отзываться, наполняя мир вокруг металлом.

Двое, маг и воин. Чужие лошади, тоже две, низкорослые северные.

Вот чужак, обвешанный цацками магов, чуть отступает в сторону, раскатисто хохоча, Алана, кажется, бросили обратно на землю...

Котелок с крапивным чаем вздрогнул, но поддался на его усилия и подскочил, насаживаясь на голову чужаку. Воплю ошпаренного вторил вскрик будущего Императора, но Шоуки было совершенно не совестно, что он его забрызгал. Ему не до того было — хоть давящая сила и ослабла, тело всё ещё слушалось плохо, а второй чужак выхватил с пояса кинжал. Благо, тот удалось поймать и отбросить Даром, но вот его хозяин едва не завалил Шоуки лицом в кострище. Рыжий детина был силён, и тщательно вдолбленные уважаемым наставником навыки рукопашного боя едва спасали в сцепке с ним. После очередной подножки они так и покатались, рыча и мутузя друг друга как придётся, эфир в стороне колыхался и трещал от щитов и заклинаний. Шоуки совсем упустил контроль над и без того вяло слушающимся Даром после того, как его пребольно приложили лбом прямо в нос.

Перед глазами всё поплыло, и здоровяк просто подмял молодого карита, стиснув его шею грубыми пальцами.

Мир вокруг сжался до глотка воздуха, который никак не удавалось сделать, попытки скинуть с себя северянина были дёрганными и безрезультатными, но тот отвалился сам, захрипев, и напоследок плеснув в лицо кровью из перерезанного горла.

Шоуки, закашлявшись, отполз в сторону, глянул на совершенно ошаренного Амарими с клинком наголо, затем — в сторону Алана. Тот стоял согнувшись, опёршись руками на колени и тяжело дышал. Рядом валялось тело ошаренного, почти разорванное пополам неведомой силой.

— Вот и отдохнули... — грустно заключил Амарими, дрожащими пальцами стирая с клинка кровь.

Где, где, да где же?! Тошнота подступала к горлу, вонь выпотрошенных внутренностей и их содержимого мешалась с кровью, создавая совершенно непереносимый смрад. Однако не это замедляло работу — руки дрожали и плохо слушались после того количества эфира-не эфира, которое он прогнал через каналы, чтобы грубо взломать чужой щит. Получилось... то что получилось, но для анализа неоднозначного результата не было времени.

— Шоуки! — отчаявшись отыскать в ворохе trebuхи опшётки кафтана с карманами, Алан обернулся, найдя взглядом карита. Тот всё ещё сидел, осторожно прижав пальцы к окровавленному лицу, будто боясь, что его многострадальный нос вот-вот отвалится. На окрик тот поднял рассеянный взгляд. — Амулеты! Мне нужны его амулеты!

Шоуки кивнул, отняв руки от лица и рассматривая уже их. Казалось бы, не уделил просьбе должного внимания, однако пропитанный кровью кусок ткани под трупом зашевелился, из-под него выползла связка амулетов. Алан торопливо подхватил их, и отойдя от трупа принялся перебирать, короткими импульсами проверяя их плетения и назначение. Морщился каждый раз от болезненной дрожи, но продолжал, пока не нашёл то, что искал.

Отделил амулет от прочей связки, аккуратно осмотрел на предмет сюрпризов, и только потом осторожно активировал, вливая в него исключительно эфир из окружения, а не вот то странное, из собственного “очага”. Почувствовал отклик, последовал взглядом за призрачной нитью, тянущейся из простой штампованной основы с нанесёнными рунами, и уткнулся взглядом в Амарими, возвращающегося на полянку с лошадками чужаков в поводу. Алан хищно оскалился.

— Ты хорошо проверил свои подвесочки? — спросил он подступая ко всё ещё бледному принцу. Тот занервничал, но кивнул. — Всё равно доставай!

А дальше дело техники — отбрасывать одну за другой украшенные камешками цацки, пока амулет однозначно не укажет на одну, переплетённую красными и синими нитями ажурную штучку с камешками.

— А? — Амарими растерянно покрутил в руках подвеску.

— Я же просил проверить, не подменили ли... — зло проворчал Алан, отбирая у него украшение, и вспарывая нити ножом, чтобы добраться до основания.

— Не подменили! Не могли подменить! — жарко возразил южный принц, насупившись, да так, что кровь прилила к бледным щекам. — Это подарок брата! А оплётку его супруга делала! Такие узлы сложные — их не подделать!

Алан заметил, что Шоуки странно дёрнулся, во все глаза уставившись на цацку. Прищурился, но решил сперва заняться насущным. Оглядел штучку, ковырнул ножом под креплением камешка, надавил, и основа распалась на две плоские половинки, открывая нанесённые на одну из сторон руны.

Амарими издал странный звук, подавившись вдохом. Шоуки нахмурился ещё больше.

— Не подменили, значит... — язвительно хмыкнул будущий Император.

— Я не расставался с этой подвеской с тех пор, как покинул дом! — запротестовал Амариими. — Брат специально подарил мне её перед поездкой! Это оберег, дарующий удачу в долгих путешествиях и защищающий от напастей!

— Значит — подменили уже там. Или изначально всучили с “секретом”.

— Брат не мог такого сделать! — молодой южанин подобрался весь.

— А его супруга? Шоуки, тебе есть что сказать? — ласково уточнил взбешённый Алан.

— Я был её слугой номинально некоторое время. Около двух недель. Только и всего, — напряжённо отозвался карит.

— Номинально? — уточнил Алан подозрительно.

— Он — часть приданного, — буркнул Амарими.

Честно сказать, Алану была не охота сейчас копаться в дурных южных традициях, попахивающих рабовладением. Сложится — он сможет взяться за них в совсем ином статусе несколько позже. Сейчас, надо было что-то делать с последствиями собственных ошибок. Он ещё раз окинул взглядом полянку, и уставился на мохноногих лошадок противника.

— Итак, очередное подтверждение того, что этот заговор простирается на оба континента, — он подошёл к одной из лошадей, и начал расстёгивать подпругу. — И тот южанин, что разукрасил нашего Шоуки, и контрабанда метеоритного железа, и подброшенная аж в руки самого наследника следилка... Шоуки, там где-то колючий кустарник рос, принеси пару веток пошипастее!

— Похоже на то... — проворчал Амарими, погружённый в свои мысли. Но хоть уздечек настороженно всхрапывающих лошадок не отпускал. Алан стащил с выбранной седло и потник, потом тщательно вплёл ремешок со следилкой в гриву, намотал узлов, намертво скрепляя с волосами.

— Будет чем заняться, когда доберёмся до дворца, да?

Амарими кивнул рассеянно. Вид у него был расстроенный и озабоченный. Не удивительно — Алан тоже успел и позлиться на самого себя, и почти впасть в уныние.

Скрылись от неприятеля, ага. Повезло, что высланная на разведку парочка решила напасть, увидев, насколько их троица смурная. От всего отряда они бы не отбились. Сколько бы его там не было.

А ещё — этот самый отряд ошивается где-то совсем неподалёку прямо сейчас.

Наконец Шоуки принёс колючки, и Алан другим оборванным с амулета ремешком связал их в хвост лошадки.

— Сними уздечку! — велел он Амарими, и когда тот сделал, что велено, отпустил хвост и отступил от скотинки. Колючие ветки ударили животное по ногам, оно фыркнуло и недовольно дёрнуло хвостом, спустя мгновение взбрыкнуло, мотнуло хвостом ударяя уже свой бок и вскоре выпучив глаза сорвалось с места, унесясь с полянки под встревоженными взглядами других лошадей. Жестоко, но эффективно.

— Отлично, — кивнул своим мыслям Алан. — Теперь быстро разбираемся с трупами и валим отсюда.

К людям они выбрались спустя неделю с хвостиком, настолько потрёпанные, грязные и злые, что детвора, возящаяся с какими-то посадками на небольшом поле, с криками разбежалась, частью спрятавшись в кусты, частью — рванув к воротам просторного частокола, за которым пряталось довольно крупное поселение. Пятнышко дёрнулся было следом в охотничьем азарте, но Шоуки жёстко схватил его за стальные детали узды и удержал. И не хватало натравливать эту тварь на людей! Да и саму тварь, если так подумать, побережь следовало — Пятнышко умудрился потерять подкову на задней правой и последние два дня немного прихрамывал. Шоуки из-за этого ехал преимущественно на втором, заводном коне.

А может, деревенскую мелкоту как раз кони и напугали, кажущиеся совсем огромными

на фоне плетущейся следом низенькой мохнатой лошадки. Её забрали с собой с расчётом продать, как и седло её товарки и кое-какие вещи противников, прихваченные в спешке.

— Пойдёт, — Алан окинул с пригорка виднеющиеся над частоколом крыши. — Во-он высокий дом с башенкой видите? Ратуша. Значит это поселение доросло до звания города.

— М... Купальни... — размечтался Амарими, прикрыв глаза.

— Банька! — с усмешкой осёк его Алан. — Наверняка и рынок собственный есть. Вряд ли большой, но нам пойдёт.

— И кузнец, — кивнул Шоуки, всерьёз обеспокоенный состоянием своего злобного ездового чудовища. Как-то он к нему... привык, что ли? Да и если вспомнить, что проблемы с ногой у него уже были после той злополучной охоты...

Стража на воротах присутствовала, даже не абы кто, а вполне себе крепкие мужики в сносном стёганом снаряжении.

— Кто такие? — ленно спросил один из них, да преградил троице путь, закинув демонстративно на плечо старенькую, но ухоженную алебарду.

Алан натянул поводья, от чего его конь вскинул голову и недовольно захрапел, перебирая копытами. Смерил мужиков долгим мрачным взглядом. Накладной волосяной хвост он потерял давно, собственные волосы отросли ровно настолько, чтобы торчать во все стороны в страшном беспорядке и постоянно лезть в глаза, затемняющей кожу мазью тоже пренебрёг, и вкупе с заскорузлой и штопанной вкривь-вкось одеждой на южанина не походил совершенно. Южане, впрочем, прибывающие примерно в таком же состоянии, тоже сами на себя походили слабо.

— Мужики, мы две чёртовых недели блудили по вашему Всеотцом проклятому Зеленокрыжью, и если вы, сейчас не пропустите нас к горячей баньке, сытной жратве и мягким постелькам, то я за себя не отвечаю!

Алан выразительно поиграл слепяще-синим огоньком в пальцах. Мужики переглянулись, не слишком впечатлённые демонстрацией, и тот что вышел вперёд поднял ладонь в примерительном жесте.

— Только пошлину оплатите, порядок такой, и проезжайте.

— Сколько? — Алан выпрямился в седле, да демонстративно вытащил из-за пазухи свой кошель.

— Серебряк за всех, — прикинул мужик. — Чтобы не задерживать вас пересчётами.

— И себя не обидеть, да?! — нехорошо прищурился Алан.

— Не намного, — пожал плечами мужик. — Да и совет хороший дам.

— Хм? — Алан помедлил, извлёк серебрушку, и перекинул мужику. — Валяй.

Тот ловко поймал монетку, и тут же совершенно неуловимым движением упрятал куда-то под рукав. Шоуки аж впечатлился.

— В “Козе и капусте” не останавливайтесь. Хозяин сварлив, чужаков не любит, под всяческим предлогом либо обдерёт как липку, либо замучаетесь скандалить. Езжайте мимо, прямо до ратушной площади. Оттуда налево, мимо стройки, да подле рынка увидите старый каретный двор. Там конечно, шумно, но с комнатами не обидят, за лошадьми присмотр хороший да баньку новую в том году справили.

— Благодарствую! — Алан кивнул, и двинул коня между расступившимися мужиками.

Стены, так-то, оказались выше, чем казалось издали. И толще — частокол стоял в два ряда, внутренний пониже, а между ними набита была, должно быть, земля, или камни с землёй и глиной. Ну и ещё вал почти по пояс. Добротная стена, в общем. И хоть внутри не

ощущалось такой прямой дикой городской стесненности, но загородки с огородами были крошечные, а к центру вовсе исчезли, и двухэтажных домов всё больше становилось...

“Козой и капустой” оказался довольно большой постоялый двор. Далекое не новое, но заботливо поддерживаемое в хорошем состоянии. Только вот вывеска от старости выцвела и облупилась, и разобрать над ней удавалось только несколько полос и некую бесформенную зелёную кляксу, а над ней был прибит заветрившийся козий череп. Или козлиный. В них Шоуки не разбирался, и подозревал, что заведение на самом деле имеет некое другое название. Но это определённо подходило ему больше.

Проехали мимо, и под взглядами прохожих, кхм, “горожан” выехали к пыльному пятаку перед “ратушей”. Первый этаж даже был каменный, ещё два и башенка — деревянные. Слева оказались некие развалины вокруг которых возились вроде как рабочие. Или просто они разбирали что-то очень старое, деревянное, и прогнившее невероятно?

А вот проехав пару домов мимо этой стройки, они выбрались к действительно большой базарной площади. Очень пустой сейчас, только несколько грубо сколоченных из горбыля лотков было занято, да окружавшие базарище лавки и мастерские были открыты.

— Ха. Небось здесь большие ярмарки проводятся... — пробормотал Алан оглядываясь. — Нам туда.

Указал на широкие ворота подле откровенного кабака с деревянной кружкой размером с ведро вместо вывески. За воротами, впрочем, открывался приличных размеров двор с большой конюшней и массивным навесом с крышей из дранки вдоль всего забора. Сейчас здесь было пусто, но, наверно, во время торжищ здесь оставляли прилично телег да лошадей. Возящиеся во дворе работяги приняли и увели коней без лишних вопросов, хотя и косились на здоровенных тварей с опаской. А троица, нагрузившись скудными пожитками, отправилась в указанную дверь. Хозяин заведения оказался, как назло, здоровенным широкоплечим мужиком, одноглазым, с бандитской повязкой через квадратную харю, да в добавок рыжим. Парни невольно напряглись, но договорились обо всём удивительно легко, и вроде как не дорого. Требование “мяса, овощей, хлеба и много!” было удовлетворено довольно быстро. Пара расторопных подростков натащила жратвы прямо в снятую ими комнату с хорошим крепким столом. Там же было несколько сундуков и четыре сносных кровати, в которые парни и завалились, впад в невменяемое состояние от количества съеденного. Вряд ли выпитого — запивали съестное почти не хмельным кислым хлебным напитком. Не с него же так развезло?

Оклемались ближе к вечеру и сползли вниз, в шумное помещение едальни, в которой по этому времени всё больше выпивало местное мужичьё. Сговорились о баньке, отправились к местным лавкам, благо среди них нашлась аж пара, занимающаяся готовым платьем. Ибо имеющуюся одежду требовалось приводить в порядок вдумчиво и с умением, которого ни у кого из троицы не было и в помине.

И уже потом завалились в протопленную баньку. В целом, было не так плохо — по крайней мере воды в наличии было больше чем на корабле, хотя с волосами пришлось помучиться что ему, что принцу. Алан же благостно возлежал на полке, потягивая кислый хлебный напиток и отпускал глумливые шуточки касательно их возни.

— Ничего, ваше величество, — проворчал Амарими, — Вот отрастите по статусу такие же “патлы” и будете с ними мучиться в своё удовольствие...

— Размечтался! — фыркнул в ответ Алан. — Хорошенькие служанки решат все мои проблемы с омовением! Тоже, между прочим, “по статусу”!

Южане посмотрели на него с одинаковым неодобрением. Но дальше тему развивать не стали.

И каким же удовольствием было облачиться в чистое после помывки! Пусть и в характерную для севера одежду не самого лучшего качества... По крайней мере, рубаша из небелёного полотна казалась грубоватой. С другой стороны, в бытность свою деревенским мальчишкой, а после и сиротой, доводилось носить и похуже. Это в клане Наместника он привык к добротной форме из тонкой выделки сукна или шёлка.

В этих краях поверх рубашки полагалось надевать жилет, а уже сверху, по сезону, что-то вроде лёгкого плаща с рукавами, либо тёплый кафтан, либо вовсе ничего летом. Дело шло к теплу, так что обзаводиться плащами не стали — решили обойтись своими, зимними. К перипетиям дорожной жизни они оказались более устойчивы благодаря плотной ткани, да и неумелая шпопка на них смотрелась не так ужасающе, как на традиционных каритских накидках.

— Ну совсем как местные! — Усмехнулся Алан, ходя вокруг натянувших обновки южан. — Только волосы в косы заплести и за жителей восточных кантонов сойдёте.

— Со спины — может быть, — согласился Амарими, хмыкнув. — Прикинуться северянами мы не сможем при всём желании. Впрочем, и из тебя южанина больше не выйдет.

— Да, но, с другой стороны, в этом больше нет необходимости, — Алан задумчиво взъерошил сырые волосы пятернёй. — Прятаться среди отряда нам больше не нужно, а кони выдадут нас лучше всяких примет. По крайней мере, в этих краях, ближе к перешейку, южные скакуны водятся не только у благородных. Так что наша сила теперь в скорости передвижения и непредсказуемости маршрута. До перешейка, во всяком случае. Там... там видно будет.

Отмахнулся легкомысленно. Шоуки недовольно качнул головой. Преследователей они, может, и потеряли наконец в этих лесах, но кто сказал, что те отказались от своего замысла?

Но, увы, даже он не смог этим вечером принять хоть какие-то меры для обеспечения безопасности. Постель оказалась слишком сильным искушением, и продрых он бессовестно и прекрасно всю ночь до самого утра.

Принцам даже пришлось настойчиво его будить, и ждать, покуда Шоуки хоть немного оклемаются спросонья. Выглядели оба встревоженно, и, может, даже слегка испуганно.

— Что? — спросил Шоуки, наконец садясь и ленно потягиваясь всласть. Аж между лопатками что-то хрустнуло и отдалось тёплым покалыванием в позвоночнике.

— С тобой всё в порядке? — осторожно спросил Алан.

— Голова не кружится? — поддакнул ему Амарими. — Жара нет?

— Нет, с чего бы?

Парни моргали. Шоуки невозмутимо поднялся, да глянул в окно, пытаясь прикинуть, как высоко солнце.

— Какие планы на сегодня?

— Ну... — Алан немного расслабился. — Закупимся в дорогу, продаём мохноножку, зайдём к кузнецу. А потом валим отсюда. В этот раз — строго по карте, не срезая случайными тропами.

— Отлично, — кивнул молодой карит, да пошёл приводить себя в порядок. Уже на выходе из комнаты он уловил драматический шёпот встревоженного Амарими:

— Может, подменили?!

Его благословенное Предками будущее Императорское величество казалось ещё более всклокоченным и злым, чем когда они выехали из леса. Гроздь трофейных амулетов на шее довершали образ взбешённого мага, но делу совершенно не помогали.

Вообще, по наблюдениям Амарими, к магии отношение тут было довольно... Обыденное. Юный принц замечал тут и там цепочки рун и штуки, похожие на амулеты-переростки, врезанные в косяки дверей и оконные рамы. Чем-то очень напоминало охранные печати и периметры. Может, тем, что обвешаны этой магией были торговые лавки? В столице торговцы часто имели собственные защитные периметры на своих складах и лавках, особенно те, что торговали изысканными товарами и украшениями. Но то — в столице. В маленьких городах защита стояла в основном на клановых поместьях и другой важной клановой собственности. В конце концов — смысл ставить печати туда, где нет каритов или достаточно сильных одарённых, чтобы их поддерживать?

А тут, насколько понял Амарими, защита тянула силу, вернее, проклятие, прямо из воздуха вокруг — тем и держалась.

Аж завидно! Впрочем, ровно до того момента, когда вспоминаешь, что эта их защита не будет стоять и ломаного гроша в Благословенных землях, свободных от изнуряющего проклятия.

Эх, скорее бы вернуться уже домой, в тишину и безопасность родного поместья, к нормальной пище, шёлковым простыням постели и просторным купальням. Молодого принца то и дело подмывало малодушно взмолиться Предкам, чтобы они забрали его из этого кошмара и перенесли наконец домой. Но он держался, не в малой мере вдохновлённый тем, как его спутники стоически переносят тяготы пути. Ну и мысль донимала о том, что они сами виноваты в таком своём положении и пожаловаться на обстоятельства будет означать признать свою вину вслух.

Так что лучше помалкивать и делать вид, что всё так и задумывалось.

— Тридцать! — не унимался худющий торгош с забавными вислыми и совершенно седыми усами. Из-под забавной шапки из лоскутов бархата тоже торчали почтенные седые вихры.

— Тридцать пять! — гнул свою линию Алан. — Со сбруей и лишним седлом сверху! Да ты наварись втрое, даже если решишь сдать того чудесного скакуна на колбасу!

— Кто мы, по-твоему, степняки, чтобы конину есть?! — возмутился торговец. — В этих краях в почёте рабочие лошадки, как я найду покупателя на этого скакового красавца?!

Амарими хмыкнул. Красавец был мохнат, низок, коротконог, а бока его были раздуты как у беременной кобылы. Но да местные лошади и рядом не стояли с их южной породой.

— Так на вашу славную ярмарку степняки тоже заглядывают, вот им и загонишь с большой прибылью — после долгого пути они небось по привычной жратве заскучают...

— Больше тридцати двух ваш обтрёпыш даже с учётом шкуры не стоит!

— Тридцать три и сойдёмся на богоугодной цифре?!

На удивление накал страстей тут же сошёл на нет, и спорщики ударили по рукам. Потом некоторое время было потрачено на пересчёт монет, и они чинно удалились, направившись вдоль ряда лавок. По раннему времени они были открыты через одну — вне ярмарочных дней торговцы не сильно-то и суетились...

— Это нормально, вот так до криков торговаться? — уточнит Амарими

— Вполне себе. В некоторых кантонах вообще за оскорбление сочтут, если торговаться не станешь. Но это “правило” касается больше базаров да ярмарок. В городских лавках и прочих заведениях обычно торг цивилизнее проходит. Ничего не заметил?

— Нет, всё тихо. Не похоже, чтобы на нас пялились иначе чем из праздного любопытства.

— Отлично. Тогда забираем Шоуки и возвращаемся за вещами. Надеюсь, с его конём всё уладили. Он так за него переживает...

Амарими кивнул. Шоуки остался со своим Пятнышком у озадаченного кузнеца — ни одна из его заготовок под подковы просто не подходила южному скакуну по размеру. Здоровенному мужику пришлось копаться в своих железях в поисках подходящей на перековку. Когда они уходили, молодой карит стоял, обняв морду своего скакуна и что-то ему шепча, должно быть, успокаивающее.

— Шоуки ж деревенский сирота. Это его первый, собственный конь, конечно он переживает, — кивнул Амарими. — К тому же, молодым каритам обычно жалуют двухлеток, а Маленькое Пятнышко — здоровый, хорошо обученный боевой конь. Должно быть, его прошлый хозяин погиб, или ещё что случилось...

— Да он вообще везунчик, Шоуки-то, — хмыкнул Алан. — Как у вас говорят, Предки смотрят за ним внимательно и шепчут на ухо добрые советы?

— Только дёрнись, скотина, и я тебе устрою весёлую жизнь... Продадим как гужевого и будешь до конца дней своих телеги, гружёные камнями, по бездорожью таскать, — ласково шептал Шоуки своему скакуну, недобро выкатившему глаза и наострившему уши. Кузнец ему не понравился — широкий и низкий мужик с мощными ручищами и в толстом кожанном фартуке непонятно чем, но сразу вызвал неприязнь скакуна. Молодой карит нутром чуял, как конь подбирается, чтобы засадить мужику копытом, и потому поймал Даром все его оставшиеся подковы, прижимая к земле.

Пятнышко возмутился, и попытался укусить, но Шоуки ловко вцепился в уздечку, зафиксировав его морду собственным весом.

Из сомнительно хорошего — осмотрев и почистив копыто, кузнец заключил, что все проблемы были из-за потери подковы, и конь придёт в норму за пару дней, если не нагружать. Потом он долго выковывал в своей кузне железный пруток — Шоуки с интересом наблюдал Даром за тем как под действием жара и грубой силы плющится металл. Как его сгибают, пробивают бороздки, потом выносят зажатую щипцами заготовку, чтобы примерить — Пятнышко тогда зловеще фырчал и подбирался, но ничего не мог сделать.

Пара примерок, последние доработки на наковальне, и вот уже новую обувь прибавают к аккуратно подпиленному копыту.

Как раз принцы в поле видимости появились — судя по всему, закончили со своим делом. У Шоуки как гора с плеч свалилась — отпускать их одних он опасался, но и оставлять работающего мужика на растерзание этому чудовищу не стоило. Мужик, конечно, тоже был хорош — как равнодушно и бескомпромиссно он хватал конские ноги, чтобы зажать коленями и обработать копыто напильником, загнутым скребком или устрашающего вида кусачками!

Так что поблагодарил он кузнеца очень искренне за его работу, передал оговоренные монеты, и вывел недовольно топающего коня навстречу принцам.

— Продали? — уточнил очевидное, и дождавшись кивка, пристроился за парочкой. Прислушивался всё ещё Даром к своему чудовищу, но то немного успокоилось и выправило шаг.

Но всё равно, нагружать его не стали, взвалив мешки с овсом и прочие скромные пожитки на других лошадей. Да и поехал Шоуки на запасном — надо было пользоваться возможностью, пока был повод.

Как и договаривались — снялись с места, едва разобравшись с делами, хотя всем явно хотелось задержаться на денёк, да отдохнуть от дороги, от седла, от походной пищи, тем более — преимущественно подножного корма, дичи и рыбы. Но не стоило забывать что их активно ищут. И ладно враги — от тех можно отбиваться без зазрения совести не стесняясь в средствах.

А вот если свои нагонят...

Шоуки поёжился невольно от такой мысли. Радовало только то, что когда с него спросят за этот безобразный побег, можно будет твердить, что он всего лишь слуга, и не мог послушаться, и вообще был против! Видят Предки, это не поможет, но он хотя бы попытается отбрехаться.

Двигаться решили не дикими тропами и полузаброшенными тихими трактами, а нормальной наезженной дорогой — прямо к восточному побережью, а оттуда уже спуститься вниз. И разница чувствовалась! Прохожих и проезжих хватало, тут и там среди полей виднелись обнесённые частоколом деревеньки, дорога в целом была хороша и двигались они бодро. Не говоря уже о необходимости объезжать неизвестной глубины лужи и нагибаться, чтобы не влететь лицом в низко нависшие ветви.

С другой стороны и всякие странные встречи стали практически нормой через пару дней. То им пытались прямо с проезжей телеги продать мешок с верещащим поросёнком, то какие-то оборванцы клянчили монету, то излишне нервные последователи ложных богов обзывали их безбожниками и грозили всякими карами небесными. Таких один день попадалось порядком — путешествовали они пешком и небольшими стайками. Как оказалось, поблизости было какое-то священное капище их веры, и они устраивали туда паломничества, как сойдут снега, и ночёвка в поле перестанет быть делом чрезмерно рискованым. По крайней мере, с их подходом к манере одеваться. Алан пояснил, что редко кто из них всамделишные бедняки, а ходят в рванье, а то и босиком, из религиозных соображений. Чего так позорится перед Предками — непонятно, но да Шоуки мало что знал о поклонниках ложных богов, и потому не стал особо вдаваться в эту тему. Тем более что Алан с Амарими завели религиозный диспут на эту тему. Южный принц немного разбирался в верованиях северян, а Алан по рождению был посвящён в обе веры, но по наблюдениям самого Шоуки, не был особым приверженцем ни одной из них.

А ещё на них дважды напали разбойники. Обычные лесные тати, обряженные кто во что и не слишком хорошо вооружённые. Первой пятёрке хватило вида поднимающихся в воздух ножей, чтобы ретироваться, вторая банда, довольно крупная, на такое выставила вперёд тщедушного парня, изобразившего на ладони огонёк. Алан хмыкнул и запалил сноп магического огня раза в три выше. После этого бандиты извинились, свалили в кусты и даже оттащили с дороги поваленное невысокое, но пышное деревце.

Амарими взирал на это в полном шоке, Алан был спокоен и невозмутим, а Шоуки подспудно порадовался, что не пришлось никого убивать.

Сперва они ночевали в рощах и перелесках, но когда жильё стало попадаться слишком

уж часто, стали просто заезжать в города и крупные поселения, благо, деньги позволяли. Да и так налегать на овёс уже необходимости не было — молодой зелени становилось всё больше, и лошади щипали её с большим аппетитом. Вот, на его взгляд, единственный недостаток южных скакунов перед северными — еды им требовалось куда больше...

Наконец, после крупного города свернули на юг, двигаясь по большому торговому тракту, и, честно сказать, они начали теряться среди пёстрога потока путешественников. Рыжие хладоморцы, низкие жители архипелага, караваны товаров с родного юга. Да и придорожные заставы с вооружёнными разъездами попадались всё чаще — тракт охраняли и охраняли активно.

И на магию насмотрелись — тракт был местом душным из-за проклятия, и богатые торговцы организовывали себе купола, защищающие от солнышка, разгоняющие пыль, и ещё чёрт-те что...

Потеплело, кстати. Сильно потеплело, и подбитые мехом потрёпанные плащи можно было спрятать в седельные сумки. На одной из стоянок, пока будущий Император пытался осилить простейшие техники медитации, Шоуки сплёл из молодых листьев рогоза простые крестьянские шляпы, чтобы защитить макушки от на диво расщедрившейся на тепло матери-солнца. В процессе давал советы и подсказывал, ибо именно его Амарими расхвалил едва ли не как непревзойдённого знатока медитативных техник. Да, Шоуки продвинулся в их изучении поболее прочих погодок, но единственно по необходимости, а не из любви к процессу. Медитации подразумевали более тонкое овладение духовной энергией, если вспомнить аналогию с цаплей — увеличивали количество “шей”, доступных каритам. Алан тоже пытался улучшить свой контроль над “внутренними энергиями”, ибо более тонкие “магические” манипуляции к которым он привык, давались ему теперь с некоторым трудом, а “боевая” сторона магии, которая для него прежде была недоступна без поддержки амулетов, то и дело выходила из-под контроля.

Ему тоже следовало бы позаниматься, вспомнить упражнения, посоветованные учителем, чаще разминаться с принцем, но времени на это часто не было, да и сил оставалось не то чтобы много к вечерней стоянке. Всю дорогу он не позволял себе расслабиться, гоня своё внимание по округе и совершенствуя нащупанный при выслеживании зачарованных лодок метод. Если уделять внимание одному определённом направлению за раз, то это позволяло “заглянуть” дальше и не так напрягало духовный сосуд да и голову, как попытки охватить своим “пристальным взором” как можно больше территории вокруг.

В один из дней они всё же свернули на менее людную дорогу, тоже ведущую вниз, к перешейку, но обходным путём, мимо чистых от проклятия сопок, и редких поселений между ними.

Сопки были каменистыми, покрытыми скромными травами, среди которых, впрочем, отлично чувствовали себя огромные овечьи стада. Если дорога не ныряла совсем уж в низины между горбатыми здоровенными холмами, то каждый момент времени на виду было хотя бы одна россыпь белых пушистых точек с редкими тёмными вкраплениями. Пастухи заведовали целыми стаями здоровенных пастушьих псов, которые в размерах догоняли местных мохноногих лошадок, и провожали всадников суровыми, но терпеливыми взглядами. Кони нервно пряли ушами рядом с незнакомыми животными, так напоминающими волков-переростков.

Самих волков, к слову, тут тоже хватало — они шарились по лескам в низинах,

высматривая отбившихся от стад овец, и от людей предпочитали держаться подале. А ещё тут обитали м'кари. Вернее, их северный вид — первый раз, когда они на такого наткнулись, Шоуки принял зверюгу за огромную крысу. Существо пыхтело, переволакивая через дорогу окровавленные ошмётки овечьей шкуры с волочащимися копытами и приставшими там и тут кусками мяса. Было оно высотой человеку по колено, с характерной жёсткой шерстью, торчащей иглами, с шестью лапами и вытянутой лысоватой мордой. Вместо третьего глаза во лбу красовались неприятного вида складки. Тварь зарычала на всадников сквозь полную пасть шерсти и удвоила усилия, уволакивая добычу в кусты.

— Карликовый низинный пожиратель! — прокомментировал Алан, с усмешкой глядя на подобранных и напрягшихся каритов. — В подмётки не годится тем тварям, что у вас водятся, верно?

— Да не говори... — согласился медленно Амарими. — Это был... взрослый зверь?

— Да, хотя и не самый крупный. В этих краях они не доставляют особых проблем, здесь им хватает пищи, а вот на западном побережье есть места где они не только разрывают свежие могилы, но и среди бела дня могут напасть и утащить ребёнка. Там на них активно охотятся, но всё никак не могут вывести окончательно.

Шоуки только головой покачал. Видеть такого маленького м'кари было просто дико. Нахлынули воспоминания, и пейзажи вокруг больше не казались такими благообразными и спокойными. Да и Амарими как-то ненавязчиво начал настаивать на ночёвках в деревнях, чему Шоуки был только рад. Хотя блюда из баранины, как бы хороши они ни были, начали быстро надоедать, а другой еды, ну, кроме каш, тут, кажется, не водилось вовсе. Так что, выехав к крупной реке они не преминули сделать остановку, чтобы порыбачить и нажарить свежей рыбки.

Рыбачил, как водится, Шоуки. Нет, Амарими пытался тоже, одолжив у него загнутую спицу, но действовал ею не так тонко, хотя со временем его навык, несомненно, улучшался.

Вообще, захваченных из спальни уважаемой... кхм, из Посольства спиц осталось удручающе мало — подрастерялись в боях с преследователями да и слишком легко гнулись и затем ломались. Но вот вариант со спицей, согнутой в крючок на одном из концов, отлично подходил для рыбалки. Так спица, мощно направленная духовной силой, не пробивала рыбу навывлет и позволяла легко вытащить добычу из воды даром. Нужно было только постоять спокойно на берегу или мелководье, выжидая, когда в поле зрения появится тушка покрупнее. Ну и выцелить её правильно. Вот Амарими терпения на это не хватало, слишком торопился.

— Навекает воспоминания, — хохотнул он, очередной раз распугав рыбу неудачным броском спицы. — Мы, помнится, на рыбалке и познакомились, верно?

— На несостоявшейся, — меланхолично кивнул Шоуки. Но да, и река, и м'кари там присутствовали. — Не суетись, дай рыбе подойти поближе.

— Эвон как всё вывернулось, тогда я хотел научить тебя рыбачить, а в итоге ты меня поучаешь...

— Ну, насколько я помню, рыбалка это последнее, что тебя тогда интересовало.

Амарими хохотнул с улыбкой, но протестовать не стал. Вернулся к высматриванию раннего обеда на мелководье. Шоуки успел выловить пару увесистых рыбёшек, а Амарими едва не потерял спицу, когда на реке показалась очередная лодка. Вдоль воды, наверное, было много поселений, лодчонка была мелкой и грубо сделанной, и плыл на ней какой-то заросший крестьянин, вёз тюки с непонятным содержимым вверх по течению. Не было в

лодчонке и ничего металлического предосудительного, от того Шоуки и не обратил на лодку особого внимания.

А вот Амарими хмыкнул вдруг, переступив с ноги на ногу, от чего от его ступней потянулись облачка ила и шваркнули в сторону совсем мелкие рыбёшки. Шоуки хотел было спросить, что не так, но тут и сам заметил, что лодка забирает к их берегу.

Прищурился. Но да всё ещё ничего подозрительного.

— Эгей, южане! — захрипел совершенно убитым и севшим голосом заросший деревенский, в приличной, впрочем, почти не штопанной рубахе, когда подплыл-таки на достаточное для ведения разговора расстояние. — А где третьего потеряли?

— Третьего? — сморгнул ошарашенный таким вопросом Амарими.

Третий, среагировав на незнакомый голос, высунулся из прибрежных кустов над песчаным обрывом, подозрительно щурясь.

— О! — заметил его мужик. — А вот и третий. Вас это, ваши искали!

— С чего вы взяли, что именно нас? — вежливо усомнился молодой принц.

— Ну так, этот твой приятель приметный! Со шрамом!

Шоуки невольно коснулся щеки пальцами. А ведь он почти забыл о нём со всей этой суетой.

— И где искали? — Алан сполз осторожно по песчаному склону к небольшому пляжу, облюбованному рыбаками, да подошёл к воде.

— Ну так, в Мостовой. Там ниже по реке деревня наша! У моста, да... неделю назад большой отряд ваших прошёл, справлялись, не видел ли кто. Вот... А завчера ещё пара проезжала. Один ваш, только под местного ряженный, второй вроде как здешний, из благородных. Тоже вас искали. Если поторопитесь, может и нагоните, коли при хороших конях! Завчерашние-то на наших родных да невысоких ехали!

Шоуки почувствовал, как у него дёргается щека, Амарими натянуто улыбнулся, и только Алан расплылся в искренней на вид улыбке.

— Спасибо тебе за рассказ, добрый человек! Уж непременно попробуем догнать, раз такое дело! Как далеко отсюда, говоришь, твоя Мостовая? И куда путь держишь?

Да, достав из-за пазухи мелкую монету, подкрепил ею свою благодарность, бросив словоохотливому крестьянину. Шоуки чуть подправил её полёт, и денежка исчезла в натруженной крестьянской ладони. Алан ещё выманивал из мужика информацию о местности, а оба карита выбрались из воды и теперь опраивали закатанные штанины в оглушённой задумчивости.

Мостовая оказалась крошечной деревенькой, даже не деревенькой, а десятком хаток, пристроившихся на берегу у моста через реку. Там же располагался паршивенький то ли кабак, то ли всё-таки трактир, и что-то вроде причала. Выше раскинулись на просушку сети, и в целом вокруг них возились деревенские, починяя. Проехали её быстро, не останавливаясь, не отвлекаясь на любопытные взгляды. Проскочили мост и поехали по единственной дороге — перекрёсток, судя по карте, должен был быть позже. Но карта не учитывала всякие просёлки, доверившись одному из которых они заблудились совсем недавно.

Парни были всё ещё на нервах после бурного обсуждения дальнейших действий. Похорошему, своих следовало догнать, оповестить об удачно проведённой спецоперации и похвастаться добытыми ценными, но тайными сведениями. Это по мнению спевшихся принцев. У Шоуки подобная постановка вопроса вызывала непочтительное желание отмутузить обоим мятым котелком, пытаясь выбить самоуверенную дурь. Чего он, само собой, делать не стал, хотя и позволил себе резко высказаться по этому вопросу. Парни отвели глаза и резко замяли тему, перейдя на обсуждение личностей других... ищущих.

Версию с совпадением даже не упоминали, хотя очень хотелось.

У Шоуки снова начала дёргаться щека, убеждая его в однозначности выводов касательно личности одного из той странной пары. Принцы высказали осторожное сомнение, но согласились, что с этой парой лучше не встречаться. И вообще собратья, потому что у неприятеля ещё банда хладоморцев в запасе, которая не пойми где шляется. Впрочем, Алан выдвинул версию, что они со своими лодками уже ушли в море и теперь вьются у побережья в ожидании сигнала от разведчиков. Какого среди предполагаемых разведчиков затесался тот тип — вопрос оставался открытым и вызывал споры.

Заночевали в лесу, нервно понаставив печатей на земле и древесных стволах. И от чужаков... Хотя, в большей степени, от местных м'кари, потому что край сопок и стад ещё не сошёл на нет, а воспоминания почти годичной давности были неприятно яркие в памяти после недавних встреч с местной разновидностью м'кари. Ну и что, что полноразмерные тут “не водятся”?! Может, просто к людям не лезут, раз у местных Дара нет!

На следующий день, чуть после завтрака, всё ещё нервные путешественники оказались перед дилеммой — заезжать, или не заезжать в виднеющуюся на склоне деревеньку?! Выглядела та крупной, и находилась у перекрёстка.

— Опасно! — возразил Шоуки, недобро шурясь на парней. — Нам не стоит рисковать, мы в самом деле могли нечаянно нагнать ту парочку.

— Но было бы очень неплохо узнать, проезжали ли здесь что “наши”, что “не наши”. И куда свернули, — аккуратно заметил Амарими.

— А для этого нам придётся войти в деревеньку, — поддакнул с другой стороны Алан. Шоуки испытывал навязчивое ощущение, будто его окружают и зажимают в тиски, и это невероятно раздражало.

— Нет, наша компания слишком приметна! Предки, да нас деревенский рыбак с середины реки опознал по одному описанию! — Шоуки невольно отступил на полшага.

— Тебя опознал, — невозмутимо заметил Алан, но глаза его так заблестели, заблестели... — А вот я вполне за местного сойду. Расспрошу по-тихому, про то, про сё...

— Один?! — Шоуки едва не задохнулся от возмущения.

— Я могу за себя постоять, — Алан мгновенно воздвиг перед собой дрожащую плёнку щита, даже бровью не повёл и пальцем не шевельнул. — Я уже освоил щиты, и залить огнём неплохо сумею в случае чего.

— Освоил он! — Шоуки выхватил клинок, и под растерянный вскрик Амарими обрушил его на щит, напитывая духовной силой. Со знакомым треском щит лопнул, и карит, продолжив движение шагнул вперёд, провернув кисть и остановив лезвие клинка перед самым носом северянина. — Ты вот о чём подумай, благословенный, — холодно произнёс Шоуки. — Мой опыт боя с магами смехотворен, моя Духовная сила посредственна, а навыки фехтования лишь немногим выше таковых у погодок. Я мог тебя убить. А тот тип, смею напомнить, сильнее меня, опытнее меня, и наверняка сражался с магами не раз и не два, и отлично знает, как вам противостоять и на чём поддавливать. Поэтому ты — никуда не пойдёшь. Мы вернёмся к лошадям, и двинемся... Скажем, по дороге, что огибает во-он тот холм, на юг. Без информации — и ладно.

Наконец он отступил, невозмутимо и неторопливо возвращая клинок в ножны. Амарими, наконец, выдохнул, а северный принц поднял ладони в успокаивающем жесте.

— Ладно, я понял твою аргументацию и вынужден признать её... весомой. Мы просто поедem дальше.

Шоуки ехал впереди в их маленьком отряде, и, кажется, Пятнышко такое положение очень радовало. Несмотря на то, что он то и дело вскидывал и поворачивал голову, самодовольно всхрапывая, своих обычных фокусов он как-то избегал. Шоуки этим бы обеспокоился, подозревая, что зверь замышляет недоброе, но сам чувствовал себя немного на взводе из-за сложившегося положения.

Ну как положения... После произошедшего стало, с одной стороны, спокойнее, цивилизованнее, принцы избегали своих обычных выходов, да и в целом держались потише.

Радоваться бы, но это тяготило. Прежде он ехал преимущественно позади держащихся рядом парней, то и дело присоединяясь к разговору. Сейчас они раз за разом смещались ему за спину и помалкивал в основном.

Привалы тоже проходили спокойно, тихо и задумчиво, устраивали “лагерь”, ставили какую-никакую простенькую защиту, потом принцы ухаживали за лошадьми, пока Шоуки разводил огонь и готовил еду.

Потом, поев, расстлали карту, и прикидывали дальнейший маршрут. Снова — спокойно, аргументированно и без безумных и идиотских предложений. Очень... поделовому. Это было правильно, хотя и отдавало холодком, заставляя с некоторой тоской вспоминать прежние, почти дружеские отношения.

И заставляло задуматься, к чему именно они пришли. Заставил ли он принцев относиться к происходящему серьёзнее, или же просто занял роль “начальника охраны” или “головы отряда”? Старшего карита, которого в сложившейся ситуации необходимо слушаться?

Как будто он мог потянуть эту роль, хотя и старался. Кто если не он, в конце концов?

Главное, чтобы ему не аукнулось то, что он посмел поднять руку на будущего императора. Алан, конечно, не злопамятен, а с Предками он как-нибудь уж договорится, когда настанет его черёд всходить в Нефритовые Чертоги. Главное, довести Алана целым и невредимым до столицы, и любые их претензии можно будет отсечь аргументом о соображениях безопасности. Ну — довёз же!

Главное — действительно довести, ибо впереди намечался самый сложный отрезок пути. Ну как сложный... Охотился бы Шоуки за молодым принцем, устроил бы засаду именно там. Перешеек, судя по карте был очень уж узок, тот его берег, что выходил на Круглое море, был сплошь занят скалами, на которых можно было организовать наблюдательные пункты с хорошим обзором на широкий песчаный пляж со стороны восточного океана. Немного обнадёживало количество торговых караванов, что путешествовали с севера на юг, и с юга на север. Можно было прибиться к одному из них непосредственно перед перешейком. Да и длинноногие южные кони в этих краях попадались всё чаще.

Была бы возможность — он бы предпочёл пересечь на корабль, и отправиться домой так. Но, увы, денег у них было маловато для такой роскоши. Восточный океан был не слишком удобен для судоходства — мели, скалы, заковыристые течения, и острова архипелага, кишачие и не всегда дружелюбными местными, и пиратами. Нет, корабль идущий на юг в последнем крупном городе перед перешейком они нашли, и даже приценились, но взвесив все за и против, решили отказаться от такого варианта. Денег бы у них хватило с избытком — если продать лошадей. Но на чём тогда добираться до столицы с восточного побережья уже Благословенных земель, куда корабль и шёл? Да и плыть получалось дольше, чем ехать через перешеек. Торговые суда предпочитали путь по другую сторону перешейка — вдоль тех самых скал, не пересекая страшную середину Круглого моря. Но чтобы добраться до тех портов, куда они заходят, пришлось бы поворачивать на северо-запад и долго ехать по обжитым землям. Поздновато спохватились, могли бы раньше свернуть. Сейчас перед ними был последний отрезок пути перед перешейком и четыре дороги — тракт восточного побережья, настолько же людный тракт западного побережья, дорога ведущая через малонаселённую пустошь с весьма низким эфирным фоном, и старая дорога через то, что, в целом, на родине могло бы считаться проклятой землёй.

Двигаться решили как раз-таки последней. По словам Алана ничего опасного там давно не водилось — вытравили, чтобы не страдали караваны торговцев и поставки товаров, а уж потереть высокий фон денёк они могли.

Будучи в городе они аккуратно расспросили об отряде с курьерским штандартом, но такого вроде как ещё не проезжало. Или проезжало, но спрашивали они не тех — город был, в конце концов, крупный, и поток путников и торговцев через него шол немалый. Порт, опять же, и пусть на юг оттуда корабли ходили не очень, на север, и с севера — вполне себе. Многие товары перегружались здесь с кораблей на телеги, и с телег на корабли, так что в том же порту работа кипела круглые сутки. И количество людей, приезжающих и уезжающих, заставило не так давно пробить в крепостной стене дополнительные ворота, затем ещё одни, да и трущобы за стенами разрослись в сравнительно приличные пригороды. Затеряться в такой мешанине народу было проще простого, именно поэтому они решили заехать туда за припасами, да посетить кузнеца. Шоуки теперь ежедневно проверял копыта коней, и хоть все подковы были на месте, несколько гвоздей вывалились, и следовало это исправить.

Визит в город был быстр и прошёл без приключений, только с некоторыми расходами на тот же въезд. И теперь они были готовы к долгому пути через перешеек.

На старой дороге было не так уж неудобно. Чутка мутило иногда, принцы, кажется, и вовсе ничего не чувствовали, да и в целом, за прошедшее время Шоуки успел немного притерпеться к проклятию и защищаться от него более эффективно.

Дорога, которой они ехали, сохранилась на удивление хорошо, впрочем, земля была довольно каменистая, глинистая, покрытая лишь разномастными полевыми травами. Сопки давно превратились в пологие холмы с совсем редкими кустами и рошицами между ними. Дорога всё чаще взбиралась вверх, вместо того, чтобы огибать склоны, но до маячащего вдалеке крупного холма они всё не могли доехать — когда они поднимались на очередной холм, между ними и далёкой вершиной оказывался ещё один. Вскоре стало понятно что это снова огромная сопка, и Алан оживился.

— Кажется, это Горбатый Страж, сразу за ним кончается насыщенная эфиром зона, и начинается перешеек. С его вершины, говорят, можно увидеть оба моря!

— Хорошо если так, — повернувшись в седле, кивнул Шоуки. Алан выглядел воодушевлённым, а Амарими задумчиво хмурился, будто пытаясь что-то вспомнить.

— Поднимемся на вершину? — предложил Алан, и сразу, почти заискивающе добавил: — Сверху открывается отличный обзор! Если что не так, заметим сразу.

— А если там как раз засели наши, кхм, неприятели, ради всё того же хорошего обзора?

— Ну вот застанем врасплох и зачистим, прежде чем они успеют подать сигнал подельникам!

— А то и допросим! И вызнаем все секреты! — добавил вскинувшийся Амарими.

— Ну все-то вряд ли, я, как бы, не заплечных дел мастер, да и вас, наверное, такому не обучали...

Шоуки смотрел на обоих подозрительно прищурившись. Но, надо признать, в их рассуждениях была толика логики. Шоуки не очень верил во вражеский дозор, так, ввернул больше, чтобы остудить пыл парней, но если так подумать, небольшая вероятность, что там действительно будет дозор, была.

— Ладно, поднимемся, — дал добро он, кивнув.

С подножия сопка казалась высокой, но когда они начали подниматься, а потом продолжили подниматься, а после всё ещё поднимались, начало складываться ощущение, что они взбираются на священную гору Аят, не иначе. Хорошо хоть большую часть пути проделали верхом по остаткам старой дороги, вившейся по склону. После пришлось вести коней в поводу — склон вроде как стал круче, и часть дороги сползла ниже безобразной грудой камней.

— Чуешь что-то наверху? — спросил Алан, стоически делающий вид, что вовсе не пожалел как минимум трижды о своём предложении подняться на сопку. Ещё и солнце так пригревало бодро...

— Нет, до макушки пока не достаю, — отозвался Шоуки, — Но вот металла вокруг... Полусгнившие наконечники стрел, обломки клинков, полагаю, детали доспехов...

— Где?! — оживился громко идущий совсем позади Амарими.

Шоуки вышел наконец на уцелевший участок дороги, и, отведя лошадей в сторону, обождал пока принцы с ним поравняются.

— Вокруг, в земле, там, здесь, — он обвёл склон рукой. — Да везде вокруг. Где больше, где меньше. Как будто эти склоны когда-то штурмовала целая армия.

— И не один раз, — согласно кивнул Алан, — Крепость наверху успешно сдерживала всевозможные армии в своё время. Через перешеек частенько приходили ваши северные кланы, до объединения Благословенных земель, конечно же. А потом появились первые Императоры, и один из них привёл с собой огромную армию и взял эту крепость в течение

дня.

— Постой, выходит, это Страж Перешейка? — охнул Амарими.

— Ну да, так эту гору тоже называли. А ещё в записках полководцев и путешественников того времени эту гору частенько называют Мужской Доблестью.

— Это отчего? — Амарими растерянно хлопнул глазами.

— Да потому что торчит между двух дорог аки хозяйство между ног! — совершенно серьёзно пояснил Алан, заставив обоих каритов смешливо фыркнуть.

— Хорошо, передохнули? — уточнил Шоуки. — Тогда давайте дальше, что ли? До верха немного уже осталось...

Никакого дозора наверху не было. Были бранные останки древней крепости в виде груд битого камня, почти начисто заросшего травой и низкорослым кустарником, да едва живое кривое деревце, чьи ветки были густо увиты лентами и шнурками всевозможных, но в основном выцветших цветов и размеров. Коней оставили в тени особо высоких остатков стены — там и трава была сочнее на вид. Сами подошли к дереву, которое, как оказалось, росло, цепляясь корнями за укрепленный камнями край площадки на вершине холма. И отсюда и правда открывался чудесный вид.

С этой стороны склон нырял вниз совсем резко, вставал на дыбы двумя небольшими холмами, за которыми сходились воедино две дороги, чтобы еденной полосой уйти на перешеек. Восточный океан отсюда был виден особенно хорошо, а вот Круглое море стыдливо пряталось за очень странного вида скалами. Они были высокие и такие отвесные и изломанные — Шоуки не мог припомнить ничего похожего.

А ещё здесь гулял ветер, довольно сильный, несущий на себе успевший позабыться запах моря. Он трепал ленты на дереве путешественников и шуршал травой на камнях древней крепости.

Они простояли так довольно долго, молча впитывая открывающийся простор, но потом как-то дружно посмотрели вниз.

— Спускаться будем долго... — заметил Алан задумчиво.

— Предлагаешь заночевать тут?

— Не самое удобное место... С точки зрения удобства. Что же касается безопасности — если потенциальный противник будет пробираться сюда чем угодно кроме дороги, то выползет сюда с языком на плече. А в темноте ещё и собрав шишек со всех попутных булыжников.

— А если спустимся, ночевать придётся где-то на въезде на перешеек, что тоже как-то сомнительно, — кивнул Шоуки задумчиво. — Но ужинать тогда придётся всухомятку, сушняк тут хватит разве что чай заварить.

— Солонина и галеты... — поморщился Амарими. — Но хоть чаем запить...

Чай, да... мешочек чая они прикупили в городе, до смерти соскучившись по напитку в дороге.

Так что завозились, устраиваясь на ночлег. Амарими полез по грудам камня, выламывая из кустов сухие ветви, Шоуки с Аланом занялись лошадьми и выбором не слишком каменистого места для лагеря. И вот Амарими-то и заметил, что кто-то двигается по дороге. Подозвал парней поглядеть.

— На торговый караван не похоже... — Шоуки прищурился, но до дороги и правда было далековато. — Просто всадники, кажется.

— Хм... Сейчас я их... — Алан заколдовал что-то, развёл немного руки, потом

выругался, заново начал проговаривать свою чародейскую скороговорку. С третьего раза у него получилось, воздух между ладонями задрожал, и в нём, как в линзе, подножие холма резво приблизилось. Пока он “наводился” на нужное место, оба карита любопытно заглядывали ему через плечо, и дружно же хмыкнули, разглядев всадников поближе.

— Ну, по крайней мере все они целы и невредимы... кажется... — заметил молодой принц.

— Определённо, — согласился Алан. — А если ещё поближе?

Заклинание протестующе затрещало, и развеялось. Алан недовольно поморщился. Привычные заклинания всё ещё давались ему плохо.

— Ну что, попробуем нагнать их завтра? — аккуратно предложил Амарими.

— Пожалуй, — согласился Шоуки. Спускаться с горы, нестись на перешеек за резво двигающимся отрядом, догонять его в сумерках, а потом искать по темноте их стоянку, пытаясь не ушибиться о охранный периметр... Устраиваться на ночёвку, опять же, начали, вон, сушняка чай заварить сколько надёргано.

Да и времени больше будет на моральную подготовку к возвращению под крыло посольского отряда...

Встали рано, едва ли не с первыми лучами, перекусили наскоро, без охотки, всё теми же галетами. Воды набрать было негде, но у подножия крайнего к перешейку холма, судя по карте, должен был находиться ручей. Его отыскали довольно быстро — здесь поили лошадей и наполняли бурдюки в дорогу, так что тропа к воде была натоптана. А там — бодрой рысью, то и дело переходя на галоп, пустились догонять своих.

Справа высились скалы, слева — шуршал о песок океан. Дорога потерялась в утоптанном песке широкого пляжа. По наносам водорослей, выбеленных веток и не пойми какой дряни легко можно было определить, докуда доходит вода во время прилива. Местами, получалось, едва ли не до дюны с вкраплением камней и чахлыми кустиками, из которой, казалось, сразу вырастали отвесные зубья скал. Местами пляж раздавался вширь, местами совсем сужался, обрастая отмелями, между которыми образовывались вытянутые озерца. Интересное место.

Но и понятно стало, от чего на длинном перешейке всего пара несчастных поселений. Где тут селиться? Пляж да скалы... И почему не пробрили канал до сих пор. Казалось бы, соедини два моря... Да куда с такими огромными, высоченными скалами?

Шоуки на всякий случай проверял и их тоже, докуда дотягивался. И море. Да и впереди и позади. Всё проверял, в общем — перешеек, так-то, был идеальным местом для засады.

Но опасность первым всё равно заметил Амарими. Он ехал немного позади — объезжая выброшенное на берег бревно, их маленький отряд невольно растянулся. Вот остроглазый принц обернулся за какой-то надобностью, оглянулся, да крикнул, привлекая внимание. Придержали коней, останавливаясь и разворачиваясь. Кони недовольно всхрапывали — кажется, им просто нравилось бежать наперегонки с ветром по влажному плотному песку.

Далеко позади и правда маячила, вроде как, группа всадников. Шоуки в стремених приподнялся — ему померещилось что-то странное. Алан тоже хмыкнул, и заколдовал свои приближающие чары — вышло всего со второго раза в этот раз. Наколдовал, и выругался удивлённо.

Заглядывать ему через плечо, пока он верхом было неудобно, Шоуки, конечно, потянул за поводья, поворачивая Пятнышко, но Амарими успел первым, просто нетерпеливо потребовав:

— Ну, что там?

— Всадники. Часть — рыжие. А перед ними бегут люди с оружием.

— Люди? — переспросил Шоуки, опасно накренившись в седле, но всё-таки рассмотрев открывающуюся картину. И правда люди. Бежали бегом с оружием в руках, у кого меч, у кого копьё, у кого, Предки помилуйте, вилы. И бежали они быстрее лошадей, которые, судя по аллюру, двигались ещё как быстро. А ещё пара здоровенных местных пастушьих псов, которых вполне можно было принять за лошадей без всадников.

— Куклы! — выдохнул сквозь зубы Шоуки, отлично помнивший манеру движений тех несчастных заколдованных, что гоняли его в столице северян у старого парка.

— По нашу душу или за посольским отрядом?! — нервно куснув палец, уточнил Амарими.

— Да какая теперь-то разница? — досадливо развеяв чары, Алан пришпорил коня.

— Двигаем! — поддержал его решение Шоуки, послав Пятнышко вперёд. Впрочем,

придержал немного, чтобы пропустить принцев вперёд. Так-то у них была хорошая фора, свои не могли уехать так уж далеко вперёд, да и какую скорость выдавали мохноногие низкорослые северные лошадки?

Как оказалось, достаточную, чтобы потихоньку их нагонять...

Шоуки оглядывался всё чаще и не верил своим глазам! Как они нагоняют? То что “куклы” держаться наравне с лошадьми его не удивляло — уже посмотрел на их живучесть, дурную силу, и предположения Алана на предмет того, как из живых людей делают это, и как оно функционирует. Увы, Алан мог только предполагать, опираясь на своё магическое образование и отчёты о каких-то прошлогодних событиях где-то на окраине. Помнится, будущего Императора особо расстраивало, что не удалось посмотреть на трупы заколдованных людей поближе.

О том, что он понимал под “поближе”, думать не хотелось. И так в одном почти что копались...

Время шло...и противник всё ещё приближался!

Шоуки уже вертел головой как перепуганная сова, пытаясь сообразить, что происходит, даже с подозрением покосился на своё ездовое чудовище, но то скакало бодро, ничуть не отставая от других лошадей.

Момент, когда всадники перекинули в руки болтающиеся за спинами арбалеты он пропустил. Да и какие к демонам арбалеты верхом да на таком расстоянии?

Как оказалось — ещё какие. Большинство болтов благополучно ушло в молоко, а один ужалил заводную лошадь Амарими в круп, заставив ту вскрикнуть тонко, почти почеловечески, и споткнуться. Повод натянулся, лошадь молодого принца сбилась с шага, когда её потянуло за седло, но молодой карит успел среагировать, достав клинок, и, извернувшись в седле, перерубить недоуздок, за которой скотина была привязана.

А вот Шоуки успел только дёрнуться, застигнутый врасплох не тем, что их обстреляли, а скорее тем, что он не смог засечь стрелы. Хорошо хоть его ступор был быстро развеян мыслью, что наконечники, должно быть, костяные, или из вулканического стекла, или чего-то ещё подобного. И это было паршиво до степени неопишуемой. Шоуки предпочёл бы полсотни лучников с нормальными стрелами десятку арбалетчиков с вот этим вот безобразием.

С этим срочно нужно было что-то делать!

— Я разберусь со стрелками и нагоню! — крикнул он парням, и поймав встревоженный взгляд обернувшегося Алана, рявкнул: — Не останавливаться!!

Вроде как его послушали. Отвернулся будущий Император, во всяком случае, быстро. Шоуки выхватил клинок, перерубил недоуздок своей второй лошади, и понадеявшись, что она увяжется за более крупным “табуном”, начал разворачивать Пятнышко. Распустил клапан седельной сумки, пересчитывая спицы и ножи, чтобы отвлечься от подступившего к печени страха.

Ничего, ему главное подойти на такое расстояние, чтобы только дотянуться до арбалетов — какой арбалет без железных деталей? Ухватить да зашвырнуть подальше в море, а там уже надеяться, что Пятнышко вынесет.

Но всё равно, скакать навстречу этой толпе было откровенно страшно.

Они успели сделать ещё один залп, но Шоуки смотрел во все глаза, успел поймать момент и расточительной волной духовной силы сбил болты перед собой и своим скакуном.

Расстояние стремительно сокращалось. Шоуки вытянул свой Дар так далеко, как только

мог, нащупывая арбалеты, прошёлся по сбруе маленьких взмысленных лошадок с совершенно безумными, выпученными глазами...

Собственно, а какого демона?..

Прищурился, и легонько дёрнул за подкову ведущей ноги одной из лошадок. Та не смогла поставить её ровно, нога подвернулась, и спустя удар сердца животное кувыркнулось, дрыгнув в воздухе задними копытами и подмяв вскрикнувшего всадника.

И ещё одна, и ещё! Он натянул узду, и недовольно всхрапнувший конь послушался, тормозя, взрывая копытами песок и приседая на круп. Противники были уже слишком близко, здоровенные псы длинными прыжками вырывались вперёд и стремительно сокращали расстояние. Шоуки замешкался, воюя с нежелающим разворачиваться рвущимся в бой конём, и вынужден был отработанным на рыбе резким броском засадить спицу в глаз ближайшему псу, да почти на всю длину, пробив тонкую кость. Один пёс споткнулся, да покатился шерстяным кульком, за ним, дёргаясь, покатился второй, а вот третий вытянулся в мощном прыжке.

И был принят на копыта взвившегося на дыбы коня — Шоуки едва сумел удержаться в седле, когда Пятнышко с глухим, утробным ржанием вскинулся.

А потом опустилсЯ, с хрустом втапывая в песок взвизгнувшую шавку, вдруг показавшуюся такой маленькой и хрупкой. После второго хруста несчастное животное затихло.

Шоуки вцепился в поводья, пытаясь оторвать эту тварь от попрания бранных останков, а то куклы успели подобраться уже опасно близко. На вид они не выглядели устрашающе — обычные крестьяне, внезапно, один рыжий здоровяк и пара типов бандитской наружности в стёганом подобии доспеха. Неужели снова какую-то деревеньку... уничтожили? Вряд ли, было тут кукол дюжины две, но это всё равно было на порядок больше того, с чем Шоуки готов был работать.

А ещё всадники, к сожалению, не все убились на покотившихся кубарем лошадках. Шоуки почувствовал резкое колебание почти отсутствующего проклятия совсем рядом, заметил вскинутый в кулаке помятого типа амулет и попытался его выхватить, но не успел. Слишком расплыл внимание и поздно заметил, что, вероятно, маг, зашевелился.

Пятнышко недовольно всхрапнул, когда его со всей дури лягнули пяткой, но всё же скакнул вперёд и в сторону, однако это не слишком помогло. Грохнуло, неведомая сила вышвырнула его из седла и покатила кубарем по песку. Хорошо хоть не вырубил, хотя и сбила контроль над даром.

Шоуки отплевался от песка, приподнялся на руках, трясЯ всё ещё идущей кругом головой. В левом ухе звенело.

Кукол тоже раскидало, часть отбросило назад, часть оказалась совсем рядом с каритом. И вот они приходили в себя куда быстрее Шоуки! Подхватив первый попавшийся нож, он бросил его вперёд, подрезая ноги ближайшим куклам. Отыскал откатившийся в сторону собственный меч, лихорадочно подтягивая к себе металл. Две “куклы” удалось утихомирить, но потом спицы кончились, и вытягивать их из упавших ничком трупов было неудобно и некогда, ибо Шоуки едва не насадили на копьё. Пришлось отбиваться, одновременно пытаясь и отступить, и лихорадочно ограничивать подвижность противников летящими ножами. Пробить ими череп у него, увы, не получалось...

А ещё снова начал бурлить эфир...

Шоуки шархнулся, продолжая отмахиваться от наседающих кукол с их чудовищной

силой удара. Пропустил-таки удар копьём, но то, к счастью, едва оцарапало кожу, распоров рукав рубахи. И пинок, от которого вся нога прострелила болью. Грохнуло, обдав хлётским ударом ветра и подхваченным им песком, но в этот раз Шоуки на ногах устоял, продолжая отступать. Он был так сосредоточен на попытке отбиться, что пронёсшаяся рядом лошадь оказалось для него неожиданностью. Лихо блеснул клинок молодого принца, голова настырного копейщика отлетела в сторону, и тело несчастного наконец то рухнуло на землю безжизненным.

— Я сказал вам уходить! — рыкнул невольно Шоуки, почти перерубив руку в кисти другому противнику. Тот, кстати, вспыхнул, как и соседний, обдав Шоуки жаром.

Будущий Император пронёсся дальше, на ходу создавая щит, отбивший какой-то сгусток.

Замечательно. Теперь Шоуки бился против мало того что не чувствующих боли кукол, изготовленных из живых людей, так ещё и горящих не чувствующих боли кукол, изготовленных из живых людей...

И он был вынужден отступать, хотя всеми силами рвался вслед за парнями — принцев срочно нужно было хватать в охапку и уводить отсюда! Но большая часть кукол насадала на него, куда меньшая переключилась на Амарими, нарезавшего круги и рубившего одержимых с седла. Дальше сверкало и грохотало, там, похоже, шла битва магов.

Он закусил губу, засадил ножи в одного противника, попытался прорваться к Алану через редкий строй врагов, но едва не поплатился за это жизнью, словив такую затрещину обрубком руки одной из кукол, что перед глазами поплыло.

К счастью, куклы всё-таки заканчивались. Помятый и успевший проклясть всё на свете Шоуки, оказавшийся уже по щиколотку в воде из-за своих манёвров по песчаному берегу, обрушил меч со всей силой своего Дара на куклу-хладоморца, просто сломав его клинок и едва не перерубив тело надвое. Ещё удар, роняющий здоровяка на землю с подрубленной ногой, и можно бежать на выручку Амарими — коня тот умудрился потерять, и теперь бегал от трёх кукол, пытаясь подрезать их отпущенным в полёт клинком. У Шоуки с этим опыта было больше, вдвоём они разобрали троицу куда быстрее, утихомирив навечно. За прочих недобитых кукол Шоуки не волновался — оклемавшееся чудовище в конской шкуре бодро рысало от одного ползущего тела до другого, ненадолго задерживаясь у каждого, чтобы вдосталь потоптаться сверху.

Оглядел молодого принца, установив, что тот ранен несерьёзно — пара царапин и только, и озадаченно повернулся к стене огня, за которой виднелся медленно оседающий многослойный щит. Алан стоял на краю этого кошмара, и ему вроде как ничего не угрожало...

— Мне нехорошо... — пробормотал Амарими, имевший глупость так же окинуть взглядом поле боя. Он побледнел, нервно прижав ладонь к лицу, но обуздал свой организм и сохранил какое-никакое достоинство.

С треском лопнули щиты, раздался полный ужаса и боли крик, и огонь торопливо опал, но, судя по характерному запаху жжёных волос и горячей плоти, было уже поздно.

Всё стихло, только розовой пеной шуршал океан, омывая втоптаннные в песок трупы.

Весьма довольный собой подошёл Пятнышко, забрызганный кровью едва ли не по самое брюхо, и Шоуки потрепал его по холке, рассеянно думая, о том, что океан тут очень к месту, можно будет без особых проблем отмыть коня.

Он так устал что у него даже ругаться сил уже не оставалось...

Огонь, конечно, призывать было легко, а вот контролировать — не очень. Тонко контролировать!

Алан озадаченно ругнулся, глядя на почерневший труп в круге оплавленного песка, поморщился, когда ветер бросил в лицо запах горелой плоти. Собственная сила ужасала, хотя, чтобы промять умело выставленные щиты, выплеснуть её пришлось порядком. Даже в груди зануло — помнится, Шоуки говорил, что так отзывается истощённый духовный сосуд.

Поспешив отвернуться от ужасающего зрелища, Алан только зубом цыкнул, застав ещё более отвратительное. Поёжился, стараясь не глядеть на едва ли не размазанные по земле трупы, и коснувшись горящего от жара лица, направился к каритам. Те были целы, хотя и порядком помяты и заляпаны кровью. Даже боевой конь был в крови... Хотя вот это вот как раз не удивительно.

— Целы? — уточнил он подойдя.

— Целы... — как то рассеянно согласился Шоуки. Бледный до невозможности для южанина Амарими кивнул, а потом чуть нахмурился:

— У тебя бровей нет.

Алан тоже нахмурился, и коснулся своего лица, убеждаясь в правдивости этого заявления.

— Да... Я, кажется, немного переборщил с огнём. Жаль, хотел взять его живьём, но щитовых амулетов и накопителей у мужика оказалось ненормально много... И вообще, давайте, что ли, свалим отсюда, к лошадям.

По-хорошему нужно было бы обыскать уцелевшие тела, но... Ладно, сейчас куда важнее перевязать раны и продолжить путь. И от крови хотя бы немного отмыться. Увы, своего коня Алан потерял — того подмяло заклиниванием противника, конь Амарими тоже лежал с исполосованным горлом, так что назад, к оставленным у какой-то кочки заводным лошадям шли, нагружившись сёдлами и седельными сумками. Шли у самой воды, задумчиво помалкивая. Только Пятнышко фыркал, когда волны ударили его в бок и пенились под брюхом. Конь высоко вскидывал ноги и задирает мокрый хвост насколько это было возможно, но выглядел при этом абсолютно довольным жизнью.

Отойдя подальше отмылись и сами, наскоро, Алан совершил ошибку, плеснув себе в лицо водой — опалило его похоже, сильнее, чем он думал, и кожу теперь жгло совсем уж нещадно. Парни отделались парой царапин, но Шоуки ещё и пошатывало немного, то ли от усталости, то ли от пропущенного по голове удара. На вид всё было в порядке, но он то и дело щупал волосы между затылком и ухом с правой стороны.

А там добрались до оставленных у какого-то чахлого кустика лошадей. Жеребец с засевшей в крупе стрелой прибил к ним же, и после осмотра и первой помощи выглядел вполне бодро, но всё равно нагружать его не стали, распределив вещи и припасы между осёдланными животными.

После не ехали уже в таком темпе, как прежде — жалели лошадей. Но всё равно уже почти за полдень нагнали посольский отряд. Также помятый и потрёпанный, с пятком раненых, сидящими в кучку связанными пленниками и перевёрнутой у самого берега лодкой.

Подъезжали к каритам неторопливо, даже немного опасливо, как к растревоженному гнезду шершней, ибо когда их заметили, закономерно схватились за оружие. Но когда узнали... стали, похоже, ещё злее, хотя клинки в ножны попрятали.

Уважаемый Ноори Тайко вышел им на встречу, светя наливающимся под глазом

синяком на суровом лице, глядя осуждающе, но не торопясь заводить разговор. Молодой принц первым прыгнул на землю с высокой лошадиной спины, как договаривались, и степенно поклонился.

— Рад видеть вас в добром здравии, господин Тайко! Похоже, наши усилия не пропали втуне! Не далее нескольких часов назад мы разбили отряд противника, намеревающийся подло ударить вас в спину. К сожалению, пленных нам захватить не удалось — маги сражались до последнего, а несчастных, обращённых в одержимых кукол, как вы знаете, избавить от этой жалкой участи можно лишь смертью! В любом случае наша тайная миссия завершилась полнейшим успехом, нам удалось узнать ценнейшую, но тайную информацию о шпионах нашего противника, а так же разбить один из его отрядов на пути к вам! — ладно заливал Амарими елеиным голосом.

Здоровый глаз головы отряда начал чуть подёргиваться от таких заявлений, он помедлил, и всё же медленно кивнул...

Дальше двигались медленно и печально. И из-за раненых, и из-за пленных, но большей частью всё же из-за потери лошадей. На перешейке почти не было источников пресной воды, и потому с собой её везли довольно много. К вечеру впереди показались редкие деревья, океан чуть отступил, давая волю более приличному куску суши. Хотя всё равно это место больше напоминало кочку, слегка поросшую травой и кое-какими деревцами.

Примечательна была каменная стелла, что стояла посреди этой кочки в окружении редких тонких деревьев. Амарими сорвался к ней сразу утолять любопытство, и Шоуки с Аланом спешили следом. Шотиши и Тарики так и остались в сёдлах, сверля взглядами своего подопечного — отряд не планировал здесь останавливаться, и вскоре стало ясно, от чего.

— Всяк путник следующий на север, знай, за этим камнем кончается Благословенный Предками край и начинается проклятая земля! Ежели решишь ты продолжить путь — молись богам, уповай на их защиту и духовные практики, дабы не угаснуть на проклятом севере аки свеча на ветру! — задумчиво прочитал молодой принц.

— Как-то излишне зловеще, нет? — с сомнением уточнил Алан.

— Нет. Простые люди переносят этот ваш эфир довольно паршиво. Кариты получше, да и то не все.

Шоуки вздохнул, да взобрался обратно в седло, проводив недобрым взглядом вереницу рыжих, плетущихся гуськом в своих путях.

— У насыщенных эфиром зон не бывает чётких границ. Они весьма условны, и могут сдвигаться на некоторое расстояние в зависимости от фаз луны и кое-каких других событий, например... — Алан тоже вернулся в седло и нагнал подельников, но сбился посреди фразы, чуть нахмурившись, и прислушиваясь к себе. Шоуки тоже почувствовал вдруг, как дышать стало легче, а духовный сосуд будто отпустило сковывающее и ставшее привычным напряжение. Он оглянулся на стеллу, от которой они успели отъехать хорошо если на пару шагов, и хмыкнул.

— Нет чётких границ, говоришь? — Амарими ухмыльнулся, и вдруг рассмеялся, прищоривая коня. Шоуки понимал его воодушевление, но всё равно покачал головой, ибо был в силах сдерживать собственные чувства. Но всё равно последовал за ним и Аланом, вырвавшись в голову отряда. Кариты вокруг расправляли плечи, переглядывались с весёлым блеском в глазах, даже раненые немного пободрили, перестав понуро качаться в сёдлах.

Впереди расстилался песчаный пляж, на горизонте виднелся новый островок зелени. Вот на нём и остановились. Деревьями там даже не пахло, только местами можно было найти старые пеньки, но вот какие-то непонятные кусты с маленькими, узкими и длинными листиками заполонили всё, кроме вытопанной площадки с кострищем. По краю её были воткнуты крупные камни с печатями, образующими основу защитного периметра, а подле кострища лежал крупный сторожевой камень. Так что устроились... Не то что с особым удобством, зато в безопасности. Молодого принца ненавязчиво устроили в самом центре лагеря, Алан болтался рядом с ним, да и на Шоуки, так-то, поглядывали, пока он ухаживал за лошадьми. Чтобы не делся никуда.

В небо взмыло три бумажных вестника, и унеслось на юг, цепочкой. Больше не было угрозы, что проклятье выжрет управляющие печати и послание не доберётся до места

назначения. Шоуки проводил их взглядом, рассеянно постоял пару минут, думая об отвлечённом, и вернулся к костру, ужинать и наблюдать дивную картину — Амарими пытался подлизываться к телохранителям, оскорблённым тем, что в “побег” их не взяли. Они, конечно, виду не показывали, но определённая исполнительная холодность в их поведении всё равно чувствовалась. Алан тоже с любопытством наблюдал за процессом, но не вмешивался, уплетая ужин.

Одним словом, стоянка прошла в редком умиротворении и благодущии, которое не было нарушено даже полуночной и совершенно неудачной попыткой пленников к побегу.

Следующим днём встретили караван, идущий на север. Голова предупредил купцов и их охрану о месте бойни и непогребённых трупах, которые, наверняка были уже порядком поклёваны морскими птицами. Отдельно велели не предавать их погребению — за ними вышлют позже.

Да и нет на перешейке достаточно древесины, чтобы сжечь такое количество тел. Хотя, вроде как северяне закапывают своих покойников в землю?

Нехорошо вышло, что они оставили их просто лежать на песке. Но — что они могли сделать?

Вечером они добрались до первого поселения, уходящего в океан длинными пристанями и волнорезами. Поселение образовалось подле небольшого укрепления, выложенного из камня скал перешейка. Основание древнего форта, маленького и куцега, ныне использовалось как склад во дворе привычного, имперской архитектуры постоянного дома. Там же приютились конюшни и, через ворота — сад, посреди которого располагался источник пресной воды — медленно наполняющаяся выложенная всё тем же камнем чаша. Так что ночевали со всеми удобствами, в безопасности. Служанки, получив достойное вознаграждение, за ночь вычистили и акуратнейшим образом заштопали одежду парней, так что можно было облачиться в неё и снова слиться с отрядом. С утра двинулись дальше, погоняя немного задубевших в сыром погребке пленников. А уже к обеду они встретили большой отряд в цветах клана Сиасай и нескольких вассальных родов. Троицу ненавязчиво оттеснили от общения со встречающими, которым, в целом, просто передали пленных. Сменили нескольких лошадей — у встречающих было с хорошим запасом.

На том и разъехались. Отряд достопочтенного Ноори Тайко продолжил свою ответственную миссию по доставке отчётов и дипкорреспонденции, а люди ответственного за эти края клана остались разобратся с доставкой бандитов на суд в столицу и с оставленными на перешейке трупами.

Всё, в целом, правильно, но принцы были не очень довольны. Шоуки даже представлял — от чего — Алан наверняка горел желанием допросить хладоморцев, а Амарими просто бесило, что все силы отряда теперь направлены на то, чтобы не выпустить их из поля зрения и не позволить улизнуть ещё куда-нибудь!

И ведь бдели рьяно, уязвлённые прошлым своим промахом, что позволило Шоуки наконец немного расслабиться и успокоиться.

Красота!

Когда перешеек раздался и они наконец выбрались к обжитым землям, путешествие стало восхитительно скучным и навязчиво спокойным.

Ехали по хорошим дорогам, по местам тихим, либо с бандитами достаточно разумными чтобы не нападать на людей Наместника, ночевали в удобных гостевых домах да на заставах, ели прекрасную знакомую и понятную пищу и приводили себя в порядок в добротных купальнях.

Разве что он немного забеспокоился, когда местность вокруг показалась смутно знакомой. Очередной раз оглянувшись за вздымающиеся за лесом скалы, переведя взгляд на полузатопленную низину, густо поросшую тростником, что всё раздавалась и раздавалась вширь, он поймал на себе пристальные взгляды обоих принцев.

— Засада? — с надеждой в голосе предположил извёдшийся от скуки Амарими.

— Нет, просто места знакомые. Мы по карте сейчас?..

— Тростниковая долина, вроде... — прикинул Алан.

— Значит, через пару дней будем в столице, — кивнул Шоуки.

— Постой, это земли клана Оро... — припомнил молодой принц. — Ты именно из этих мест?

— Да, — кивнул карит. — Дорога проходит через поселение, скоро, думаю, уже видна будет крыша храма на въезде.

Амарими оживился, и тронув коня пятками почесал к голове отряда. Телохранители тронулись следом, и Шоуки пришлось остаться при Алане, тоже несколько оживившемся. К счастью, молодой принц вернулся быстро.

— Мы задержимся в поселении немного, — сообщил он. — То-сё, припасы, ерунда всякая. Так что, если хочешь кого-нибудь навестить...

Шоуки был несколько удивлён таким предложением, особенно, подозревая, что Амарими выпросил эту остановку, и потому ответил не сразу.

— Заглянуть в храм было бы неплохо, — кивнул он благодарно.

Вскоре и правда над зарослями бамбука показалась островерхая крыша храма. Шоуки подивился новой черепице на части одного из скатов. Отстранённо задумался о том, сколько лет прошло с тех пор, как покинул поселение, и впал в рассеянность.

Храм всё ещё располагался у входа в поселение, на невысоком холме. Сорок ступеней взбегали к его воротам, и каменные стены скользили по склонам, убегали в заросли по одну сторону и терялись за крышами домов по другую. По-прежнему никто не решился возвести дом, или склад, или мастерскую за храмовым холмом, продлевая поселение на север.

Проехали мимо, да мимо рыночного ряда, к разросшемуся гостевому дому Тростниковой Долины. Завозились с водой да припасами, и Шоуки испросил у Ноори Тайко дозволения отлучиться на короткое время.

Естественно, Алан, Амарими да его телохранители увязались следом.

Прошлись по поселению, не привлекая особого внимания у живущих своей жизнью местных, поднялись по тщательно выметенным ступеням под арку храмовых ворот да во внешний двор, выложенный вылизанными едва не до блеска плиточками — у Шоуки аж спину заломило от воспоминаний.

— А экран-то какой старинный... — хмыкнул Амарими, указывая на каменную конструкцию. Грубоватый камень был покрыт резьбой, изображающий схождение богов с горы Аят.

— Здесь было первое поместье клана Оро, — пояснил Шоуки, по понятным причинам знавший историю этого места. — Потом у главы, построившего первые здания на этом холме, родилось двое сыновей. Старший остался здесь, вести дела после отца, а младший

женился и уехал за лес, где возвёл поместье для себя. Потом случилась распря с соседями, и главу клана с обитателями этого поместья вырезали под корень. Младший сын стал новым главой, а на этом месте велел возвести храм. Часть построек сохранилась с тех времён.

Как раз обошли экран и снова поднялись на десяток ступеней, во двор перед храмом. Картина открылась знакомая — старший жрец сидел на ступенях, да распекал послушников, пока малышня старательно выметала углы и чистила статуи. Малышни правда, было всего трое пацанят, да и у послушников, всех, кроме одного, лица незнакомые.

Время идёт, некоторые вещи же не меняются.

Шоуки поклонился вежливо статуям богов и собирался по-тихому улизнуть в боковой проход, но увы, такая большая компания привлекла внимание настоятеля. Тот жестом разогнал послушников, и с кряхтением поднявшись, похромал к посетителям, опираясь на свою клюку. Новенькую, со свежей резьбой и довольно внушительную. Интересно, об кого сломал старую?

Молодой карит превентивно поклонился, сложив руки в молитвенном жесте.

— Доброго дня, господин Ооши, рад видеть вас в добром здравии и по-прежнему во главе этого чудесного места!

И в здравом уме, определённо, а вот зрение старика начало сдавать, судя по тому, как тот вскинул голову и прищурился на Шоуки. Не надолго — глаза его блеснули, и старичок аки клещ вцепился в руки парня своими рябыми от возраста грабками.

— Шо! Предки мне во свидетели! Ты так повзрослел, так повзрослел, мальчик мой! Я едва признал тебя...

— Моё имя теперь Шоуки, господин Ооши.

— Ох! Шо-оуки. Как же рад я познакомиться с тобой сызнава! Добрый же господин достался тебе, мальчик мой... Малышня! Малышня, подите сюда немедленно!

Шоуки опешил даже, сообразив, что сейчас будет. Он несколько неверяще смотрел, как шустро сбегается к настоятелю детвора. Не трое — пятеро сироток, ещё двое подтянулись из помещений храма, сверкая пятками. Смотрят на настоятеля выжидающе, с некоторой опаской косясь на незнакомого карита.

А ведь такое уде было на его памяти. Дважды, только тогда он сам был босоногим мальчишкой, оторванным от хозяйственных дел призывом господина настоятеля.

— Вот, малышня, смотрите, к чему приводит усердие и послушание! Справедливые Предки вознаградили этого доброго юношу за его старательность и прилежание! Наш дорогой Шоуки ещё пяток лет назад был таким же несчастным сироткой в стенах этого храма, а теперь он — карит на службе у знатного клана в услужении у самого наместника!

Вырывать руки у настоятеля было как-то совсем не вежливо, но тот не намеревался отпускать живое доказательство пользы труда и послушания. Шоуки в некоторой панике оглянулся на спутников, но обнаружил что старшие телохранители отступили к статуям богов, делая вид что молятся, Алан смотрит на происходящее с вежливой заинтересованностью, а Амарими хитро шурится, что не предвещает ничего хорошего.

— Право слово, господин Ооши, в этом нет ничего особого... — попытался отвертеться от роли наглядного пособия карит, с ужасом представив, что было бы, будь на нём сейчас пояс телохранителя младшего принца, да и пояс личного ученика, впрочем, тоже, а уж узнай старик, что это за любопытный полукровка тут рядом с ним...

— Шоуки, как всегда, скромн и учтив... — елеиным голоском пропел под ухом молодой принц. — Но не за это его выделяют старшие, а за успехи в постижении

мастерства! Поверите ли вы, уважаемый Ооши, что этот достойный карит уже развил свой духовный сосуд до серебряного уровня?

Глаза настоятеля вспыхнули с новой силой, а Шоуки почувствовал почти непреодолимое, преступное, но такое заманчивое желание загнать принцу нож поглубже под рёбра.

— Я его убью, призываю Предков во свидетели, перед лицом потомка Истинного Императора я клянусь...

Алан немного нервно усмехнулся, и перехватив карита за дрожащие руки, прижал к стене.

— Не стоит давать сгоряча подобные клятвы, дыши, дыши глубоко, ты же собаку съел на медитациях, ты знаешь как уравнивать внутреннее и внешнее! Ну, давай, вдох — выдох...

К счастью, карита вроде отпускало. По крайней мере, трясти его почти перестало, да и взгляд становился менее... дурным. Алан счёл возможным отпустить его, и тихонько высунул нос в проход, обозревая происходящее во дворе старого храма. Представление продолжалось, Амарими о чём-то воодушевлённо трещал с местным жрецом под осоловелые взгляды послушников и живущих при храме сирот. Вот уж кто чувствовал себя вольготно в лучах славы...

— Ну? — повернулся обратно, заглядывая в глаза кариту, и с удовлетворением увидел там осмысленное выражение.

— Причём здесь поедание собак? — Шоуки ещё немного потряхивало, но карит всё же взял себя в руки и отлепился от стены.

— Выражение такое, не бери в голову... — отмахнулся. — Куда ты там хотел пойти. Покажешь? И расскажешь?

Шоуки кивнул, да указал вдоль прохода между правым крылом храма и огораживающей его стеной.

— И вообще, ты же знаешь Амарими, к чему так переживать из-за его выходок?

Карит не ответил. Они прошли за угол, где приютилось несколько двориков с традиционными садиками, и большая арка, выводящая на приличный кусок пологого склона, обнесённый забором. Выложенная сланцем тропинка вела к высокой стелле на плотно утопанной площадке. Перед ней были выложены горшочки с цветами, керамические сосуды с подношениями. Две мелкие пташки, не веря своему счастью, споро уплетали рисовые зёрна, сидя на краю широкой площадки.

Алан задумчиво склонил голову на бок. Обычно Предков почитали у главного алтаря в храме. Прах после сожжения развеивали где-нибудь в значимом месте, но пригоршню его относили в храм, и высыпали в прорези под алтарным камнем. По крайней мере, так значилось во всех записях о культуре южан и их погребальных обрядах. В его семье тоже было принято отрезать у покойника прядь волос, сжигать, и отправлять получившуюся жалкую щепотку в храм при Посольстве.

— И это?...

— Общая могила, — Шоуки успокоился, присмирел, и теперь задумчиво смотрел на испещрённый письменами камень. — В тот год от мора скончалось очень много местных.

Переболевшие были слабы, здоровые боялись покидать дома. Погребальные костры складывали... с не вполне достаточным количеством дров. Да и развеивать такой прах нельзя. Потому здесь вырыли глубокую яму, и вокруг неё жгли по четыре-пять костров одновременно, а непрогоревшие угли и прах стлкаливали вниз. Яма дымилась ещё несколько дней, пока её не засыпали наконец. Так что это своего рода алтарь для тех, кто умер в то дурное время.

— И твоя родня?

— Мать.

Кивнёт, да отступит к арке входа, давая кариту помолиться спокойно у захоронения. И придержит Амарими, когда тот нарисовался в проходе, и, выцепив взглядом соотечественника, бодро направился к нему.

— Дай человеку спокойно помянуть родню, — попросил тихо.

— Дам, дам... — вздохнёт тихонько, и устроится рядом с Аланом, под аркой. — Нас там, кстати, уже искали.

— Ну и кто виноват, что мы так задержались? — насмешливо уточнил Алан.

— Ну, мне показалось, что немного лишней похвалы ему не помешает.

— И утращения на тему каких-то там презренных. Кстати, о чём это было? — будущий Император понизил голос. Ему показалось, что тема довольно щекотливая. Амарими подтвердил его подозрения, поёжившись и забегав глазами.

— Те кто не знают мест упокоения своих предков, не имеют хорошей связи с ними. Кто вообще не знает своих предков, считай что проклят — те не могут помочь ему в трудную минуту, подсказать... У сирот обычно с этим... проблемы. Насколько я понял, Шоуки знает только место упокоения своей матери. Через неё, конечно, другая родня присматривает за ним, но всё же это довольно слабая связь.

— И при чём тут семья, дети? — не сообразил Алан, чуть нахмурившись.

— У презренного есть только одна возможность сделать своё посмертие достойным — самому стать Предком большого семейства. Так что когда жрец торопил его найти жену и обзавестись потомством, он желал ему только хорошего, подстраховаться там, на будущее, чтобы если вдруг что...

Алан только головой покачал. Ладно, если контекст был именно таким, понятно почему Шоуки едва не психанул. Ох уж эти южане с их странными традициями.

И ему ими править. Когда-нибудь.

Под ложечкой неприятно засосало. День-два, и они придут в столицу Империи.

Придёт время очень тяжёлых разговоров. Придёт время выяснить, насколько он был прав в своих суждениях о Наместнике.

В пору молится поколениям и поколениям венценосных Предков, чтобы всё прошло... не слишком паршиво.

— Милый, ну не надо так, это важно, ну, пожалуйста... Ах, проказник, хватит, ты уходишь от разговора! — её голос звенел от праведного возмущения, но в нём чувствовалось такое... горячее придыхание. И сердечко выдавало её с головой, трепыхалось как испуганная пташка в руках, и запах её кожи манил, и выкинуть из головы все эти посторонние глупости определённо было чудесной идеей! Осталось только распутать её пояс, и...

— Хватит паясничать, Тамай, последний раз предупреждаю! Тут велено — незамедлительно... — она снова потрясает мятым листочком распотрошенного вестника, и так мило хмурит бровки, пытаясь касаться суровой и непреклонной.

— Да ну, он лично обещал что не потревожит нас в это чудесное время! Так что, пусть держит слово, брось эту несчастную писульку и иди ко мне, дорогая... — промурлыкал карит, справившись с пояском и воодушевлённо запуская руки под накидку супруги.

— Тамай!

Нежные пальчики впились в его запястье, молодая женщина изогнулась сильно и гибко как горная пума, и Жнец болезненно замер в неустойчивом положении с хитро заломленной за спину рукой.

— И этому тебя тоже папочка научил? — выдохнув, глухо спросил он, с сожалением чувствуя, что желание утащить супругу в койку как-то само собой рассасывается.

— И этому тоже, — она отпустила его наконец, позволив разогнуться, и снова сунула записку под нос. — Видишь? Срочно!

— Не поеду. Он обещал нас не беспокоить!

— Но вдруг что случилось? Серьёзное? Настолько серьёзное, что он готов нарушить своё обещание! — она поправила накидку, и начала затягивать пояс. Тамай с сомнением покрутил записку, содержащую всего два слова и подпись, после чего вздохнул, бросил на супругу обожающий взгляд... И с совершеннейшим мучением перевёл взгляд на записку. Даже не зашифрованную!

— Ну, если бы небеса упали на землю, мы бы заметили. Что ещё может заставить его нарушить обещание?

— Вот съезди и узнай! — она поднялась на цыпочки и нежно коснулась губами его щеки. Удручающе мимолётно. — Я приготовлю твою Хризантему... Мало ли, прихвати с собой. И оденься подобающе! Тоже — мало ли...

Тамай вздохнул, растёр лицо ладонями, и поплёлся переодеваться... Не в парадное так точно. Мало ли, не мало ли, но его, по идее, могли вызвать только на “работу”, которая в большинстве случаев включает в себя устрашение, драки и кровь, а значит наряжаться в пух и прах смысла не имеет.

Когда он привёл себя в порядок и заткнул за пояс клинок, обнаружил, что дорогая супруга пытается тащить тяжёлый короб сама, и подхватил его за петли, уголки, и прочие стальные детали. В соседнем помещении возмущённо пискнули. Тамай вышел в зал, и подхватив ящик за ляжку, закинул на плечо.

— Я просто хотела помочь!

Когда она возмущённо вздёргивала носик, это тоже было чертовски мило.

— Не стоит, если дело касается груди железа. Я постараюсь не задерживаться.

Надеюсь, там не случилось ничего серьёзного, и от работы удастся отвертеться. Тогда буду назад к вечеру.

Карит обнял молодую супругу, поцеловал в щёчку на прощание, потом в уголок губ, потом... потом она пригрозила, заполошно дыша, что продемонстрирует другой почерпнутый у батюшки приём, и пришлось всё же направиться к конюшням, а там — покинуть поместье, и поторопиться в столицу, не особо, впрочем, нахлёстывая коня.

По дорогам не шарахались вражеские армии, не бродили шеренгами восставшие мертвецы, погоняемые демонами и чудовищами, столица не горела, не вымерла, не была в осаде — город жил своей жизнью, в торговом квартале — торговали, в квартале бумажных фонариков — развлекались, перед дворцовой стеной было тихо и мирно, стража бдела, да и сам дворец был на месте.

Спрашивается — и чего его вызвали то?!

На воротах, впрочем, нервно дежурил один из слуг Наместника, который раскланялся и торопливо повёл его вглубь дворцовых переходов. Что-то всё-таки произошло?

Идти, как водится, пришлось долго, в самые дальние помещения высокого двора. Наместник ждал его не в приёмной, в одном из помещений неподалёку от библиотеки, в комнате с террасой. Сидел за столом, перебирая документы и потягивая чай. Выглядел сосредоточенно спокойным, как обычно, хотя хлебал чай как-то уж очень бодро. Тамай склонил голову на бок, с прищуром рассматривая Наместника, и лишь когда провожатый, повинувшись жесту, удалился, поклонился, и заметил недовольно, ставя тяжёлый короб на пол:

— Вы обещали, господин! — напомнит он. — Но небо не свалилось на землю, и Истинный Император не воссел на престол, а я — здесь!

Наместник как-то нервно хохотнул вдруг, на мгновение прикрыл лицо ладонью, выдохнул, затем поднялся из-за стола, подхватив стопку каких-то затёртых тонких книжечек.

— Мне бесконечно жаль, что пришлось подпортить тебе один из моих щедрых свадебных подарков... Но обстоятельства... идём, в общем. Сам увидишь.

Заинтригованный, Тамай хмыкнул, но, подхватив Хризантему, последовал за ним.

Прошли ещё дальше, в старые помещения дворца, которые сейчас вроде как не особо использовались. В одном из них были люди, Жнец почувствовал клинки, и один из них показался знакомым.

Да ладно! Тамай хмыкнул, когда владелец клинка сменил положение, и развернулся лицом к дверям, по-видимому.

Так и вышло — в помещении старой гостиной с расписанными шёлковыми полотнами на стенах куковали трое. Уже вылетевший из головы, если честно, ученик стоял, повернувшись к двери и чуть склонив голову, что придавало его заострившемуся лицу настороженный и напряжённый вид. И этот взгляд почти что из-под бровей. Тамаю захотелось протереть глаза — казалось, молодой Наири Ло смотрит на него. Только безобразный и довольно свежий шрам рассекающий щёку немного подправлял положение, скрадывая несомненное семейное сходство.

Вторым был младший принц, живой, целый на вид, и непривычно собранный и серьёзный. В целом, рано было говорить о подобном, но первое впечатление намекало на то, что путешествие пошло на пользу его дурному характеру.

Принц сидел у низкого столика, заваленного какими-то рукописями и свитками, рядом с ним пристроился незнакомый юноша несколько странной наружности. Тамай не сразу

признал смеска — бледность кожи и черты лица выдавали северные корни, а неряшливо взлохмаченные волосы неудобной длинны и вовсе ставили в тупик. Ни в хвост собрать, ни назад зачесать, чёлка лезет в глаза. Разве что — отращивает... Взгляд у незнакомого юнца был цепкий и внимательный, серьёзный.

Да и в целом все трое сейчас смотрели как-то неуловимо похоже.

— Учитель, — Шоуки наконец сложил руки и поклонился подобающим образом. Тамай кивнул, и повернулся к Наместнику, ожидая объяснений, а тот шагнул вперёд, и положил стопку книженций на сол.

— Я нашёл ещё несколько, — заметит он смеску, после чего повернулся со странной улыбочкой на губах. — Ипозвольте представить вам Тамая Айри, так же известного как Жнец, ему можно доверять всецело.

Тамай сморгнул, перевёл взгляд с главы клана на чужака, и тут его ошарашило мыслью — а ведь верно, если небеса упадут на землю, или вернётся...

Да нет, быть такого не может! Не может же? Не при его ж жизни...

— А это — Ишимари, урождённый Алан Коэн, потомок Сиятельной Миноко, наш будущий Император.

Старший карит на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как перед ними поплыло всё, но потом собрался с силами, опустившись на одно колено.

— Рано, — оборвал его юноша, не два произнести уже рвущиеся с губ слова. — Поднимитесь. Или присаживайтесь рядом, нам нужно многое обсудить.

Шоуки нервничал. К счастью — нервничал по сущей мелочи, даже не нервничал, а так, переживал и чувствовал себя немного виноватым из-за того, что в дороге не слишком много времени уделял упражнениям и медитациям.

Как-то не до того было.

Нервничал он со всей ответственностью, когда они сознались во всём перед наместником, и тот смотрел задумчиво и немного удивлённо на парочку принцев. Потом снял с шеи драгоценный амулет, символизирующий его статус, и попросил Алана коснуться его, и по очереди направить туда силу духовную, и магию эфирную. Тот сделал как велели, и на старой меди засветился сперва один из узоров, потом другой.

И вот тогда на лице Наместника промелькнуло такое странное выражение, что Шоуки занервничал особенно сильно. В голову начали лезть панические мысли, что возможно, тому не захочется расставаться с властью и Алан может быть в опасности... Так что, когда Наместник попросил их выйти, чтобы переговорить с наследником престола наедине, Шоуки отказал, жёстко и упрямо. Амарими тоже. Наместник немного грустно усмехнулся, и не стал настаивать, что насторожило Шоуки ещё больше.

Так он и был на взводе, пока Алан с Наместником обсуждали дальнейшие действия и всякие частности, едва не поругались пару раз, ещё больше напрягся, когда Наместник удалился, а им предоставили время привести себя в порядок, посетить купальни, переодеться в свежее... Во время обеда кусок в горло не лез — а вдруг яд в конце то концов?!

Но вроде никто корчиться в муках не начал ни после еды, ни во время заседания в одной из гостиных, когда Алан закопался в какие-то свитки, мучаясь со старым аятти, а Амарими помогал ему переводить особенно заковыристые и сложные знаки. Шоуки остался не при делах — третьего круга знаков он почти не знал, и потому помочь ничем не мог, из-за чего

нервничал ещё больше.

Отпустило его только когда наместник привёл его учителя. Просто привёл, и порадовал новостью. Хотел бы избавиться от Алана — приказал бы убить. И Шоуки ничего не смог бы противопоставить Жнецу с Хризантемой на закорках.

Ну, может, сумел бы потрепыхаться немного...

Облегчение снизошло невероятное, и этой ночью Шоуки спал как младенец, а с утра, после высказанного господином Айри предложения, начал немного переживать, ибо уделял саморазвитию не так много времени, как хотелось бы.

Да и то, что в уютном дворике посреди старой части дворцового комплекса нарисовались зрители его нервировало. Ладно, Алан с Амарими. Но с ними вышли и Наместник, и господин Инари Сай, расстраивать которого не хотелось даже сильнее, чем расстраивать учителя. Он общался с пожилым каритом не то чтобы много, всего что-то около недели перед отъездом, но проникся глубоким уважением к мужчине и его знаниям.

К тому же, он теперь, оказывается, тесть Тамая.

Не зря учитель в поездках закупался побрякушками и всякими милыми мелочами...

— Готов? — спросил Тамай, поднимая в воздух свою связку здоровенных гвоздей с затупленными кончиками.

— Готов, — стараясь казаться уверенным и невозмутимым, кивнул Шоуки, подхватывая свой десяток.

Поклонились.

И Шоуки сорвался с места, отлично зная, что нельзя медлить и хлопать ушами. Стоит Тамаю завладеть инициативой, и удерживать внимание на имитации ножей становится очень тяжело. Сколько раз так случалось в прошлых учебных поединках?

Сталь схлестнулась со сталью, обмен ударами был быстр и ожесточён, тяжёлые гвозди, все два десятка замерли вокруг подрагивающим и покачивающимся куполом — два Дара сцепились, пытаясь перехватить контроль над ними. Шоуки продолжал наседать, вкладывая всего себя в каждый удар. Благо, расщеплять внимание, контролируя “ножи”, было как-то легче, чем в прошлые разы, да и Тамай медлил, отступая, не работал пока в полную силу. Наверное, хотел посмотреть, как низко пал его ученик, пренебрегая упражнениями. И это злило, и заставляло вплетать в привычные связки подсмотренные у северян приёмы и удары. Подсмотренные у Алана, с которым они сошлись ради разминки всего дважды во время их пути через предгорья.

Всё — лишь бы не ударить в грязь лицом совсем уж бездарно. И похоже, учитель остался не впечатлён, ибо, отбив очередной удар, перешёл наконец в наступление. Связка его ударов была настолько хороша, сильна, быстра, а движения настолько выверены, что в пору было залюбоваться. Шоуки отбил первые два, шарахнулся от последующих как от огня и жёстко заблокировал последний, напятав клинок духовной силой, иначе рисковал не удержать атаку. Помнил этот удар...

Который в этот раз удалось удержать.

Тамай хмыкнул, прощая нерадивому ученику растерянную паузу, и в момент когда они разошлись, с силой вырвал из его хватки часть “ножей”. Зато на оставшихся сосредоточиться стало легче. Шоуки снова попытался перехватить инициативу и атаковать, нарвавшись на обманый приём и едва не получив обидный тычок под рёбра — в последний момент перехватил один из своих “ножей” и отвёл им клинок учителя в стороны. В расплату за это пришлось шарахнуться в сторону и извернуться, пропуская мимо себя ещё три “ножа”.

Равновесие во владении “летающими клинками” было нарушено, и приходилось срочно отбивать угрожающие ему “ножи” своими, и уворачиваться от тех, на которые не хватало расторопности Дара. Пробовал перехватить обратно, но да толку.

От напряжения звенело в ушах, зрение сузилось до узкого пятачка прямо перед собой, но это не слишком мешало — Шоуки отлично чувял движение металла вокруг и успевал реагировать вовремя. Духовный сосуд ворочался в груди, начиная ныть от напряжения, но исправно выдавая порции нужной на каждый манёвр духовной энергии.

Увы, снова пойти в атаку уже не получалось — слишком опасно было задерживаться на одном месте, разве что...

А почему нет, собственно?

Шоуки отпустил клинок, добавив к своим “ножам”, что позволило немного обезопасить себя от активно сталкивающегося в воздухе и бающего в землю под ногами железа. Молодой карит рванул вперёд, чуть повернулся, из-за чего очередной “нож” только рванул его рукав, а не отбил к демонам локоть, врезался в Тамая. Конечно, тот выставил клинок, намереваясь закончить тренировочный поединок, и не дать ученику перейти в рукопашную, но Шоуки сосредоточил духовную энергию в совсем узкую и плотную волну, отбив сталь голой ладонью. Получилось, контролировать выплеск силы через прикосновение было куда надёжнее и проще.

Ну и шанс был неплохой остаться без пальцев, но это он понял с большим запозданием...

Почки, солнечное сплетение — заблокировал, увернуться от ответных ударов, попытаться засадить локтем в развороте — локтю больно, контроль над “клинками” тает под бешеным напором духовной силы учителя. Шоуки отчаянно бросил духовную силу в ноги, резко скользнул ближе, отделавшись касательным по скуле, засадил в корпус, метнулся мимо и в прыжке с разворота мощно ударил... увы в подставленное предплечье. А потом Шоуки перехватили за голень и мощно шлёпнули о землю аки мокрую тряпку.

Кажется, он потерял сознание на пару мгновений, потому что когда проморгался и дёрнулся, перекатываясь на спину, всё железо уже валялось на земле, а Тамай склонялся к нему, протягивая руку.

— Недурно. Твой контроль над Даром значительно улучшился. И тратишь силу куда экономнее, чем прежде.

Шоуки принял помощь и поднялся — голова немного закружилась, но на ногах он устоял. Потёр грудь — духовный сосуд был против таких нагрузок, и беспокоил больше, чем ушиб, по ощущениям, всего тела.

— Об остальном потом поговорим... — Тамай потёр чуть морщась предплечье, и повернулся к зрителям, устроившимся на террасе и попивающим то ли чай, то ли что покрепче. По крайней мере, взгляды у них были странные.

Инари Сай вдумчиво и неторопливо похлопал парочке, не поднимаясь со своего места.

— Прекрасно! Того и гляди прилежный ученик обгонит в мастерстве владения Даром моего дорогого зятя.

Сидящий рядом с ним наместник задумчиво покачал в руках глиняную чашечку:

— Такое прилежание ученика делает честь учителю. И так же говорит о таланте учить и передавать знания молодёжи.

Тамай споткнулся, затем подошёл к низкому столику, который успели принести слуги и без зазрения совести подхватив оттуда тонкостенный кувшинчик из костяного фарфора,

налил тягучей жидкости в пустую чашечку и осушил её одним долгим глотком.

Шоуки подобрал свой клинок, вернул в ножны, и неторопливо, чтобы земля не очень шаталась под ногами, прошествовал на террасу, пристроившись подле Амарими и Алана, снова обряженного под слугу молодого принца.

— Очень своеобразные знания, должен признать, — заметил Тамай задумчиво. — Биться с кем-то с такими же способностями довольно увлекательно и познавательно. Но учитывая, что нас таких всего двое, практическая польза подобных разминок несколько снижается.

— Смею надеяться, пока двое, — многозначительно потянул господин Инари.

— Будут милостивы боги, и чаша сия минует ваших внуков, — Тамай поджал губы. — Я бы предпочёл увидеть в них обычный Дар.

— Не соглашусь с твоим мнением, — опасно прищурился Инари. — Сей Дар подобен неограненному алмазу, что сможет раскрыть весь свой потенциал только в руках настоящего умелого мастера!

— И во что же вы собираетесь превратить сей алмаз, дорогой мой тесть, в шило? — Тамай поджал губы, смерив родственника тяжёлым взглядом.

— Да и в любом случае, на всё воля богов! — благодушно заметил Наместник, поднимаясь на ноги. — Жду вас к завтраку через четверть часа! После обсудим детали плана! Ах да, господин Инари, пойдёмте, я бы хотел чтобы вы посмотрели на кое-какие бумаги, пока есть время...

Троица парней посмотрела им вслед, затем повернулась глянуть в спину возмущённо удаляющемуся Жнецу.

— Это будет чертовски весёлое предприятие... — тихо заметил Амарими.

— Да, скучно определённо не будет... — кивнул Алан, а Шоуки, вздохнув, поплёлся приводить себя в порядок.

— Главное — придерживаться плана! Всё должно пройти предельно тихо и спокойно, если мы хотим выйти на след этих таинственных недоброжелателей, — чинно, вдумчиво вещал Инари Сай, пристально глядя на своего подопечного и ученика. — Мои люди знают своё дело, я отозвал лучших ради этого! Они аккуратно проверят слуг Высокого Двора, особенно тех, что вхожи в ваше жилище и жилище вашего брата. Тем временем господин Айри с учеником тщательно проверят территорию поместья своими талантами, а ваша задача — вести себя, как обычно, и дать Шоуки возможность посетить все уголки Высокого Двора... Вы меня поняли?

— Да, конечно! — Амарими так покладисто закивал, что всем, кто знал его сколько-нибудь продолжительное время, стало понятно, что молодой принц задумывает привнести в сей план нотку своей шептливой индивидуальности.

— Ещё раз, действуйте, как оговорено, не надо переживать, что дело движется медленно, так и должно быть, вражеские агенты не должны ничего заподозрить пока не станет слишком поздно, самостоятельность тут только помешает... — старый прохвост ужимкам принца тоже не верил, и потому повторял и раз за разом проговаривал тому основные положения плана. Это продолжалось уже достаточно долго, и окружающие успели заскучать. Алан делал попытки читать на ходу вытащенную из седельной сумки книжицу, люди господина Инари старательно смотрели по сторонам, делая вид, что преисполнены бдительности и охраняют маленький отряд. Учитель устал страдальчески закатывать глаза, выехал немного вперёд, и теперь то ли задумчиво пялился в том направлении, куда вилась дорога, то ли медитировал.

Потом, правда, опомнился, оглянулся, и поманил ученика жестом. Парень чуть тронул коня пятками, подаваясь в голову отряда, поравнялся с конём Тамая.

— Скажи-ка, — задумчиво произнёс Жрец. — Как ты отбил мой клинок тогда на тренировке?

— А? Когда... — Шоуки несколько растерялся.

— Когда “рукой”. Ты задействовал “волну”, ведь так?

— Так, — молодой карит кивнул, сообразив наконец, о чём идёт речь.

— Ты, я так понимаю, сузил её.

— Сузил.

— Насколько?

— Ну... Вот как-то до такой ширины, — Шоуки показал ладонями расстояние чуть меньше чем пол-локтя.

— Как?!

Парень уставился непонимающе на Тамая, и тот вздохнул.

— Как тебе удалось ужать “волну” настолько?

Шоуки посмотрел на учителя долго, не в силах поверить в ту совершенно шальную идею, что пришла ему в голову при взгляде на напряжённого и взбудораженного жнеца.

— Вы так не умеете?!

— Ты забыл? Я — самоучка, меня никто не учил управляться именно с таким Даром! Всему, что я умею я научился сам, по большей части — случайно, и по меньшей — настойчивым битьём головой о стену с подбором силы и направления удара, — поморщился

Тамай. — И раз ты наткнулся на что-то стоящее...

Он помялся, потом медленно выдохнул, опустив взгляд.

— Мне бы хотелось, чтобы ты поделился со мной этой техникой, и тем, как к ней пришёл.

Такая откровенность и прямолинейность немного выбили Шоуки из колеи, ему потребовалось несколько мгновений, чтобы растерянно кивнуть.

— Не думаю, что это можно назвать техникой... — Шоуки немного неуверенно выставил ладонь вперёд и попытался выпустить такую же сконцентрированную в одной точке “волну”, как и тогда. Так, сосредоточиться...

— Это — определённо техника. Сила удара была весьма существенна, на уровне того что выдал бы серебряный карит с обычным Даром усиленной версией “волны”, - покачал головой Тамай. — И если я такое ещё могу повторить... раз или два, то твой духовный сосуд на такое ещё не способен.

— Объём? — уточнил Шоуки. С третьего раза у него всё же получилось создать этот узкий вариант “волны”. А во время тренировки с ходу вышло... — Да... Тратится не больше, чем на поднятие рывком средней тренировочной гири.

— Неплохой показатель. И как ты это делаешь? — спросил очередной раз Тамай.

Объяснить процесс было сложно. Шоуки несколько минут морщился, пытаясь подобрать слова, и потерпел полную неудачу.

Навыки обычных каритов постигались интуитивно, редкие специфические техники обычно изучались путём достижения нужного состояния. Да и было их не так много — Шоуки слышал хорошо если о десятке, да и те были доступны на более высоких ступенях мастерства, но он слышал, что техника осваивалась путём достижения нужного состояния духовной энергии в теле путём медитации и совершения определённых движений, долженствующих способствовать выплеску энергии в нужной форме.

Одним словом, как списать эту “технику” он не имел ни малейшего понятия.

— Ну, от части похоже... Когда присматриваешься к определённой точке, появляется такое чувство, будто сосуд немного сжимается и подбирается, как зверь перед прыжком. Вот, если в такой момент немного... напрячь его сильнее и изобразить “волну” в нужном направлении... Довольно трудно выбрать точку, из которой её направить, правда. Мне показалось, что если провести энергию через руку, то с этим не будет проблем, и это в общем-то сработало.

Шоуки задумчиво сжал-разжал пальцы и повернулся к Тамаю. Тот смотрел на него... странно.

— Так, по порядку. “Присматриваешься”. О чём ты?

Шоуки мельком оглянулся на принцев и старого телохранителя, всё ещё ведущего бесконечную беседу о дисциплине, терпении, и следовании оговоренным планам, и начал рассказывать.

Об их пути, о невидимых лодках и отчаянном желании заглядывать дальше. О том как это стало получаться ценой сужения поля зрения, о преследователях и постоянном поиске засад и злодеев, впереди, позади, по сторонам... Тамай слушал, кивал, задавал наводящие вопросы про использование дара и расходе духовной энергии, подначивал сравнивать ощущения с тем, как ведёт себя сосуд во время определённых медитаций. И мало-помалу Шоуки подхватил эту игру всравнения, и описывать свои ощущения последовательностью медитативных состояний стало на удивление логично. Не то чтобы просто, но если подумать

и сравнить, то в канву они ложились на удивление ладно.

Шоуки даже немного расстроился, когда впереди показались стены и крыши поместья. Снова нужно было собираться, и пристально смотреть по сторонам, однако ж не подавая виду. Вести себя, как обычно, и в то же время — бдеть. Звучало в целом просто, но парня подспудно мучило сомнение — он не очень хорошо помнил, какое это было “как обычно”. Казалось, что он покинул поместье целую вечность тому назад, и покинул его совсем-совсем другим человеком.

Это даже немного пугало.

Самую чуть.

Знаки плясали перед глазами и сплетались во что-то совершенно нечитаемое и странно угловатое. Написанный от руки в седой древности текст и так читать было нелегко, а уж учитывая, что составлен он был на чужом языке, письменность которого Алан знал далеко не идеально...

Впрочем, он уже, если честно, не помнил, когда говорил на родном языке в последний раз. В посольстве? Нет, в каком-то городке, куда они заезжали, “сбежав” от отряда. Как же, кажется, давно это было...

Это тяготило, но было меньшим, что беспокоило Алана сейчас, и заставляло погружаться в изучение “шешоу” — помесь типичного гримуара, дневника и рабочих записок его далёких венценосных предков. Голову нужно было занять полезной работой, чтобы избавиться от тревожных мыслей и упаднических настроений, и шешоу для этого подходило весьма хорошо. Записи проливали свет на политические дразги, свидетелями которых стали авторы, открывали некоторые детали придворных интриг, а главное — описывали сложный процесс обучения одновременному использованию эфира и духовной энергии. Традиционно, обучение шло тяжело, часто с различными инцидентами и даже несчастными случаями.

И не удивительно — подходили они к обучению со стороны медитаций и направления движения “духовной энергии” различными жестами и фокусировкой на металле. Нет, в определённых случаях это работало неплохо и стабильно выдавало одинаковые результаты для разных представителей рода, но в большинстве порождало радикально разнящиеся последствия.

Не удивительно — они подходили к эфиру как кариты, а не как маги.

С другой стороны... Алан подходил именно как обученный маг и тоже иногда получал довольно неожиданные результаты. Маг из него, конечно, был слабый, прикладник-теоретик, но в понимании Алана это должно было только облегчить задачу постижения собственных странных способностей. Однако же попытки обосновать принципы преобразования внутренней энергии в эфир только путали его, раз за разом руша теории и обманывая ожидания.

Сперва Алан списывал эти провалы на невозможность свериться с магическими альманахами, обновить в памяти некоторые коэффициенты и проверить свои расчёты на возможные ошибки. Но тут в спокойствии и вынужденном затворничестве поместья клана Сиасай, он всё больше склонялся к мысли, что к двойственной силе и подходить нужно двойственно, совмещая практики каритов и магов.

Именно этим он и займётся, когда получит немного больше свободы действий. Ибо пока...

Нет, беседа с Наместником прошла отлично, просто замечательно, и ощущение, что его ловко обвели вокруг пальца и загнали в рамки вызвано исключительно лёгкой паранойей и нервами. Его единственной задачей сейчас было сидеть тихо и не высовываться, попутно начав усваивать необходимые для управления империей знания, углублённо изучить историю её южной части, которую он знал не так хорошо, как следовало бы, разобраться в сложной системе межклановых отношений, постигнуть все тонкости традиций и этикета. В этом ему помогали и шешоу, и Инари Сай, и по десять раз на день забегающий проверить друга Амарими, и таскающийся за ним хвостиком Шоуки. Последний помогал в основном тем, что ненавязчиво утаскивал молодого принца, когда его энтузиазм становился совсем уж обременительным.

Всё было логично, всё было правильно — поработав, пусть и совсем немного, под началом дядюшки на Перекрёстке, Алан отлично понимал, насколько важно по-тихому вскрыть агентурную сеть врага, выйти на более важные и глубокие её звенья, а в идеале — и перевербовать их.

Но всё равно, сидеть в четырёх стенах было совершенно невыносимо.

Под подозрение попадали все слуги Аминари с супругой, да и прочие слуги и кариты вхожие в Высокий двор поместья. Одним словом — прорва народа, и чтобы устраивать настолько глобальный шмон и проверку на благонадёжность, потребовалась бы уйма людей. А на ту же проверку по-тихому уйдёт порядком времени.

Нет, её тоже проводили, параллельно с основным действием, Инари Сай ручался за своих людей, которым она была поручена, и в красках расписывал их таланты. Но основное действие было куда любопытнее — территория поместья была совершенно, абсолютно эфирно нейтральна, и потому любые магические артефакты должны были быть снабжены эфирным накопителем из метеоритного железа. И в первый же день по приезду что Жнец, что его подопечный отыскивали около десятка подозрительных изделий из этого металла, спрятанных в разных примечательных местах поместья!

Осмотрев аккуратно, чтобы не потревожить, замаскированный под типичную поясную подвеску амулет с неприятно знакомой бусиной-накопителем, что был запрятан за декоративную ширму в большой зале для торжественных приёмов, Алан установил, что это какой-то вариант прослушивающего амулета с удалённой активацией посредством амулет-пары. Разве что расположен он был довольно неудачно — помещение было большое, его следовало спрятать куда ближе к возвышению, на котором следовало располагаться всем важным людям во время всевозможных событий.

Да и вообще, устраивать прослушку в торжественном зале, в который и так обычно набивается множество народу...

Да и прочие амулеты были расположены довольно дилетантски с точки зрения Алана, человеком, явно не знающим специфику захвата звука подобными плетениями, да и плохо представляющим, где ведутся по-настоящему важные беседы.

Либо просто не имеющим доступа в эти места.

Но как бы то ни было, господин Инари всё равно был взбешён самим фактом наличия прослушки, и облазил всё поместье, выискивая её аналог на печатях и духовной силе. Не нашёл, несколько подуспокоился, и, как сказал Шоуки, перестал смотреть волком на господина Маомина, который имел здесь роль, схожую с ролью камергера и начальника стражи одновременно.

Ещё одним любопытным открытием было то, что отправленный обратно в

Императорский дворец Жнец через пару дней вернулся с вестью, что подобных артефактов там нет совсем, что с одной стороны обнадеживало, с другой давало пищу для размышлений, и позволяло скорректировать план по скармливанию дезинформации противнику.

Одним словом — вокруг кипела оперативная работа, а он, Алан, сидел в трёх комнатах и не высывал из них носу!

Он отстранился от стола и устало растёр лицо ладонями. Надо было бы лечь спать, но сон совершенно не шёл, несмотря на позднее время. Бездействие тревожило его, но никак не меньше тревожило будущее. Если не забивать голову изучением книг из дворцовой библиотеки, в голову начинало лезть совсем другое — как он вообще будет управлять чужим народом? Примут ли его кланы? Или обязательно придётся показывать силу и доказывать своё право на трон? Наместник на его стороне (на его же?), но это не слишком обнадеживает. За три столетия, что Империя провела, фактически, без головы, в Благословенных землях успели сложиться сложные взаимоотношения между кланами, само его появление серьёзно их нарушит, даже если Алан на троне предков поклянется не менять ничего после коронации и вступления в единовластие...

Честно сказать, когда он по настоянию Амарими посетил тронный зал дворца, и увидел то, что местные называют троном, его на несколько мгновений сковало приступом настоящего ужаса перед грядущим. Хорошо, удалось быстро взять себя в руки.

Он справится. Ему придётся справиться. Вникнуть в политические дразги, расположить к себе одни кланы и приструнить другие, освоить свой странный дар...

Вот подготовкой к последнему он сейчас и занимался.

Северянин вздохнул, вновь склонился над раскрытой книгой, и подвинул ближе стопку листов с расшифровкой малознакомых знаков третьего круга аятти.

— Благодарю, госпожа, — Шоуки с поклоном принял из рук женщины пиалу с чаем, что снова вызвало у неё тихий вздох.

— Мы почти родственники, Шоуки, как супруга твоего учителя, я совершенно настаиваю, чтобы ты называл меня старшей сестрой!

Молодой карит поёрзал, немного нервно пряча взгляд.

— Как можно, госпожа?

Новость, что Тамай успел жениться, пока они были в отъезде, не то чтобы выбила Шоуки из колеи — это было, в целом, ожидаемо. Но не так быстро же! Сперва у Шоуки сложилось впечатление, что учитель срочно побежал делать предложение отцу своей ненаглядной, как только подготовка к путешествию на север позволила ему удалиться из столицы. Потом он узнал подробности “сватовства” и ему оставалось только головой покачать. То, как господин Инари гонял будущего зятя по всему поместью бамбуковой палкой, до сих пор было основной темой пересуд слуг поместья и каритов. Всплывали такие подробности, что любой порядочной девушке, встрявшей в такую ситуацию, впору было удавиться на шёлковом шнуре, однако Ясуми цвела как весенняя вишня, не переставала улыбаться и не оставляла попыток наладить отношения с учеником своего супруга.

Немного поразмыслив, Шоуки сообразил, что злые языки не перетирают её косточки только потому, что супруг её — пресловутый Жнец, а отец — бывший телохранитель наместника, учитель его сыновей и едва ли не второй человек во дворце. Если любой из них узнает, что про их драгоценный цветок говорят дурное...

— Можно! — вздёрнула она носик. — И как тебе чай?

— Немного горчит, — со вздохом сообщил Шоуки, сделав глоток на пробу. — Возможно, стоит всё-таки сократить количество трав более... радикально?

— Хм... Может, добавить немного мёда, чтобы скрыть горчинку?

Шоуки снова вздохнул. Ну ничего, ещё два варианта способствующего медитациям отвара, и его отпустят с миром. Тот, самый первый отвар заставил Шоуки подавиться и закашляться, настолько резким и насыщенным оказался его вкус. В заявленном полезном действии он тоже был не очень уверен, но искренне хотел помочь госпоже довести его до ума.

Как оказалось — Тамай пил сваренный по древнему рецепту чай с каменным лицом, ничем не выказывая, что замечает его ужасающий вкус, а сама Ясуми пробовать его опасалась, ибо многие входящие в состав травы были не совсем безопасны для девушки, вполне возможно, находящейся в положении. Ей было так совестно после того, как она узнала, что поит дорогого супруга отборнейшей гадостью...

— У меня сложилось впечатление, что господин учитель не слишком любит сладкое.

— У меня тоже. Но всё равно попробуем. Выпей пока этот и обожди минутку!

— Благодарю, госпожа! — Шоуки принял очередную пиалу, и сделал аккуратный глоток. Ещё горше, послевкусие резануло глотку так, что едва не выбило слёзы из глаз.

Он как раз продышался, когда девушка вернулась с пиалочкой подслащённого сбора. Вежливо сообщил, что предыдущий совсем никуда не годится, распробовал новую порцию и неуверенно кивнул. Это было неплохо. Особенно по сравнению с предыдущими вариантами.

— Отлично! Значит, пока остановимся на этом варианте!

Она так обрадовалась, что Шоуки снова почувствовал себя не очень уютно. Но — у него была ещё одна причина сидеть в этой чайной беседке и помогать супруге своего учителя с подбором трав. Отсюда он своим даром перекрывал сразу два прохода, по которым в этот поздний час мог пройти один человек. Знакомый ему ещё с Тростниковой Долины молодой карит, передвижения которого в свободное от несения службы время Шоуки отслеживал уже третий день, жертвуя сном и всячески изворачиваясь, чтобы не привлечь внимания к своим действиям раньше времени.

Он не мог разбрасываться подозрениями, и тем более обвинениями, прежде чем уверится в том, что те имеют под собой хоть какую-то почву. Слишком деликатны были некоторые моменты.

А вот и приметный клинок появился на границе “зрения”.

— Что ж, отлично, — Шоуки поставил пиалочку на столик. — В таком случае, госпожа, разрешите мне покинуть ваше общество.

— Снова твои странные дела? — чуть прищурила глаза Ясуми. Шоуки растерянно поднял на неё взгляд.

— Иди, иди, — благосклонно разрешила она. — Но контролировать лицо тебе стоит поучиться. Сразу так сурово хмуришь брови... Если что — я могу подсказать пару упражнений!

— Б-благодарю, госпожа, — Шоуки запнулся, и торопливо поднялся, обожжённый странным сходством тона этой милой девушки с тоном, который то и дело использовала незабвенная госпожа Шиинна.

Впрочем, зная, кто её отец...

Да и не к месту подобные размышления — его “дело” свернуло к хозяйственным постройкам, и следовало поторопиться, чтобы не потерять его из виду.

— Ну скажи, скажи это ещё раз! — подливая крепкого напитка в чашечку, проворковал Имари. Его гость закатил глаза, и нудно потянул скучающим тоном:

— Ты был прав, юноша очень талантлив и ты сделал правильно, буквально навязав его мне в обучение. Твой взор пронзает самую суть мира, а мудрость может потеснить мудрость Предков на вершине горы Аят...

— Мог бы и без сарказма, — подвинул выпивку Тамаю, впрочем, с видом совершенно довольным и горделивым.

— Чтобы ещё хоть раз я поделился с тобой чем-то хорошим... — проворчал тот, но подношение принял.

— И кто тогда даст тебе дельный совет и поможет закрепить полученный результат? Тем более, столь эффективный результат. Новая техника — это определённо большое достижение! Существенное! Да ещё и такая, способная неприятно удивить всякого, кто попробует сыграть на твоих слабостях.

Тамай вздохнул — признавать правоту друга не хотелось, особенно не сейчас, но реальность уже с четверть часа настаивала на том, что Имари был прав вдоль и поперёк в своих суждениях. Видать, и правда Предки в уши лили, подстёгивая природную прозорливость карита. Не сказать, чтобы Имари был выдающимся старшим каритом, его сосуд был довольно средним и продвижение по ступеням не отличалось скоростью, это в своё время и помогло им сблизиться — стремление стать сильнее было у них общим. Однако ж, оставленный замещать тогдашнего наставника в работе с молодняком, Имари быстро приоровился отыскивать сильные и слабые стороны учеников, и это заметили. Долго ли, коротко ли, прежний наставник с большим удовольствием спихнул обязанности на преемника, и отправился гонять пиратов на побережье. Какие-то старые счёты, удачно совпавшие с желанием Наместника приструнить набегающую с архипелага гнусь.

— Эту бы технику, да пару месяцев назад... — Тамай поморщился, в его воображении некоторое сходство старого наставника с его драгоценным тестем вызвало в памяти не самые приятные моменты, предшествовавшие свадьбе.

— Честно? Сомневаюсь, что помогло бы, — покачал головой Имари. — Может, только продлило бы ваш забег и позволило полюбоваться на него лично вообще всему поместью.

Тамай представил себе картину, и с трудом поборол желание спрятать лицо в ладонях. Вместо этого залпом допил крепкую наливку, особо не почувствовав вкуса — только горло обожгло.

— Давай всё же о хорошем, ладно? Например, когда сам обзаведёшься женой и подумаешь о наследниках?

— Когда придёт время! — невозмутимо отбил шпильку старший карит. — О хорошем, так о хорошем. Слышал, тебе даровали земли...

— Маленькое извинение от Наместника. Не то чтобы прямо обширные владения, но на поместье хватит, — кивнул Тамай, чувствуя себя немного неловко из-за необходимости врать. — В конце концов, он обещал не тревожить меня в это время, но получилось, как получилось. Главное, что Ясуми соблаговолила принять этот дар и не держит на Наместника зла.

Вот последнее было чистой правдой — супруга была в восторге и уже кипела планами

по обустройству обширного поместья. И совершенно не сердилась на то, что наместник на несколько дней украл её суженого. Как вообще на такое можно сердиться?

Особенно если в довесок идёт неплохой земельный надел в довольно удобном месте и с перспективами на создание собственного клана.

Его спешный отъезд в столицу подали как реакцию на ошибочное суждение младшего принца о назревающем перевороте. Мол, едва вернувшись во дворец инкогнито, тот услышал краем уха что-то не то, интерпретировал как-то не так, в итоге его отец всё же решил подстраховаться, и теперь извиняется за нарушенное обещание. Амарими с готовностью взял на себя вину, и даже весьма талантливо изображал раскаяние при столичных чиновниках.

Ему не впервой.

В целом, остановились на том, что Ишимари не следует задерживаться в столице надолго — слишком много лишних ушей и глаз, и это не позволит ему приступить к полноценным тренировкам. Да и поместье Сиасай было тоже не самым удобным местом, не говоря уже о возможных шпионах. Но прочие достаточно тихие и хорошо охраняемые владения находились чересчур далеко от столицы, что тоже было так себе вариантом. Тут-то и всплыла идея с дарёной землёй. И высказал её дорогой тесть. Его выслушали и предпочли закрыть глаза на то, что старый жук заодно выгадывал хорошие земли для своих будущих внуков, ибо он предлагал радикальный выход из положения.

Нет подходящего поместья? Можно его построить! Аккурат между столицей и долиной Сиасай, чуть в сторону гор. Времени на возведение основных строений уйдёт не так уж и много — было бы странно, если бы молодая семья, пусть и такого положения в обществе, сразу начала строиться в камне и на века. На века поставят втихую защитный периметр и сторожевой камень. И можно не беспокоится о подпитке мощной защиты духовной силой — будущий Император возьмёт это на себя.

Плюс люди клана Сай, и место станет тихим, безопасным, и в то же время удобным. Инари Сай сможет посещать его едва ли не в любое время под предлогом навестить дорогую доченьку, молодой принц может увязаться с ним, чему никто особо не удивится. И когда сидящего напротив Имарии посвятят наконец в происходящее, он сможет спокойно “навещать друга”, а на деле помогать Ишимари с ближним боем и использованием Духовного Сосуда.

Звучало, в целом, неплохо, да и за то время, пока будет поставлен сторожевой камень и выстроены первые дворы, злокозненного шпиона удастся вычислить и отловить.

Если на то будет воля богов...

— Ха, невольно задумываться начинаешь, как бы так выставить Наместника виноватым, чтобы отхватить такой же вкусный кусок! — усмехнулся наставник каритов, снова взявшись за кувшин с наливкой.

— Тебе бы род собственный основать сперва, прежде чем на землю облизываться. К чему земля кариту без семьи?

Имарии прищурился, и наверное собирался снова высказаться о том, что его не проймёшь такими намёками, но его сбил непонятный грохот, донёсшийся откуда-то со стороны Копейного двора.

Мужчины подорвались почти одновременно, повиснув на перилах террасы и глядя, как в одном из хозяйственных дворов оседает какая-то постройка, осыпаясь черепицей.

Шоуки остановился в узком проходе между стенами на территории Малого двора. Эта его часть представляла дикую мешанину сараев, простенков, старых мастерских и складов,

которую пытались перестраивать и доводить до ума, но дело шло медленно. Этот проход ввечеру не пользовался популярностью, отрезанный от основных маршрутов передвижения слуг, и был достаточно удобным местом для... Нет, не тайного свидания — слишком далеко от жилой части Высокого двора, слишком сложна дорога оттуда и до этого места.

И с кем же тогда собирается встретиться этот карит? Хорошо бы, если с новой пассией из служанок, это сняло бы порядком вопросов...

Однако ж, хоть появившийся спустя какое-то время человек и нёс на себе довольно бедный набор украшений, к женским они не относились совершенно точно. Более того, притаившийся в заваленном строительным мусором дворике Шоуки не услышал ровным счётом ничего, хотя находящиеся за стеной люди встали так, будто разговаривали друг с другом.

Но ничего предосудительного при них всё ещё не наблюдалось...

По крайней мере, ничего, изготовленного из металла.

Шоуки перебрал в памяти варианты печатей, что отвечают за тишину и, придвинувшись ближе к стене, внимательно оглядел её на предмет выбоин и трещин. Стену давно не чинили, и вероятно собирались и вовсе снести, так что штукатурка местами потрескалась и немного отставала, а то и отваливалась мелкими кусками. Пристроил мысок сапога в стык обнажившейся кладки, подтянулся аккуратно, ухватившись пальцами за край стены под выступающей черепицей... Только бы ничего не начало сейчас от стены отваливаться — очень не хотелось испугнуть парочку. Тихо, аккуратно, до боли в мышцах медленно подтянуть себя выше...

А вон и они. Точно, тот, кто общается с каритом, одет как слуга Малого двора, скромный пояс, пара скромных подвесок на нём, в возрасте, лицо незнакомо совершенно, в руке пластина, покрытая печатями. Шоуки такую уже видел, но та была изготовлена из бронзы, а эта... он затруднялся с ответом. Что-то светлое, либо особое дерево, либо кость. Не стал вглядываться — аккуратно спустился вниз, и замер у стены. Лицо слуги он запомнил, наличие печати тишины говорило о многом, так что эта информация уже дорогого стоила. Разговора он не услышит всё равно, а выдавать себя сейчас было бы глупо.

А ещё стоило хорошенько подумать, что делать дальше. По хорошему — следовало идти к господину Инари и сдать всех с потрохами. Доказательств от него не потребуют, всё слишком серьёзно, чтобы разбрасываться обвинениями на пустом месте и все причастные это отлично понимают. А там — в казематах разговорят любого. Есть ли казематы в поместье он не знал, но в столице точно были — Амарими ему их показывал...

С другой стороны — Шоуки представлял, какой будет скандал, когда вскроются... определённые детали. И вряд ли подобное удастся удержать внутри клана. В конце концов, речь идёт не только о супружеской измене, а о возможном предательстве целого клана!

Просто голова пухла от таких мыслей. Видят Предки, Шоуки не хотел даже близко подходить к этой куче отборных продуктов жизнедеятельности и шуровать в них палкой! Завоняет на всю округу и отмыться от запаха потом будет проблематично.

Ах, если бы был способ подстраховаться...

От размышлений голова пухла. Честно сказать, молодому кариту куда больше нравилось идти в пусть и безнадёжный, но простой и понятный бой, чем прикидывать результаты своих поступков на политической арене Империи. Особенно — в сложившихся обстоятельствах. На севере подавляют мятеж, здесь, в благословенных землях, прячут будущего Императора...

Определённо нужно было идти к старшим участникам проимперского заговора и

каяться в утаённой информации, но...

Шоуки ждал. Ждал, и всё острее понимал, что должен пообщаться с Сасаем, прежде чем проливать свет... вот на это вот всё. Оставался немалый шанс, что госпожа, слугой которой он считался совсем непродолжительное время, как и её клан, были тут и вовсе не при чём. Так зачем же гневить предков ложными обвинениями?

Оставалась небольшая такая проблема...

Ну как небольшая — Сасай был старше его, крупнее и выше, и до сих пор его физические данные и навыки борьбы были весьма выдающимися. Но, вроде как, он всё ещё был бронзовым, и по идее, так что разница в силе была не катастрофически велика. Если что-то пойдёт не так, Шоуки должен с ним совладать...

Он дождался, когда подозрительная парочка договорит и разойдётся, каждый своим путём. Убедился, что карит возвращается прежним маршрутом, и обогнав его, затаился под каким-то навесом, скрывшись в тених. А дальше — дело техники. Шагнуть вперёд, приставить нож к горлу, и, ухватив, уволочь под навес, чтобы не смущать неприглядной картиной тех, кто может случайно оказаться в этом углу в столь позднее время.

— А сейчас мы поговорим по душам, и помни, от этого разговора зависит не только твоя честь, — тихо заметил Шоуки, чутко следя за напряжённо замершим каритом.

— Ты... Я помню твой голос. Слабак Шо, выбившийся в ученики того человека...

— Шоуки. Моё имя — Шоуки, — поправил карит холодно. — Я знаю о твоих встречах с госпожой Наири. Стоило ли вовлекать её во всё это? Полагаю, ты познакомился с ней в поместье Оро, ещё до свадьбы. Первая любовь, да?

И это предположение попало в цель. Карит дёрнулся, Шоуки вынужден был впиться в него сильнее, не давая развернуться, ещё и ножом надавил, надрезая кожу.

— Да что ты в этом понимаешь?! — зло выдохнул парень.

— Достаточно, чтобы врубиться, насколько серьёзно ты скомпрометировал госпожу! Дело идёт уже не о скандале с любовником и отцовством ребёнка, а об измене, попытке захвата власти, а то и вовсе развале Империи! Ты понимаешь, что позором и изгнанием твоя ненаглядная уже не отделается? Как глубоко ты впутал её в это? Дело обошлось просьбой развесить в нужных местах неприметные цацки, или в пылу страсти она шепчет тебе на ухо тайны семьи Наместника? Самые свежие новости прямо с супружеского ложа...

— Не смей говорить о ней в таком тоне! — парня аж затрясло, и Шоуки заперезживал что переборщил с топтанием по больному. Ну да, большого опыта в том, насколько надо надавить на человека, чтобы вывести его из душевного равновесия, у него не было. Особенно в столь щекотливой ситуации. — Наири — нежный цветок который продали клану Наместника, как какую-то вещь, в обмен на чиновничьи посты да влияние в столице!

Нежный цветок? Он вообще серьёзно? Шоуки несколько опешил, слушая излияния карита. Какая она нежная, какая она светлая, какая благодетельная и недостойная всей той грязи, в которую её окунули, выдав за зажравшегося сыночка из рода выскочек, севших своей толстой жопой поперёк всего континента!

Не то чтобы Шоуки хорошо знал свою бывшую госпожу, да и видел её, по правде, всего несколько раз, но впечатления у него сложились совсем иные. А потом его осенило — да этот... придурок влюблён по уши, и недостатков в своей избраннице в упор не видит. То-то он бесился так, когда их определили в приданное к госпоже. Как же давно это было!

— Ты присягал роду Сиасай. Никакая женщина не стоит нарушения клятвы!

— Она не какая-то женщина! — тихо и зло произнёс Сасай. — А Наместник — всего

лишь узурпатор, прибравший к рукам Благословенные Земли! Лишь перед Императором надлежит склонить голову благородному кариту! Или ты наивно полагаешь, что этот ублюдок и его сыночек склонят головы и отступят в сторону, когда потомок Императора заявит права на престол? Его уничтожат на месте!

Шоуки сморгнул. Ах, если б ты, придурок, только знал...

— Ты заглядывал в голову Наместника и читал его мысли как открытую книгу? — хмыкнул Шоуки с сомнением, старательно удерживая в себе желание выматериться в голос.

— Это так же верно, как и то что солнце встаёт на востоке и садиться на западе! Поверь, Империи пойдёт только во благо, если Наместника свергнут! Свергнут и уничтожат его, и его отпрысков, отравленных единовластием! И тогда совет из верных Империи людей сможет справедливо управлять этими землями в ожидании возвращения Императора! И Наири, моя Наири, будет освобождена от этого позорного брака и сможет быть счастлива вместе со мной! Её добродетель воссияет, и её красота и ум...

— Так значит, она непричастна, и невиновна, и с теми людьми сношений не имеет, и особой роли в этом маленьком заговоре не играет? — перебил влюблённого Шоуки, чувствуя как у него уши начинают узлом завязываться от этого всего.

— Да!

Прозвучало уж слишком искренне и жарко. Но, лучше бы это действительно было так.

— Я не желаю скандала в доме наместника. Просто молчи о ней на допросах. Сам пошёл, сам развесил, сам подменил... Понял? А с ней я сам переговорю, чтобы сидела тихо, и в мыслях даже не думала...

— К чему? — в этот раз шоуки сам был перебит Сасаем. — Оставим этот разговор между нами, и тебя не тронут, когда всё начнётся. Или же, если сам перейдёшь на сторону Истинного Императора и его верных приспешников, то тебе это зачтётся!

Вот тут молодой карит не выдержал, и сдавленно хохотнул в спину здоровяку.

— Я уже там, Сасай. Это тебя демоны попутали. Поверить, что обретёшь счастье с возлюбленной, когда они перебьют всю семью её мужа... Кто они, кстати?

Вот тут Шоуки почувствовал, как его добыча напрягается, и... По-хорошему, стоило засадить ему клинок в шею, или хотя бы надавить, намекнув чтобы тот успокоился, но Шоуки замешкался, и нож просто вывернуло у него из пальцев! Похоже, молодой карит держал его неудачно, и Сасай смог увидеть клинок, а значит и воздействовать на него.

А дальше всё пошло кувырком — Шоуки попытался выхватить второй нож с поясных ножен, но его отшвырнуло мощной волной, пущенной не глядя за спину, и впечатало с хрустом в стену сарая.

Хрустели вроде доски, но это по крайней мере помогло Шоуки опомниться — перед ним враг! Предатель! Вольный, не вольный, с серьёзными ли мотивами пошедший на предательство — сейчас не важно и второстепенно! Так что выхватить клинок, ножи...

И снова его отбросили на стену волной духовной силы, загнав в какой-то хлам, поднявший клубы удушливой пыли. Шоуки, не проморгавшись толком, рухнул на пол, и клинок Сасая ударил в стену, прорубив старые доски. Блокировать в этой ситуации было бы самоубийством. Шоуки лягнул противника в пах, но тот ловко подставил бедро и попытался ухватить парня за ногу. Пришлось спешно откатываться, насколько позволили старые корзины вперемешку с пыльными мешками и какими-то палками. Шоуки отлично помнил, насколько хорош Сасай был в классической борьбе, и совершенно не хотел оказаться в захвате.

Да и вообще из этого пыльного и тесного сарая нужно было выбираться — у Шоуки возникло очень неприятное чувство, что он сам себя загнал в ловушку. Попытался снова схватиться за клинок — Сасай перехватил его своим даром и едва не расколол об утоптаный до состояния камня пол — Шоуки едва увернулся, и ударил волной вперёд и вверх, цепляя очередную грудку мешковины. Волна, как всегда, вышла слабая, но на то, чтобы выбить пыль из старого хлама и швырнуть его в лицо кариту её хватило.

— Ах ты погань! — взревел Сасай, превентивно пуская круговую волну так, что хлам впечатало в скрипнувшие стены. Ухватить ни клинок, ни ножи Шоуки снова не успел, но зато торопливо метнулся в дверной проём — волна прошла над его головой, пытающийся проморгаться карит ошибся с высотой. Зато, почувствовав движение, бросил вслед такой заряд духовной силы, что стену разворотило и Шоуки зацепило парой досок прилетевших в спину, остальные застучали по дворику. А потом сарайчик рухнул с грохотом и потянул за собой часть стены и навес с черепичной крышей.

— Ох... — невольно выдохнул молодой карит, потирая ушибленное доской плечо. Провернуть всё по-тихому не получилось. А ещё рухнувшие останки сарая разметало ещё раз, и пыльный и помятый Сасай выбрался наружу, с ненавистью глядя на соклановца. Шоуки выхватил из рукава последний нож, мрачно думая о том, что ему срочно надо что-то вроде Хризантемы учителя, но полегче и покомпактнее. Все прочие ножи и меч остались под завалами сарая и не поддавались.

Навес всё ещё сыпался и заваливался медленно и печально. Только черепица раскалывалась звонко и даже как будто весело. Где-то залаяли псы, где-то слышались исполощенные голоса. Сасай оценил ситуацию, лицо его скривилось от злости, и он метнулся к стене, добавив себе прыти духовной энергией. Шоуки метнулся следом, быстро набрав почти такую же скорость, и когда пытающийся сбежать предатель вспрыгнул на стену — подбил его ногу суженной, сконцентрированной волной, и попытался ударить противника ножом, когда тот рухнул на землю. Нож снова, чтоб его, перехватили и отшвырнули далеко в сторону, Сасай взревел, подрываясь на ноги, и бросился на Шоуки с кулаками — его меч тоже застрял где-то под досками. С перепугу молодой карит даже попробовал подсесть противника, блокируя удар, но его умело взяли в захват и впечатали спиной в землю.

Дальше была свалка, очень болезненная свалка, с ударами, тычками, пинками и попытками придушить друг друга. У Сасая получалось лучше, но вскоре их прервали. Сверху обрушилась такая тяжёлая, полная злости духовная энергия, что оба на пару мгновений потеряли ориентацию и волю к сопротивлению.

— Каких демонов тут происходит?! — грозно и крайне недовольно потребовал ответа Наставник. Остановившийся подле него Тамай только голову на бок склонил и прищурился.

Сасай зубами скрипнул, с ненавистью глядя на обоих. Шоуки прокашлялся, коснулся едва не передавленного горла и прохрипел:

— Вашего... тестя сюда... срочно!

И как Амарими сохраняет выражение лица, когда сам куда-то влипнет и ожидаемо опростоволосится? Шоуки сейчас очень хотелось бы спросить у него совета на этот счёт...

Господин Инари медленно выдохнул, и потёр переносицу.

— Ещё раз, почему ты не рассказал обо всём прежде, чем полез к... этому!

— У меня были на это причины, — упрямо повторил Шоуки, исподлобья глядя на мужчину. Увы, держаться с тем же достоинством и спокойствием, аки младший принц, у него не выходило.

— Мы потеряли связного из-за твоей выходки! И этого... — он снова скривился, — можно было бы попытаться использовать втёмную!

— Мы простые кариты, — усмехнулся Тамай, испытывающий странное удовлетворение от происходящего. По крайней мере, Шоуки казалось, что учитель чем-то весьма доволен. — Видим врага — бьём врага. Смысл пользоваться в собственных играх подобных, не слишком разумных исполнителей? Да и связной вряд ли знал много о наших врагах.

— Он знал достаточно, чтобы ему выдали яд, — господин Инари поджал губы.

Да, того слугу они успели перехватить, когда тот пытался пробраться за стену поместья через малые ворота. Перехватили, и с удивлением и ужасом отступили, когда тот вдруг начал биться в судорогах и исторгать кровь горлом. Сделать ничего не успели. Сасая, конечно, взяли невредимым, но все присутствующие сомневались что он знал многое. А вот связной мог работать с несколькими агентами...

— Одним больше, одним меньше. Как водится, основные шпионы-заговорщики должны сидеть в столице, там, где принимаются решения, — пожал плечами Тамай.

— Когда целью ставят уничтожить род — нападают на родовое поместье, — напомнил ему устало дорогой родственник. — Именно поэтому так важно выдернуть все ядовитые нити, что закинуты за эти стены! Вычислить, выдернуть одним ударом, и ими же подсечь тех, кто их закинул!

— Опять же, уважаемый отец, подобные тонкости — ваша работа. Мы просто уничтожаем врагов. Низменно, примитивно и эффективно.

Шоуки притих, наблюдая за перепалкой, и тихо молясь, чтобы его продолжали не замечать. Вот в дело пошли прищуренные взгляды, вскинутые подбородки...

— Хотелось бы всё-таки вернуться к основной причине нашего собрания... — рассеянно заметил господин Распорядитель Высокого Двора.

— Определённо, — кивнёт Имари, тоже сидевший в покоях господина Маомина. Насколько понял Шоуки, в помещениях смежных с его кабинетом хранилось много важных документов, и финансовых, и касающихся планировки поместья и его защитного периметра, и ещё демоны знают каких, так что защищены помещения были хорошо, и от прослушивания, в том числе. — Так от чего, Шоуки? Подобное на тебя не похоже. Только серьёзная причина могла заставить тебя скрыть от старших столь важную информацию. Так в чём же дело?

— Этот жалкий карит в напрасной гордыне возомнил себя всемогущим и легкомысленно решил, что сам сможет выкорчевать предательский корень из этого тихого сада, — пробормотал Шоуки, склонив голову в знак вины.

Все трое с прищуром уставились на него в крайнем скепсисе.

— Ладно, врешь ты уже ровнее и артистичнее, но по-прежнему крайне неуклюже и вне характера, — отчитал его Инари Сай. — Просто скажи, в чём дело?

Шоуки поёрзал задницей на пятках, чувствуя отчаяние припёртого к стенке человека.

Глянул на одного, на второго, понял что старшие от него совершенно не отстанут и процедил:

— Мне нужно было... Уточнить пару деталей чтобы... снять подозрения, и избежать большого... скандала, если это вообще возможно, — с трудом подбирая слова проворчал он.

— Ну-ка, ну-ка, и кого же покрывает наше правильное до безобразия молодое дарование? — склонил голову на бок наставник каритов.

— Столь долгое время, проведённое в обществе младшего принца, боюсь, отразилось на его дисциплине и порядочности не лучшим образом... — качнул головой Тамай.

— И кто же его обрѣк на это, отослав на север вместо себя, а? — напомнил господин Инари.

Противостояние взглядов разыгралось с новой силой, и Маомин выразительно кашлянул в кулак. Помогло...

— Итак, о каком скандале идёт речь? — деловито и спокойно спросил господин Распорядитель. От чего-то юлить и скрывать правду перед этим человеком было особенно неловко. Наверное, дело было в том, что именно ему он приносил свои клятвы и с его помощью и советом получил такое хорошее, родное имя.

— О том, которого не случится, если я промолчу.

— Уверен, что Сасай не проговорится? — Инари вскинул бровь. — Его будут допрашивать со всем тщанием.

— Насчѣт этого — не проговорится, хоть на куски его режьте, — кивнул мрачно.

— Баба? — живо заинтересовался Тамай. Шоуки вытаращился на учителя со священным ужасом, а вот Инари глянул даже с некоторым одобрением.

— Как бы мне не хотелось это признавать, но ты, дорогой зять, не безнадѣжен.

— И на кого же запал наш маленький предатель? На замужнюю? — живо заинтересовался господин Имари.

Шоуки коротко кивнул. Чувство было такое, будто всё вокруг рушится и полыхает, и пол проваливается под ногами...

— И верно, — огладил задумчиво тонкую бородку Инари Сай. — Иначе никакого грандиозного скандала бы и не было. Вопрос в том, о какой замужней идёт речь, если наш тихий, правильный Шоуки, так отчаянно боится этого скандала, что решился на...

Бывший телохранитель самого Наместника не закончил фразу, рука его замерла, а глаза на мгновение остекленели, сделав лицо похожим на восковую маску. Старшие, заметив это оцепенение, переглянулись и нахмурились в задумчивости, и следующим опал с лица Распорядитель Маомин. Пожилой мужчина как-то сипло и резко вдохнул, нашаривая ладонью сердце на груди, и Шоуки зажмурился, отчаянно желая быть маленьким и незаметным среди той бури, что вот-вот разразится.

Утром Амарими с досадой обнаружил, что в поместье что-то произошло, а он не в курсе. Сперва был замечен один из людей господина Инари, ненавязчиво караулящий вход в один из соседних дворов, в большом доме которого обитал брат с супругой. Непонятного возраста мужчина с невыразительным, не запоминающимся лицом делал вид, что просто болтал со служанкой у ворот. Ничего особенного, проходите мимо. Служанка тоже была из слуг рода Сиасай, а не тех, что притащила с собой... глубокоуважаемая старшая сестра.

Мелочь, болтают и болтают, но молодого принца царапнуло ощущением странности происходящего.

Но в целом, подобное мерещилось ему часто, и молодой принц старательно развивал в себе если и не критическое мышление, то привычку сперва внимательно посмотреть по сторонам и сопоставить факты, и потом уже нырять в происходящее с головой.

Потом выяснилось, что самого господина Инари сегодня в поместье нет, и совместный с Аланом урок истории взаимоотношений кланов отменяется.

Чуйка заскребла сильнее, Амарими коршуном налетел на слуг, расспрашивая так и сяк и издалека. Изображая досаду от сорванного занятия, и исподволь выпытывая информацию, он поприставал и к другим наставникам, но добился чего-то стоящего только от Наставника Копейного двора. Прочим было известно, что господин Инари Сай покинул поместье рано с утра, и только. А вот почти тёзка наставника старательно избегал этой темы и выглядел невыспавшимся и обеспокоенным.

Он темнил!

Точно знак, что что-то происходит!

Шоуки не было. Его учитель тоже отсутствовал. Супруга его учителя зазывала на чай, хлопала глазами и изображала такую наивную неосведомлённость, что Амарими посчитал нелишним удрать поскорее, отболтавшись делами, и попытать счастья в другом месте. Отыскал Кено, Таики и Шимая, припряг их расспрашивать слуг Малого двора, а сам попытался наехать на людей господина Инари.

Получил массу удовольствия, слушая, как они предельно вежливо уклонялись от ответов на наводящие вопросы задаваемые раз за разом, но ничего нового не вызнал. А вот засланцы, когда они встретились в условленном месте, принесли массу информации.

С ней он и пошёл к Алану, потому что к кому же ещё, когда Шоуки нет?

— Есть успехи? — подкравшись к рабочему столу за которым страдал будущий Император. Стол был застелен большим листом грубой бумаги, на котором Алан старательно выводил какие-то чародейские схемы, сверяясь с ворохом записок и несколькими книжечками. Ах, нет, вон на обложке характерная печать, он опять с шешоу работает...

— Да не особо. Никак не сходится... А я то считал себя довольно неплохим бытовиком-теоретиком.

Алан выпрямился, оторвавшись от своих схем и вздохнул. Выглядел он умотанным и несчастным, его явно нужно было срочно взбодрить. Или встряхнуть.

— Сойдётся ещё. Послушай лучше... — Амарими подсел к нему за стол, и заговорчески понизил голос. — Вчера поздно вечером Шоуки сцепился с одним младшим каритом, подрались так знатно, что развалили склад и разнесли стену да полдвора.

— Шоуки? Подрался?! — Аланнахмурился недоверчиво.

— Вот о том и речь. Просто так он бы в этого Сасая не вцепился. Конечно, есть версия с том, что у них какие-то застарелые тёрки, парни родом из одного места, да вместе же перешли в служение Оро, да оттуда — сюда, к нам, через свадебное приданное. Может и было что, но! После этой драки, того, второго, куда-то уволокли, а Шоуки с учителем и господином Инари шуршали по Малому двору и выловили у малых ворот труп слуги. А после всем скопом, да в придачу с Распорядителем Высокого Двора да моим многоуважаемым наставником полночи шуршали в павильоне “Три цветка лотоса”. А с утра свалили в столицу, все, кроме Наставника Инари и господина Маомина. Он вроде как нехорошо себя чувствует, лекаря поутру вызвал...

— Хм. Похоже, шпиона поймали, — сделал вывод северянин.

— Очень похоже! — согласился. — А ещё выznали что-то такое, чтобы бегом бежать к моему отцу и брату. А нам не сказали!

— Скажут, как разберутся в ситуации, — качнул головой Алан. — Наверняка всплыл вопрос причастности клана... Оро, да? Ко всему этому делу. А раз твоё брат женат на девице из Оро — этот вопрос очень щепетильный, и работать с ним нужно на самом высоком уровне. Вот сидят сейчас, наверное, и решают — замести под ковёр, либо придать огласке и потребовать контрибуцию, или заслать собственных шпионов — обыденные интриги, одним словом.

— Не подумал, — задумчиво потянул Амарими. — Да, это многое объясняет. Тогда — просто ждём, когда они вернутся и нам всё расскажут?

— А что нам ещё остаётся?

— Ну... Занятия у нас сегодня накрылись, — после некоторой паузы потянул младший принц. — Так что можно было бы размяться, клинками позвенеть. Или прогуляться куда... Есть тут пара любопытных мест.

— Хм...

Алан потянулся задумчиво, прижмурился, когда в спине хрустнуло так откровенно, что даже Амарими услышал, и кивнул:

— Да, размяться бы не помешало, но на счёт прогуляться, я бы не хотел лишний раз мелькать на виду у местных. Да и Шоуки уехал. Кто нас прикроет если вдруг что?

— Но Камень Императора же!

— Что за камень? — немного встрепенулся Алан.

— По легенде, когда ещё поместья Сиасай не было и в помине, один из внуков Первого Императора, который впоследствии сам стал Императором, гулял тут, неподалёку. Не просто так гулял, конечно, охотился на редкого зверя, искал по горам и долинам демоническую ласку, что разоряла мелкие поселения и принесла много бед жителям этих мест. Он остановился напиться воды у родника, и к нему явилась дева красоты невиданной, и говорила ласковые речи, и черпала родниковую воду кувшином, и предлагала ему испить воды. Но будущий император был не дурак, и заподозрил, что ему явился сильный демон, и хочет обмануть и отравить. Он взял с поклоном кувшин из её рук и сделал вид, что приложился к нему, а сам шепнул воде пару слов и обратил её мелкими сияющими камешками. А потом воскликнул, мол, что за дело, ты предлагаешь мне выпить воды, а сама подсовываешь камни! И опрокинул кувшин, высыпая камешки на землю. Ну, там дева смутилась, и предложила ему отведать плодов с растущих неподалёку деревьев, говоря, что они сочные и отлично подходят, чтобы удалить жажду. Но будущий Император снова обратил собранные её руками фрукты в камни и воскликнул в великой тоске и обиде — “Какое дурное зло я причинил этой красавице, что потчует она меня камнями большими да камнями маленькими! Чем заслужил я злые эти шутки? Клянусь Предками, что не причинил волею своей дурного никому из живущих ныне, а за невольное зло по незнанию и недогляду всегда искупал словом своим и делом своим! Прильни ухом к сердцу моему и услышишь, что оно не может врать!” Ну а демоническая ласка, а это была именно она, только и рада подобраться так близко к молодому принцу, прильнула она к нему, собираясь вырвать сердце у него из груди, и обращена была в камень хитрецом. Вот!

— Слышал похожую легенду у хладоморцев, — хмыкнул явно не впечатлённый Алан. — Только у них кроме еды и питья присутствует ещё и ложе, а злого демона утопили в холодном море обратив в камень его ладью.

— Ну так это пересказанная да переделанная на их манер наша легенда! И камень там действительно стоит и даже светится немного по ночам. На костяной янтаре похож, и в ручье такие же камешки мелкие, говорят, найти можно. Я искал пару раз, но мне их не попалось. Но большой камень точно странные свойства имеет и на духовную силу отзывается. От того к нему запрещено ходить, так-то, и его точное месторасположение держится в секрете, чтобы не пришли и не расковыряли всякие любопытные. Мало ли, вдруг это демона освободит? Лови его потом...

— Говоришь, реагируют на духовную силу? — Алан явно заинтересовался, и Амарими начал неторопливо “подсекать”.

— Да, и это точно не небесное железо и не имеет никаких примесей металла. Я магнитным камнем в него тыкал — не прилипает. И твёрдый прям очень, мечом не царапается.

— А как же демон? — Алан фыркнул, сдерживая смех.

— Какой демон? Кто в такое верит? — отмахнулся. — И вообще, тут недалеко совсем, через стену, и час туда, час обратно! Пешком! Разве бы стали поместье в такой близости от всамделишного заколдованного демона ставить?

— И в самом деле... — кивнул Алан, немного задумавшись. — Застену как тихо выйти, ты, конечно же, знаешь.

— Ты точно выспался? Такие глупости спрашиваешь...

Алан рассмеялся тихо, и, широко улыбаясь, спросил, когда лучше выйти. После взвешивания всех за и против, идти решили после обеда, в пересменку караула, чтобы наверняка, да и вернуться до ужина, чтобы никто их не хватился.

А то неловко получится.

Обед приближался неотвратимо, Амарими сунул нос туда, сюда, снова насел на людей господина Инари, чтобы не расслаблялись, пообщался с молодыми каритами ещё разок, и чинно удалился в сторону обеденной залы малого поместья. Сегодня, как удобно, там будет накрыто всего-то на двух персон. Однако ж уже подходя к дверям он услышал приглушённый разговор, а зайдя в помещение обнаружил, что стол накрыт на троих, а напротив озадаченного Алана восседает, что-то бодро рассказывая, многоуважаемая госпожа Ясуми.

Амарими бодро изобразил радостное удивление, чувствуя царапающиеся внутри подозрения, и поклонился, приветствуя женщину.

— А вот ивы, мой принц! Как славно! Еду только принесли, проходите, садитесь, сегодня на кухне изобразили что-то совершенно чудесное! — заулыбалась она. — Свинина в кисло-сладком соусе особенно удалась, а после обещались принести лепёшки с зелёным луком!

— Обожаю лепёшки с луком! — он сел на свободное место, всё ещё продолжая изображать искреннюю радость. — Так радостно видеть, что вы присоединились к нам сегодня, дорогая старшая сестра! Однако же, отчего такая любезность была преподнесена нам именно сегодня?

— Ах, мой благоверный снова уехал в столицу, сославшись на государственные дела. Мне оставалось либо умереть от тоски, либо скрасить скуку дорогого гостя и непоседливого младшего принца, о чём и просил меня батюшка перед отъездом.

— Ваш батюшка весьма мудр, — Алан сложил руки в молитвенном жесте, обращённом к Предкам, прежде чем преступить к еде. — С его стороны это было весьма дальновидной просьбой...

— Мой батюшка весьма опытен, и мудрость его не знает границ! — лучезарно улыбнулась госпожа Ясуми.

И ведь ни тени фальши, ни намёка на насмешку либо глумление. Светлая и незамутнённая радость и женское обаяние.

“Достойный противник!” — заключил Амарими, вознося молитву Предкам, и приступая к поглощению пищи и излиянию нахватанных по поместью слухов и сплетен. И улыбаться радостнее, радостнее, и лицо попроще и наивнее. И Алан игру поддерживает, вставляя вежливые замечания но особо не влезая в оживлённый разговор.

Ничего, впереди ещё довольно времени, отвязаться от девушки они несомненно сумеют!

Солнце перевалило за зенит, но всё ещё припекало, проскальзывая между ветвей старой акации, растущей на отгороженном крупными камнями участке двора. На одном из таких камней Шоуки и пристроился, так, чтобы видеть и подъём ко входу в старинное здание, и ворота в небольшой двор. Время тянулось медленно до невозможности, и дурные мысли не переставали тревожить его, ибо там, на возвышении, за закрытыми дверьми, украшенными изысканной резьбой, сейчас решались судьбы. И дело могло обернуться весьма скверно, по крайней мере, для одного невинного человека. Шоуки даже не задумывался о нём, пока старший принц с болью во взгляде не упомянул. И Шоуки к ужасу своему не смог облегчить его душу даже честно ответив на все вопросы и пересказав всё, что знал.

Стал ли Аминари отцом не так давно, или же его супруга прижила ребёнка от своего тайного возлюбленного? Как рано они начали встречаться и как далеко заходили их встречи — Шоуки не имел ни малейшего представления. И какая судьба ждёт теперь невинное дитя, едва увидевшее свет? Что бы не сказала его мать теперь — какая вера будет её словам после такого обмана?

Инари Сай имел разговор с ней ночью, но то, что было сказано и услышано в ту ночь не предназначалось для посторонних ушей. Так что, взяв с молодого карита клятву о молчании, его попросили покинуть печальное собрание и обождать где-нибудь снаружи. Было это ещё до обеда...

И ведь... Расскажи он о своих подозрениях прежде — что бы изменилось? В судьбе женщины и её ребёнка — определённо ничего. Промолчи...

Впрочем, к чему загадывать? Что сделано, то сделано, и принятых решений да сделанных дел не изменить.

Некоторое время назад сменился почётный караул у входа во двор, но не стражи, стоящие у покрытых резьбой дверей. Те были посерьёзнее — преданные кариты Наместника, а у входа во двор позволялось нести караул благородной молодёжи.

Шоуки не придавал этой детали должного внимания, пока не почувствовал, что ко двору приближается группа каритов, весьма обеспеченных, судя по подвескам и амулетам. Один клинок Шоуки признал — возвращался один из тех, что стояли в карауле прежде. И казалось, или...

Шоуки медленно вдохнул, и ещё медленнее выдохнул, даже не глядя в сторону заходящей во двор компании. Во главе её шёл... как его, из клана Ичи, а вот имя и вовсе из головы вылетело. Всё ещё жаждет реванша? Как же давно это было...

И как не вовремя вылезла эта драчливая молодёжь!

Заняться им больше нечем!

Шоуки злостью разобрало при мысли, что там, совсем рядом, решаются судьбы, а молодым аристократам — лишь бы подраться! Когда он поднял на них взгляд, столичные аристократы вздрогнули, двое даже отступили на шаг.

— Чем этот недостойный может развлечь благородных каритов? — уточнил Шоуки холодно, поскупившись на приветствие.

— Развлечь? — приснопамятный аристократ заткнул большие пальцы за пояс, демонстрируя невозмутимость и самоуверенность. А ещё — дурное воспитание, как не преминул бы заметить Инари Сай, не находишь он сейчас за закрытыми дверьми. —

Помнится, сей благородный карит задолжал мне поединок, и, пользуясь случаем, я бы желал испросить сей долг, пока обстоятельства снова не развели нас на разные края благословенных земель.

— Поединок был проведён, — напомнил Шоуки всё так же холодно. — И не в вашу пользу, уважаемый, однако, если вы так желаете получить взбучку, кто я такой, чтобы отказывать вам?

Ибо, катись они к демонам, погрязшие в праздности молодые богатеи, они не отстанут, пока не получают то, что хотят, да и Шоуки самому ох как хотелось подраться после своего весьма неудачного столкновения с Сасаем.

Подраться и обозначить правильный порядок действий при сражении с полноценным каритом. Учитель был прав — их поединки особенные, ибо они сражаются наравне. И драки с нормальными каритами должны проходить совсем-совсем иначе...

— Взбучки? — благородный вскинул бровь. Выщипывает он их что ли, чтобы смотрелись настолько точёными и ровненькими? — Судя по вашему виду, в проклятых землях вам довелось познать значение слова “взбучка” во всей его красе.

— И этот презренный карит в полной мере готов приобщить вас к этому знанию, — Шоуки поднялся на ноги, прямо глядя в глаза нарывающемуся Ичи. — Где и когда благородный карит желает получить свою порцию тумачков?

— Тот же чудесный двор, что и в прошлый раз, пожалуй, подойдёт. А время... Да хоть сейчас.

— Подходит, — смерил взглядом группу поддержки, как будто бы только её заметил, и направился к воротам. — И условия — те же.

— Те же? — вскинул нос да-как-же-его-по-имени Ичи. — Снова рассчитываете смухлевать и воспользоваться скрытыми клинками?

— Смухлевать? — Шоуки повернулся, да чуть склонил голову на бок. — Наличие оружия при себе не оговаривалось в прошлый раз. При мне — всё те же четыре ножа и клинок. Желаете сравнять шансы — возьмите у своих достойных спутников по ножу. Пять клинков на пять клинков. Как вам?

— Сравнить шансы? Сказано громко, но справедливости ради ваше предложение меня устраивает.

Ну и молодец. Шоуки кивнул кариту, торящему дорогу к своему поражению. И пусть подловить его наличием скрытого оружия уже не удастся, лишние клинки на поле боя его ситуацию только усугубят...

Оглядев двор и не увидев нигде своего ученика, Тамай нахмурился и обратился к почётной страже с вопросом. Пока он уточнял детали, мрачный и задумчивый наследник успел спуститься по лестнице и направиться к воротам. Пришлось его догонять.

— Господин, у меня есть к вам деловое предложение, — заметил Жнец сдержанно, чем вызвал замешательство наследника, а главное — завладел его вниманием и отвлек от навверняка невесёлых мыслей. Аминари выдержал воистину тяжёлую битву с отцом за право самостоятельно принять решение по этому вопросу. Наместник скрепя сердце настаивал на том варианте, что причинит наименьший урон политической обстановке в империи, но его сын желал сам разобраться в некоторых... обстоятельствах, и только потом поддержать отца, либо выбрать что-то другое.

— Говорите, — Аминари мельком огляделся, пытаясь сообразить, отчего Айри ведёт

себя так. Их подслушивают? Вроде нет никого рядом...

— Как насчёт немного развеяться? Тут молодые аристократы решили попробовать на зуб моего ученика, это должно стать весьма занимательным зрелищем.

Аминари остановился, несколько растерянно глядя на Тамая. Предложение казалось какой-то невероятной глупостью, и к чему уважаемый Жнец его вообще выдвинул, наследник с ходу сообразить не смог.

— Вы, как всегда, слишком серьёзно относитесь к ситуации, — заметит старший карит, покачав головой. — Я, конечно, ни в малейшей степени не имею в виду, что произошедшее — не заслуживающая внимания мелочь, но, дорогой мой Аминари, вы слишком серьёзны сейчас и собраны, по вашему лицу всякий придворный определит что что-то стряслось, а главное — мой уважаемый тесть будет вами недоволен. Опять надумает читать вам лекции о лицедействе или ещё чём таком. Оно вам надо?

Принц вынужден был признать, что это будет совершенно нежелательным и в какой-то мере унижительным. Вздохнул, на несколько мгновений прикрыл глаза, перебирая про себя мантры. Тамай определённо был прав в одном — до послезавтра нужно вести себя так, будто ничего не произошло. И в обычных обстоятельствах он бы, пожалуй, заинтересовался подобной стычкой.

— Хорошо, идёмте, — кивнёт, выдохнув и немного взяв себя в руки. Всё серьёзное — после. Пока — ничего не произошло, всё скучно, обыденно, и вести себя нужно соответствующе. — Куда нам?

— А вот сейчас и спросим! — Тамай направился к воротам, вернее, к караулу у них, выгнав, куда свернули кариты. И вскоре, ещё через три вопроса, с направлением они определились окончательно. В конце концов, дворцовый комплекс хоть и был большим, мест, где невозбранно могла подраться молодёжь, было не так много. Не то, чтобы дуэли были запрещены... За случайные стычки и драки наказывали, и весьма сурово, дуэли же благородных были совсем-совсем иным зверем. Их ни в коем случае не поощряли, иначе бы популяция каритов и молодых чиновников во дворце резко бы пошла на убыль ввиду ранений и летальных исходов, но и запретить не могли. Потому дуэли старательно загоняли на тренировочный плац, делая вещь обыденной и максимально безопасной. После утренних тренировок под них отводилось время, и умаявшееся после занятий молодые кариты дрались не так ожесточённо, под присмотром старших и целителей, а так же на виду у любопытных, частенько заходивших в тренировочный двор ко времени, глянуть, дерётся сегодня кто или нет. На попытки обустроить дуэль по-тихому обычно смотрели с неодобрением, и весть о подобном довольно быстро облетала дворец, так что не желающие всеобщего внимания драчуны не затягивали со своими намерениями надолго. Это у северян между вызовом и самой дуэлью могло пройти до недели, полной подготовки дуэльной площадки и даже объявлений в тамошних новостных памфлетах.

Впрочем, у них ситуация была немного иная, там подобные стычки грозили немалыми разрушениями.

Аминари, к радости Тамая всё же взял себя в руки и держался молодцом. То, насколько вся эта ситуация задела наследника, на самом деле несколько удивило Жнеца. Ему казалось, что у старшего принца с супругой достаточно прохладные отношения, и оба не в восторге от политического брака, но полны смирения нести сей крест и не позориться перед Предками.

Оказалось, что казалось, да ещё как! В отношении обоих.

А вот и тихий просторный двор позади одного из архивов. Представление уже в самом

разгаре, да пара посторонних зрителей топчется у перил крытого перехода между зданиями. Сотрудники, собственно, архива, судя по знакам различия, решили разнообразить свои рабочие будни любопытным зрелищем. Увидев новых зрителей они торопливо поклонились и сбились более плотной кучкой, уступая место с лучшим видом на происходящее. Аминари величественно кивнул служащим, Тамай их и вовсе проигнорировал, цепко наблюдая за происходящим.

— Как я и думал, — произнесёт он удовлетворённо, наблюдая, как молодые кариты кружат на некоторой дистанции друг от друга, работая ножами и клинками на расстоянии и пока не торопясь сближаться. Один из сыновей Осаши Ичи ожидаемо вёл поединок, один за другим перехватывая под собственный контроль чужие ножи, активно выворачивающиеся из его хватки.

— Ваш ученик пока не в лучшем положении, — заметит старший принц аккуратно и вежливо. — Он вот-вот потеряет все свои ножи.

— Потеряет? Он наконец то осознал один из главных секретов моего превосходства над окружающими и обкатывает его на возжелавшем драки добровольце. По крайней мере, я на это надеюсь.

— И в чём же этот секрет? — проявил заинтересованность Аминари, да и служащие оттопырили уши старательно делая вид, что их не интересуется беседа высокопоставленных наблюдателей.

— Увы, не могу вас порадовать ответом — на то он и секрет!

Всё шло довольно ожидаемо — стоило обозначить угрозу, бросив ножи за спину противнику, как тот сосредоточился на их перехвате и удержании. Шоуки, воспользовавшись этим, разорвал дистанцию, изображая сопротивление и заставляя противника раз за разом перехватывать выворачивающиеся из его хватки ножи. Это было не так сложно — совсем недавно учитель показал ему как это делать правильно. Обычные кариты почти всегда “держали” оружие за центр масс либо место с наибольшей концентрацией небесного металла. Так что следовало найти наиболее удалённую от этого места точку, и дёрнуть под определённым углом, немного подворачивая в конце. И количество силы, что необходимо было приложить к этому действию было довольно-таки смехотворным, если сравнивать с попыткой отобрать оружие перебиванием чужой хватки грубой силой.

Раз, второй, третий — разозлённый этой вознёй Ичи вцеплялся в свою добычу всё сильнее — к холодному удовлетворению Шоуки. В этот раз у него не было с собой столько ножей или посторонних предметов, чтобы полностью “загрузить” им дар противника, но такой вариант тоже работал неплохо — по крайней мере, на младших каритах, которые могут одновременно контролировать не такое большое количество кусков металла.

Шоуки выждал ещё пару мгновений, не переставая подёргивать ножи, и убедившись, что их держат крепко, скользнул вперёд. Перехватил свой клинок рукой и атаковал, вынуждая противника перейти к обычной рубке. Тот включился в неё с радостью — у него ведь было преимущество, он держал почти десяток ножей да меч против одного клинка у противника — о чём тут можно волноваться?

Позорная трёпка, полученная от Сасая, определённо открыла ему глаза на некоторые неприятные моменты. Напомнила о предыдущих схватках что в Копейном дворе, что в столице далёкого севера.

Ему определённо нужен простор для манёвров и возможность разорвать дистанцию,

если противник вздумает швырять его из стороны в сторону, как чугунный котелок. Опять же, грубая сила — это удел обычных каритов. Вот пусть они её и применяют направо и налево. Шоуки же дёрнет здесь, подвернёт там, чуть сдвинется в сторону, позволяя ножу просвистеть мимо. Он мог драться сейчас с закрытыми глазами — на такой дистанции Ичи просто не мог пользоваться ножами в полной мере, многие углы атаки для него были просто закрыты, если он не хотел вогнать их сам в себя в случае, если Шоуки увернётся или чуть изменит направление летящей стали точечным воздействием. Молодой аристократ познал этот факт быстро и едва не на собственной шкуре — рукав он себе распорол, но кожу, к счастью, не зацепил.

Иначе бы поединок кончился, а Шоуки этого не хотел. Ему нужно было ещё немного времени, чтобы освоиться, покружиться, отбивая удары противника и нанося собственные, уклоняясь едва заметными движениями от порхающих в воздухе ножей. Он атаковал всё чаще и свободнее, быстрее, опаснее, чётко контролируя пространство вокруг себя даром, но глядя прямо на противника. Удары того были сильны, но не очень сильны — он тратил слишком много внимания и силы на то, чтобы удерживать ножи в своей власти. Шоуки даже немного напитал собственный клинок духовной силой, делая свои удары более тяжёлыми. Теперь их удары высекали искры. На одном дыхании они пересекли двор — Шоуки наседали, обрушиваясь на противника чередой атак, и проходя через маленький рой летящих ножей как ветер сквозь рыбацкие сети. Ичи всё больше сосредоточенно хмурился, самоуверенности у него поубавилось, да и навыки фехтования были не так хороши, как казалось вначале.

Слишком многие кариты уповали на сильные удары, насыщенные духовной силой, сминающие блоки противника, а то и ломающие их клинки. Отнимешь у них это преимущество — и смотри-ка, фехтует не хуже и не лучше погодок Шоуки из поместья Сиасай.

Вот Ичи ослабил контроль над ножами и попытался ударить как привык — сильно. Шоуки развернулся боком, позволяя его клинку с жалобным звяком выбить крошку из каменных плит двора, перехватил пять из восьми ножей из ослабшей хватки противника, и метнул их вперёд, заставив аристократа отпрыгнуть и уворачиваться.

Он мог закончить этот поединок сейчас — он контролировал происходящее, каждую пядь стали и мог чётко сказать, куда сейчас прикладывает силу противник. Вот он ослабляет свой контроль за оставшимся в его распоряжении металлом, и Шоуки, оставив клинки в покое, пустил перед собой довольно узкую волну духовной силы. Будто щит, она частью отразила, частью ослабила волну противника, так что на молодом карите только одежда затрепетала как от порыва ветра, да ножи зазвенели по камням, укатываясь к стене.

Позволил себе чуть приподнять уголки губ в улыбке — угадал. И ударил сам — волной, узкой и сильной по ногам, заваливая аристократа и заставляя катиться кубарем. Раз, другой — в обратную сторону, к дальней стене двора, подбирая заодно раскатившиеся ножи. Духовный сосуд пустел от такого использования, в груди начинало слабенько ныть, но он позволил себе отвесить противнику ещё один мощный “пинок”, сбивший окончательно попытки аристократа восстановить контроль хотя бы над собственным оружием. Потом просто бросил нож в лицо пытающегося вскочить карита, остановив его так, чтобы кончик едва царапнул кончик носа Ичи, пуская кровь. У него было достаточно умения и контроля, чтобы повернуть такое. Контроль — вот его главное оружие. Недоступная другим каритам точность исполнения и способность к сбору информации через этот контроль. И расстояние, на котором он может контролировать окружающий металл.

— Полагаю, поединок окончен. Вы удовлетворены, уважаемый? — он чуть склонил голову на бок, с незнакомым доселе удовольствием наблюдая за тем, как растерянно хлопает глазами Ичи, дыша тяжело и измотано. Собственное дыхание Шоуки тоже тщательно контролировал всё это время, и почти не запыхался. И повернулся к кучке молодых аристократов, замерших у стены в растерянности и даже, кажется, немного страхе. — У наблюдателей нет возражений?

Головы отрицательно качнулись туда-сюда. Шоуки сложил руки и поклонился им, затем — похмуревшему противнику, вынужденного ответить тем же. Потом уже повернулся к крытому переходу, и глубоко и уважительно поклонился учителю, благодаря за науку и подсказки, что позволили ему наконец осознать собственную силу.

Часть II Ступенями небожителей

Где путь человека оставит отпечатки в пыли, там поступь бога сокрушит скалы и торит новый путь для рек. Где человек обломает ветку неловким движением, там божество возвышает династии мимолётной милостью и обрекает на гибель нечаянным взглядом. Сказанное человеком слово теряется в шорохе листвы, глас богов гремит в небесах от края до края.

И лишь шаги тех, кто всходит на гору Аят шуршат бумагой хроник, движением руки они перечерчивают границы и оплетают землю трактами. Слова их возводят города, отправляют армии в бой, а старый переписчик, пачкая пальцы в туши, будет выводить их раз за разом, тщательно выводя каждый знак...

"Размышления о закономерностях и первопричинах важнейших исторических событий"

Глава 1

Оставалось совсем немного — крохотная цель была так близко под слоем жирной глины и камней, что казалось, помани её, и она сама прыгнет в руки. Однако же не прыгала, погребённая под слоем перекопанной земли и пепла, и, похоже, зажатая камнями.

Он надеялся, что камнями.

Подвинул ближе фонарь, тяжёлый от масла и старого медного набалдашника, направляющего свет вниз, и снова воткнул лопату в землю да наступил ногой, проталкивая её глубже и чувствуя, как неприятно металл царапает по камню.

Яма углублялась медленно, но неотвратно, время, впрочем, тоже шло своим чередом, уйдя далеко за полночь, что не радовало — он надеялся управиться быстрее, но эти камни...

— Предки! — вырвалось невольно, когда лопата вывернула из земли откровенный кусок обожжённой кости. Шоуки поёжился. Раскапывать тайно ночью братские могилы — это последнее, чем в его представлении следовало заниматься порядочному слуге при императорском дворе! — Матушка, извинись за меня перед этими несчастными, хорошо?

Он поднял взгляд в небеса, но они казались особенно тёмными и неприветливыми, едва проглядывая в разрывы шелестящих древесных крон. Так и не дождавшись знака свыше, что его слова услышаны, он вздохнул, и, отодвинув осколок кости в сторону, принялся копать дальше.

К счастью, вскоре крохотный кусочек металла начал поддаваться его зову, и, подцепив лопатой скрытый в пепле камень, ему удалось освободить почерневшую капельку небесного железа. Выдохнул, сунул добычу в мешочек на поясе и принялся закапывать всё обратно, тщательно утаптывая, чтобы закрыть потом аккуратно срезанным дёрном. Умаялся уже некуда, изгваздав сапоги и одежду в смеси глины и пепла. Его, впрочем, тревожило больше не то, что он испачкался, а то, что испачкался в сожжённых человеческих останках, но как проявить в этой ситуации должное почтение и такт, он не представлял, а потому помолился над захоронением ещё раз, и, повесив лопату рядом с лампой, подобрал дерюгу, на которую выгребал землю, и, спустившись к подножию холма, отмыл грязь с сапог и лопаты в заболоченном ручье.

От такой наглости обитающие в нём лягушки позамолкали, негодуяще заквакав ему в спину только когда он направился к поместью, притушив лампу и едва не ежеминутно спотыкаясь о выступающие из земли корни. Дерюгу он припрятал под каким-то кустом, надеясь, что там она и пропадёт и прорастёт мхом и дикими травами. Если лопаты с лампой могли хватиться, то этого старого куса грубой ткани — вряд ли.

Ночь была темна и прискорбно полна всего, за что можно было зацепиться, и обо что споткнуться. Но двигаться следовало тихо — в ночи звуки разносились далеко, несмотря на стрекот кузнечиков и сверчков. А в дозорах сидели опытные кариты, как успел убедиться Шоуки. Мимо них к стенам поместья нужно было прокрасться предельно тихо и аккуратно — в связи с обстоятельствами охрана была усилена и клювами люди клана Тагари не хлопали, ответственно относясь к возложенным на них обязанностям.

И железом обвешались они так, что Шоуки почти не напрягался, разыскивая и присматривая за караульными. Пробрался неторопливо через подступающие к поместью рощи, тихо и медленно преодолел открытое пространство, пробираясь едва ли не ползком в пышной зелени, поюлил у стены, обходя и обманывая печати и выжидая удобные моменты в

движении караульных. А там — одним движением перемахнуть высокую стену, оставив самое сложное позади.

Он добрался до нужного сарайчика, оставил лопату да фонарь на своих местах, и, уже почти не таясь, направился к помещениям, отведённым для высоких гостей. Старался не мелькать лишней раз на глазах у караульных, пару раз перемахнул стены внутренних дворов, и наконец взошёл на крыльцо одного из строений и отодвинул дверь.

— Не спишь? — констатирует тихо да пройдёт внутрь, закрыв за собою дверь.

— Поспишь тут... — Амарими сидел в медитативной позе, но при этом устало ссутулившись и свесив кисти. Щёки его нездорово покраснелись, а глаза влажно поблёскивали. В комнате витал слабый запах крепкого спиртного, почти перебиваемый запахом горького травяного настоя.

— Проспался бы, и с утра был свеж, как цветок лотоса, без всяких дополнительных средств, — заметил Шоуки, подойдя к низкому столику и заинтересованно изучив содержание чайника.

— Но мне же любопытно! — с трудом сдерживая эмоции объявил младший принц.

Шоуки усмехнулся, налил в пустую чашку давно остывший чай, и постучал пальцем по столешнице, напоминая о пластине. Амарими встрепенулся, хлопал себя по бокам, и, достав из-за пазухи пластинку с вырезанными на ней печатями, подсел к столу и активировал купол тишины.

— Ну?! — Амарими тоже сунулся в чайник, но тот был пуст, и принцу оставалось только вздохнуть.

Шоуки кивнул, сделал глоток, но нашёл остывший чай не слишком притягательным напитком и вернул кружку на столешницу.

— Нашёл. Там и вправду было проклятое ядрышко. Одно, что, наверное, подтверждает первоначальную версию.

— Сомневаюсь. Скорее, Тагари не при делах, слишком пекутся за свою репутацию, и потому предпочли скрыть странное и непонятное, чтобы не поползли слухи, что на их территории происходит какая-то чертовщина, — страдающий принц не преминул подхватить оставленную другом чашку и опрокинуть её в себя. Шоуки с жалостью посмотрел на молодую пьянь, думая, что следует принести свежей воды из колодца.

— Не берусь судить насчёт этого, я с ними особо не общался.

— Везунчик! — простонал Амарими, закатывая глаза.

Бремя ответственности явно его не радовало, хотя вначале, помнится, младший принц испытывал немалый энтузиазм, принимая на себя новые обязанности.

Уже полгода его брат носил траур после внезапной кончины супруги, и это не позволяло ему выполнять некоторые обязанности, в частности, представительские поездки, которые подразумевали, кроме обмена подарками и передачи различных документов, ещё и празднества с выпивкой и прочими увеселениями. Так что эту функцию Наместник спихнул на Амарими, и это, надо сказать, оказалось идеей просто потрясающей! Шоуки восхищала способность младшего принца ставить всех на уши, едва оказавшись в чужом поместье, и заставляя знать водить вокруг себя хороводы.

И пока все были заняты высокородным гостем, у его спутников было вдоволь времени тихо делать свою работу.

Но, судя по помятому и несчастному виду младшего принца, строить из себя центр вселенной и водить за нос породистых аристократов было работой тяжёлой и утомительной.

Особенно когда организм не слишком хорошо реагирует на крепкие напитки.

— Это с какой стороны посмотреть, — возразил Шоуки единственно из желания подразнить принца. — Твои слова ловят главы и наследники кланов, чиновники ходят за тобой хвостиками, и юные барышни кружат около тебя, аки пчёлки вокруг едва распустившегося цветка! Ко мне же если и лезут, так разве что подражаться.

— Вот про девиц — не надо! — дурно блеснув глазами Амарими указал на карита дрожащим перстом. — Чтоб тебя половина Империи рассматривала как выгодную партию!

Шоуки склонил голову на бок, но подначивать дальше не стал. Юный принц приближался к брачному возрасту, и пусть его брат — конечно после траура — был целью куда предпочтительнее, Амарими всё равно доставалось нездоровое внимание от благородных, желающих пристроить своих дочерей, и науськанных ими кровиночек. Кено бы непременно позубоскалил на предмет того, что стоит пользоваться возможностью, а не то попадётся жена... как у некоторых, и с молоденькими потом не забалуешь! Кстати, про Кено...

— Остальные вернулись?

— А? — хлопнул глазами сбитый с мысли принц. — А! Да, управились быстро, и ещё догуливали банкет.

— И где?.. — нахмурился Шоуки. Принц соорудил какую-то странную гримасу и качнул головой в сторону стены, к которой примыкала пристройка.

Шоуки прищурился, поднялся из-за стола да, выйдя, направился к дверям пристройки. Распахнул двери. В нос шибануло запахом перегара и почему-то рыбного супа. Троица каритов валялась посреди помещения на полу в одних нижних одеждах. Босые пятки грязные, тонкая ткань мокрая и липнущая к телесам, волосы похожи на мокрую паклю. И посапывают ещё так сладко и спокойно...

У Шоуки задёргался глаз.

— Ничего не знаю, с банкета они уходили только слегка навеселе. Потом Шимай утащил их по каким-то делам, а вернулись они уже... вот так, — заметил подошедший младший принц. В его словах отчётливо слышалось обиженное “А меня с собой не взяли!”.

Шоуки медленно вдохнул, прикрывая глаза. Выдохнул.

— Схожу ка я к колодцу. За водой, — холодно произнёс он, и развернувшись, направился искать вёдра побольше.

— Но мы добывали важные сведения! — не унимался Кено, страдальчески заламывая брови и морщась от мучающего его похмелья.

Амарими в этом вопросе ощущал превосходство, выпрямившись в седле и делая страшные глаза, чтобы хоть как-то повлиять на полукровку. После медитаций и отваров, а пуще того — зрелища расправы над компаньонами, его похмелье быстро отпустило прошлой ночью. Но да он и не так много пил, отпивая каждый раз по чуть-чуть, либо делая вид, что отпивая, либо ненароком сливая содержимое куда-нибудь и старательно теряя свою чашку. Просто не заходило ему крепкое спиртное совершенно! Да и на светлую голову играть словами куда сподручнее.

А вот парни страдали, да ещё после устроенной взбучки...

— Кто ж виноват, что эти идиоты так не вовремя полезли в драку? — не унимался страдающий карит под предостерегающими взглядами уже всей компании.

Но увы, было поздно.

Едущий впереди Шоуки чуть натянул поводья, и лоснящийся жеребец повернулся боком, вызываясь вскидывая голову и перегородив дорогу остальным. Взгляд его наездника обжёг, будто сотнями крошечных иголок мазнув по коже, от чего по спине побежали мурашки. Амарими изобразил невозмутимость, хотя внутри всё сжалось — Шоуки во гневе он уже видел, но привыкнуть к этому совершенно не мог.

Ни Шоуки, не Тамай не обладали достаточным количеством духовной силы, чтобы эффективно угнетать ею окружающих, но это не мешало молодому кариту делать что-то... эдакое, когда он злился. Хотелось забиться под лежащий камень или притвориться ветошью, лишь бы не чувствовать на себе этого обжигающего холодного гнева.

— Что мешало вам проявлять сдержанность и следить за количеством выпитого во время вашей “спецоперации по втиранию в доверие”? Тогда бы и драку вы быстро и без разрушений свели на нет, и не опозорились бы, смывая в пруду с карпами последствия, утопив в процессе и оружие, и одежду! Молитесь, чтобы в ту ночь глаза и уши Предков были закрыты, и знание о этом позоре не потревожило их посмертие!

Кариты синхронно опустили глаза. Даже Амарими, который был не при делах, и Таики с Шимаем, которые, вообще-то, были старше Шоуки.

Демонический Зимний Гром этой картиной был удовлетворён, и тронул коня, продолжая путь. Полегчало всем сразу, до тихого сдавленного выдоха.

Ещё какое-то время ехали молча, что позволило молодому принцу ещё раз перетрясти полученную информацию, поворочать факты с боку на бок и подвергнуть сомнению сделанные выводы. Выводы упорно держались, представляясь логичными и правильными.

— Около пятидесяти лет назад в клане Тагари случилось несчастье, наследник... вероятнее всего помутился рассудком, либо был отравлен чем-то, дающим схожий эффект. Погибли люди. Наследника изолировали и держали в надёжном месте до его смерти через несколько лет. Это событие стоило клану дорого, как ни пытались они умалчивать о произошедшем, слухи разорвали несколько намечающихся браков, торговые соглашения тоже претерпели неприятные последствия, и желающих стать каритами клана одарённых тоже поубавилось, — начал рассказывать Амарими, внимательно наблюдая за едущим впереди Шоуки.

Тот придержал коня и повернул голову, прислушиваясь. Вроде уже не злился, и молодой принц, воодушевившись, продолжил:

— Это событие быстро связали с некоторыми историческими личностями и их жестокостью на поле боя ли или же в быту. Репутация клана серьёзно пострадала. Они до сих пор очень старательно прячут свои семейные проблемы за ширмой, и пекутся о моральном облике клана. Это чувствуется. Если что-то неприятное произошло в их владениях, для них вполне естественно было постараться это скрыть. Особенно, если произошло — такое. Да и вовлечённость в настолько тёмные дела при таком отношении к репутации весьма сомнительна. Либо отдача от разрешения ставить эксперименты на их земле и их людях должна быть запредельно высокой.

— Определённо, — кивнул Таики. — Но непохоже, чтобы клан стремительно разбогател за последние несколько лет, либо укрепил свои политические позиции сверх закономерного в сложившейся ситуации. И представить, чтобы они претендовали на амулет Наместника сложно — они в конце списка тех, кто может иметь хоть какие-то основания для подобных телодвижений.

— Произошедшее вызвало суету и панику среди слуг, — добавил Шимаем осторожно. —

Это было непредвиденное событие, незапланированное, не подготовленное тем или иным образом. Слуги этого поместья получают пространный инструктаж — что делать в том случае, что делать в ином. Подобного не предусматривалось, судя по всему. Многие и вовсе наперво посчитали, что к ним прорвалось какое-то чудовище с проклятых земель за перевалом.

— Должно быть, отчасти так оно и было. Наши таинственные неприятели ставили опыты над людьми на проклятой земле и упустили один из экземпляров по некой причине, — кивнул Амарими. — А тотвышел к людям и устроил бойню.

— Звучит разумно, — согласился Шоуки, повернувшись. Вроде успокоился?

Всё равно после его слов над маленьким отрядом повисла тишина. Мимо проплывали пышные рощи, впереди на каменистом холме выростала дозорная башня, контролирующая оживлённый торговый тракт. Мерно трепыхалось на ветру приспущенное знамя.

Амарими отвёл от него взгляд, и украдкой оглядел страдающих похмельем парней. Конечно, опростоволосились они знатно, устроив безобразную пьяную драку на кухнях малого двора поместья Тагари... Но, это странным образом успокаивало молодого принца. Тайные шпионы такого головоуятия бы себе не позволили. Амарими присматривался к ним давно, их тайно проверили люди господина Инари, но некое смутное беспокойство у него оставалось... Вот ровно до этой ночи. Похоже, можно было потихоньку открывать им оставшиеся тайны имперского значения, в купе с самой-самой главной из них...

Поразмыслив об этом ещё немного и уверившись в правильности решения, Амарими приободрился да начал строить планы. Тот кусочек проклятой земли, с которого, вероятно, прешёл к Тагари одержимый, следовало навестить и осмотреть как следует — возможно злоумышленники не смогли замести все следы, когда оттуда уходили. Не могли не уйти! Слишком аккуратно, сволочи, действовали. Так что, узнав о происшествии с их недоделком, они наверняка перебрались в другое место.

Но поискать стоит, и Шоуки с Тамаем там будут очень кстати. И Алана обязательно взять, он давно просится. Заодно и посмотреть, насколько быстро тройца сообразит, кто перед ними.

А если... Хм, получится ли уломать Тамая свернуть по пути к Императорскому камню? Или извернуться так, чтобы их отпустили без Тамая? А получится ли? Надавить на то, что столь большая и сильная свита только вызовет подозрения?

Сбежать, банально...

А то всё никак не удавалось выкроить время — то одно навалится, то другое, то их позорно заловят перелезающими через стену, то ещё что...

А он же обещал показать! Плохо не выполнять обещания...

До столицы добрались через два дня — поездка в этот раз была довольно короткой, они навестили всего-то три клана и проехали несколько городов, где останавливались на ночь. Задач, помимо официальных, на них возложено больше не было, но расслабляться спутникам Шоуки не позволил. Следовало как можно быстрее доставить новые сведения во дворец... И ходатайствовать, чтобы Наместник поскорее отправил их куда-нибудь ещё с важным делом, ибо Амарими что-то снова замышлял. Он не выдвигал никаких подозрительных предложений, не предлагал открыто совершить какую-то глупость, наоборот, вёл себя прилично и спокойно что вызывало лавину подозрений у привыкшего к выходкам принца карита.

Приехали удачно — самые задиристые кариты дворца едва заступили в караул, и проезжать мимо, ловя на себе их взгляды, было одно удовольствие — Шоуки по-прежнему старался их избегать, не желая тратить время на потеху публики и общение с заикленными на победе аристократами. Да, отличная практика, но молодого карита угнетало то, сколько внимания привлекали эти поединки. Чиновники, аристократы, мутные намёки, тревожащие взгляды...

Ему даже девиц начали подсовывать, изящных, обходительных в беседе, идеально накрашенных, с улыбками как у матери-солнца и лисьими глазами. У Шоуки это вызывало только раздражение, хотя по-хорошему следовало бы “поддаться” и хотя бы понять, что именно эти пташки пытаются у него вызнать. Учитель отмахивался и заявлял что это нормально. Обычные интриги и желание получить рычаги влияния на молодого карита с большим потенциалом, да к тому же приближённого к сыну Наместника.

У Шоуки на этот счёт были другие соображения — поведение некоторых аристократов выбивалось из канвы, и только накладывалось на другую странность. Первым на неё обратил внимание Таики — он чаще крутился среди аристократии и потому замечал больше, а то и слышал краем уха. Да, их внешнее сходство было временами проблематично, но дело было не только и не столько в нём.

Тамай от вопросов на эту тему отмахивался, Инари Сай так задурил ему голову размышлениями о случайностях и совпадениях, что Шоуки ещё неделю ходил огорошенный, а Амарими был не в курсе.

Потому Шоуки решил обратиться к его старшему брату, и тот не смог отказать, учитывая связывающие их обстоятельства.

Осталось только узнать, в столице он сейчас или в поместье, и навестить. Двух недель ему должно было хватить, чтобы разобраться в вопросе.

Наместник ожидаемо был занят прениями с чиновниками и аристократией, так что маленькому отряду достало времени, чтобы привести себя в порядок с дороги и немного передохнуть.

После они куковали у входа в залу, распугав кучку придворных и прочих просителей, от чего те частью переместились по другую сторону от ступеней, частью и вовсе удалились, поняв, что сегодня пообщаться с Наместником им вряд ли удастся...

Наконец, резные двери распахнулись, и во двор начали чинно спускаться участники заседания. Ожидающие склонились в поклоне сообразно статусу, и, выждав положенное время, начали пристраиваться то к одному, то к другому чиновнику со своими прошениями.

Парни же терпеливо ждали — Наместник показался на пороге последним, в сопровождении писаря и своего старшего сына.

Шоуки тихонько сглотнул — при взгляде на его траурные одежды у него снова неприятно перехватило горло. Как бы он не старался, прогнать мысли о собственной роли в тех... событиях не удавалось.

Особенно — глядя на траурные одеяния.

— Отец, брат, — Амарими поклонился ещё раз, чинно и официально. Те кивнули, Наместник распахнул веер, на мгновение задумавшись.

— Через полчаса в малом Нефритовом Павильоне, — сообщил Наместник, двинувшись дальше. Видимо у него оставались какие-то важные дела. Амарими кивнул, а вот его брат свернул к ним, и произнёс:

— Господин Ло, Шоуки, я бы хотел переговорить с вами касательно одного дела...

Парни переглянулись, и поклонились, выражая согласие.

На том и разделились — они трое поднялись в только что покинутый зал, а остальные ушли дожидаться встречи с Наместником.

Таики выглядел озадаченным, а вот Шоуки разобрало недоброе предчувствие. Явно наследник собирается дать ответ на ту просьбу, но раз решил выбрать для этого защищённое от посторонних ушей помещение...

Они прошли мимо расставленных столиков к возвышению. Аминари сел на своё место, рядом с местом отца, и пригласил каритов устраиваться напротив. Шоуки сохранял невозмутимость, собравшись в ожидании чего-то нехорошего, а вот его спутник несколько занервничал. Тоже что-то чуял, наверно.

— Шоуки, некоторое время назад ты просил меня разузнать... кое-что. Честно сказать, сперва я хотел оставить эту просьбу без ответа, но, посоветовавшись с отцом... Вам стоит знать эту информацию. Уже сейчас ваше... сходство вызывает беспокойство, а в будущем, судя по всему, оно будет вызывать ещё больше проблем. Вам следует знать, просто, чтобы быть готовыми, если кто-то попытается этим воспользоваться и как-то манипулировать этим. Либо разбрасывать обвинениями. Чтобы вас не застали врасплох.

То, как деликатно старший принц пытался перейти к делу, вселяло в Шоуки некоторый трепет, а вот Таики подобрался и произнёс на удивление спокойно:

— Мы родственники, да? И кто отличился? Мой отец? Дядя Римари?

Наследник на такое только головой чуть качнул.

— Скажем так, у нас нет прямых доказательств, но судя по косвенным — Шоуки сын Наири Ло.

Таики побледнел, повернулся к Шоуки.

— Ноя уверен, он ни в чём...

— Именно поэтому он всё ещё жив, — согласился Аминари. — Мы уверены, что Наири Ло было наплевать в тот момент, что у него может появиться ребёнок. Более того, Шоуки был рождён уже после его смерти. Не ему отвечать за грехи своего отца. Но сходство с возрастом становится только сильнее. Многие это замечают, и рано или поздно кто-нибудь попытается этим воспользоваться.

Шоуки же только сейчас осознал всю глубину проблемы. Пальцы сгребли невольно и сжали полы одежд. Сын предателя?

Он лихорадочно перебирал свои детские воспоминания, но не мог вспомнить и момента, когда бы матушка отвечала на вопросы об отце, а не уводила разговор в сторону.

Поэтому?

Горло перехватило, вдох застрял где-то на полпути к лёгким. Шоуки, конечно, подозревал о родственных связях и был, кажется, готов услышать... Но не такое же! Проклятый предатель, безумец, хладнокровно уничтоживший собственный клан ради целей мятежников.

В глазах начало темнеть, но его привела в чувство лёгшая на плечо ладонь.

— Кузен, — Таики улыбался. — Я здесь. Ты всегда можешь положиться на меня.

Шоуки посмотрел на него долго и тихонько кивнул. Аминари наблюдал за обоими почти рассеянно.

— Если обстоятельства прижмут, будет лучше, если вы назовётесь братьями, — заметит он. — Ваши Предки, думаю, не будут против взять на себя капельку позора ради сохранения жизни своего потомка.

— Они не будут против, — пообещал Таики. — Я позабочусь об этом.

Клинки столкнулись, высекая искры. В этот раз оба были напитаны духовной силой в равной мере, увеличивая мощь ударов и парадоксальным образом уберегая клинки от повреждений.

По крайней мере, в тех случаях, когда накачка обоих клинков была равноценна, либо не отличалось слишком уж радикально. Иначе добрая сталь норвила зазубриться, а то и вовсе разлететься осколками. Не сломаться — именно брызнуть в стороны блестящими осколками.

Притоптанная земля дворика тут и там поблёскивала подобными.

Классическая связка ударов, сбить противнику топорный обманый приём, засадить поленом, которое, впрочем, ловко отразят волной. Подхватить ещё одно, и...

— Господин, вы слишком увлеклись, — карит отступил назад, и осуждающе качнул головой. — Уговор был об использовании исключительно Духовной силы.

— Прощупования. И вправду увлёкся.

Алан опустил клинок, радуясь небольшой передышке, и аккуратно уложил на землю десяток деревяшек, выдернутых из покосившейся поленницы. С практикой ему становилось всё легче работать на стыке магии и “магии” южан, момент перехода управления металлом в телекинез он и вовсе начал раз за разом упускать из вида. Просто использовал то, что было более эффективно в том или ином случае.

Потёр грудины невольно — за день он почти опустошил свой “внутренний очаг”, и тот отзывался неприятным нытьём. Это ощущение было для него в новинку, впрочем, он только недавно научился наконец насыщать сталь “духовной силой”, и это жрало её в приличных количествах.

Особенно, когда он перебарщивал и заливал слишком много, ломая тренировочные клинки господина наставника.

— Возможно, стоит закончить на сегодня? — подалголос Тамай, вольготно устроившийся на крыльце с чашкой чая. — Наш подопечный выглядит уже порядком измотанным. И его прогресс вполне удовлетворителен.

— Удовлетворителен, ха! — Имари закинул свой клинок на плечо. — Кабы мои ученики прогрессировали с такой скоростью...

— У них нет такого чудовищного запаса духовной силы, — напомнил Тамай.

— И их не обучают одновременно трое выдающихся мечников, — вежливо заметил

Алан, которого собственные успехи не слишком впечатляли. Кто угодно отточит навыки после таких тренировок.

Глупостью было бы утверждать, что его с нуля подтянули до весьма достойного уровня — Алан и прежде занимался фехтованием, хотя и северным стилем. Так что господину Имари, Тамаю, да решившему потряхнуть стариной Инари пришлось потрудиться, чтобы частью переучить будущего Императора, частью выстроить для него новый стиль, сочетающий особенности обоих фехтовальных школ.

— И таких выдающихся шалопаев! Все дрова разметали, такой беспорядок во дворе...

Все обернулись на появившуюся на входе во двор Ясуми. Девушка недовольно огляделась, уперев руки в бока.

— Мы всё уберём! Не переживай, дорогая! — мигом вскинулся Тамай, и, отставив чашку, бросился подбирать полешки. А то с неё станется самой за это дело взяться. Ясуми и прежде супругом вертела как хотела, но с тех пор, как даже пышные одежды перестали скрывать её растущий живот, ситуация ухудшилась многократно.

Алан с господином наставником переглянулись, и тоже принялись помогать под снисходительным взглядом госпожи маленького поместья. Она взирала на это всё с явным удовлетворением, и когда поленницу под навесом вернули в изначальное состояние, сообщила:

— Ужин почти готов, вы как раз успеете привести себя в порядок. Да! И от наблюдателей пришло сообщение, что младший принц со спутниками направляются к поместью. Они тоже должны успеть к ужину.

Алан взбодрился, и глянул на небо, чтобы прикинуть время. Амарими уехал чуть больше недели назад по делам клана, а заодно — проверять кое-какие слухи. И будущий Император подозревал, что господин Инари решил исподволь приучать младшего принца к работе, которую ныне курировал, а прежде и исполнял сам. Старик Инари в целом напоминал Алану родного дядюшку, и пусть характерами они отличались разительно, всё же, схожее поле деятельности накладывало на обоих схожий профессиональный отпечаток. Цепкие взгляды, тщательно скрытые за масками чувства, привычка рассчитывать всё на несколько ходов вперёд и не очень приятная привычка использовать окружающих с прицелом на будущее. Ради высших целей и благополучия государства, само собой...

И было весьма интересно, удалось ли парням повернуть задуманное в этот раз, и насколько правдивы те слухи. В конце концов, если в них есть хоть доля правды, это ещё одна зацепка, оставленная той таинственной группой, что разработала методику обращения людей в кукол.

Приведя себя в порядок, Алан вышел к воротам маленького поместья, и сразу заметил всадников на вьющейся вниз по склону тропе. Разъездить её до состояния дороги ещё не успели — травы чахли, сохли, но по-прежнему крепко и упрямо схватывали каменистую землю. И ведь по этому пути продолжали подвозить дерево, глину, камни на больших запряжённых волами телегах. Пусть основная работа была завершена, подготовка к расширению поместья продолжалась. Кольшки с цветными ленточками усеивали склон, местами уже были заложены основания будущих террас, массивные камни, установленные чётким квадратом по периметру прятали под собой ключевые точки охранного периметра. Само поместье же пока выглядело довольно скромно. Три двора и садик, огороженные почти что частоколом, с десятков построек, половина из которых — сараи да скотные. Как ни посмотри — скромное молодое поместье с пятком слуг.

Откуда стороннему наблюдателю знать, что слугам этим палец в рот не клади, защитные периметры едва ли хуже, чем в поместье Сиасай, а на окрестных холмах расположены позиции наблюдателей.

И — сразу видно, парни опять ввязались в какие-то неприятности. Просто впереди на своём гнедом едет Шоуки, а остальные трутся у него в хвосте, как стайка испуганных утят. Да и приехали такие скромные и вежливые, здоровались, раскланивались. Алан, сдерживая усмешку, чинно подыгрывал да проводил компанию в дом, где слуги заканчивали накрывать стол.

Поужинали тоже очень правильно, ведя исключительно благопристойные беседы, и только за чаем Амарими очень сдержанно отчитался об успехе миссии и вскрытых подробностях событий более чем двухгодичной давности. Впрочем, рассказывал младший принц очень сдержанно и сухо, то ли опасаясь шокировать неаппетитными подробностями Ясуми, присутствующую за столом, (ага, попробуй её расстрой подобным), то ли стараясь скрыть что-то неприятное.

Коллекция Алана пополнилась ещё одной бусиной с рунной вязью, в этот раз странно вытянутой, каплевидной, да и сами руны вроде как немного отличались и требовали сравнения.

Наконец хозяйюшка удалилась, чтобы дать слугам последние распоряжения по подготовке гостевых покоев, со стола было убрано, и Шоуки с учителем удалились переговорить о чём-то своём, Имари с прищуром оглядел молодых каритов, но решил не гонять их на ночь глядя, тоже ушёл, давая возможность парням посекретничать.

— И во что вы опять вляпались? — проницательно поинтересовался Алан.

Амарими весело фыркнул на это, а вот его спутники смутились. Насколько знал Алан, к этой троице младший принц присматривался уже давно, ему так и так нужна была надёжная свита. И было в целом интересно наблюдать, как их потихоньку приобщают к государственным тайнам. Но сам он в это дело не лез — наблюдать, во-первых, было интереснее, во-вторых, его официальный статус был довольно скромным, и следовало не слишком выбиваться из образа. Он просто друг принца и Шоуки, официальный гость его учителя, скромный полукровка с севера, получивший дар магии и потому совершенно безобидный и беспомощный в этом краю.

— А-ха, да так, парни не рассчитали с выпитым и немного подрались с местными после приёма. Шоуки расстроили... — отмахнулся Амарими, а потом хитро сощурился. — Ты мне лучше вот что скажи — не засиделся ли ещё за своими книжками? Как на счёт мотнуться посмотреть страшно-ужасные проклятые земли?

— Ха. Звучит, в целом, заманчиво... — кивнул медленно Алан, пытаясь понять, насколько это предложение санкционировано старшими. — Но безопасно ли это?

— О, на этот счёт можешь не переживать, — отмахнулся Амарими. — Туда готовится прям целая экспедиция! Почти как на охоту за реку!

Алан задумчиво кивнул:

— В таком случае, почту за честь присоединиться к вам в этом предприятии.

— Отлично! — заулыбался Амарими, и вдруг перешёл на заговорщический шёпот: — И вообще, до конца недели время ещё есть, мы пока здесь погостим, наверное, если хозяева будут так добры, а значит, можно будет мотнуться посмотреть ещё пару интересных мест тут неподалёку!

— Дичи к столу добыть, — добавил Шимай быстро. — Чтобы хозяев не объедают.

— Может, травки какие выкопать госпоже в сад редкие, если наткнёмся, — поддакнул Кено. Таики промолчал, но важно кивнул на эти заявления.

Спелись, определённо.

Амарими оглянулся через плечо, очередной раз испытывая глубочайшее удовлетворение от удачно осуществлённой каверзы. Расчёт оказался верен, а долгий путь к цели только подсластил изумительный результат!

Парни сгрудились на небольшой заросшей папоротниками полянке, стоя по колено в пушистых лапах, и рассматривали полусохшую стерню с зонтиком на макушке. Гадали — оно, не оно.

И выглядели при этом столь же пёстро, сколько и органично. С одной стороны — похожие как братья Шоуки да Таики, с другой — разительно отличающиеся смески, рыжий да чёрнявый. Ну и Кено со своим здоровенным клинком-нуори! И в таком окружении Алан не казался чем-то сторонним, чуждым, привлекающим внимание. Вписался как родной! Никто на него и внимания не обратит, посчитав частью пёстрой свиты молодого принца.

Прямо хочется погладить самого себя по головке, да провозгласить на весь лес — “Ах какой я молодец!”

Помнится, в детстве он так и делал, потешая матушку и вызывая недовольство у старшего брата. Он и отучил своими придирками, что нужно быть серьёзнее и прекращать это ребячество. Но иногда так хотелось! Особенно теперь, когда навалилось столько ответственности и обязанностей. К счастью, всё же куда меньше, чем волокли на себе брат да отец, не говоря уже о северянине.

— Тут ещё один! И это точно солнечный корень! — сообщил он, примакая ногой пушистые листья, почти скрывшие молодое растение.

Идея поискать редкие и просто целебные травы по пути пришлась по духу всем — кто хотел порадовать хозяйку, кто — блеснуть знаниями, кто просто испытывал любопытство и желал развеяться.

Компания быстро сместилась в его сторону.

— Ну, листья вроде похожи... — неуверенно заметил Шоуки.

— Можно выкопать и надломить корешок, — предложил Кено аккуратно. — По запаху точно признаем.

— Так смысл же как раз в том, что повреждать корни категорически не рекомендуется? — нахмурился Алан. — Или это всё местные легенды?

— Да нет, — покачал головой Амарими. — Не приживётся на новом месте, и целебные свойства начнёт терять.

— Может, тогда поищем что-нибудь другое? — смалодушничал Кено, с сомнением глядя на растение. — Но чтобы наверняка?

— Нет-нет! Это точно солнечный корень! Точно! — активно закивал Амарими. — Так что — копаем!

Копать пришлось абы чем — захватить лопату, естественно никто не догадался. Хорошо у Шоуки нашёлся целый ворох ножей, которых жалко не было. Разных форм и длины, молодой карит перебирал их придирчиво, избавлялся от одних и доставал где-то другие. Его учитель смотрел на это снисходительно и обещал лично выковать ножи нужной формы, как только тот определится.

Ну и когда будет построена кузня в поместье. Но вот вряд ли это будет скоро — на очереди были купальни, чайный домик, ещё один двор с гостевыми домами и полноценная

каменная стена. Госпожа Ясуми оказалась натурой весьма деятельной, и принимала живейшее участие в строительстве — в основном, решая что и в каком порядке возводить, а так же как что должно выглядеть и чем украшаться. Она определённо обладала и вкусом, и чувством меры, и могла идти на компромисс. В основном — со своим отцом, ибо её благоверный только головой качал и поддакивал.

Во истину, господин Айри был влюблён глубоко и бесповоротно...

Корень оказался очень разветвлённым, расходящимся на длинные тонкие боковые корневища, земля каменистой, но сопели и копались, разгребая землю, все скопом, без исключения. На удивление длинный корень наконец извлекли и завернули в кусок плотной ткани, переложив землёй, чтобы не подсох. Амарими торжественно и аккуратно уложил добычу в седельную сумку. С другой стороны болтались, растопырив крылья, два фазана, набитых крапивой. Какая-никакая — а добыча! С пустыми руками возвращаться совсем не хотелось — раз уж заявили, что едут на охоту...

Вот с ней им откровенно не везло, даром, что леса здесь были богатые на дикого зверя. Традиционно, долины с этой стороны от столицы принадлежали императорскому трону, и доступ охотников и сборщиков трав сюда был строго ограничен, и специальные люди следили за тем, чтобы здесь не шастали посторонние. Ну как следили... Спустя рукава, обычно, но по крайней мере не допускали вырубки и совсем уж неумеренной охоты.

Новое поместье семейства Айри располагалось практически на границе заповедных лесов — давным-давно Император пожаловал его предку половину от этих лесов, и те до сих пор были не слишком заселены. Поместье Сиасай, поместье Тооки, вот теперь поместье Айри, да две деревни на реке Танцующей. Остальные владения клана находились южнее...

— Можно ещё проехать немного ближе к поместью, там попадаются большие проплешины с луговой травой, встретить косулю там будет куда легче, чем в этих дебрях, — предложил Амарими, забираясь в седло.

— А кто же говорил, что в этих дебрях можно добыть отличного барса? — хмыкнул Шоуки, похлопывая по шее своего здоровенного скакуна.

— Так это на шкуру, а не на мясо! — пояснил принц. — Да там императорский камень неподалёку, будет любопытно на него взглянуть.

— Тот самый, из легенд? — заинтересовался Кено, влезая в седло и поправляя свой здоровенный клинок. — А не опасно ли?

— Так это же легенды, — отмахнулся Амарими легкомысленно. — Кто в них верит?

— Ну, м'кари тоже персонажи легенд, — поддел его Таики. — А смотри же, бегают...

— Бегают, идохнут! — фыркнул молодой принц. — А в сказках они неубиваемы. А лисы разговаривают, и гуси растут на деревьях.

— И верно! — Кено рассмеялся, и Амарими удовлетворённо кивнул, трогая коня пятками.

Пришлось немного поплутать по звериным тропам, но одиноко торчащая как палец скала была хорошим ориентиром, и вскоре они выбрались из этой долины, и по берегу узкой порожистой речушки направились к нужному месту.

Погода стояла отличная, и прогулка у водной прохлады доставляла удовольствие. Хотя бы ради этого уже стоило выбраться из-за высоких стен! А то последнее время из дворов поместий и из-за стен дворца удавалось выбраться лишь для всяких ответственных поездок...

Места немного изменились, последний раз у камня Амарими был несколько лет назад,

но приметы всё равно узнавал легко. Сдвоенное дерево совсем расщепилось и засохло, булыжник на повороте реки почти скрылся в молодой ивовой поросли, а родник, впадающий в реку, совсем зарос папоротником.

— Лучше оставить лошадей здесь, дальше тропы совсем нет, придётся даже поскакать по камням в одном месте, — сообщил он, оглядевшись.

Да и коней тут было где привязать — в тени крупного дерева к одной из его крупных ветвей. А там — вдоль ручья, раздвигая ветви руками и отмахиваясь от почти невидимых паутинок, так и норовящих прилипнуть к лицу. Вскоре начался подъем, а лес немного поредел, под ногами попадалось всё больше крупных булыжников, между которыми ручей и извивался. Даже пару раз попадались водопадики в пару ладоней высотой, что было бурно обсуждено парнями. Вспомнили легендарные водопады северных земель, которые трое присутствующих даже видели.

— Последний рывок! — объявил Амарими, — Во-он за теми кустами начинается площадка с камнем! Вперёд!

Последний участок пути был и правда крутоват. Алан с прищуром смотрел, как кариты бодро рванули вверх, перепрыгивая с камня на камень. Сам так мог, совмещая примитивную левитацию с использованием “духовной” энергии, но конспирация-с... Так что, пришлось взбираться вверх придерживаясь за пахучие ветви то ли мелкого кустарника, то ли особо размашисто растущих трав. В конце ему подали руки и втянули по осыпающемуся краю на довольно просторную площадку, покрытую мелкой галькой и неприхотливым местным растением с мелкими листиками и ползучими стеблями. Чуть в стороне, ополаскиваемый водой с одного края, и возлежал обещанный странный камень.

Он и правда напоминал молочный или “костяной”, как его называли здесь, янтарь по цвету, был удлиненный, со сглаженными краями, и уходил одним концом в землю, заставляя ручей изгибаться, чтобы обойти его. Кариты загомонили, с некоторой опаской оглядывая камень, и Алан тоже подошёл ближе, рассматривая это бревно. И правда чем-то напоминало древнюю, грубую и очень сглаженную ветрами и дождями статую человека в полный рост из мягкого песчаника. На поверхности было несколько мелких сколов и трещин, и присмотревшись к ним Алан установил, что материал полупрозрачный и мутный, и кажется белым только из-за общего объёма. А подойдя вплотную...

— Однако, — вырвалось невольно. Алан положил ладонь на нагретый солнцем камень. Удивительно гладкая поверхность. — Здесь эфирный фон. Впритирку к камню. Довольно слабый, но всё же... Шоуки, глянешь?

Парень кивнул, и подошёл, прислушался как будто, и настороженно коснулся камня. И кивнул, к глубокому удовлетворению будущего императора. Тот и раньше подмечал что карит весьма чувствителен к эфирному фону, но тут он и правда был очень слабый.

— Значит, ты сможешь колдовать тут? — заинтересовался Шимай, подступая ближе с каким-то хищным блеском в глазах.

— От этого камня эфира исходит так мало, что его едва хватит огонёк зажечь, — Алан щёлкнул пальцами по привычке, материализуя крошечный язычок пламени. Хорошо, научился наконец контролировать количество эфира исходящее из “очага”, и подстраивать его к магическим плетениям без особых эксцессов. И чем легче ему давался процесс, тем большее отвращение он испытывал к принятому здесь названию этого эфирного... органа?

Ибо какой же он сосуд, когда не хранит, а производит “духовную силу”?

Дал парням, никогда не видевшим магии поглазеть вдосталь под смешливое фырканье Амарими, и вздохи Шоуки, и отбрехавшись, что хочет поизучать феномен, прилип к камню. Младший принц шустро отвлёк остальных на поиски мелких камешков того же материала в ручье и на самой площадке. Ну да, он, помнится, рассказывал, что здесь такие попадались.

Так, камень-камень...

Почему он испускает эфир? Это явно камень, да к тому же не содержащий ни метеоритного железа, ни обычного, иначе бы порода была рыжей, красной, да хотя бы коричневой! Значит — не способен удерживать его продолжительное время. В то, что где-то рядом сидит на жиле костлявой жопой безумный отшельник и периодически прибегает зарядить камень, тоже совершенно не верилось.

Хотя про жилу версия интересная. На севере выходы эфирных потоков на поверхность были явлением частым... Но куда более мощным! Может ли быть что этот камень лежит на совсем крошечном? На деле сомнительно, это как сравнивать ствол столетнего дуба с волосом, но версию со счетов сбрасывать не стоило.

Походив вокруг камня и потыкав его простенькими плетениями, удалось выяснить, во-первых, равномерность исходящего потока, что делало теорию природного источника куда более привлекательной, во-вторых, что это не камень. Алан помнил всего пару плетений, направленных на исследование материалов, и одно реагировало на “камень” как на стекло, а второе его и вовсе почти не видело. Конечно, оба плетения больше предназначались для поиска тайников и определения толщины стен, но в обоих присутствовали компоненты, дающие представления о природе материала — в конце концов, если три стены в помещении выдают отклик как полметра кирпича под штукатуркой, а третья — как доски в палец толщиной под ней же...

Совсем озадачившись, Алан попросту сел на тёплый от солнышка камень, перебирая варианты. Стекло? Крепковато для стекла. И почему второе заклинание не увидело вовсе ничего?

А в чём, собственно, разница между чарами? Хм, если прикинуть составные элементы... О боги, то есть, Предки, как же не хватает того здорovenного талмуда по теории построения плетений...

От раздумий его отвлёк восторженный возглас Амарими. Кажется, они таки нашли белую гальку, разворошив часть склона. Алан несколько минут наблюдал, как парни воодушевлённо продолжают поиски, потом встряхнулся, и, вернувшись к проблеме, почти сразу сообразил, в чём разница.

Второе плетение не реагировало на эфир, что позволяло пробивать им некоторые маскирующие чары.

И оно утверждало, что камня нет.

Алан озадаченно уставился на насиженную поверхность. Ещё раз обошёл камень, и попытался поцарапать его кончиком ножа. Звук был как металлом по камню, и когда он приложил усилие, даже осталась тонкая серая полоска...

И ещё больше вопросов, когда он провёл по ней пальцем, и стёр с идеально гладкой поверхности. На коже осталось пятнышко поблёскивающей пыли...

Значит, этот объект физически не существует, твёрже хорошей стали и является источником эфира...

Чем дальше, тем парадоксальнее выводы.

Уложив на поверхность обе ладони, Алан попробовал воздействовать на камень сырым

эфиром. Совсем небольшим количеством. Вроде, оно ушло в материал, но никакой реакции тот не выдал. Вообще ничего. Тогда он попробовал влить сырой, не преобразованной духовной силы, и едва уловив что-то странное, отшатнулся.

Кариты среагировали на его движение и мигом оказались рядом, но камень как лежал, так и лежал.

Только на гладкой поверхности появились два неглубоких, будто вплавленных в поверхность, отпечатка ладоней.

— А давай тыбольше не будешь экспериментировать именно с этим камнем? — аккуратно предложил Амарими. — Вот, мы мелких насобирали, играйся с ними.

— Да, пожалуй... — согласился Алан, подставляя ладонь, чтобы принять в неё пригоршню мелких, белёсых окатышей. — Кстати, как вы их нашли столько?

— Шоуки чует, — пояснил Шимай, пихнув коллегу локтем.

— Очень смутно, — качнул головой тот, поморщившись. — Только примерное местоположение, и чувство такое возникает, будто на солнце шуришься. Вроде оно маленькое и далеко, но где именно за этим ярким... ярким...

— Ореолом? — подсказал Таики. Шоуки только плечом неопределённо дёрнул.

— Занятно, — Алан задал один камешек в кулаке, плеснул в него духовной энергией...

И ничего.

Хмыкнул.

Эфир, духовная... Ага! Камешек поддался на мгновение, будто кусочек глины и снова затвердел. Значит важна последовательность? Или момент перехода более “плотной” духовной силы в более “лёгкий” эфир?

Нет, всё было несколько сложнее, чем утверждала теория о разной плотности энергий, но так было удобнее обозначать различие — в шешоу предыдущих Императоров этот вопрос либо оставался открытым, либо приводилась совсем уж философская муть с цветастой терминологией в южном стиле. Он пытался в ней разобраться, но за неимением толкового словаря часто просто пропускал её, чтобы не запутаться ещё больше.

Алан пожамкал камешек и так и этак под заинтересованными взглядами каритов, пока тот совсем не потерял форму и не начал расползаться на ладони сперва будто вата, а после и вовсе туманной дымкой. Алан озадаченно хмыкнул, а Шоуки обеспокоенно заметил:

— Фон повысился! Может ли быть, что эти камни — проклятье в твёрдом виде?

Проклятие. В твёрдом виде. Алан почувствовал, ускользающую мысль, вцепился в неё, и таки вытащил неожиданную ассоциацию с ореховыми булочками. Вернее, со взбитыми сливками, с которыми их часто подают. Тяжёлый плотный молочный жир и лёгкий воздух, перемешанные так тщательно, что образуется пена, держащая свою форму длительное время. И ведь в нескольких шешоу упоминалось о работе с “пенной, что волны выносят на песок в устье реки, где вода горькая смешивается с водами сладкими”!

И как он раньше об этом не подумал?

— Мысль интересная, — заметил Амарими. — Ноэто уже совсем как-то... невероятно...

— А вот это мы ещё посмотрим! — Алан размял в пальцах ещё один камешек и бросил многообещающий взгляд на здоровенный белёсый валун.

— Нет! Нет, нет, нет! Нет!!!

Шоуки сам удивился тому, как психанул, вцепившись в плечо будущего императора. Как-то внутри всё сжалось в предчувствии неприятностей — слишком уж Алан напомнил ему сейчас Амарими тогда, на охоте. Такой же блеск в глазах и дурное восторженное воодушевление! Сходство было настолько болезненно-полным, что Шоуки не мог поступить по-другому, хотя и отдавал себе отчёт в некоторой неуместности подобного поведения. Да что там неуместности... Со стороны это вполне могло сойти за трусость, или ещё что, ибо уставились на него все круглыми глазами.

— Нет, — повторил Шоуки уже спокойнее, отпуская Алана и нервно складывая руки на груди. — Я бы попросил вас оставить подобные эксперименты. Не в таких масштабах. В конце концов, совсем рядом находится поместье Сиасай, и если вы создадите в его пределах пятно проклятой земли, в которой неизвестно что заведётся... Это будет, как минимум, невежливо по отношению к родному клану нашего дорогого принца!

Алан всё ещё смотрел на Шоуки удивлённо и озадаченно, остальные неловко переглядывались. Кено кашлянул, прочистив горло:

— Не, ну в самом деле... Тут с двух маленьких камешков аж дышать душно стало. А если этот большой расползётся...

— У меня ив мыслях такого не было, — забегал глазами по сторонам Алан с очень виноватым видом. — Объём камня и правда великоват, чтобы расщеплять его и... Я просто хотел бы посмотреть на него ещё раз поближе, раз уж нащупал что к чему.

Вышло почти просительно. Ещё и взгляд такой заискивающий, что теперь настал черёд Шоуки округлить глаза.

— Но мало ли. Вдруг что-то пойдёт не так? — Хоть сквозь землю проваливайся! Как бы замять теперь эту совершенно дурацкую ситуацию. — И вообще, мелких камней мы целую пригоршню набрали, тебе будет что поизучать на досуге.

— Хорошо, хорошо! — бодро закивал Алан, окончательно смутив Шоуки. Ох, хорошо, что парни ещё не знают что Алан — будущий Император, а то было бы совсем... неудобно.

— И ладно тогда, в самом деле... — Амарими бодро ввинтился между ними, прикрывая Алана. — Нам ещё косулю добывать! Камешков набрали, давайте, спускаемся потихоньку...

Покивали, засуетились — склон был довольно крут, тут нужно было аккуратнее.

— Давай я хоть отпечатки свои уберу, а то очень неловко будет, если сюда кто влезет, и увидит такое, — Алан тронул Шоуки за плечо и кивнул в сторону булыжника. Карит посмотрел туда же и охнул тихонько. И правда, отпечатки ладоней так явно выделялись на гладкой поверхности...

— А сможешь? — уточнил Шоуки подозрительно.

— Слабенького воздействия должно хватить, чтобы немного размягчить поверхность. А там, надеюсь, она сама оплывёт, — прикинул северянин.

Шоуки подумал мгновение, и неохотно кивнул. Оставлять такие следы здесь и правда не хотелось.

— Только аккуратно.

— Сампонимаю...

Да вот только не верилось. Потому Шоуки глянул сперва на начавших спускаться

парней, и последовал за будущим Императором обратно к камню. Амарими качнулся туда, сюда, и остался у кустов на краю склона.

— Прости, просто... ну не нравится мне эта каменюка! — едва они отделились достаточно от остальных, попытался оправдаться Шоуки. — Очень странно ощущается. Тревожно мне.

— Да знаю, что странно, — согласился Алан тихо, проведя над камнем ладонью. — Мне тоже чары странные результаты выдают. Хотя, честно сказать чары не совсем специализированные, поэтому их результаты довольно неточные, но, в целом, я уверен, что камень это на самом деле затвердевшая смесь духовной энергии и эфира.

— Даже так? — Шоуки хмыкнул. — То есть, это и правда творение одного из твоих Предков?

— Похоже на то, — кивнул Алан. — О, смотри-ка, размягчается...

Испорченная отпечатками ладоней поверхность и правда начала немного “плыть”, сглаживаясь. Медленно так... — Поднажму-ка!

И простёр над камнем и вторую ладонь.

— Может, не стоит? — засомневался Шоуки, замечая, как признаки размягчения захватывают бóльшую поверхность.

— Да ладно, я сообразил уже как это работает. Тут в целом, как с вашими техниками, надо сосредоточиться на ощущениях, а не на формулах, и...

Размягчившаяся поверхность камня пошла вдруг волной, Шоуки не задумываясь оттолкнул Алана плечом, и сам шарахнулся, а вспучившийся молочный пузырь разорвало изнутри чёрными когтями.

Он ещё успел порадоваться, что когти не очень впечатляющие, хоть и весьма острые, а лапка, на которой они крепятся, достаточно тощая и напоминает, скорее птичью, как волнами пошла вся поверхность камня и тот начал расслаиваться под напором этого чего-то когтистого, отчаянно дёргающегося внутри.

— Демон!!! — вскрикнул где-то позади Амарими.

— Да быть не может! — неверяще выдохнул Алан.

Шоуки, надо признать, тоже на мгновение замешкался, ошалело глядя на показывающиеся из расползающегося камня лапки, хвосты и ещё не пойми какие части тела, инстинктивно потянулся за ножами, но вспомнил, что оставил сумку с ними на седле. Так что пришлось выхватывать меч из ножен, четыре завсегдашних ножа из рукавов и, подбадривая себя криком, рубить это гадство, пока оно окончательно не освободилось.

Ножи воткнул в мельтешащее практически наугад, а вот мечом засадил удачно — под локтевой суставу шарящей когтистой грабки, практически отрубив конечность, повисшую на каких-то ошмётках шкуры.

И в этот момент произошло два события — тварь заверещала, что не удивительно, и остатки камня расползлись, прыснув в стороны удушающей волной проклятия. Так что сперва по ушам ударил дикий визг, оглушающий, физически болезненный, а следом за ним — накатила душная волна проклятия, скрутившая внутренности узлом с такой силой, будто Шоуки макнули в самую серёдку Круглого моря да поглубже.

Что именно из этого уронило его на землю, он так и не понял, и, кажется, даже на несколько мгновений потерял сознание. Просто потому, что вдруг обнаружил, что лежит, а над ним, беззвучно шкрябая поверхность щита десятком лапок и щёлкая узкой пастью, висит какая-то пушистая тушка совершенно непонятного вида. Или это в ушах всё ещё так звенело,

что он ничего не слышал? Как бы там ни было, но колдовской щит нападки зверюги выдержал, та то ли скатилась, то ли отпрыгнула в сторону, заодно избежав крупного комка пламени. А потом отскочила ещё, ибо в воздухе пронёсся длинный и широкий клинок Кено. Шоуки опомнился, нащупал свой, и попытался подняться, но его затошнило и повело в сторону. Хорошо, его подхватили под руки с обеих сторон, и отволокли подальше от...

Тварь была... ну, с хорошего такого волка размером, может, несколько крупнее. Она более всего походила на клок белой ваты, из которой в разную сторону торчали худенькие когтистые куриные лапки с чёрными когтями, и, вроде как, пушистые белые хвосты или просто вытянутые клоки шерсти.

Но голова, похоже, бы была всего одна. Вытянутая, зубастая, с чёрными глазками-бусинками, полными боли и дурной ненависти.

— Это ещё что такое?!

— Незнаю!

— Оно не похоже на демона-лиса!

— И что?!

Голоса пробивались через звон в ушах плохо, хотя орали у него над самым ухом. Кено попытался отогнать зверюгу клинком, но та снова шустро отскочила, и подобралась для атаки. Алан бодро выставил широкий щит, не давая твари приблизиться. Та метнулась туда, сюда, снова увернулась от уже двух летящих клинков, и, вновь ударив по ушам каким-то то ли скрежещущим, то ли булькающим визгом, резко вдохнула или, может, распушилась, увеличившись в объёмах вдвое.

А нет...

— Какого... Да оно эфир жрёт!!! — возмущённо вскричал Алан, и, выпустив Шоуки, вскинул руки, убирая щит и заливая тварюшку огнём. Хотя какую тварюшку? Оно и правда увеличилось в размерах уже до молодого бычка. И не останавливалось. И взвизгнуло снова, не столько ударив по ушам, сколько разогнав сноп огня потоком воздуха.

— Оно ещё и колдует?! — Алана переполняло всё возрастающее праведное возмущение. Шоуки же, почувствовавший себя куда лучше — вырастая, тварь то ли сжирала, то ли впитывала проклятие, и то становилось жижее, не так давя на организм.

— Хватайте его в охапку и валите отсюда! — Шоуки вытряхнулся из держащих его рук и, подхватив свои ножи и клинок, засадил их куда-то в бесформенное шерстяное чудовище. Бил наугад, совершенно не представляя где у этой туши уязвимые места и жизненно важные органы, и есть ли они вообще...

Но вроде хоть куда-то уязвил, ибо тварь взвизгнула и скакнула вбок.

— Кого хватать?! — заорал Таики, видимо, тоже полуоглушённый воплями белого чудовища.

— Его!! — Шоуки ткнул пальцем в сторону что-то лихорадочно колдующего Алана. Амарими и Шимай, к счастью, уже были достаточно далеко, ускакав вниз по склону. Таики замешкался на мгновение, и Шоуки сам ухватил возмущённо вскрикнувшего северянина за ворот и впихнул в руки кузена. И это — не прекращая тыкать белое и пушистое железом — один из ножей то ли застрял в ране, то ли запутался в шерсти, и отслеживать местоположение твари он мог с закрытыми глазами.

Слава предкам, дорогой родственник сообразил, что дело серьёзное, и прихватив будущего Императора, поволок прочь под его возмущения и ругань. Кено сбоку хекнул, мощной волной отбрасывая тварь назад, и попытался проткнуть её своим клинком, но та

извернулась невероятным образом, и снова вскочила на ноги, клацнув зубами уже на клинок Шоуки. Карит попытался бить по глазам, но костей у твари, кажется, не было вовсе, она уворачивалась просто мастерски. Но хоть уворачивалась, а не нападала!

Так что её даже удалось сдерживать какое-то, весьма непродолжительное время, в течение которого существо раздулось до размера хорошей телеги.

А потом тварь снова заорала, оглушая, и... Ударила? В замешкавшегося Шоуки, будто таран, врезался выстреливший из туши... Хвост? Комок шерсти? Удар был столь силен, что выбил из лёгких весь воздух, и прострелил по рёбрам острой болью. Даже сердце удар пропустило. А ещё его отбросило далеко назад, вышвырнув с более-менее ровной площадки на склон. Шоуки успел заметить, как Кено, изворачиваясь в воздухе, становится на своё клинок, и ухнул в чахлые кустики, совершенно не спасшие его от жёсткой встречи с землёй.

Определённо, Шоуки начинал искренне ненавидеть те моменты, когда им кидаются, как тряпичной куклой. Очень уже это обидно, больно, и эффективно...

К счастью, он успел прикрыть голову руками, и отбил о камни только бока и локти с коленями, так что поднялся почти сразу, как затормозил. И увидел довольно жуткую картину — выше по склону растеклась пушистая дрянь, растопырившая в стороны похожие на щупальца осьминога пушистые хвосты, одним из которых удерживала поперёк туловища барахтающегося Кено. Тот отмахивался как мог, отталкивая зубастую пасть голой духовной силой, ибо клинок его удерживало не менее десятка когтистых лапок. Шоуки сам не заметил, как взбежал по склону, подзывая своё оружие. Ножей разросшаяся тварь даже не почувствовала, а вот клинок Шоуки перехватил руками, и, увернувшись чудом от удара хвостом, вложил в него едва ли не всю духовную силу, что у него оставалась. И рубанул по хвосту, удерживающему Кено, отсекая его. Карит с воплем укатился ниже по склону, волоча за собой длинный пушистый хвост, да и тварь заревела-завизжала так, что в глазах потемнело, и кинулась вперёд, разевавая здоровенную пасть. Шоуки снова ударило по ушам так, что в глазах потемнело, и он только и смог, что устоять на ногах и выставить вперёд клинок.

На удивление, зубами в него не вцепились. Тварь вмазалась в очередной щит, кажется, обкрошив об него несколько мелких острых зубов-иглок, которыми была утыкана её пасть. Шоуки похолодел, да не от того, что его этим набором зубов едва не зажевали, а от того, что почувствовал всю четвёрку, несущуюся вверх по склону ему на помощь.

Идиоты!!! Давно успели бы добраться до лошадей и сваливать отсюда!

— Па-астараниииись! — проорал младший принц, подскакивая ближе с чем-то наперевес. Шоуки попытался перегородить ему дорогу, но его просто поволокло назад, будто бы невидимой рукой перехватив поперёк груди. Ибо барьер пропал, и тварь, навалившаяся на него, ухнула вперёд, загребая многочисленными лапами, чтобы не покатится кубарем. Но это не помешало ей раззявить пасть навстречу малолетнему придурку, который, кажется, сам норовил прыгнуть ей в брюхо.

Но Амарими, что удивительно, не совсем обезумел, и, швырнув свою ношу в раскрытую пасть, поднырнул вниз, и ударил по челюсти чудовища волной духовной силы. Та громко клацнула челюстями, острыми зубами будто ножницами срезая край ткани, торчащий из пасти, и шумно сглотнула.

Вместе с куском ткани вниз посыпались комки земли и тонкие корешки. Остро запахло целебными травами.

Шоуки наконец перестало волочь неведомой силой и отпустило. Он едва удержался на

ногах благодаря Шимаю, подхватившему его под руку. Амарими скатился к ним следом, А чудовище...

А чудовище замерло, выпучив маленькие глазки. Потом хекнуло, захрипело, вывалив из пасти длинный узкий язык. Потянулось к пасти лапами, судорожно пытаюсь выскрести из неё что-то, двух пар лап оказалось мало, чудовище подтягивало всё новые и новые, из-за чего завалилось на бок и всё же покатило вниз белым пушистым комом. Кариты едва успели в сторону отшатнуться, и теперь, тяжело дыша, смотрели, как застрявшее в кустах и низкорослых деревцах чудовище судорожно возится, хрипит, расцарапывает собственную пасть, из которой уже валит розовая от крови пена.

Шоуки, тяжело дыша, перевёл ошарашенный взгляд с конвульсивно дёргающейся и хрипящей туши на Амарими. Того явно потряхивало, но на его губах играла дурная улыбка.

— Солнечный корень издревле используется, в том числе, и при изгнании демонов! — напомнил он гордо.

Кено нервно хохотнул, и сам закашлялся, болезненно морщась. Алан головой покачал, впрочем, не опуская рук, сложенных в какой-то колдовской жест. Таики хмыкнул, а потом повернулся к северянину, и с вежливым поклоном поинтересовался:

— Господин Ишимари, а не объясните ли нам, как вы смогли колдовать здесь на склоне, хотя сгусток проклятия остался там, на площадке?

— А, ну... — будущий Император стрельнул глазами по сторонам. — Амулет-накопитель?

— А не покажете ли? — не менее вежливо и обходительно попросил карит.

Алан закусил губу. Шимай с Кено сперва нахмурились, затем лица их начали вытягиваться — видимо, уловили наконец суть претензий.

Шоуки тихонько вздохнул (глубоко вздохнуть было почему-то больно), и прикрыл глаза. Ну вот, приплыли...

— И что это? — немного нервно спросил Наместник, обходя вываленную на брусчатку тушу.

— Не имею ни малейшего представления. Нужно поднять бестиарии. И не просто, а старинные, времён основания Империи, — немного мрачно предложил Инари Сай, который так и стоял, постукивая пальцами по голове одного из каменных псов, охранявших вход в этот небольшой двор, примыкавший к внешней стене поместья.

— Как они... И откуда... А главное — здесь?! Земли вокруг столицы — самое безопасное место в Империи, поколения моих предков позаботились об этом, отбросив тварей за реку и изведя проклятие везде, где это было возможно, и тут компания оболтусов...

— Исключительно талантливых на такие вещи оболтусов, — кивнул Инари с мрачной ухмылкой.

— А если ещё что-то подобное вылезет?! Ты сам слышал, какие способности у этого существа! Это — хуже пресловутого м'кари в разы! Последнее, что нам сейчас нужно — это бесчинствующий по деревьям легендарный монстр!

— Господин, не думаю, что на этот счёт стоит беспокоиться, — качнул головой Инари. — Легендарные чудовища на то и легендарны, что чаще всего существуют в единственном экземпляре. Меня беспокоит другое...

— Да, — Наместник остановился разглядывая скрюченные птичьи лапки существа. —

Слухи об этом пойдут. Место там довольно популярное, скоро исчезновение камня заметят.

— Мы подчистили следы боя, насколько это было возможно, но сам факт пропажи... — кивнул старший карит.

Легенда была довольно известна, и таинственный камень пользовался популярностью не только у молодых каритов, но и у всевозможных историков, исследователей народных преданий, и даже алхимиков. Пару раз на его памяти камень пытались утащить представители тёмных культов, однажды — заезжий коллекционер диковинок. Спас непомерный вес вроде как не самого крупного камня и его неудобное расположение вкупе с бдительностью лесничих.

А если камень действительно не один?

Если недобитые культисты сейчас сидят в каком-нибудь подземелье, и старательно долбят, пытаясь расколоть, такой же?

Так, успокоиться, и в сторону подобную маловероятную дичь! На данный момент у них есть проблемы посерьёзнее.

— Многоуважаемый Инари... Исходя из вот этого вот безобразия... Я просто уверен, что нужно плюнуть на все заранее обговоренные сроки, и идти на поклон к жрецам Аратама. Чем скорее мы соберём экспедицию, тем лучше.

— Пожалуй, — кивнул старый телохранитель. — Лучше подготовиться сильно заранее, прежде, чем поползут слухи или случится... ещё что-нибудь... демаскирующее.

Оба невольно перевели взгляд на тушу чудовища. Ветерок игриво топорщил густую белую шерсть.

— Составите мне компанию? — спросил Наместник.

— Непременно. Убедить их проделать всё тихо будет... тяжело.

— Если вообще возможно...

Помолчали, обдумывая предстоящую баталию. Не зря, ой не зря они хотели отложить это на более поздний срок. Но увы, учитывая определённые обстоятельства...

— И ведь не накажешь их толком... — вздохнул Наместник. — Героическое свершение, как-никак.

— Как будто наказание им поможет, — вот тут господин Сай очень внимательно посмотрел на Наместника, заставив того скривиться.

— Не напоминай! Это было давно.

— Несомненно.

Господин Инари снова забарабанил пальцами по жёстком каменному загривку.

— А со шкурой что делать?

— Как что? Сжечь по-тихому.

— Со шкурой, — терпеливо поправил старший карит. — Тушу-то понятно, а шкура — вон какая. Жалко.

— Хм... ну если ты найдёшь скорняков, достаточно смелых для такой работы, да ещё таких, что будут помалкивать... — с сомнением покачал головой Наместник.

— Это будет всяко легче, чем организовать тайную вылазку за троном, — невесело усмехнулся Инари.

— Эх, надо было хотя бы пару хвостов отрубить и утащить, что-то мы не догадались... — Амарими вздохнул, окончательно растёкшись по подушечке для сидения, как там их называли, и подперев щёку кулаком. Локоть его при этом всё ещё находился на краю столика, и общее положение тела выглядело нелепым и неудобным... но замечтавшегося южанина это не волновало. Он рассеянно постукивал кистью по собственному колену, к счастью, не пятная одежды тушью по той простой причине, что кое-кто до сих пор не приступил к письму.

— Зачем? — уточнил Алан, переворачивая очередную страницу и делая попытку вчитаться в текст. — Да, мех был шикарный, но толку от него? Слишком длинный, слишком тяжёлый и слишком густой. На севере бы такой пригодился, но в этих краях...

— Не, ну... Трофей! На стенку повесить!

— Моль откармливать, ага.

Младший принц тоскливо вздохнул. Он ныл о брошенном в лесу трофее уже третий день, видимо, считая, что приволоки они эту тушу в поместье, отец бы восхитился совершённым подвигом и не отчитывал бы его добрых два часа за запёртыми дверьми.

По крайней мере, Алан подозревал, что парня хорошенько отчитали — очень уж покладисто Амарими теперь себя вёл... в присутствии старших. Его самого лишь вежливо попросили с большим почтением относиться к древним легендам, и не забывать, что сам он, в том числе, такой легендой и является.

Ну да, ну да, кто бы посмел чихвостить будущего Императора? Впрочем, от этого вежливого замечания Алана пробрало мучительным стыдом. Ведь в самом деле повёл себя как мальчишка и влез в неопознанное магическое явление с головой, наплевав и на технику безопасности и на возможные последствия. Хотя бы по количеству освобождённого из маленьких камешков эфира мог предположить, что возня с таким крупным может иметь последствия...

О которых его предупреждали, кстати!

Вздохнув, северянин невольно бросил взгляд на закрытые двери. Можно было не сомневаться, что кое-кто бдительно подпирает косяк с той стороны, наплевав на рекомендации врачей. После недавних событий — может, даже не один. Да наверняка не один! Ибо принёсших присягу подданных у него как-то прибавилось...

Да, неловко получилось...

Но на удивление — довольно торжественно, ибо у трупа поверженного демона. Хотя, честно сказать, Алан крепко сомневался в том, что это был именно демон. И что сработал экзорцизм достаточно редким растением, скорее уж монстр банально подавился, когда ткань, земля и длинные гибкие корешки растения дружно пошли не в то горло. Но, увы, подтвердить эту теорию теперь точно не получится — тем же вечером Наместник отправил надёжных людей избавиться от туши. Надо полагать, её уже спалили, а кости (если они вообще там были) прикопаны в тихом месте.

— Но всё равно, ты только представь! — воодушевлённо взмахнул кистью Амарими. — Парадный зал для встречи гостей, и на стене вот оно! Во всю стену и зубастой пастью кверху! Красота! Или... или на трон постелить, а?

Нет, вот постелить что-то на этот ужас было бы неплохо, но Алан всё равно вздохнул,

бросив на друга укоризненный взгляд.

— Ты бы лучше делом занялся, иначе в срок не уложишься, и останешься здесь куковать, пока я буду выискивать признаки деятельности наших врагов на проклятой земле, — вкрадчиво заметил будущий Император.

— Хм... — Амарими на мгновение замер, потом сел ровно, и с глубоким, тоскливым вздохом окунув кисть в тушь, принялся за письмо. Дорогой батюшка заявил своему младшенькому, что не пустит того в экспедицию, пока тот не прочтает наставления о тварях проклятых земель и не выпишет основные положения из каждой главы этого монументального труда. Кстати, весьма интересная книга оказалась, мало того, что познавательная, так ещё и приводящая основные теории о возникновении этих существ и влиянии повышенного фона на их организмы. С аргументами за и против этих теорий и отсылками на других авторов и естествоиспытателей. Предвзятость автора проявлялась лишь в утончённо-ехидных комментариях в адрес тех, чьи теории он считал несостоятельными. Надо бы запомнить имя и поискать в библиотеке другие труды этого достойного человека!

Когда-нибудь потом, когда у него будет на это время, эх...

— Пиши: места, недавно затронутые проклятием, преобразуют естественные жизненные формы в исключительно редких случаях, при стечении специфических обстоятельств. Подавляющее большинство чудовищ приходит на проклятую землю из других, более старых проклятых мест, по сему критически важно...

Амарими горестно вздохнул, шустро шуруя кистью по бумаге. Алан глянул на него строго, и продолжил излагать. Чем быстрее они справятся с этим “наказанием”, тем больше времени останется на подготовку к походу.

— Сидите?

Шоуки поднял взгляд на вопрошающего, отвлёкшись от ускоряющей восстановление медитации. Всё же, помятые рёбра порядком раздражали...

Таики тоже взгляд поднял, должно быть одновременно с коллегой, ибо Кено поёжился и сообщил:

— Сидите тут как каменные псы у ворот храма. Оно вам надо? Вот тебе бы вообще отлёживаться с поломанными костями! — он обличающе направил палец на Шоуки.

— Не поломанными, а треснувшими. Так же как и у тебя, — невозмутимо отозвался Шоуки.

— У меня всего одно!

— Я безмерно благодарен тебе за заботу о моём здоровье, но... Либо прекращай докапываться, либо идём отлёживаться вместе!

— Уел! — вздохнул Кено, и, поднявшись на террасу, с кряхтением уселся между ними, подперев дверь спиной. — Тогда я тоже тут посижу.

— Посиди, — согласился Таики рассеянно. — Шимай обещал чай принести.

— Я потому и пришёл, чтобы вы голый чай не пили, — карит запустил руку за пазуху и извлёк небольшую фляжку, украшенную рисунком цветущей сливовой ветви. Многозначительно ею побулькал, и на скептический взгляд Ло важно заметил: — Исключительно целебные травы! Поможет всем нам быстрее встать на ноги.

— Смотрю, вы и так достаточно твёрдо стоите на ногах... — задумчиво произнёс

Таики.

— Как будто ты против хорошей настойки! — фыркнул карит. — Даи она действительно полезная! Девять целебных цветов, три корня и семь ягод!

— Постой... Это что, “Слёзы Небожителя”?! — удивился Шоуки, услышав знакомое описание, и повернулся посмотреть, что там такое интересное тащит Шимай. Вот-вот во двор завернёт.

— Ну... Разбавленные немного, — вздохнул Кено. — Иначе бы не предлагал в чай добавлять...

— И где ты только подобное достаёшь? — поинтересовался Таики удивлённо. — Эта настойка стоит немалых денег.

— О, свои секреты я выдавать не намерен! — самодовольно улыбнулся карит.

Шимай тащил то ли крупный поднос, то ли маленький столик, подбитый по низу полосами железа. Даром тащил, не желая нагружать руки, ибо чайник на столике стоял размеров солидных, а ещё чашки и тарелочки с закусью.

— Дядька у него винной лавкой владеет, — заметил Шимай с усмешкой, да аккуратно опустил свою ношу перед троицей, и сам уселся, взявшись разливать чай.

— Предатель! — хмыкнул Кено да, откупорив флягу, начал сноровисто доливать в чай ароматную настойку, а Таики тихо рассмеялся, наблюдая за вознёй коллег. Но тихо, и повернулся сразу ухом к двери, надеясь, что не потревожил тех, кто занимался сейчас в павильоне.

А то ж с них станется выйти, проверить...

Его движение заметили и тоже притихли, прислушиваясь. А потом взялись за чашки, с удовольствием вдыхая густой запах трав и грея ладони о тонкий фарфор. Шоуки и сам с удовольствием вдыхал ароматы, испытывая редкое умиротворение. Если бы ещё рёбра не болели...

— И давно ты знал? — спросил вдруг Шимай, обращаясь к Шоуки. Тот немного растерялся, сбитый с толку вопросом, и карит кивнул на подпираемую ими дверь многозначительно.

— С самого начала, — признался Шоуки, вспоминая события минувшей зимы. А ведь и верно, он первый заметил, что происходит и что это значит. Но хвастаться этим не посчитал нужным. Кариты переглянулись, но претензии предъявлять не стали — и сами понимали, насколько важно молчать о таком, особенно, если сам Император желает не разглашать свой статус раньше времени.

— И... как? Выходит, Амарими за ним и ездил? — заинтересовался уже Кено. Ну да, раньше как-то не удавалось поговорить... по душам. По приезду в поместье всё закрутилось, парней раздёргивали на приватные беседы, на лечение, не стоило забывать о занятиях, да и в присутствии принцев заговаривать о таком кариты как-то не решались.

— Нет, всё вышло случайно. Это была очень большая неожиданность. Для всех, — качнул головой Шоуки. — Потому и решено было... Не распространяться. Очень уж внезапно всё это приключилось, и почву для таких вестей не то что возделывать не начали, даже лес поверх неё не порубили, да не выжгли.

Парни покивали задумчиво, а вот Таики прищурился хитро и заметил:

— Не зря тебя господин Сай гонял — ни словом, ни взглядом не выдал... До встречи с демоном, во всяком случае. Спасибо за доверие.

И руки сложил, чуть склонив голову. Шоуки немного смутился и торопливо ответил

лёгким поклоном на этот жест.

— И раз у нас тут вечер откровений, — Кено задумчиво поболтал фляжкой с остатками настойки. — Вы правда братья? А то говорят всякое, да и с виду...

Парни переглянулись. Шоуки неуверенно кивнул, и Таики едва заметно улыбнулся:

— Двоюродные. Но это — тс-с-с! Если начнут выспрашивать про это, то по большому секрету можете растрепать любопытным, что да, единокровные братья.

— Ха. Ещё какая-то хитрая интрига? — Шимай чуть склонил голову набок.

— Вроде того, — вздохнул Таики. — Не знаешь в чём соль — ну и не надо о ней. Всем будет спокойнее.

— Постой-ка... — Кено нахмурился. — У старого Ло же было всего двое сыновей, и... Ох...

Карит растерянно сморгнул, глядя на тихонько вздохнувшего Шоуки.

— И что? — любопытно подался вперед Шимай, задев столик-поднос, из-за чего блюдечки тихонько звякнули.

— Неуч! — отмахнулся от него Таики. — Ладно бы речь о делах давно минувших дней шла, а не о...

Договорить он не успел — двери рывком распахнули, и Кено всплеснув руками повалился под ноги какому-то взерошенному и взволнованному Амарими. Он оглядел их сборище, странно бегая глазами, и Шоуки напрягся, печёнкой чуя неприятности.

— Как хорошо, что вы тут! — Амарими улыбнулся как-то виновато, а Шоуки бросил подозрительный взгляд в глубину павильона. Вроде, всё было в порядке, никаких разрушений, только Алан сидел за рабочим столом, подперев щеку одной рукой, а пальцами второй постукивая по столешнице с видом обречённым и раздосадованным. — Может кто-нибудь метнуться в ремесленные дворы и спросить клея для древесины?

— Клея?! — хором, не сговариваясь, переспросили озадаченные кариты.

— Ну, мы... Я, то есть... Нечаянно от папиной любимой чернильницы кусок отломил...

Шоуки выдохнул и расслабился — он, честно сказать, подспудно ожидал какого-нибудь конца света. Но вот его коллеги, напротив, подобрались и переглянулись, быстро взявшись решать проблему.

— Так не годится! — заявил Шимай, подымаясь на ноги. — У меня дед плотник, я в этом деле не разбираюсь, но отлично знаю, чего можно наворотить, сунувшись в это без понятия о процессе. Несите полонку сюда, оттащу мастеровым, может кто возьмётся за починку.

— И я даже знаю к кому обратиться, — Кено, морщась, сел, а потом и встал, покрхтывая как древний старик. — Но там нужно будет...

— За срочность и молчание! — не давему договорить кивнул Таики, и, отцепив с пояса кошель, передал рыжему.

На Шоуки же снизошла благодать — он созерцал, как рассасывается заурядная проблема, да ещё и без его непосредственного участия. Разве что чайку бы ещё налить, чтобы наблюдать за этим дивным зрелищем во всеоружии!

В кои то веки на Орс собирался лечь спать пораньше — чрезмерные нагрузки давали о себе знать, и это становилось банально опасно. Сложные плетения срывались всё чаще, что

создавало риски и не особо помогало процессу их освоения. И про износ стационарных щитов не стоит забывать. А тут рассеянность, хроническая усталость, проблемы с концентрацией внимания...

Так что следовало сделать передышку и хотя бы банально выспаться!

И ведь сам виноват — никто его не заставлял вкалывать на импровизированном полигоне, сам, всё сам, с посильной помощью телохранителей. Просто... Сидеть на месте и предаваться унынию было совершенно невыносимо. И ладно бы сидеть в заточении во власти недругов или чужой воли, поработанным и сломленным... Тогда вроде и уныние было бы оправдано, и возможность прикоснуться к эфиру отрезали бы.

Но Демьен отлично понимал специфику своего положения и разделял необходимость скрываться. Информацию, которой он владел, раскрывать было преждевременно, особенно в сложившихся обстоятельствах, и просто тихо и мирно, помалкивая, жить своей жизнью, увы, тут бы не получилось. Он успел засветиться в тех странных событиях, и увы, много случайных и не очень людей знали что он был с обоими принцами в тот день. И зная, какой интерес вызвали события того дня, можно было рассчитывать на навязчивые вопросы. Вполне вероятно — с применением магии, а Демьен, увы, был довольно уязвим к точечным воздействиям на разум. Ему достались тонкие, повреждённые проводящие каналы, что случалось довольно часто в его роду — на Орсы по одним богам известной причине становились либо сильными боевыми магами, либо почти калеками. За сотни и сотни лет такого расклада методы обхода этой неприятности были наработаны, но они имели свои недостатки. Например, тот же Алан (как у него дела, интересно, добрался ли до южной столицы?), так же обладая довольно тонкими каналами, активно занимался прикладной и теоретической магией, работая с маломощными плетениями весьма широкого спектра применения. Демьен же, после нанесения татуировок, оказался практически отрезан от тонкого контроля, в том числе — и за собственным сознанием. Зато — мог считаться неплохим боевым магом, хотя и ограниченными заточенными на холод чарами.

И это его не устраивало — когда всё завертится (а всё завертится несомненно), он желал быть могущественным чародеем, стоящим на защите трона севера. Увы, стоять рядом с Императором ему не светило — в землях без эфира Алану придётся справляться самому, но помочь его отцу удержать трон, когда начнутся волнения связанные с возвращением легенды, — это была его прямая обязанность. Как подданного короны, как сына рода на Орс, да и в конце концов как близкого друга Алана. Общая слабость в магии их в своё время сблизила. Но потом Демьену нанесли руны, принудительно расширяющие каналы...

Впрочем, Алан вон тоже оказался не лыком шит. Если легенды не врут, его сила тоже должна сильно вырасти.

Молодой аристократ вздохнул, отыскал контактные нити плетения, окутывающие постель, и запитал их эфиром. Трудно быть ледяным магом — даже собственное ложе без костылей согреть перед отходом ко сну не получится.

Альрик, конечно, устроил его со всеми удобствами, в одной из резиденций рода Коэнов неподалёку от столицы. Надёжная охрана, неплохо обустроенный полигон, библиотека с весьма любопытными экземплярами в коллекции, кухня выше всяких похвал... И скука смертная, если не нагружать себя занятиями с утра до вечера. Пару раз наследник брал его в свою свиту на различные приёмы и выезды, но это только подтвердило, что его, Демьена, персону вызывает нездоровый интерес в обществе, и подобную практику они обоюдным решением прекратили. Увы, тайна исчезновения младшего принца будоражила умы,

побуждая как праздный интерес, так и вполне себе шкурный — последствия мятежа ещё не вполне улеглись, и множество родов собирали информацию, преследуя какие-то свои цели. Выжидали — сыграть очередной раз в лоялистов или примкнуть к тлеющим углям мятежа. Для таких любая информация, что могла бы опорочить правящую династию или обнажить её слабость была на вес золота.

Демьен отогнал тяжёлые мысли, и, повозившись с пуговицами, скинул сюртук, а за ним и жилетку. Задумчиво обозрел надрезанную манжету рубашки, силясь вспомнить, когда успел попортить одежду подобным образом. После обеда они фехтовали с телохранителями принца, может тогда? Или когда экспериментировал с ледяными шипами?

Кстати о телохранителях... Демьен услышал, как распахивается дверь в гостиную, услышал знакомые тяжёлые шаги, и, нахмурившись, сам вышел из спальни навстречу собранному и серьёзному Люку.

— Господин, собирайтесь в дорогу. Срочно, — выдал тот, и добавил: — Принц ожидает во дворе.

— Далеко ли? — уточнил на Орс задумчиво, всполошенный подобным требованием. Сонливость как рукой сняло.

— Думаю, да, — неуверенно кивнул мужчина.

— В той комнате за ширмой, в углу, возьми сумку, — распорядился Демьен, направляясь в гардеробную. Быстро облачился в дорожное, накинул плащ, повесил на шею пригоршню амулетов из резной шкатулки, остальное распахивал по карманам.

Спускались они по тёмным лестницам замка, Люк подсвечивал дорогу огоньком, а в узких бойницах виднелись окрашенные алым вершины горного хребта.

Во дворе уже топтались лошади, выводимые слугами из конюшен, низкорослые местные, и пара длинноногих южных, сразу бросавшихся в глаза. Там же стояли двое — неожиданно бледный и всклокоченный наследник и подозрительно хрупкая фигура с длинными, собранными в хвост волосами и характерным клинком, выглядывающим из-под длинного плаща.

Его выход заметили сразу, Демьен едва успел удивиться, увидев лицо... спутницы принца, как тот, прихватив на Орса за плечо, отвёл его в сторону.

— Это очень важно, Демьен, — произнёс тот, впихивая в руки молодого аристократа мешок полный... судя по острым жёстким уголкам, книг. — Вы отправляетесь на юг, немедленно, ты должен передать моему брату это, и ещё кое-что устно.

— Да, господин, непременно! — взволнованно кивнул на Орс, вцепляясь в мешок. — Я слушаю.

— Дословно, — принц помялся, будто собираясь с силами или пытаясь решить сложную задачу. — Что бы не случилось, верь в меня и не смей проявлять слабость.

— Что бы не случилось, верь в меня и не смей проявлять слабость, — повторил Демьен решительно, хотя и озадаченно.

— Отлично! — Альрик хлопнул его по плечу. — Госпожа, он ваш!

Демьен повернулся к женщине и поклонился на южный манер.

— Госпожа Шиинна, моё почтение.

— Рада новой встрече, господин, — почти пропела она, склоняясь в ответ. — Однако же — поторопимся. Все вопросы после.

— Как скажете, — Демьен кивнул, торопливо закинул сумку за спину, от чего книги больно ударили по рёбрам, и вспрыгнул в седло подведённого ему скакуна. Выехали за

ворота почти сразу после этого, и тут же — разделились. Он, госпожа Шиинна с сопровождающим и оба телохранителя младшего принца отправились в сторону перевала, а Альрик со своим отрядом нахлёстывая коней понеслись в сторону столицы.

Темнота успела опуститься на землю, но колдовские светляки позволяли лошадям не снижать темпа. Демьену было тревожно от такой спешки, но он старался не терять самообладания.

Замок на перевале пролетели почти беспрепятственно уже глубокой ночью, и вскоре скатились по серпантину к порту, который в такой час, что удивительно, не спал. На улицах царили разброд и шатание, в окнах горел свет, на окраинах дородные тётки наваливались на подоконники телесами, чтобы обменяться сплетнями с соседками через улицу, так же высунувшимися в окно, мужчины же стягивались к ратушной площади.

Именно здесь, на улицах, Демьен и услышал, что именно подвигло принца отправить их на юга с этим странным посланием.

Услышал, и сердце его похолодело.

— Так, опять? Ты главное дыши... — Шоуки тронул кузена за плечо, настороженно прислушиваясь к его тяжёлому дыханию. — И формы про себя проговаривай...

— Да, помню, третья и сороковая! — проворчал Таики, побледневший и активно исходящий холодным потом.

Выглядел он неважно, что наталкивало на мысли о семейной склонности, а вовсе не особенностях сосуда, когда дело касалось проклятия. Вон, Шоуки чтобы хоть немного притерпеться к нему, понадобилось пересечь Круглое море, и потом ещё пару месяцев шарахаться по северу. И теперь ему просто было неприятно и немного мутно. А молодой Ло страдал, несмотря на всю подготовку, хотя и являлся довольно сильным каритом, и его подобное должно было касаться меньше. Вон, остальные парни притерпелись, хотя их тоже поначалу мутило. И чтобы не ударить в грязь лицом на их фоне, Таики проявлял чудеса самообладания, скрывая, насколько ему на самом деле паршиво. Шоуки этого не одобрял, но и не пытался переубедить родственника — скажись тот слишком чувствительным к проклятию, и его отправят отсиживаться в лагере, лошадей охранять.

А кто бы в подобных обстоятельствах захотел остаться в стороне от происходящего? Ну, из молодых, амбициозных аристократов, во всяком случае...

— Присядь пока сюда, — Шоуки кивнул на крупные камни, вымытые из склона оврага паводком, и теперь почти перегораживающие русло мелкого ручейка. — Я пока пройду до той скалы, проверю.

Таики помялся и кивнул. Дошёл до камней и аккуратно опустился на тот что покрупнее, борясь с собственным бунтующим организмом. Шоуки подумал было отдать ему свою флягу с водой, но решил пощадить его гордость. И пошёл дальше, вдоль воды, внимательно осматривая землю под ногами.

Удивительно, но они до сих пор не нашли следов пребывания здесь тварей крупнее лисицы. Обычной лисицы, а не изменённой. Эта земля была проклята около полутора сотен лет назад, и за это время тут просто обязаны были завестись крупные твари. Сами завестись, либо прикочевать из-за реки, которая была не то чтобы далеко отсюда. Это проклятие было не слишком большим по площади, но довольно насыщенным, и вроде как являлось “бродячим” — одним из тех, что появлялись и исчезали по собственной прихоти, кочуя по обширной территории.

И скорее всего откуда-то отсюда во владения Тагари и спустился безумец около двух лет тому назад. Но пока никаких подозрительных следов найти не удалось. Как и вообще ничего подозрительного, что само по себе было подозрительно сверх всякой меры, учитывая обстоятельства. Вот и прочёсывали округу частым гребнем, разделившись на пары и пытались отыскать хоть что-то. Большие надежды в этом процессе возлагались на него с учителем, но Тамай присматривал за Амарими и будущим Императором, так что бодро бегать туда-сюда, обшаривая всё даром приходилось в основном Шоуки. И то не слишком долго, с хорошими перерывами на восстановление.

Оттого Таики и напросился к нему в пару.

Задумавшись об удивительных превратностях судьбы и взаимоотношениях с проклятием, он взбежал по склону оврага, намереваясь осмотреть отдельно торчащий каменный обломок, и замер, почувствовав наконец отклик дара. Недоверчиво нахмурился, и

направившись к бамбуковой роще, виднеющейся между деревьев, срубил ветвь ближайшего дерева, чтобы уже ей покопаться в гнилых листьях и жирной почве, прежде чем даром вытряхнуть из неё обмок... тляки? Очень похоже на тляку, а уж их Шоуки навидался в детстве. Старый, проржавевший едва ли не насквозь. Потому и не сразу сообразил, что это.

Откуда здесь взяться мотыге? Хотя Шоуки понятия не имел, были ли здесь поселения до того, как пришло проклятие. Надо полагать, были, земля тут хорошая, а обилие булыжников в ней, конечно, проблема, но и возможность использовать их для чего-нибудь полезного.

От мыслей его отвлекло отдалённое шипение, раздавшееся со стороны скалы, а затем в небе расцвёл сигнальный огонь, глухо бумкнув. Шоуки бросил найденный обломок, и поспешил к оврагу, однако Таики уже подорвался и направлялся к скале. Вот за ней они и обнаружили обрывающийся вниз склон, плавно переходящий в чашевидную долину, на доньшке которой на берегу озера виднелись развалины поселения. Из него сигналку и запустили.

— Обидно, — заметил Таики, то ли немного оклемавшийся, то ли изображающий, что ему стало лучше. — А ведь мы были всего в двух шагах от того, чтобы найти это место первыми.

— Что поделаешь, — рассеянно пожал плечами Шоуки, которого это особо не волновало. Зато прояснилось происхождение мотыги. — Как думаешь, кому повезло больше нашего?

— Спустимся и узнаем.

Добрались быстро, наткнувшись на, вероятно, остатки дороги, и, немного попетляв в развалинах, вышли наконец к чему-то вроде небольшой площади, где и расположилась пара нашедших это место старших каритов. Поклонились, обменялись вежливо парой фраз и остались ждать. Через некоторое время запустили второй сигнальный огонь. Потихоньку подтягивались прочие пары, разбредались по бывшему поселению, изучая да выискивая. Наконец Шоуки почувствовал приближение учителя с подопечными, и, тронув Таики локтем, направился им навстречу.

— Лаборатория в подвале под теми развалинами, — оповестил он, кивнув в сторону крупного здания с хорошо сохранившимися стенами из дикого камня и совершенно сгнившей крышей. Внутри каменных стен бодро зеленели молодые деревца.

— Хм, и точно, — задумчиво потянул Тамай, чуть склонив голову на бок. — Весьма похоже. Осматриваем или дождёмся остальных?

— Позвольте мне сперва проверить на наличие возможных ловушек или охранных периметров, — влез Алан, покладисто изображавший залётного чародея с южными корнями. И, по мнению Шоуки, несколько переигрывал, изображая радость от возможности снова манипулировать эфиром. — Тут весьма стабильный и насыщенный фон, любые стационарные чары могут держаться в такой среде десятилетиями, если их не тревожить!

Услышав его восторженное заявление, остальные кариты, начавшие любопытно подтягиваться к отмеченному дому, остановились да и отступили в сторону на всякий случай, кучкуясь.

— Да, это будет нелишним, — кивнул Тамай. — Мы пока осмотрим окрестности на предмет других интересных мест. Шоуки, останешься с нашим гостем на случай, если ему понадобится твоя помощь.

— Слушаюсь, учитель, — покладисто согласился молодой карит, пристраиваясь к Алану. Наперво — просто обошли остатки здания по периметру, присматриваясь и изучая.

Заодно и прочие кариты успели отступить подальше, проводя осмотр того, что осталось от других строений.

— Почему именно — лаборатория? — спросил Алан любопытно, между делом совершая странные движения пальцами — будто нити сплетая. Колебания проклятия при этом вовсе не чувствовалось, но да колдовство Императора вообще работало странно.

— Держатели для стеклянных банок характерные. И эти... Как их... Ну, горелки такие... — Шоуки попробовал руками указать размер того, что видел.

— Ага, понял, — кивнул Алан. — И правда похоже. И защита здесь действительно есть, возможно даже что-то с иллюзией, прикрывающей вход. Как бы её подковырнуть только... Хм... Меток нет каких? Амулеты по периметру?

Шоуки ещё раз обшарил Даром помещение внизу.

— Гвозди считаются? — спросил неуверенно. — Четыре штуки. Примерно на высоте в рост человека, если я правильно определил, где пол... В середине стены. Здоровенные, с квадратным сечением. Вроде на них что-то выбито, или нацарапано.

— Хм... — Алан задумался. — Воспроизвести надпись сможешь?

Шоуки неуверенно кивнул. Присел на корточки, да, достав из рукава нож, сосредоточился, пытаясь “рассмотреть” ближайший гвоздь получше. Увы, узор был, похоже, и правда нацарапан и потому “рассматривалось” с трудом. Наконец он решился, и вывел руны на земле кончиком ножа.

— Как-то так. Но вот насчёт этого места я не уверен, три там чёрточки, или только две.

Алан снова хмыкнул, нахмурился, потом отобрал у Шоуки нож, и начал там же выскрести ещё какие-то знаки. И цифры.

Долго выводил, хмурясь и ворча себе под нос что-то про чёртовы учебники, которых нет под рукой. Шоуки топтался рядышком, следя за передвижениями остальных. Его учитель отошёл довольно далеко, но всё ещё в пределах “видимости” — площадь охвата даром у того была куда больше. А уж с трюком, который обнаружил Шоуки, по прямой, узкой линии Тамай просматривал всё на такое расстояние, что голова кругом шла. У Шоуки тоже был прогресс, особенно после поглощения ещё трёх жемчужин, но всё же...

Завидно иногда было. Контролировать происходящее вокруг на таком расстоянии... Главное, не забывать, что это умение работает только на металл.

Пока Алан ворчал и возился с расчётами, Амарими вдруг отделился от Тамая и почесал обратно. Шоуки прищурился.

— К нам, кажется, вестник, пойду встречу.

Алан что-то буркнул только. Но его оставили одного ненадолго — Шоуки прошёл мимо развалин нескольких домов, взбежал на груды камня, бывшую когда-то стеной дома и помахал рукой, привлекая внимание младшего принца. Тот быстро его заметил, и подбежал.

— Там Тамай почуял “горошины”, - сообщил он. — Люди господина Инари проверили — там за поселением старая шахта, полная скелетов.

Парень поёжился. Шоуки кивнул задумчиво.

— Ожидаемо, на самом-то деле. К людям они относятся как к расходному материалу.

Вернулись к Алану. Тот с грустным видом сидел над своими расчётами и сверлил выцарапанные в земле цифры взглядом. Выглядело... не очень обнадёживающе.

— И что там? — спросил он, наконец подняв взгляд от исчерченной земли.

— Нашли место где... они избавлялись от отработанного материала. Только кости и остались. Ну, немного обрывков одежды и три оплавленных “горошины” ещё. — доложил

Амарими. — Ау вас как?

— Так себе. С конкретными чарами я определился, и даже знаю как этот тип защиты сковыривать... В теории. Никак не удаётся рассчитать необходимую силу воздействия, а без этого может шарахнуть. Отводы ставить неохота — муторно и долго, и материалов подходящих нет.

Алан пошуровал ножом по и так нечётким записям, полностью их уничтожая.

— А сильно шибанёт? — уточнил Амарими. — Если отойти подальше, или барьер поставить на печатях?

— Не в этом дело, — покачал головой будущий Император. — Нам ничего не навредит, я это гарантирую, но всплеск эфира при разрушении чар может повредить тайник, а то и вовсе активировать какую-нибудь ловушку. Оперативники из Перекрёстка сталкивались с таким пару раз. Вскрываешь запечатанную комнату, и внутри всё заходится пламенем, уничтожая улики.

— Всего пару раз? — хмыкнул младший принц. — Ну, если у вас подобное встречается столь редко, шансов, что тут припрятана подобная пакость вообще нет.

— Есть, — возразил северянин. — Мизерный, но есть. Рискнуть придётся в любом случае, у нас просто нет другого выбора.

— И другого мага, — кивнул Шоуки. — Авот это довольно досадно.

— Угу. Увы, маги у нас не приживаются. Голодно им! — развёл руками Амарими.

— Вот кстати, в столице же есть проклятие. Вокруг дворца и в нём самом. Слабое, конечно, но в северных землях в подобных местах вполне себе живут люди, — заметил Шоуки, наблюдая как учитель и остальные кариты возвращаются потихоньку. Покинутое поселение было не настолько большим, чтобы долго его обшаривать в поисках чего-то подозрительного.

— Во дворце оно хитрым образом завязано на так называемый Сторожевой Камень, — Алан поднялся и вернул нож Шоуки. — Хотел бы я покопаться в этой конструкции, но боюсь, что поломаю, а она — что-то уникальное и невероятное. Посторонних магов эфир там слушаться просто не будет. И в одном из шешоу есть упоминание, что, воспользовавшись ключом, можно повесить на мага метку, которая позволит ему использовать магию столицы. Но что за ключ, я так и не сообразил. Там сложно написано всё. Может, не так прочитал.

— О, покажешь? — оживился Амарими. — Помогу разобраться, что к чему, да и вообще, я слышал пару легенд о твоих уважаемых Предках...

— Остальные вот-вот подойдут. Завязывайте с этими разговорами, — обломал младшего принца Шоуки.

Тому пришлось со вздохом притихнуть. А там отряд собрался обсудить находки и дальнейшие действия. Потайной подвал решено было вскрывать, и Алан занялся своими чарами. Пара жестов, полминуты напряжённого молчания, и действительно шибануло. Волна воздуха подняла пыль и зашелестела листьями росшего в развалинах дерева, взметнулась вверх опавшая листва и прочий растительный мусор. Но вроде обошлось — ничто не полыхнуло и не обвалилось. Алан прислушался к чему-то и подал знак, что всё в порядке. Тамай молча кивнул, и первым вошёл в сохранившийся дверной проём каменного короба. Прочие старшие кариты последовали за ним, оттеснив нетерпеливо переминающуюся молодёжь.

Увы, когда они наконец добрались до спуска вниз, то были разочарованы — это место покидали вовсе не в спешке, старательно собирая всё ценное и оставив после себя совсем уж

мусор да самое громоздкое и простое оборудование. В основном железяки для поддержки сложных стеклянных сосудов. Даже мусор был аккуратно сметён в угол — немного осколков тонкостенного стеклянного сосуда, клочья соломы, кривые гвозди, немного опилок...

Подвал был довольно просторен да разделён на “жилую часть” с печуркой и лабораторию. Похоже, пленников содержали где-то ещё. Алан высказал предположение, что кукол из людей делали не здесь — не было никаких признаков проведения ритуалов в этом месте, здесь просто жили и готовили материалы для опытов. Люди господина Инари согласились с этой теорией. Покинутое поселение было решено обшарить ещё раз.

А Тамай подхватил одну из железных подставок, и провёл рукой над её ножкой. В затхлом воздухе подвала пополз запах кузни — металл под его рукой начал раскаляться и оплывать.

— Паршивое качество. Очень грубая работа. И железо не из наших шахт, — сосредоточенно произнёс он.

Шоуки наблюдал с восхищением — этот навык считался очень сложным, не боевым, но он был именно тем, из-за чего одарённых кузнецов так ценили и не обижали. Хотя бы потому, что попробуй, обидь человека, который своим даром в мгновение ока может расплавить твой клинок. Используя эту технику день за днём, год за годом, кузнецы оттачивали её до уровня немислимого. Самые именитые кузницы, говорят, и вовсе обходятся без горнов, работая с металлом исключительно Даром.

Врут наверное. Ну или ёмкость духовных сосудов у этих кузнецов как у трёх нормальных каритов.

— Привезли с севера, вероятно? — заинтересованно прищурился Алан.

Ну, какая-никакая зацепка. Железяки осмотрели ещё раз, не найдя клейма мастера, что в целом тоже было характерно для северных земель. Старшие кариты между собой начали обсуждать возможные пути доставки этих предметов сюда, и Шоуки прислушался невольно — кариты, приближённые к господину Инари и пользующиеся его доверием были в целом личностями хваткими, сообразительными и часто с весьма специфическим опытом, который по возможности следовало перенимать. И не разочаровался, услышав краткий экскурс в историю и нынешнее состояние алхимии на южном континенте.

Обшаривали этот подвал и покинутое поселение в целом до наступления сумерек, когда следовало уже возвращаться в лагерь. Никому не хотелось ночевать на проклятой земле, особенно Таики, которому снова начало стремительно плохеть.

Однако ж, на полпути к месту стоянки, прямо в лицо младшему принцу спикировала бумажная птичка — он едва успел перехватить навязчивое послание. Развернул торопливо и озадаченно уставился на коротенький шифр, всего из нескольких знаков.

— Что там? — спросил Алан заинтересованно.

— Нам велено возвращаться. Срочно.

Никаких подробностей странное послание не содержало. Бумагу даже проверили на невидимые чернила, сперва подогрев, потом намочив, а в процессе ещё и духовной силой обработав. Но нет, кроме приказа к немедленному возвращению она ничего не содержала.

Так что и решено было возвращаться. Свернуть лагерь и сразу же выдвинуться в путь... с утра. Ибо передвигаться ночью по этим краям было всё-таки рискованно — пусть на проклятой земле они не обнаружили присутствие крупных хищников, это не было гарантией, что их там нет вообще. Особенно — ночных. Вроде айрши — волкоподобных существ, покрытой прочной морщинистой шкурой, что были совершенно слепы и выползали из своих нор исключительно по ночам. Собравшись в стаю, они становились невероятно опасны, и даже м'кари старались не заходить во владения крупных стай ночью.

Опять же, было очевидно, что проводившие эксперименты на этой земле люди хорошо проредили обитающих здесь хищников, но точно не всех — останки несчастных, убитых опытами, были хорошо погрызены кем-то. От того точно посчитать погибших не удалось, но более-менее целых черепов в этой мешанине набралось почти два десятка.

И что самое неприятное — их жестокие эксперименты увенчались успехом — прошлой зимой они буквально за пару дней смогли переработать в безвольные куклы население нескольких деревень, кроме совсем уж стариков и детей, бесполезных в бою.

Спалось Алану плохо. Не от смутной тревоги, так от возни спутников — Таики подозрительно часто уходил подальше в кусты, и Шоуки ходил за ним тенью. Похоже, молодому Ло проклятая земля в прок не пошла...

Встали с первыми лучами солнца, быстро собрали лагерь и отправились в путь, едва позавтракав на скорую руку. Ехали быстро, нигде не задерживаясь, так что через два дня они уже въезжали в ворота столицы.

Тут Алан невольно расслабился, вертя головой по сторонам и рассматривая нарядные здания главных улиц. Архитектура юга была ему знакома, многие здания дома придерживались южных традиций, но видеть здесь все эти детали в такой концентрации... Будущему Императору казалось, что он никогда не привыкнет к этому месту. Все эти фонарики, гребни, черепица, лакированные колонны и фрески с красиво написанными пожеланиями благополучия и богатства. Геометрические узоры в которых постоянными мотивами были молнии, солнечный диск и двойной пик горы Аят. Каменные стражи — псы и львы, лежащие по бокам от дверей и ворот, побольше, поменьше...

Торговые кварталы и вовсе поражали разнообразием красок и запахов, но их в этот раз объехали стороной. Вот вокруг заструился холодный и неотзывчивый эфир дворца, и они выехали к его стене, направившись вдоль, к одним из малых ворот. Внутри всё было, как обычно — слуги деловито сновали, кариты несли стражу или высокомерно прогуливались, гвардия упражнялась на плацу. Никаких признаков ничего дурного и за версту видно не было, но доверенный слуга Наместника примчался, стоило им добраться до конюшен, и с поклоном пригласил младшего принца “с сопровождающим” и господина Айри с учеником следовать за ним.

Невнятная тревога снова подняла свою уродливую голову.

Их вели в самое сердце дворца, к старым и наиболее защищённым зданиям, и Наместник перехватил их по пути в одном из переходов. Сделал жест рукой, заткнув тут же

рассыпавшегося вопросами сына.

— Обождите в павильоне, — коротко велел предельно собранный в этот момент мужчина. — Господин Ишимари, идёмте. Нужно поговорить.

Алан кивнул медленно и последовал за Наместником в его рабочий кабинет. Дурные предчувствия захлестнули его, и северянин постарался собраться, ибо нечего паниковать раньше времени.

Едва они зашли, наместник запер двери и вдобавок наклеил печать на бумажной основе, и только напивав её духовной силой, тихо выдохнул, прежде чем повернуться к гостю.

— Господин, присаживайтесь. С севера пришли дурные вести.

— Насколько дурные? — уточнил Алан, не торопясь проходить к рабочему столу Наместника. Тот промолчал, несколько мгновений сверля будущего Императора взглядом, потом опустился на пол прямо перед ним, скрестив ноги и глядя снизу вверх выжидающе. Алану ничего не оставалось, кроме как так же сесть напротив него.

— Ваш отец погиб, господин, — произнёс Наместник ровно.

Алан сморгнул. Смысл слов ускользал от него, голова закружилась, но он вцепился пальцами в полы своего одеяния, и собрав силу воли в кулак заставил себя принять это знание.

Отца больше нет. Наместнику нет смысла врать о таких вещах.

— Как это случилось? — голос предательски дрогнул, и северянин судорожно сглотнул. Выходит, тот разговор, когда он сбежал с территории Посольства... Это был последний раз, когда они виделись. И расстались не самым тёплым образом. После этого Алан ведь так хотел доказать ему что справится со свалившейся на него ролью...

— Шесть дней назад, на приёме по случаю рождения наследника у главы рода да Гайард. Их замок попросту перестал существовать. По предварительной оценке, произошла критическая перегрузка накопителей охранной системы. Произошла... неслучайно.

— Диверсия... — Алан с трудом выпрямил спину. Новость ошеломила его, мысли металась беспорядочно, порождая ощущение надвигающейся катастрофы. — Да Гайард? Другие жертвы?

— Род да Гайард фактически уничтожен. Главы их вассальных родов так же погибли. Среди гостей были главы и наследники да Саммеш, на Маен, — наместник сбился на мгновение, и продолжил. — Нерит, Тареш, Инкар, Блэйк, Кандакар, Сайсал. У меня ещё нет полной информации по погибшим. Но одни эти имена...

— Королевство обезглавлено, — Алан выругался, ударив себя кулаком по колену. Это была не просто дурная весть, это была катастрофа! Король, его отец, и самые преданные его сподвижники — через столь короткое время после недавнего мятежа! — Брат?

— Ваш брат и ваша сестра с семьёй не присутствовали. За это можно поручиться, — коротко кивнул Наместник. — Посольство окажет ему всю возможную поддержку, но в сложившейся ситуации...

— Этого будет мало.

Саммеш, Сайсал, Блэйк.

Три столпа, поддерживающие корону во всех её начинаниях.

Отец.

Алан с трудом мог охватить масштаб этой трагедии. Личное горе ступенчато перед масштабом того ужаса, что маячил на горизонте. Северное королевство никогда не было спокойным и стабильным образованием — хладоморцы, горцы, жители долин и народы

побережья, аристократы древних родов, кочевники западной равнины, племена Радужного Хребта — все всегда тянули одеяло на себя и только Император смог собрать всё это в кучку и хоть как-то организовать, что позволило в какой-то момент прийти к власти роду Коэнов. И власть его рода всегда была... шаткой. А уж теперь...

Что будет делать Альрик? Как он справится? Что предпримет в этой ситуации? От беспокойства за брата сердце сжало будто ледяными когтями.

Отец мёртв.

Всё пропало?

— Мне нужно раскрываться, — произнёс Алан глухо, раз за разом прокручивая в голове варианты своих действий. — Сейчас... Нет! Как только это понадобится. Какова ситуация на севере?

— Жду докладов. Информация в срочном порядке доходит до сюда обычно дней за пять. Иногда чуть дольше. Когда начинаются... волнения, это может потребовать больше времени, — Аккуратно произнёс Наместник. — К этому вопросу нужно подходить с холодной головой, господин. Я понимаю, насколько тяжело вам сейчас, но я прошу вас помнить, что...

— Да. На моих плечах ответственность за всю Империю, — Алан вскинулся, обжог оужанина взглядом. — Не нужно мне напоминать об этом.

И отвёл взгляд устыдившись этой вспышки. Тяжело было бороться с эмоциями. Такие вещи требовали холодной головы, но как выстроить холодные мысли в линейку когда происходит такое?

Когда умерла мать... Ситуация тогда была напряжённая, в северных горных регионах опять было беспокойно и отец проводил встречи, переговоры, улаживал чужие распри, выдавая своё горе только траурным одеянием. Он и на похороны едва не опоздал, срочно сорвавшись улаживать намечающийся конфликт.

А ведь он так любил её... Их брак был редкостью в истории рода Коэн — счастливым. Скандальным, конечно, устроенным против воли венценосного деда, разорвавшим помолвку, что связала бы династическим узами королевский род и влиятельный род хладоморцев.

И отец сцепив зубы нёс своё горе в себе и делал то, что должно.

Пусть некоторые его решения и методы и были в глазах Алана не самыми разумными и эффективными, но он несомненно был достойным правителем, способным делать то, что должно в самых сложных обстоятельствах.

Алан тихо вздохнул, затем сложил руки в молитвенном жесте и поклонился уважительно:

— Господин Сиасай, прошу, с высоты своего опыта управления Империей помогите мне принять верное решение и не пойти на поводу у собственных чувств.

Наместник повторил его жест, так же склонившись.

— Служение Империи и Императору — мой долг, возложенный на меня моими Предками. Вместе мы, несомненно, сможем найти верное решение.

Алан кивнул благодарно. Вдохнул, выдохнул, пытаясь собрать мысли в кучку.

— У Альрика есть шанс удержать власть, — произнёс Алан медленно. — Он расчетливый и хитрый поганец. Второе потрясение, вроде вести о возвращении Императора, может ему помешать.

— Господин Тайко отзывался о вашем брате весьма лестно, — согласился Наместник. — Недавний мятеж ослабил все стороны конфликта, но недовольным

существующим положением досталось куда больше. К тому же, масштабы произошедшего покушения могут сыграть против мятежников. Подобное не только приносит радость от гибели врага, но и вселяет в сердца ужас. Могу дать правую руку на отсечение, что аристократия севера сейчас судорожно проверяет на лояльность всех, кто имеет доступ к их охранним системам. С нашей стороны будет мудро не создавать новых потрясений, пока в этом нет необходимости. Но мы должны быть готовы поднять флаги как только это потребуется.

Спокойный голос наместника позволил Алану вздохнуть немного свободнее и сосредоточиться.

— Всё ли к этому готово?

— Многое, но увы, не всё, — покачал головой мужчина. — Унас есть определённая... проблема, я начал подготовку к её устранению некоторое время назад, но не рассчитывал, что разобраться с ней потребуется так скоро.

— Чтоза проблема?

— Нужно вернуть трон на полагающееся ему место.

— Что? — Алан растерялся от такого заявления. — Но он же...

— Это реплика. В тронном зале установлена подделка из лакированного дерева. Настоящий трон изготовлен из небесного металла и камня. Легенда гласит, что он вырезан из единого самородка, сплавленного с гранитом. Более того, он является неотъемлемой частью дворцового комплекса и его охранных систем. Этот ключ, — наместник коснулся висящего на груди амулета, — даёт мне весьма ограниченный контроль над сторожевым камнем и завязанными на него печатями. Трон же...

— Постойте, вы сказали — ключ? — встрепнулся Алан.

— “Малый ключ Императорского дворца”, — кивнул Наместник.

Так вот о каком ключе говорилось в шешоу его южных предков... Значит трон и есть тот ключ от эфирных потоков дворца?

— И где сейчас находится... трон?

— Что вы знаете о гибели вашего предка, Императора Такамори? — спросил вместо ответа южанин.

— Что... — Алан сбился на мгновение. — Он пал в неравном бою с мятежниками, нападшими на него во время религиозной церемонии, однако же смог забрать с собой жизни зачинщиков мятежа. Его сын и наследник вместе с верными сподвижниками расправился с остальными, однако и сам скончался от полученных ран в скором времени, не оставив потомства.

— Всё так, эти недостойные, чьи имена были вычеркнуты из истории и обречены на забвение выбрали худший момент для осуществления своих планов. С их точки зрения, впрочем, момент был удобный, ибо трон был вывезен из столицы ради этой церемонии, и её защита значительно потеряла в мощи. Однако же, из-за их действий ритуал не был доведён до конца, и земли благословенной империи постигла катастрофа.

— “Со смертью Императора сложная сеть охранительных барьеров была нарушена, и земли, отвоёванные у проклятия за тысячелетие непрерывного труда были потеряны.” — припомнил Алан цитату из книги.

— Именно. Проклятие вернулось в свои естественные границы и многие города и поселения были оставлены людьми. Многие слабые кариты сошли с ума тогда и пролилась кровь. Много крови. Беженцы захлестнули земли, кланы раскалывались и сменялись их

главы, охота на мятежников продолжалась, а урожай, что остался на проклятых землях, был потерян. Благословенные Земли столкнулись с голодом и болезнями.

— И север слал корабли и обозы с пшеном, лечебными травами и эликсирами, и ваш предок сумел удержать власть, собрав под своё крыло верных трону и обеспечив беженцам пищу и крышу над головой, — тихо произнёс Алан, думая о том, что, в какой-то мере, ситуация повторялась. Тогда катастрофа и раздор захлестнули южный континент, сейчас схожее происходит с северным.

— Да, ситуацию удалось обуздать и со временем выправить. Однако же трон так и остался в Великом Храме у подножия Божественной горы Аят. Проклятые земли обступают её, а тени Предков охраняют сам храм. Добраться до туда будет не так легко, а уж сделать это не заметно... Я рассчитывал отправить туда экспедицию под предлогом ежегодной большой охоты, и даже сумел убедить жрецов предпринять попытку проникновения в храм... Но не знаю, хватит ли нам времени. Большую охоту можно будет собрать не раньше, чем через полтора месяца, а открытая экспедиция за тронном вызовет вопросы.

— Поползут слухи, люди начнут задавать вопросы, — кивнул медленно Алан, с досадой вспомнив об уничтоженном им Императорском камне. — Есть ли другие варианты? Почему необходимо присутствие жрецов?

Показалось, или Наместник напрягся от этого вопроса? Ответил он, во всяком случае, немного помедлив.

— Жрецы могут убедить тени Предков открыть защитные барьеры храма.

Снова эти тени... Звучало как-то размыто и оторвано от реальности. Во всяком случае, для мага, привыкшего к чётким формулам и правилам взаимосвязи. Да и, как он успел убедиться, Дар южан то же не был какой-то спиритуальной абстракцией, он так же подчинялся чётким законам, и печати, изготовленные на его основе, по сути своей были идентичны магическим плетениям.

Потому Императоры были способны сочетать оба метода при создании сторожевого камня дворца и его охранного периметра.

— Также, как и я?

— Так же, как и вы, — неохотно признал Наместник.

Этой ночью Алан не мог уснуть. На сердце было беспокойно — выработанный ими план действий, увы, слишком полагался на ожидание вестей с далёкого севера. Как обстоят там дела? Как справляется брат? Какие следующие шаги предпримут мятежники?

Конечно, подготовка к объявлению о возвращении Императора уже велась, но Алану всё равно казалось этого мало. Наместник настаивал на важности трона, но при этом не хотел отпускать будущего Императора в опасное путешествие к горе Аят. Алан считал, что в троне нет такой уж большой и срочной необходимости, и готов был съездить за ним лично.

Так что его возвращение так же решили отложить до большой охоты, если не изменятся обстоятельства.

Как тут уснёшь?

К полуночи в конец извёдший себя переживаниями северянин решил внять совету наместника, и, одевшись, тихо вышел из гостевых комнат старой части дворца. Провожаемый взглядами ночных караульных, добрался до старого храма и толкнул тихо скрипнувшую тяжёлую дверь.

Внутри было тихо и темно — редкие лампы сквозь фигурные прорези роняли на пол

оранжевые подрагивающие узоры. Своды низкого каменного потолка терялись во тьме. В воздухе плыл запах благовоний и старины. Этот храм Предков не использовался во время церемоний и праздников — он был слишком мал, чтобы вместить не только толпы обитателей дворца, но даже и всех жрецов, что обитали здесь.

Да и его назначение было другим.

Алан прошёл к массивной каменной плите и опустился на колени в приметном месте, где плиты пола были стёрты немного. Прикрыл глаза, чувствуя умиротворение этого места и неторопливо погружаясь в медитацию.

Здесь покоился прах его далёких южных предков. Прах достойных, что заслужили честь покоиться под этой плитой своими свершениями и верной службой. Говорили, что здесь есть хотя бы по шепотке праха от каждого рода, что когда-либо процветал на этой земле. Что Предки обласкают своим вниманием всякого, кто придёт сюда, что любые просьбы, высказанные здесь, будут ими услышаны.

Алан никогда не был особо религиозен. Разрываемый своим происхождением между верованиями севера и юга, он предпочитал держаться посередине и уделять своё время и внимание чему-нибудь более приземлённому и практичному, чем религия.

Но сейчас ему хотелось верить, что отец и мать сейчас сидят там, наверху, в кругу родни, и держатся за руки, наблюдая за своими сыновьями, готовые помочь и поддержать.

От этих мыслей становилось спокойнее, и тишина тёплым пушистым пологом опускалась на плечи.

В какой-то момент Шоуки поймал себя на мысли, что был бы не прочь набить кому-нибудь морду. Желание было странное и непривычное, и его появление молодой карит списал на нервы и стресс от творящегося вокруг непотребства. Но руки от этого чесаться не перестали, да и парни, кажется, что-то заподозрили, и начали ненавязчиво отжимать коллегу себе за спины.

— Нет, увы, у нас нет никакой возможности пропустить вас дальше, — невозмутимо и величественно, аки сошедшее на землю божество произнёс Таики. — Попробуйте поискать в другом месте, возможно, вы просто разминулись и какие-то дела перехватили его по пути сюда.

— Но нам точно сказали что юный господин направился именно в сторону этого павильона! — обаятельно надула губки милая леди со сложной причёской и совершенно очаровательными ресницами. Её спутницы защебетали, подтверждая слова подруги да обмахиваясь всполошено веерами из расписанного шёлка.

Найти того, кто по доброте душевной, или, скорее, непробудной глупости направил их сюда и набить морду!

— Возможно, вы ослышались. Или тот, кто направил вас сюда, не обладал всей полнотой информации и ошибся, — Ло чуть сместился вслед за тем, как сместилась молодая аристократка, пытаясь заглянуть ему за спину. Что она там пыталась рассмотреть — непонятно, двери резные, и уж точно не прозрачные.

— Может, мы заглянем одним глазком? Убедимся, что там пусто?

— Увы, это невозможно, драгоценная госпожа. Там проходит важное совещание, мы никак не можем пропустить вас.

— Но мы не станем тревожить уважаемых господ, мы просто посмотрим и уйдём! — с такой чистой, невинной непосредственностью захлопала глазами девушка, что кому-нибудь другому могло стать стыдно за своё упрямство!

Кому-нибудь, но не Таики.

— Нас особенно просили не пропускать никого, так что, увы, мы не можем послушаться приказа! — молодой аристократ врал и не краснел.

— Но нам сказали, что он пошёл сюда...

В таком ключе разговор продолжался уже минут десять, фразы повторялись, девушки чирикали, поддерживая парламентаря, Амарими метался в панике за закрытыми дверями, Шоуки зверел...

Только Алан, кажется, пил чай и продолжал изучать списки. По крайней мере, с места он не сдвигался.

Почти сразу после получения дурных вестей по всем Благословенным Землям были отправлены гонцы к главам кланов с приглашением принять участие в срочном собираемом конгрессе с целью обсуждения ситуации на севере. Предлог собрать глав в столице был более чем весомым, более того, по вине смут северного королевства подобные конгрессы уже собирались в былые времена. И, как водится в подобных случаях, те главы кланов, что обитали поближе к столице, прибывали первыми, со скромной свитой, и первыми же были представлены будущему Императору. Естественно, тайно, под клятву о молчании до срока.

Второй волной пошли главы кланов, что проживали подальше, и вот они уже не

чурались привозить с собою наследников, дочерей, жён и много ещё кого, ибо когда ещё будет повод в столицу выбраться?

И вот эти самые дочери развязали натуральную охоту за младшим принцем, ибо к старшему, укрывшемуся за траурным одеянием, как за щитом, они либо не решались подступаться вовсе, либо не рисковали навязываться после первой же холодно брошенной им фразы.

И всё это на фоне натурального бардака, который тихо происходил во дворце — шла подготовка к конгрессу, готовили помещения для собраний, для ритуалов, для показательных боёв, для застолий, ибо такое событие просто нельзя было обставить в формате “пришли, поговорили, разошлись”. Так что слуги носились как угорелые... конечно, не на виду у гостей, а узкими переходами между некоторыми дворами, служебными помещениями и некоторыми подвалами, связанными в единую сеть старинными подземными галереями.

Параллельно же с этим другая категория слуг, самых верных и преданных, в тайне уже не только от гостей, но и от прочей обслуги, готовилась именно что к официальному оглашению вести о возвращении Императора. И делали своё дело хорошо — единственным видимым признаком их труда была замена выцветших флагов на новые, но да кто на такую рутину внимание обратит? Спишут на всё тот же конгресс.

Шоуки не особо вдавался в подробности их труда — чтобы не припрягли. Да и приглядывать нужно было за принцами — каждая встреча Алана с главой очередного клана, пусть наиболее преданного Империи, пусть даже Наместник ручался за этот клан, стоила Шоуки немалых нервов.

По идее, Тамай был рядом (снова ноя о разлуке с дорогой супругой), и вообще, не станут же недовольные таким поворотом с ходу пытаться убить наследника Императоров?

Но Шоуки всё равно было тревожно. А тут ещё... эти!

И ведь настырных молодых стервочек и пальцем не тронешь, и голос не дай Предки на них поднимешь — как отвадить таких от вождельённой цели?

— А вы точно не видели господина младшего принца? — продолжила наивно хлопать глазами заводила этой очаровательной шайки. А как играет-то, как играет! Можно и повестись, если не знать что этот разговор раз за разом повторяется и прокручивается уже... да сколько уже времени-то прошло?

— Мы видели его некоторое время назад, во время утренней тренировки, — сдержанно ответил Таики. — Он ушёл немного раньше нас ради встречи с достопочтенным учителем Саем, так что, возможно, если вы спросите у него или его слуг, то сможете достоверно узнать местонахождение нашего молодого господина.

— Но мы уже спрашивали у слуг! И нам сказали, что искать нужно здесь!

Вот найти того, кто им это сказал, и затолкать блудливый язык прямиком в самую...

Шоуки сбился с мысли и подрастерял всю злость, заметив, что Алан поднялся со своего места и подошёл вплотную к двери.

— Несчастный! Если ещё хоть раз я услышу от тебя подобное, — вдруг рявкнуло за дверью глубоким басом, подозрительно напоминающим голос господина Иташи Тооки, что славился своим буйным нравом, — то клянусь Предками, ты и твоя семейка пожалеете что появились на свет!

Молодые кариты от такого аж подпрыгнули, Кено едва не свалился со ступеньки, девушки ойкнули и сбились в кучку.

За дверью что-то залепетали дребезжащим тенорком, и следом раздался ещё один рявк:

— И не нокай мне тут!!! Тварь трусливая, презренный слизняк!

— Думаю, вам лучше уйти, — быстро сориентировался Шоуки, выступая вперёд из-за спин оторопевших коллег и склоняясь перед девушками в уважительном поклоне. — Господин зол, и вам не следует попадать под горячую руку, когда он в ярости покинет павильон. Ещё зашибёт выбитой дверью.

— Да, у него тяжёлый нрав... — печально подтвердил Таики.

Заводила очаровательной стайки потенциальных невест неловко улыбнулась:

— Да, конечно, мы уже уходим...

Её перепуганные спутницы выдохнули с явным облегчением и быстро-быстро покинули занимаемый строением садик.

Кариты притихли выжидая.

— Ушли, — подтвердил наконец Шоуки. Двери тут же приоткрылись, и наружу аккуратно выглянули Амарими с Аланом.

— Нам срочно нужно искать новое место для занятий, — заметил последний, затем кашлянул, сделал колдовской жест, слегка пыхнув эфиром развеиваемых чар, и продолжил уже нормальным голосом: — А это становится уже не смешно. Другие крепости так настойчиво в осаде не держат, как нашего видного жениха.

Видный жених обиженно засопел, но промолчал.

— Так что — быстренько думаем, куда бы приткнуться, потом хватаем списки и прокрадываемся туда!

Задача была нетривиальная. С таким наплывом гостей и суетой слуг найти тихое место...

Дворец вдруг показался каким-то маленьким. И это тоже раздражало.

Подготовка к конгрессу шла своим чередом, и, на взгляд Алана, проходила на высшем уровне. Слуги трудились как проклятые, и умудрялись это делать не на глазах многочисленных гостей. Дома подготовка к событиям подобного масштаба проходила исключительно за закрытыми дверями, дабы не являть гостям позорнейший бардак, охватывающий дворец. А в означенный день и время, пожалуйста, гости дорогие, сообразно статусу да через главные ворота.

Даже его дёргали не слишком часто — Алан только взглянул на огромный старинный том о всех нюансах проведения коронации императора, и, сославшись на незнание традиций, свалил все вопросы на Наместника. С одной стороны это было низко, с другой — правда. Будущий император до сих пор читал один за другим исторические труды, те же шешоу, записи о кланах и их истории, детальные разборы различных региональных конфликтов, историю межклановых войн — и до сих пор чувствовал, что ни черта не смыслит в политической среде южного континента.

А он управлять этим должен, в конце концов! Более того — управлять, учитывая интересы обоих континентов, а ещё — поддержать брата и при этом не угробить окончательно ни север, ни его взаимоотношения с югом.

А вести с севера приходили... неутешительные. Как и предсказывал Наместник, жестокость и масштаб атаки не сплотил заговорщиков и сомневающихся, а рассорил их. В конце концов, на приёме было множество аристократов, и они были родственниками в неважно каком колене. Кровь — не водица. Родственные связи значат многое на севере.

В конце концов, многие пришли к мысли, что могут кончить так же, если вдруг

окажутся неудобны тем, кто готов пойти на столь чудовищные меры.

У госпожи посла даже складывалось впечатление, что мощь взрыва стала большой неожиданностью для осуществивших эту операцию. К ней стекались все сведения, и новый глава Дома на Перекрёстке полагался на неё всецело.

Дядя тоже погиб в тот день.

Это осложнило ситуацию ещё сильнее — увы, к его заместителю, теперь временно исполняющему обязанности, не испытывали того уважения и страха. Не успел проявить себя в открытую, хотя и имел все задатки для подобной должности.

Или намеренно изображал слабость и полный паралич управления при новом руководстве.

Ну не верил Алан, что этот человек так позорно сдуется в сложившихся обстоятельствах!

И ведь сведения, самые свежие сведения, доставлялись по не самым надёжным каналам. И были достаточно... сдержанно изложены, несмотря на шифрование.

Это тоже заставляло задуматься.

Нет, предосторожности предосторожностями, но учитывая сложность шифра доклады всё равно разили паранойей.

На этом фоне возможность при первой же необходимости, в сжатые сроки организовать коронацию была особенно важна. И, похоже, с этим всё обстояло достаточно неплохо, за исключением трона, про который почти без остановки нудел Наместник. Да, трон несомненно был важен, но для церемонии же вполне подойдёт и подделка, а экспедицию за настоящим можно устроить и позже.

Но южане в этом вопросе были настойчивы, а надёжные люди несколько... кончались. Распылять силы не хотелось, как и привлекать к делу другие кланы, как бы Наместник за них ни ручался.

Приходилось идти на компромисс и раз за разом демонстрировать своё право на трон перед очередным главой. И так неловко было наблюдать за их реакцией на новость...

Как будто Император — это не просто единовластный правитель, а божество, сошедшее на землю.

А тут ещё на Амарими начали натурально охотиться незамужние дамочки. Зрелище было совершенно диким — дома девице не позволили бы шляться по чужому дому как минимум без сопровождения гувернантки, и уж тем более — приставать к парням. А эти сбились в стайку, и целенаправленно искали встречи. И все вели себя так, будто такое поведение совершенно нормально!

Впрочем, Алан подозревал, что и правда — нормально, и потому не решался задавать уточняющие вопросы.

Хотя, если подумать...

Женщины здесь также часто осваивают все эти манипуляции с “духовным сосудом”, а учитывая, что делается это через физическое развитие...

Ну да, если каждая из этой очаровательной стайки способна дать сдачи в случае чего...

Дома магичек тоже хватает, но в подавляющем большинстве они осваивают “бытовую” магию и целительство, артефакторику и теорию. Изучение боевого направления не считается запретным или неприличным, но в целом нежелательно.

От этих размышлений, опять оторвавших будущего Императора от изучения нуднейших списков родонаследования, его отвлёк вскрик Амарими, получившего вестником по лицу.

Бумажная птичка, видимо, протиснулась через слуховое окно, и спикировала под неудобным углом.

— Ну что опять... — проворчал младший принц, разворачивая птичку в мятый листок. Хмыкнул и показал Алану всего пару знаков. — Нас зовут в павильон Десяти Лотосов. И быстро.

— Тогда идём, — кивнул Алан, чуть нахмурившись от опять поднявших голову дурных предчувствий.

Ценные свитки и книги, впрочем, пришлось взять с собой — не прятать же их в подсобке, заваленной деревянным тренировочным оружием?

Свистнув парням, изображающим тренировку в этом углу одного из “военных дворов” дворца, они быстренько просочились в отведённые слугам переходы, и относительно скоро добрались до нужного места.

Раскланялись с охраной — верными людьми наместника, и вошли внутрь. В просторном павильоне было на удивлениелюдно, но ладно — Наместник да господин Инари, да Жнец — это всё привычные лица. Остальные, впрочем, тоже были привычными, но Алан никак не ожидал их здесь увидеть. Даже желание возникло глаза протереть.

А ещё порадовался, что их с южным принцем спутники остались снаружи. По крайней мере, один из них.

Гости дворца, всё ещё пыльные и потёртые с дороги встrepенулись, повернувшись к новопривывшим. Пара здоровяков подорвалась на ноги и поклонилась, как и — с некоторым запозданием, их заморенный с виду спутник. Дурная улыбка так и просилась на губы — Алан и не подозревал, что будет так рад увидеть знакомые лица.

Но потом Демьен заговорил, что привело Алана в почти что шоковое состояние — он не сразу понял смысл сказанного. Настолько отвык от родного языка, что сказанное на северном наречии показалось чуждым и грубым. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки.

— Рад, что вы добрались в целости, — произнёс он наконец, шагнув к гостям. — Госпожа Шиинна, рад видеть вас в добром здравии. Вы с вестями?

— Надо думать, устаревшими, господин, — девушка тоже поклонилась. — Нам доверили передать заверения. Заверения и кое-какие вещи, что могут вам пригодиться.

— И о каких же заверениях идёт речь? — Алан прошёл к приготовленной для него подушечке, и сел напротив гостыи. Амарими пристроился рядом с отцом.

— О заверениях в бесконечной преданности Империи, — чуть склонила голову Шиинна. — Ваш брат просил передать, что он рассматривает несколько вариантов выхода из кризиса, но не может предсказать, какой из них сыграет. Обстоятельства слишком быстро меняются, и их тяжело прогнозировать. Но главная цель в любом случае будет в сохранении прежних взаимоотношений.

— Отрадно слышать, что наши цели совпадают... — медленно произнёс Алан. Слова подобрать было тяжело отчего-то. — И... братне передавал ничего... ещё? Возможно, письмо?

— Увы, у него не было на это времени, — покачала головой девушка. — Ситуация требовала немедленных действий. Но он так же передал личное послание для вас — через вашего друга.

Она глянула на заёрзавшего на Орса. Алан задумчиво кивнул, и, поднявшись на ноги, поманил друга в сторону. Снова отметил, насколько измождённым тот выглядит. Только

глаза живо блестят, и на лице написана решимость.

— Посекретничаем? — предложил, накиннув скрадывающие звук чары.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — Демьен чуть качнул головой. — Это либо что-то личное, либо шифр. “Что бы не случилось, верь в меня и не смей проявлять слабость.” Так он сказал.

Алан завис, сначала пытаюсь понять, в чём вообще смысл такого послания, потом вспомнил, что где-то уже слышал такую фразу. Когда-то давно, когда он был совсем мальчишка, да и брат был помоложе.

Кажется, тогда они прятались от сестры, над которой неуместно подшутили, и в ожидании неминуемого наказания...

Алан охнул. Развеял чары и в несколько шагов вернувшись к основной группе собравшихся здесь, потребовал:

— Поднимаем флаги! Немедленно!

Жертва её интереса, ничего не подозревая, продолжала перебирать вываленные прямо на расстеленный кусок холстины многочисленные ножи. Придирчиво и совершенно неудовлетворённо. А ещё стратегически устроившись под навесом пристроенным в углу двора, так, чтобы спину прикрывали стены, всё пространство двора просматривалось, а сверху прикрывал этот самый навес.

Шиинна испытала чувство гордости, густо смешанное с досадой — мальчик усвоил науку и отлично выбрал выгодную для себя позицию.

Хотя теперь-то — какой уже мальчик?

За прошедшее время карит возмужал, да и свалившиеся на него невзгоды оставили свой отпечаток, выковав наконец из робкого юноши с растерянным взглядом взрослого и серьёзного карита.

И хотя эта перемена, в целом, ей нравилась — приятно знать, что Империя прирастает компетентными кадрами, оставалось решить уже для себя, кто был ей милее — застенчивый, но очень целеустремлённый и находчивый юноша, или же суровый карит с цепким взглядом и непроницаемым лицом.

Ещё раз прикинув экспозицию, Шиинна ухмыльнулась, и временно отступила — для того, чтобы преподать мальцу очередной урок, следовало немного подготовиться. Конечно после мимолётной встречи с учеником Жнеца у дверей павильона Шиинна первым делом перетряхнула тщательно одежду, и прочесала волосы. И без удивления обнаружила аж целых три крохотных булавки согнутых хитрым образом. Осталось только забрать булавки из своего угла, отловить служанку, закрепить булавки на её одеждах и выдать распоряжения, так что через четверть часа девушка снова ступала босыми ногами по черепице, подкрадываясь к привычной добыче верхами.

Добралась аккуратно до удобного места для наблюдения и выжидала, чутко следя за молодым каритом. Видно его с этой позиции было плохо, но зато сам он не мог её заметить, не выйдя из под облюбованного навеса.

Вот парень насторожился — рука потянувшаяся за новым ножом замерла в воздухе, вот выжидает... Вот совершил ошибку, которую Шиинна и прогнозировала, и подался вперёд, пройдя вдоль стены на пару шагов. Прислушивается своим чутким даром, как настороженный едва слышным шелестом ветвей зверёк.

Девушка улыбнулась невольно — это выглядело так мило! И, выскользнув из укрытия, в считанные удары сердца преодолела расстояние до навеса. Духовная энергия окутывала её, позволяя невесомо ступать по черепице на верхушке стены и поддерживая каждую ниточку одежд, дабы ткань не смела выдать её передвижение шелестом. Соскользнула во двор она так же бесшумно, и спустя удал сердца привычно прижалась к парню со спины, обхватив его руками. О, как он дёрнулся, как вздрогнул от неожиданности, подхватывая в воздух и тут же роняя десятки разномастных ножей!

И всё же, какое это удовольствие — пугать новичка!

— Слишком часто полагаясь на один и тот же трюк, как бы хорош он ни был, — произнесла Шиинна, невозбранно пройдясь ладонями по крепкому телу парня, — будь готов к тому, что его рано или поздно используют против тебя.

И тогда уже отпустила его. Шоуки тут же шарахнулся прочь, поворачиваясь на ходу, но

быстро взял себя в руки и, склонив голову, сухо произнёс:

— Благодарю за науку, госпожа.

Шиинна благосклонно кивнула — лицо держит как ни в чём ни бывало. Любо-дорого посмотреть! Правда, шрам в дороге зажил безобразно, проведи он это время под присмотром целителей, осталась бы на коже тонкая белая полоска, а не вот это вот... С другой стороны, заматерееет, и грубый рубец определённо добавит ему шарма.

— Как добрались? Легка ли была ваша дорога? — подчёркнуто вежливо спросил карит.

— Ах, следовало бы сказать, что хорошо, а главное быстро, но Круглое море есть Круглое море, а болтаться в нём в сезон штормов в низкобортной лоханке северян с единственным способом согреться — сесть на лавку за вёсла... Очень советую. После такого путешествия, ни боги, ни демоны не смогут внушить тебе страх, — Шиинна качнулась с пятки на носок, потом заинтересовалась раскатившимися ножами и присела на корточки, подобрав один. — К чему тебе столько?

Шоуки помедлил, потом сел на прежнее место под навесом, скрестив ноги, и потащил обратно раскатившиеся ножи.

— Пытаюсь определиться с формой, — пояснил он. — Мне нужно что-то вроде Хризантемы учителя, но — меня не устраивают её лепестки.

— И чем же? — заинтересовалась девушка.

— Мне всё же хотелось иметь возможность брать их в руки в случае чего. Значит нужна полноценная рукоять. Но и в целом — хотелось бы что-нибудь полегче и поуже. Мне... понравилось работать с вашими спицами, госпожа.

— О, приятно слышать, — улыбнулась Шиинна. — Но судя по тому что спиц здесь нет, они уступают ножам в удобстве?

— Слишком тонкие, скорее. Хороши для прямых точных ударов, но, увы — и только. Хотя согнутые крючком они пару раз тоже послужили мне добрую службу.

Девушка задумалась. Узкое лезвие, рукоять, крючок... Что-то такое определённо на глаза попадалось. Нужно будет посмотреть на складе.

— Сперва хочешь подобрать форму, и уже потом думать об их переноске?

— Вам Хризантема тоже кажется излишне громоздкой?

— Демаскирующей, скорее, — кивнула Шиинна. — Её тяжело спутать с чем-то другим, если слышал описание. Но мне и не доводилось брать её в руки. Так что на этот счёт могу только предполагать.

— Она и правда весьма тяжела, — заметил Шоуки задумчиво. — Крепкие доски, много металлических деталей внутри, скрепляющих корпус и карманы из толстой кожи. И сами ножи. Мне нужно что-то полегче. Поудобнее.

— И понезаметнее?

— И понезаметнее.

Шиинна удовлетворённо улыбнулась. Приятно знать, что юноша мыслит в правильном направлении.

— Вы поедете с нами? — спросит он вдруг. Аккуратно так, настороженно.

— Увы, нет, как бы мне ни хотелось сопровождать вас в этой экспедиции, — качнула головой девушка. — Обстоятельства сложились таким образом, что мне надлежит оставаться здесь.

— Что ж, жаль... — наудивление искренне вздохнул молодой карит.

Шиинна чуть вскинула бровь, но Шоуки не стал развивать тему, вместо этого спросив

её мнение о наиболее подходящих видах стали. Тоже неплохая тема для беседы.

Да, отправиться в экспедицию к горе Аят Шиинне хотелось, и не только из-за возможности гонять подающего такие надежды карита. Но обстоятельства сложились иначе, может, и к лучшему — ей всё же следовало отдохнуть не столько с дороги, сколько от влияния проклятых северных земель. Много медитировать, пить отвары... Ну и присматривать заодно за Ясуми, с которой они были дружны с раннего возраста — её супруг аки баран упёрся рогом и не желал оставлять будущую мать без надлежащей охраны. Даже предложение перевезти её в столицу под присмотр отца не сработало — напротив, Тамай возвопил что лично зарежет любого, кто попытается подвергнуть его ненаглядную воздействию проклятой земли, даром, что проклятие дворца далеко не так опасно для людей с развитым духовным сосудом.

А говорят, женщины ведут себя неуравновешенно во время беременности!

Но в любом случае, застигнутый ею спор господина Коэна и Наместника закончился рядом договорённостей, и уже в соответствии с ними ей предстояло отдохнуть в компании подружки. Даже странно сокрушаться по поводу такого исхода...

А гора Аят... Шиинна планировала прожить долгую жизнь, глядишь, ещё доведётся наведаться туда. Тем более теперь, когда о возвращении Императора вот-вот объявят во всеуслышание.

Нет, определённо, в прошлую поездку Шоуки зря пенял на то что Алан переигрывает. Пожалуй, он тогда напротив, не доигрывал и вполне мог спалиться, столь фальшиво изображая радость от воссоединения с магией.

Потому что Демьен вывалился из седла, и хохоча как ненормальный, нарезал круги, разбрасывая в стороны горстями искрящиеся на солнце ледяные кристаллы и снежинки. Даже Маленькое Пятнышко косил на него глазом и вскидывал голову, топчась на месте в раздумье.

Да половина экспедиции наблюдала за ним выпучив глаза от удивления. Мало кто представлял, насколько сильно угнетает северных магов отсутствие “эфира”, особенно с непривычки. Хотя, насколько помнил Шоуки, у Демьена в добавок были какие-то особые обстоятельства, связанные с магическим даром. Он хорошо помнил северные руны, выведенные на коже северянина, что бы они не означали. Наверняка что-то важное, нужно будет спросить между делом. Когда дворянин подуспокоится. Вон, Алан и тот слез с коня и пытается ненавязчиво утихомирить соотечественника. Помочь, что-ли?

— Маги, — усмехнулся тихо Тамай, наблюдая за этим безобразием. — Забавно, не так ли?

— Забавнее только божественный замысел, приведший к такому, — качнул головой Шоуки. — Какая шутка — их жизнь на нашей земле невыносима, но и мы не сможем процветать в их краях.

— Апо мне — это весьма дальновидно, — возразит Жнец. — Иначе бы мы давным-давно вырезали друг друга, пытаясь захватить чужие земли. Мы слишком разные, чтобы ужиться в мире.

Шоуки покосился на него, отметил, как Алан положил ладони на плечи северянину и начал что-то втолковывать успокаивающе, и возразил:

— Но северяне сами такие разные и друг друга до сих пор не перебили. Хотя уживаются так себе, — заметил Шоуки, вспомнив события прошлой зимы.

— А скажешь, у нас на югах народ однороден и друг с другом не враждует по поводу и без? Как будто у нас не случается мятежей и войн на уничтожение между кланами?

Кхм... Нет, пожалуй.

Случаются, и ещё как. Вспомнить хотя бы, где учитель заработал своё прозвище...

— Такова природа человеческая! — жизнерадостно заявил Амарими, подводя коня ближе. — И нечего на неё пенять так громко, иначе старший жрец услышит и закатит полуторачасовую лекцию на тему божественного замысла, происхождения человека и великого предназначения.

Последнее, впрочем, он добавил зловещим шёпотом, заставив всех покоситься в сторону скучковавшихся у самой переправы жрецов.

Да, экспедиция была велика. Два десятка старших каритов из трёх кланов, десяток жрецов из главных храмов столицы и окрестностей, многие уже в преклонных сединах, более трёх дюжин слуг и погонщиков, четыре запряжённых волами подводы, “свита” Амарими, Демьен, Алан и двое его здоровяков-телохранителей.

Вот наличию магии они так бурно не радовались, напротив, деловито перебирали сейчас многочисленные амулеты, что-то такое проверяя и настраивая. По крайней мере проклятие от их манипуляций мелко подрагивало и шло ленивыми волнами. Насколько понял Шоуки, роль телохранителя на севере заключалась в том, чтобы быстро и эффективно прикрыть подопечного щитами и вывести из-под удара. Они полагались на амулеты и собственные физические навыки. А Демьен был именно боевым магом, зависимым от окружающего эфира куда больше других сортов северных одарённых, в которых Шоуки не очень разбирался.

— Ладно, завязываем с этим, — вздохнул Тамай, и тронув коня пятками, повёл его к воде. Там развернул скакуна, и, привлекая внимание отрядов, постучал по притороченному к седлу котелку камнем. — Напоминаю! Пересекая эту реку мы вступаем на проклятые земли! А за теми холмами заканчиваются и охотничьи угодья, как только мы минуем их — окажемся там, куда, возможно, не ступала нога человека в течении последних трёх сотен лет! А посему прошу вас соблюдать походный порядок и проявить исключительную бдительность. Мы двинемся старым имперским трактом, что должно облегчить продвижение вперёд, но ни в коей мере не сделает путь наш безопаснее. Именно из этих лесов приходят м’кари и шеошеги, именно здесь гнездятся иглоклювы и паукообезьяны. Не забывайте об этом.

И, похлопав коня по шее, направил его в воду. Благо, река разливалась здесь широко, образуя брод. Ради него с остатков имперского тракта и пришлось свернуть — тот вёл к давным-давно разрушенному мосту на узком, но глубоком участке реки.

Шоуки проследил за тем, чтобы Демьена упихали обратно в седло, и, пристроившись к остальным парням, повёл Пятнышко к воде. Две группы каритов прикрывали отряд по бокам.

— А изменённые проклятием рыбы тут водятся? — осторожно спросил Шимай.

— Водятся, — кивнул Алан. — По крайней мере, о них упоминается в записях. Гигантские сомы, способные проглотить всадника с лошадью. Но, в основном, тут можно выловить налимов, длинных, как змеи, и окуней с горизонтальным хвостовым плавником.

Парни озадаченно переглянулись, и, нервно хватаясь за клинки на поясах, направили коней в воду. Впрочем, переправились спокойно, почти без затруднений — только у одной телеги колесо угодило в какую-то подводную яму, и кариты попросту подняли её, ухватив

даром за специальные скобы, закреплённые на бортах.

На том берегу проклятие наконец устаканилось, перестало напоминать терзаемый ветром клоч тумана и породило новую порцию воодушевления у Демьена.

— Нет, ну насколько стабильный здесь фон! — заявил он восторженно. — И плотный!

— Это в целом характерно для эфирного поля здешних мест, — согласился Алан, поглядывая по сторонам с рассеянным интересом. — Его не терзают столетиями сотни бытовых плетений, защитные барьеры, и так далее, и то прочее. Соберись. Воспринимай это место в первую очередь как аномальную зону. И амулеты заряди.

— Да, точно! — спохватился на Орс, зашарив по карманам. Иней по прежнему оседал на его плаще...

Продравшись сквозь заросли прибрежной осоки отряд выбрался к холмам, и, приняв прежнее построение, двинулся вперёд. Отвлечённые разговоры пришлось прекратить, ибо жрецы дышали в затылок, бросая хищные взгляды на Алана. Эта ерунда, в целом, продолжалась всю дорогу, и на привалах будущего Императора приходилось буквально спасать от их навязчивого общества. Амарими героически жертвовал собой, отвлекая их вежливыми вопросами религиозно-философского характера, да ещё настолько провокационно сформулированными, что диспут затягивался надолго...

Его подвиг заслуживал восхищения, ибо сам Шоуки как ни старался, не смог придумать вопроса, что отвлёк бы жрецов надолго. А казалось бы, половину детства при храме провёл, должен бы сообразить что-то такое.

Глубоко за полдень они миновали наконец холмы, и, проехав немного на запад вдоль границы леса, наткнулись на остатки означенной дороги. Она сильно напоминала ту, на которой они в своё время наткнулись на м'кари, чем вызывала у Шоуки дурные предчувствия.

Но — обошлось. Углубившись в на удивление живой и кишачий птицами и мелкими зверьками лес, они без происшествий ехали до самого вечера, когда и начали присматривать поляну для привала. Две поляны забраковали из-за нор айрши — вроде как давно брошенных и полуосыпавшихся, но всё равно являющихся весомым аргументом, чтобы обойти их стороной. Третья полянка оказалась мала, камениста, и чересчур близка к заболоченной речушке, но солнце стремительно клонилось к закату, и потому расположились на ней.

Выставили охранный периметр — в одной из подвод везли крупные камни, покрытые нужными знаками, и якоря в виде огромных гвоздей в локоть длинной, что забивались прямо в землю. Получилось надёжно. Ещё и жрецы что-то такое намолили на переносном алтаре громовержца, что воздух на мгновение заискрился и начал пощипывать кожу.

Лошадей и волов загнали в загородку из телег и нарубленных тонких жердин, очерёдность караула распределили, разожгли костры да подвесили над ними котелки...

— Ты как? — Шоуки подсел к медитирующему кузену, но тот вроде держался неплохо. Ну или неплохо делал вид, что с ним всё в порядке.

— Получше. К этому и правда привыкаешь понемногу, — произнёс тот. — Тут ты был прав.

— Опыт! — Шоуки округлил глаза, и кивнул в сторону северян. — Ты представь, а для них такая плотность проклятия — обычна. Половина их столицы стоит на вот такой территории.

— Честно сказать, не верится. Хотя какой тебе резон врать?

— Никакого, — заверил его Шоуки, и обернулся резко, заметив, что кто-то из старших

каристов, что дежурили по периметру лагеря, метнулся к кострам.

— Движение в чаще! Похоже, айрши! — выслушав карита, объявил Тамай спустя минуту. — Всем оставаться внутри периметра! Угроза минимальна!

Шоуки и Таики переглянулись.

Да, если оставаться внутри защитного периметра, угрозы нет. Но обоим подумалось, что кое-кто определённо захочет взглянуть на айрши поближе...

— Что они там делают?

В темноте сопело и шуршало. То реже, то чаще, иногда глухо повизгивало, и в кустах мелькали горбатые спины покрытые бледной складчатой кожей.

— Как что? Пихают друг друга локтями и спрашивают — "эй, как думаешь, что они там делают?", — уверенно заметил Кено, вызвав вокруг сдавленные и немножко нервные смешки. Шимай не преминул тут же пихнуть коллегу локтем. Шоуки вздохнул тихонько, но в целом, это немного разрядило атмосферу. Да и подопечные были окружены вниманием и заботой, и в случае чего их ухватят за шкурки в дюжину рук, так что можно немного расслабиться...

Но не особо получалось. Шоуки напоминал себе, что думать о принцах как о совсем уж неразумных детях, не имеющих чувства самосохранения — как минимум невежливо, и продолжал подсознательно ожидать, что кто-то из парочки, а то и оба, отмочат что-нибудь... эдакое.

— Вообще, в книгах пишут, что они слепы совершенно, но обладают очень чутким слухом и невероятно острым нюхом. Потому в местах их обитания любая падаля не залёживается. К рассвету труп или туша любого размера исчезнет почти что бесследно, — заметил Амарими задумчиво.

— И не только падаля, но и то, что недостаточно быстро бегают, — напомнил Алан. — Или не умеет ставить защитные барьеры.

— Лазать по деревьям? — предположит Демьен.

— Подгрызут и повалят, — покачал головой Шоуки. — Есть много сказок про разное зверьё, которое поселилось в лесу кишачем айрши. Кто-то научился летать, кто-то бегать быстро-быстро, а всякие остальные... нет всяких остальных больше.

Парни снова зафыркали, а потом притихли, снова заметив смутное движение в темноте.

— Мне кажется, они нас караулят, посменно, — предположил осторожно Амарими. — Покаосновная стая охотится, пара зверей сторожит по периметру.

— Логично, — согласился Алан. — Иначе бы вдоль барьера прохаживалось несколько десятков тварей разом.

Но пока всё было тихо. Айрши караулили их, они караулили тварей. Первая смена рассказала, что пара зверей пробовала прорваться через барьер, но быстро оставила попытки, убедившись, что это бесполезно. И верно, защиту возвели как на средненьком поместье, одни маяки чего стоят. Главное — не выходить за невидимый периметр.

И смотреть, чтобы другие туда не полезли.

Опять мысли в эту сторону скатываются, да что ж такое!

Шоуки тихонько вздохнул, и ещё раз прощупал окрестности. В лагере всё как прежде, северяне, Люк и Дилан, засели неподалёку, наблюдая. Тоже караулят будущего Императора. Учитель на прежнем месте, спит. Его Хризантема стоит рядом открытая. В лагере всё спокойно, люди и кони на своих местах. Волон тоже можно было пересчитать по кольцам в носу.

Не о чем беспокоится, не о чем! Сейчас принцам надоест пялиться в темноту, они досидят с парнями смену и уйдут спать. Тихо и без происшествий...

— Ну-ка, Демьен, подсвети... — Алан вынул из-за пазухи тонкую книжицу в мягком

кожаном переплётёте, и начал перелистывать исписанные формулами страницы. Спустя пару мгновений их осветило бледным синеватым светом от сгустившегося между пальцами на Оursa тумана. Потянуло холодком.

Шоуки подозрительно прищурился.

— Что вы задумали, господин? — уточнил он, заставив парней мелко вздрогнуть.

— Просто модификация наблюдательной линзы, ничего такого... сейчас, только схему освежу в памяти... И немного подгоню под особенности моего дара...

Последнее он пробормотал совсем тихо, уже вчитываясь в записи. Кипу книг и вот таких вот тонких книжиц с записями кроме всего прочего привёз ему Демьен. И будущий император был очень и очень рад этому — в книжицах содержались, как понял Шоуки, практические описания различных магических техник и схемы их “заклинаний”... Что-то вроде того.

— Поделиться силой? — уточнил Демьен, когда между пальцев Алана затрепетал воздух.

— Нет, я уже в состоянии использовать большие объёмы, и без побочных эффектов, — пробормотал тот сосредоточенно. Неторопливо развёл руки в стороны, растягивая полотно дрожащего воздуха, прошептал что-то свистяще и по-особенному шевельнул пальцами, фиксируя... м... линзу?

Ах да, на севере Шоуки уже такое видел, а потому одним из первых склонился к плечу будущего императора, заглядывая в это округлое полотно затвердевшего воздуха, что держал Алан. Рядом оказался Демьен, а затем и все остальные придвинулись, удивлённо восклицая, толкаясь и наваливаясь с боков.

Через эту “линзу” было всё видно так же хорошо, как и днём, разве что цвета были смазаны, и всё казалось синеватым, а тени совсем чёрными и контрастными. Алан чуть повёл “линзой” и почти минуту они наблюдали за тварью, неторопливо прохаживающейся по периметру барьера, на некотором отдалении от него. Впрочем, она не отходила далеко от странной кучи земли, болтаясь между ней и барьером. Кусты мешали рассмотреть, что там за куча, пока откуда-то гуськом не присеменили ещё пять зверюг. Они пообщались с “караульным”, смешно тычась друг в друга мордами и топорща толстые жёсткие усы. Новоприбывшие после этого, низко опуская голову к натопанной земле, потопали к куче и скрылись за ней... Или в ней?

— Мне это не нравится, — пробормотал Шоуки, потянувшись своим даром к Хризантеме учителя и погромев ею.

— Да, что-то не то, они... Новую нору роют, что-ли? — забеспокоился Шимай.

— Или подкоп... — помрачнел Алан. — Ваш барьер полностью замкнут? Он прикрывает нас снизу?

— На длину якорей, — кивнул Амарими.

— Так, подвиньтесь! — Шоуки потыкал парней локтями, заставляя освободить место подошедшему, мрачному спросонья Тамаю. Тот заглянул в линзу и заломил вопросительно бровь. Ему наперебой начали рассказывать что именно они все видели вот буквально только что, и на поднятый парнями гвалт неволью подтянулась ещё пара караульных.

Тамай с сомнением поглядел в темноту так и через линзу, потом поставил короб Хризантемы на землю, и вытряхнул из неё всю стаю ножей, зависших в воздухе за его спиной.

— Пойду, гляну. А высидите тут!

Все закивали, Шоуки на всякий случай вцепился в плечо Алана, заработав укоризненный взгляд.

Тамай невозмутимо преодолел барьер и направился в сторону скрытой в темноте кучи. Оттуда сразу же послышались отрывистые, смутно похожие на собачье тьяканье крики, сперва одиночные, потом всё нарастающие и многоголосые. “Караульный” зверь кинулся на Тамая и рухнул, утыканный ножами. А из-за кучи, или из кучи, вынырнуло вдруг ещё одно морщинистое тело, и второе, и третье...

Шоуки не знал куда смотреть, то ли в линзу, то ли в темноту, да и лагерь забеспокоился когда визги и вопли тварей начали нарастать. В какой-то момент из скрытой в кустах норы хлынул целый поток лысых тушек, и Тамай бодро убежал обратно под укрытие защитного барьера, продолжая ранить и резать зверьё находу. Целая волна горбатых спин влетела за ним в затрещавшую защиту и тут же была истыкана десятками и десятками парящих клинков.

И отхлынула, оставляя на земле трупы и корчащихся подранков. Возмущённо фыркали кони в загоне. Кариты замерли напряжённо — вся эта возня перебудила лагерь, само собой.

— Спокойно! — подтаскивая свои окровавленные ножи, заявил Тамай. — Стаю мы проредили, им будет чем заняться остаток ночи. Все расходимся! Расписание дежурств — прежнее!

Расходились далеко не сразу — чистили клинки, переговаривались, обсуждали ситуацию. После молодых каритов погнались спать, а жрецы прошлись по периметру, проверяя якоря.

Несколько каритов легли, приложившись ухом к земле и слушая.

Но единственное, что было слышно — как в темноте за барьером чавкают и хрустят косточками айрши. Падальщиками они были довольно беспринципными.

Шоуки не спалось после всего этого — то и дело представлялось, как где-то под ним роют землю кротоподобные твари своими мощными передними лапами. Но зато — присматривал за парнями и принцами, следя, чтобы они не вздумали...

Мало ли что?

Зря он наверное так волнуется — и Тамай рядом, и телохранители...

Под утро он всё же задремал и просыпался тяжело и долго. И недосып сказывался, и окружающее проклятие, которое, впрочем, не ему одному досаждало.

Позавтракали и собрались в дорогу. Ни одного трупа у границы защитного барьера не было — только истоптанная земля и немного крови.

А когда разворачивали возы, под одним из них провалилась земля и тот почти до половины погрузился в осыпавшуюся яму. Пришлось задержаться — вытаскивать воз и чинить переломившуюся ось...

Озверевшие твари преследовали отряд ещё три дня. Амарими, право слово, начинало казаться, что айрши с нетерпением ждут, кого из собратьев убьют следующим, чтобы можно было им радостно подзакусить. Но и стая была больше всех, что когда-либо описывались в книгах или обсуждались каритами после охот. Потому, наверное, в лесу было тиховато. Птицы — да, встречались, а вот прочего зверья даже следа не было. Ни троп, ни следов, ни шерсти на ветвях, ни меток когтями на стволах, ни помёта...

Выжрали слепорои всё вокруг и потому так упрямо преследовали отряд.

Наверное.

Одно хорошо — догоняли отряд они уже под утро, и не успевали подрывать землю под стоянкой как следует. Конечно, печати барьера усилили, но это, как выяснилось, не спасало, когда под ним накапывали здоровенную ямищу.

И ведь северяне что-то там такое горячо обсуждали, сверяясь с записями, потом ответственно предложили подложить под барьер ледяной щит, проморозив землю вглубь на глубину нескольких локтей. Алан утверждал, что вдвоём с Демьеном они смогут составить подобие печати, чтобы сотворить такое, и что оно непременно продержится всю ночь.

Амарими с большим интересом бы посмотрел на это, но старшие заволновались и вежливо, но очень настойчиво уверили будущего Императора, что сами справятся, и что в подобных экспериментах нет необходимости. Алан подозрительно быстро сдался, даже не стал дальше обсуждать с на Орсом нюансы нужной магической... конструкции? Честно сказать, от сыпавшейся в момент обсуждения терминологии голова пухла, но вмешиваться и задавать уточняющие вопросы Амарими не стал — не время и не место.

На третий день после первой ночёвки с айрши под боком начали попадаться наконец признаки присутствия другого четвероногого зверья — те самые тропки, обгрызенные веточки и подточенная травка. Да и проплешин с этой самой травкой стало на порядок больше, и лес стал чище. В отсутствие травоядных подлесок совсем потерял меру и сделал лес тёмным и сырым местом. Единственные полянки были поверх перекопанной норами слепороев земли.

С другой стороны, на землях айрши можно было не опасаться других хищников. А сейчас...

— Движение слева! — оповестил один из старших каритов. Амарими повернулся туда, вглядываясь в лес, и тоже различил мельгешение тонких ног, и светлые ветвистые рога. Мгновение, и некое копытное окончательно скрылось за деревьями. Интересно, нормальный олень, или что-то эдакое? Вопреки расхожему мнению, нормальное зверьё на проклятых землях тоже водилось. Ну, или только слегка изменённое зверьё. Есть его, в любом случае, впрочем, не стоило.

Амарими сморгнул, поймал на себе внимательный взгляд Шоуки, и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Успокойся, — попросил младший принц, немного нервно улыбнувшись. — Я, конечно, балбес, но не самоубийца, чтобы бросаться за охотничьим трофеем здесь и сейчас.

Шоуки прикрыл глаза и отвернулся. Хм. Похоже, не поверил. Амарими взглянул на будущего Императора, и возмущённо выдохнул:

— Что?!

— Ничего, ничего, — качнул головой тот, и тронув коня пятками немного ускорился, выезжая вперёд.

Остальные тоже странно переглядывались, вызвав в душе младшего принца просто бурю возмущения. Ну подумаешь, попытался добыть вчера ночью тушку одного из айрши... Очень уж здоровая была особь, с широкими когтями размером с ладонь. Неплохой трофеей вышел бы, чтобы перед девицами хвастаться. Нет, к Предкам этих девок ненормальных, лучше заказать мастерам вырезать на нём какую-нибудь охотничью сценку, и брату подарить.

А то он последнее время совсем кислый... Нет, оно то понятно — овдовел едва год после женитьбы, остался один с маленьким ребёнком на руках... На руках нянек.

Грешно, конечно, о таком думать, но Амарими был рад, что госпожу притравили. Иначе бы неизвестно сколько пришлось брату мучаться с этой стервой, да ещё и проглядевшей в

своей свите шпионов.

Хотя в целом... было во всём этом много странного. От него утаили некоторые детали, и вообще отец с братом отказывались говорить на эту тему сверх сухих пояснений, что и так стали достоянием общественности вскоре после погребальной церемонии.

Ладно, с этим и позже можно будет разобраться.

Когда-нибудь. Захотят — сами расскажут, наверное. Да и не до семейных проблем, когда тут судьбы Империи решаются.

Дорога здесь была целее да пошире, так что двигались не таким вытянутым караваном, как прежде, что, наверное, отваживало мелких или слишком малочисленных хищников. По крайней мере, до вечера они не видели ничего, кроме пятка крупных и не очень копытных. А когда приглядывали полянку для ночлега, вспугнули мшистое бревно, вытянувшееся в траве у дороги. Бревно изогнулось крючком, и зашипело, трогая воздух раздвоенным языком. Амарими только и оставалось, что челюсть отвесить — о таком чудовище в книгах ничего не было. Да и отряд замер, в целом, в растерянности, оружие подоставали, конечно, но не торопились нападать. И мгновений растерянности хватило, чтобы заметить как тварь, перебирая петлями хвоста и продолжая покачивать высоко вздёрнутой головой, как будто “пятится”.

Был отдан приказ ждать, и спустя минуту, подмяв кусты с мелкими белыми ягодками, “бревно” опустилось, развернулось, и быстро скрылось в подлеске.

А ведь отличить было просто невозможно — куски облезшей коры, светлая, выбеленная солнцем “древесина”, зелёные бороды мха тут и там...

Амарими почувствовал что печёнка его сжимается, и нервно сглотнул.

Пожалуй, всё же не стоит выходить за пределы барьера...

Даже пока светло.

Впредь кариты тыкали все подозрительные брёвна ножами, клинками, а Демьен откровенно развлекался, запуская в них острейшие сосульки. А когда обустроивали лагерь, он вместе с Аланом расстелил в центре у костра длинный красный шнур, замкнув его в кольцо, и заговорили его. Несколько каритов, включая старших, и, конечно же, Таики, поблагодарили их и уселись в круг, медитировать.

Амарими подумал, огляделся, убедился что жрецы заняты укреплением барьера и не пристают к северянам, и тоже переступил красный шнурок. Дышать сразу стало легче — пусть полностью вытянуть проклятие из круга магии не могли, ссылаясь на “насыщенность поля вокруг”, но разница ощущалась очень явственно.

Увы, от медитации его отвлек не призыв к ужину, а полный боли вопль, раздавшийся откуда-то со стороны сдвинутых на ночь возов.

Все сразу же загомонили и забегали, Амарими метнулся туда-сюда, а потом почувствовал, что его потянуло за клинок, и обернувшись, направился к своим под предостерегающим взглядом Шоуки. Всё верно, в случае тревоги ему, Алану, и прочим надлежало оставаться в центре лагеря под охраной старших каритов.

Птицы с тревожными криками вспархивали с деревьев, вопли и мольбы о помощи стремительно удалялись, затихая. Постепенно всё успокоилось, только напряжение повисло нешуточное, и жрецы ускорили работу с якорями барьера, да оружие никто из слуг да старших каритов не торопился прятать в ножны.

— Возвращаются, — заметил Шоуки спустя некоторое время.

— Все? — напряжённо спросил Алан.

— Кто ушли вслед — все, — мрачно подтвердил карит. — Уволенного служки с ними нет.

— А что вообще случилось то? — осторожно уточнил Амарими.

— Что-то уволокло храмового служителя, — напряжённо пояснил Шоуки. — Очень быстро уволокло. Не удивлён, что учитель решил прекратить преследование, и...

— А-а-а-а! Помогите!!!

Вопль раздался с совершенно противоположной стороны, и заставил всех едва ли не подпрыгнуть. Двое дежуривших с того края старших каритов качнулась к сгущающейся между стволов деревьев темноте, но рухнули с возгласами удивления, дёрнутые назад невидимой силой.

— Стоять!!! — рявкнул Шоуки. — Это не человек! Там что-то другое!

Лицо его было бледным, глаза прикрыты — сосредоточен на своём даре. А отчаянные крики не прекращались — даже придвинулись ближе.

Алан выругался, и запустил прямо в лес, прямо на крики, маленький, но очень горячий и яркий ком огня. Он пронёсся по воздуху со свистом и вспыхнул, подпалив прошлогоднюю листву и тонкие ветки.

И осветив на мгновение... что-то.

Двуногая фигура в полтора человеческих роста, ненормально длинные и тонкие конечности, сгорбленное и какое-то косматое тело, вытянутая морда. Оно шарахнулось от огня в темноту, так что Амарими едва сумел выхватить эти детали.

И крики смолкли в то же мгновение.

— Вы же это видели, да? — с резко ухудшившимся акцентом пробормотал Демьен.

— Что там было? — напряжённо уточнил Шоуки.

Ответом ему было только растерянное молчание, повисшее над лагерем.

Обсуждения были бурные и едва ли не переходящие на личности. Молодежь грела уши, рассевшись неподалёку от сходящихся грудь в грудь со жрецами каритов. Шоуки же присматривал за всеми, нервно постукивая пальцами по колену и напряжённо прислушиваясь к ночному лесу. Пригоршню гнутых булавок он держал наготове — после событий на севере, по возвращению он завёл себе маленькую коробочку с тончайшими булавками, которые удобно было гнуть и незаметно цеплять к чужой одежде. Использовал то и дело, с... разными результатами. Но вот сейчас ему подумалось, что если это, что бы оно ни было, снова нагрянет, обсыпать тварину булавками для дальнейшего отслеживания будет совсем нелишним.

Если, конечно, оно одно, в чём были сомнения.

И материальное.

Вот как раз на этом моменте застопорились дела у старших.

Жрецы голосили, что это был демон, что это дурной знак, и ради безопасности будущего Императора надо немедленно разворачиваться и уходить из этих проклятых мест! А потом вернуться с отрядом побольше и выжечь тут всё, чтобы порадовать Предков клубами дыма до самых Нефритовых чертогов!

Аргументы у них были — оно говорило человеческим голосом, напало именно что на жреца, пусть относительно молодого, но определённо праведного и просветлённого, и об этом существе (или существах) ничего не известно старшим каритам, которые на своём веку повидали множество охот в приречных лесах.

Тамай на эти выводы замечал, что ту змеюку тоже из них в глаза никто не видел — что же теперь, и её демоном обозвать?

Однако же ещё больше плевался ядом под одобрительным взглядом Тамая старший карит из рода Шиото. Сайно, вроде, по имени.

Так вот, земли рода Шиото располагались не так уж и далеко от реки, отделяющей эти земли от обжитых, и от того Сайно не по наслышке знал о всевозможных случаях связанных с существами, обитающими здесь. И напирал на то, что из этих лесов забредает на обжитые земли... всякое. И во время охот добыча случается очень разная. И именно потому в ближних к реке землях всякий ребёнок знает, когда можно, и когда нельзя соваться за защитные периметры деревень и поместий, от того каждый, кто отправляется на охоту так глубоко в проклятые земли, должен следовать определённым правилам. И их экспедиция придерживается схожих, но ещё более жёстких правил, и раз их, жрецов, человек нарушил эти правила и был сожран непонятной тварью из-за этого, то это его проблемы. Ибо строго было объявлено — за пределы барьера с наступлением сумерек по одному не выходить!

Алан слушал обоих, скрестив руки на груди и хмурясь задумчиво. Когда спорщики пошли по второму кругу, перебирая свои аргументы, он поднял руку, делая знак замолкнуть. Оба заткнулись с неохотой, глядя на будущего императора.

— Мы продолжим путь, — произнёс Алан медленно и весомо. — Молитесь за душу вашего коллеги, уважаемые, ибо что бы не убило его, демон либо дикое существо затронутое влиянием проклятия, у нас нет ни времени, ни сил выслеживать этих тварей ради мести и достойного захоронения останков. Опираясь на опыт северных земель, впредь предлагаю принять следующие меры — передвигаться минимум втроём в любое время суток. Везде,

даже, подчёркиваю, для справления нужды. При любой встрече с одиночкой либо слыша чужой голос, не видя его обладателя, необходимо задавать вопросы. Любые, пусть самые глупые. Например, сколько ног у лошади.

— Вы... знаете что-то об этих тварях? — вскинул бровь Тамай.

— Нет. О подобных, — качнул головой Алан. — В северных землях есть горная гряда с большим количеством аномальных... Особенно неприятно проклятых долин и расселин. Однако и богатая ценными рудами, так что присутствие людей там весьма активно. И случаев столкновения с так называемым “голодным пересмешником” хватает. Ещё его называют измигун, и точную природу этой заразы установить так и не удалось несмотря на все старания академии. Предполагается, что это бесплотный дух либо проекция некоего живого существа, наделённого талантом к магии по какому-то недосмотру богов. Измигун может принимать облик другого человека и копировать его речь. Обычно он является одиночкам, реже — небольшим компаниям людей — человека два, три. Никогда не подходит близко, зовёт за собой, заманивая в ловушку. Часто зовёт на помощь, не показываясь на глаза вовсе. Что характерно, измигун может повторять услышанное, вероятнее всего различает интонации, но не способен на осмысленную речь. Любой заданный вопрос он оставляет без ответа, чем его легко отличить от человека. Ну или продолжает твердить несколько фраз раз за разом, отвечая невпопад. Повадки... этого, показались мне очень похожими на повадки измигунов.

— И правда — похожи, — согласился Сайно Шиото.

— Но это не исключает возможность демонической природы этого существа! — с едва сдерживаемым возмущением взвопил старший жрец.

— Уважаемый господин Томори, разве подобные проявления враждебных существ — не ваша вотчина? — вежливо, но довольно холодно заметил Алан. — Кому как ни вам лучше знать что делать в подобных ситуациях? Полагаю, вы начнёте с молитв Атасахики, дабы он снизошёл к нам, сюда, и нанизал всех злых духов и демонов на своё копьё аки ароматное мясо на шпажку?

Жреца аж перекошило от подобных сравнения, но он проглотил своё негодование перед лицом будущего императора, и немного раздражённо возразил:

— Нет, начать стоит с молитв Великой Матери, с просьбами защитить и оградить, и...

— Ну так и займитесь этим.

Ох-ох-ох... Шоуки чуть склонил голову на бок — напряжение так и сгустилось в воздухе. Кариты при этом явно были на стороне Алана, смотря на жрецов с едва заметным превосходством. И сам Алан... неужто его так достали разговорами о духовном? Или его задело предложение развернуться и сбежать?

Надо будет спросить.

Он скосился на Амарими, что до этого сопел рядом, а сейчас походил на учувшего добычу охотничьего пса — замер, ноздри раздуваются в возбуждении, глаза горят и прикованы к сценке. Явно понял что-то такое, на что у Шоуки не хватало разума. Он пихнул младшего принца локтем, и тот страшно округлил глаза и приложил палец к губам.

Ну ладно, позже, так позже...

Позже, впрочем, застопорилось — сперва всем разъясняли новые правила поведения, затем усилили наряды дежурных, и Тамай поставил Шоуки перед фактом, что им предстоит спать по очереди, чтобы присматривать за присутствующими.

Мало ли.

Шоуки эту меру принял и понял, хотя о нормальном сне теперь можно было забыть. Но жрецы вызывали опасения, да и за принцами нужно было присмотреть. Вот во второе своё дежурства одного он и отловил. Подволок к себе, ухватив за меч, ножи, пяток амулетов и подвесок, да и вовсе за одежду. Духовный сосуд даже почти не капризничал от работы с тканью.

Взглядом указал на землю подле себя, и Амарими, вздохнув, сел.

— Не спится, — пожаловался он тихо.

— Медитируй, — предложил. — Многие, кому не спится, сейчас именно этим и заняты.

— Я как-то не освоил медитации заменяющие сон, — забегал глазами младший принц, явно чувствующий себя неловко из-за такого признания. Ну да, в его возрасте большинство каритов уже осваивают все...

— Тогда поясни мне кое-что, — Шоуки понизил голос, ещё раз проверив месторасположение всех членов экспедиции. Амарими тоже быстро огляделся и кивнул понятливо.

— Про жрецов?

— Проних самых.

— У отца конфликт с частью из них, — зашептал Амарими едва слышно. — Давний. Когда дед скончался, отец был чуть младше меня, и верховный жрец храма Арата-ма великодушно предложил ему опеку и помощь в ведении дел Империи. Спустя какое-то время... Отец, скажем так, уведомил жреца в несколько грубоватой форме, что не нуждается в его услугах. Не буду вдаваться в подробности. Но с тех пор та часть жречества, что связана с этим храмом несколько недовольна отцом. Мелкие обиды с обеих сторон копятся, а тут ещё и отец утаивал от них долгое время про Алана. И поспешность подготовки к воцарению им не нравится. И Алан, насколько я понял, успел с ними языками зацепиться.

— Тогда чего бы не взять в дорогу жрецов из более... м... лояльного храма? — не понял Шоуки.

— Только они обладают знаниями о том как договориться с Тенями и открыть врата, — Амарими досадливо поморщился. — До подножия горы ещё мало добратся, в ритуальные залы ещё нужно как-то войти. Наш дорогой друг всяко смог бы это сделать и сам, если бы знал как...

— Так почему-ж... — Шоуки кивнул в ту сторону, где куковали жрецы.

— Вот именно! — округлил глаза младший принц.

Шоуки хмыкнул, и завис, переваривая информацию. А ему-то жрецы в отряде не нравились только потому, что они по молитвам и печатям и не проходят воинскую подготовку, без которой в этом месте делать особо нечего...

Пока он раздумывал, Амарими заёрзал, заскучав, и пришлось отвлекать его, чтобы в драгоценной головушке не зародилось какой-нибудь гениальной мысли. Вот, например, подучить медитативным техникам будет полезно, да и от наблюдения за лагерем это не отвлекает...

В ту ночь твари пробовали поохотиться на людей ещё дважды, так что толком не выспался никто. Попробуй тут, отдохни, когда вот буквально рядом, в кустах надывается полными боли воплями и молит о помощи знакомый голос. Знаешь ты, что это всё обман, не знаешь...

И затыкались твари, что характерно, только когда на звуки начинали кидаться тяжёлым.

Первый раз десятки брошенных в темноту клинков молча вытягивал назад Шоуки, второй раз, с руганью, Тамай, впредь запретивший этим заниматься кому-то кроме северян — их огненные шары и замороженные сосульки хоть возвращать не надо было, да и проклятие вокруг они просаживали на некоторое время, ко всеобщему удовольствию.

Но, ни чарами, ни сталью пересмешников, кажется, так и не задели. И к великой печали Шоуки, обсыпать булавами тоже никого не получилось. Он старался, но твари (их точно было больше одной!) после того, первого, раза вели себя до отвращения аккуратно и не подставлялись. Кено предположил, что они стесняются своего уродливого облика, но шутка как-то не зашла.

На четвёртый день все были вымотаны, и готовы были променять этих тварей на три большие стаи айрши. Смысл тот же, но под чавканье и хруст спалось куда лучше, а днём и те, и те не показывались.

Но Шоуки всё равно сохранял предельную бдительность при свете солнца, что утомляло неимоверно.

Даже вид величественной горы впереди, макушка которой терялась в дымке облаков, не радовал. Местность становилась холмистой, луга попадались чаще, и пару раз они проехали мимо развалин небольших городов. Просто проехали, сворачивать ради них с дороги никто не собирался, хотя Жрецы и бухтели что-то про необходимость провести ритуалы в покинутых много лет назад храмах, если те хоть как-то уцелели.

Скандала, впрочем, не случилось — все были слишком измотаны, чтобы ещё и ругаться. Тревожные ночи побуждали всадников дремать в сёдлах, и сколько кариты себя не одёргивали и не посвящали время восстанавливающим медитациям — на проклятой земле без полноценного отдыха было тяжело. Особенно — третьи сутки подряд.

Похоже, именно этого твари и дожидались, ибо посреди бела дня, на повороте старой дороги, где та совсем сужалась от навалившегося со всех сторон подлеска, они и напали, поражая своей подлостью и способностями к планированию.

Совершенно одновременно двоих старших каритов, что ехали по краям колонны, утащило в кусты. Шоуки этого не увидел — почувствовал, и едва успел обернуться, чтобы увидеть исчезающие в кустах ноги, и шарахнувшуюся от неожиданности лошадь. Практически тогда же рванули в сторону другого, а откуда-то сверху прямо в центр построения рухнули ещё две твари. Высокие, горбатые, Шоуки едва успел обернуться на звук и заметить длинные, бледные руки с мощными когтями да рваную шкуру, накинутую поверх тела, как фигуру ударило вспухшим ледяным щитом. Ножи уже поднимались в воздух, Хризантема взорвалась стальным вихрем, а тронутая ледяным щитом фигура с вытянутыми грабками лопнула со звонким чпоком, подняв волну высвобожденного проклятия.

Мгновения замешательства наконец сменилось криками и ржанием лошадей, Шоуки отметил что в сторону второй твари, приземлившейся почти перед мордами волов летит куча стали, и переключился на пытавшегося отбиться старшего карита, вырванного из седла. Он чувствовал, как того мотнуло, будто приложив о дерево и меч перестал быть “чужим” — духовной энергией его подпитывать перестало. Второй “похищенный”, похоже, крепко застрял ногой в стремях и был отбит соседями, и на его счёт можно было не переживать, а вот старший карит Короми... Шоуки потянулся даром к его клинку, кажется, выпадающему из пальцев, и вонзил с силой почти наугад, прикинув, что тело, должно быть, закинули на плечо. И попал, ибо уже на приличном расстоянии от сбивающегося в кучу отряда обиженно и возмущённо заревело от боли.

Происходящее заняло считанные удары сердца, второго, шипящего от боли “похищенного” быстро подтащили ближе к телегам, куда делась вторая упавшая с неба тварина, Шоуки вообще не понял, продолжая размахивать клинком над телом лежащего где-то там за кустами воина на случай, если его снова попытаются сцапать. Но через пару мгновений загнал клинок в дерево, судя по тому, как тот перестал слушаться. Но да Тамай, выкрикнув пару коллег, уже проламывал конём кусты, направляясь в ту сторону, а стайка лепестков неслась впереди него. Все замерли в ожидании, середина отряда — под покрытым изморозью ледяным куполом. Шоуки находился с краю и под него не попал, о чём, впрочем, не особо жалел. Из под него было бы плохо видно, что происходит вокруг...

И куда делась ещё одна тварь?! Одна утащила Короми, его вон, уже подбирают, вторая не смогла выдернуть из седла и утащить вон того карита, третья лопнула...

Куда делась четвёртая?!

Шоуки вертел головой, очередной раз досадуя на то, что не смог угостить монстров погнутыми в крючки булавками. Коробок с ними и вовсе в сумке с ножами остался...

Шоуки похлопал Пятнышко по холке, успокаивая воинственно топчущегося на месте коня, оценил количество висящего в воздухе железа — кариты были в полной боевой готовности и тоже подоставали ножи.

Он хорошо запомнил, где увидел ту, лопнувшую тварь, но опустив взгляд и сместив коня ближе к куполу, не увидел на дороге никаких следов. Впрочем, дорога была довольно сухая и пыльная...

Убедившись, что Тамай с остальными медленно отступают, неся, надо надеяться, раненого, но живого товарища, Шоуки спрыгнул на землю, и внимательно осмотрел дорогу. Потом сунул поводья подъехавшему Кено, который тоже оказался вне сферы, но по другую от неё сторону, и протиснувшись мимо скучковавшихся и нервно бормочущих молитвы жрецов, подошёл к волам, тянувшим первую телегу. И снова на земле никаких следов — только несколько ножей, воткнувшихся в землю. И три лепестка от Хризантемы среди них.

Шоуки подобрался ближе к раненому, над которым возились несколько каритов с навыками целителей. Мужчина был помят, одежда надорвана, но крови было совсем мало. А вот ногу ему вывихнуло серьёзно — ступня смотрела в сторону под таким углом, который богами при создании людей предусмотрен точно не был.

Вокруг было тихо, если не считать возни животных, скрипа и шороха одежд, да бубнежа жрецов.

Шоуки знаком успокоил нахмурившихся каритов, порадовавшись, что как ученику Тамая и одному из приближённых императора, ему позволено столь многое, и, осторожно раздвинув ветви, скользнул за куст, в который едва не уволокли одного из коллег. Быстро осмотрел лес, и склонился, рассматривая куда более влажную землю, покрытую перегноем. Тварь должна была стоять, учитывая длину её рук, вот прямо тут...

Следы и правда были, глубокие, но значительно ближе, чем он рассчитывал. Они напоминали следы огромного лопаторогого оленя, которые им показывали на севере во время охоты — двупалое копыто с относительно тонкими и широко расставленными пальцами, и позади — глубокие отпечатки поноготков, или малых пальцев. Определённо, твари обладали копытами, и при таком весе просто обязаны были оставить отпечаток пусть даже на довольно жёсткой поверхности. И ещё — тварь стояла так близко, и они её не увидели проезжая мимо?

Шоуки заключил, что что-то тут нечисто, и поднялся, чтобы отступить обратно к

отряду, когда почувствовал колебание воздуха, принесшее с собой какой-то звериный, отдающий мокрой шерстью дух.

Он отшатнулся, и рванул обратно на дорогу, но в следующее мгновение в его плечо, прорвав ткань, больно впились крючкообразные когти, и землю выдернуло из-под ног....

Шоуки вскрикнул от пронзившей его боли и совершенно потерял ориентацию в пространстве на несколько мгновений. Потом его ударило в живот чем-то угловатым, а в лицо ткнулась пыльная шерсть, пахнувшая зверем и сыростью. Когти отпустили многострадальное плечо, зато впились в бедро, заставив дёрнуться. А потом пришло понимание — да его закинули на плечо как мешок с рисом! Широкие шаги твари больно ударили костистым плечом в пузо, и молодой карит, опомнившись и сцепив зубы, взял контроль над своим даром и выдёргивая ножи из рукавов. Меч, увы, оказался неудачно придавлен собственным телом, и выхватить его не представлялось возможным. Не глядя вогнал ножи куда-то ниже, едва не задев собственную руку, метя туда, где по идее должна была находиться спина твари, но два ножа ушли мимо, вонзившись в землю. Другие два, впрочем, попали, заставив тварь возмущённо рывкнуть и ещё глубже впитаться когтями в его ногу.

И в то же мгновение сверху навалилась чужая духовная сила — кто-то из отряда плеснул ею от души, так, что воздух вокруг стал вязким как мёд и почти парализующим. Шоуки, по крайней мере, досталось по полной, но тварь, хоть и сбилась с шага, продолжила, натужно сопя, двигаться вперёд.

И вырвалась вскоре из ловушки, перейдя снова на широкий пружинистый шаг, и позволив Шоуки выдохнуть, и снова потянуться к своему дару. Ножи остались где-то позади, Шоуки суматошно потянул их к себе, но те застревали в подлеске и мху.

Дёрнулся, сцепив зубы от боли, и попытался извернуться так, чтобы высвободить рукоять меча. Едва не скатился с плеча твари, но та его перехватила, снова цапнув когтями, и Шоуки всё же умудрился и даром, и рукой перехватить свой клинок и ударить из неудобного положения, прочертив им по вытянутой морде твари. Сталь скрежетнула о кость, монстр взревел и отбросил его в сторону, и молодой карит покатился кубарем по мху и кочкам папоротников, приминая похожие на перья ветви.

Едва остановившись, перевернулся на бок и подхватив клинок даром, широко махнул им, едва не засадив в дерево, но умудрившись отогнать тварь.

И рассмотреть её, к несчастью.

В целом, существо выглядело как человек. Как человек, не бравший в рот ни единого зёрнышка как минимум месяц. Сухая, серовато-жёлтая кожа обтягивала кости плотно, лишь местами позволяя рассмотреть жгуты мышц. Выпирающие суставы, ввалившийся едва не до самого позвоночника живот, чётко просматриваемые рёбра, которых было, впрочем, куда больше, чем полагалось человеку. Голова была вытянута, но всё равно напоминала человеческую посадкой глаз и надбровными дугами. Вот нос бы приплюснут и ноздри больше напоминали выгнутые щели, а пасть и вовсе была чем-то из ряда вон. Губ у существа почти не было, и массивные клыки, верхние и нижние, выпирали, сдавливая собой желтоватые мелкие резцы. Ну и конечности были невероятно длинны, что нижние, с тонкими длинными пальцами, заканчивающимися чёрными крючками, что нижние, с раздвоенными копытами и удлинённой стопой. Тварь горбилась, пряча спину под потрёпанной звериной шкурой, и взирала на Шоуки маленькими, глубоко посаженными жёлтыми глазами, полными ненависти и какого-то животного голода.

Тварь шагнула вперёд, потянув длинную лапу, Шоуки панически махнул клинком,

пытаясь отползти от когтистой конечности. Та отдёргнула руку, попыталась схватить клинок, двигаясь невероятно быстро, но потом резко пригнулась, расклячив колени и пропуская над головой три ножа характерной формы. Раздосадованно рывкнула, и шатнувшись в сторону, начала... таять.

Её серое тело будто подёргивалось дымкой, сквозь которую проступал окружающий лес. Изменив направление, лепестки Хризантемы вновь атаковали исчезающее тело, то изогнулось, уворачиваясь, но Шоуки ударил узкой версией волны, подбивая ногу существа, и то взревело, быстро теряя невидимость. А потом в него врезалось мощной грудью и повалило на землю другое злобное существо. Пробежалось сверху, топоча копытами и высоко вздёргивая ноги, и ушло на разворот, гася скорость. И уже по судорожно пытающемуся подняться телу отработали лепестки, которых становилось всё больше и больше с каждым ударом сердца.

Шоуки попытался подняться и отступить в сторону от бьющегося в конвульсиях и загибающегося длинными конечностями тела, но нога подломилась от боли, и он снова рухнул в папоротники, хорошо хоть не завалился, устоял на одном колене.

По ушам ударил болезненный визг твари, переходящий в булькающий скулёж — Пятнышко развернулось, и теперь топтался по чудовищу, вбивая окованные копыта в землю и не только. Хруст раздавался совершенно ужасающий.

Хорошо эту картину от него загородило подъехавшей лошадью.

— Цел? — прыгнувший на землю Тамай с тревогой во взгляде осмотрел его, и Шоуки неуверенно кивнул. На что учитель выдохнул и нахмурился:

— Вот от кого, а от тебя я такого не ожидал!

— Ну обошлось же... — слабо попытался возразить Шоуки, на которого сквозь бешеный стук сердца в ушах начала наваливаться боль от многочисленных ушибов, царапин, и ран. Тамай цыкнул раздражённо и подхватил его под мышки, поднимая на ноги и помогая устоять, поддерживая, в том числе, и своей духовной силой.

И как, спрашивается, Амарими умудряется отбрезиваться после своих выходов, не чувствуя при этом мучительного стыда?!

Алан прищурился, и осторожно коснулся фокуса магического круга травинкой. Коротко стрекотнуло, и избыточное напряжение выплеснулось в пару зелёных искр, так что, удовлетворённо усмехнувшись, он подобрал свежезачарованный амулет, и начал внимательно осматривать и его, и повязанные на него плетения.

— Выглядит... рабочим, — не очень уверенно прищурился Демьен.

— Рабочий, рабочий! — заверил его будущий Император. — Конечно, легло немного коряво — материал всё же не самый подходящий, и в обычных условиях без нормального энергоёмкого компонента шут бы долго продержалось, но в поле такой однородности будет работать стабильно.

— Я прямо вижу, как обрывки плетения во все стороны торчат... — качнул головой на Орс.

— Ну я же и не артефактор! Просто теоретик-бытовик.

— Которого уже продолжительное время отчаянно хотят... на разговор, — Демьен тихонько кивнул в сторону. Алан глянул туда, и раздражённо выдохнул.

Вроде уже поскандалили, что опять?!

Он подкинул на ладони свежесостряпанный амулет, и, поднявшись на ноги, подошёл к

замершему в ожидании жрецу.

— Господин Томори, при всём уважении, мы уже обсудили данную тему. Мне нечего добавить, и меня не интересует, какие новые возражения вы успели придумать, пока я занимался делом!

— Проводимые вами ритуалы могли усугубить ситуацию! — упрямо заявил мужчина. Он и так выглядел он не слишком хорошо для своего возраста — в конце концов, жрецы уделяли не так много времени физическому развитию, как кариты, но из-за беспокойства последних дней заимел синяки под глазами и нездоровую бледность.

Возиться с ним не было ни малейшего желания, особенно, когда он нёс подобное.

— Магия, господин Томори, магия, а не ритуалы.

На этом Алан невежливо обошёл жреца, и направился напрямик к Тамаю, что с нехорошим прищуром наблюдал за ними. Старший карит так и стоял в центре импровизированного лагеря, контролируя окружение и удерживая три своих ножа подвешенными за плечом. Остальные, впрочем, покоились в раскрытом ящике у его ног.

— Получилось, — Алан протянул ему чуть посеревший и покрывшийся разводами клык чудовища. — Не ручаюсь за дальность обнаружения, но минимум за сотню шагов должен сработать. Определение направления только не удалось прикрутить — не самый подходящий материал, и на его подготовку нужны и время, и материалы.

Убрать остатки ауры, вытравить живую сердцевину клыка, выдержать в особом настое, чтобы увеличить восприимчивость материала к чарам... Одним словом, не вариант. Но и так неплохо получилось, учитывая, в каких условиях он чары накладывал.

Главное — расчёты все верно провели, не напортачили.

— И... Как оно работает? — Тамай осторожно взял клык, и взвесил на ладони.

— Просто просигнализирует, когда тварь окажется в пределах действия.

Карит хмыкнул, и потом долго так посмотрел на Алана.

— Что? — спросил тот.

— Как именно просигнализирует? — терпеливо уточнил Тамай.

— Ах, ну да... — Алан неловко улыбнулся — Стандартный для таких амулетов способ — резкий нагрев поверхности и мелкая дрожь. Так что его можно держать в руке, или прицепить на шнурок и повесить на шею, под одежду. И передавать следующему караульному вместе с постом.

Будущий Император раз за разом забывал, что его южные подданные совершенно непривычны к магии, и традиционными способами взаимодействие с ней что одарённых, что простых людей. В конце концов, магия на его родине была распространена весьма широко, и многие бытовые амулеты из тех что попроще и подешевле изготавливались с таким расчетом, что использовать их могли и простые люди, и люди, не слишком хорошо управляющиеся со слабым даром. Это касалось и активации, и считывания информации собранной специальными амулетами.

Здесь, на юге, вместо амулетов использовали печати. Принципы использования местами были удивительно похожи, но были и существенные отличия. Печати южан были жёстко привязаны к физическому носителю, и нуждались в “якорях”, если их действие покрывало некую площадь. Якоря часто вмуровывали в фундаменты, и добротные каменные стены, окружающие поместья здесь, в том числе строились и как основа для защитных и сигнальных барьеров.

И самые простые периметры умели устанавливать и младшие кариты — просто вырезая

нужные знаки хоть на земле и напитывая их “духовной энергией”. Вон как возмущался Амарими, когда увидел, что старшие собираются устанавливать защитный периметр на “проклятой” земле. Их, видите ли, учили, что это невозможно и строго запрещено. Как оказалось, проще было рассказать молодёжи, что это невозможно, чем пытаться объяснить все тонкости и сложности установки якорей в насыщенном эфирном поле, а потом откачивать всё равно покалечившихся младших каритов. Да и многие старшие, как он понял, не горели желанием ставить печати на “проклятой” земле. В детали Алан не вдавался, но после всего этого мероприятия следовало разобраться. В конце концов, в шешоу подобное не раз упоминалось как что-то будничное и элементарное. Должно быть, особенности двойного дара Императорского рода.

— В остальном, в надёжности амулета ручаюсь, — рассеянно произнёс Алан. — Более точный и функциональный изготовлю уже после этого похода.

— Думаете, понадобится? — хмыкнул Тамай, пряча клык за пазуху.

— Несомненно. Рано или поздно мне необходимо будет заняться очищением этой земли. А без путешествия к подножию горы это невозможно. А сколько ещё таких тварей водится в этих лесах — вопрос.

Тамай медленно кивнул. Что-то в словах Алана заставило его задуматься, и северянин решил не мешать и так заваленному обязанностями человеку. Вежливо склонил голову, и направился туда, где кучковался принц со своей шайкой. Демьен, до того маячащий неподалёку, быстро догнал Алана.

— Святоша откровенно подбивает каритов на бунт, — заметил он шёпотом. — Напирает на то, что наше предприятие проклято, раз боги насылают на нас демонов.

— Демонов... — фыркнул Алан. — Типичная высшая нежить, как по учебнику.

На Орс нахмурился, и зашевелил губами, явно пытаясь вспомнить классификацию и подогнать под неё увиденное сегодня. А там и до южан дошли. Как оказалось, те сучковались вокруг Шоуки и шebутного принца. Первый сидел прямо на земле, вытянув раненую ногу, ещё более потрёпанный чем после столкновения с чудовищем, и судорожно цеплялся за ворот своей надорванной и окровавленной накидки, а принц стоял рядом с ним на одном колене и пытался эту самую накидку стянуть.

— Хуже не будет, честно! Вот увидишь, раз-два, и всё будет лучше некуда!

— В твоём то исполнении?! — тихо шипел Шоуки, заметно оживившийся после промывания ран и перевязки. Оба даже внимания не обратили на подошедших северян.

— Чего это они? — тихо спросил Алан у вежливо кивнувшего ему Таики.

— Принц вызвался использовать на моём дорогом брате целебные техники, которые “тщательно и прилежно” изучал последние месяцы, — так жетихо пояснил тот.

Алан сперва удивлённо сморгнул, потом медленно и устало выдохнул, потирая пальцами задёргавшуюся бровь.

Наместник вышел из своего кабинета, комкая в кулаке донесение, и хмуро огляделся — в проходе было довольно пусто для этого часа, лишь у входа на узорчатые окна из мутного стекла падали тени караульных. Привычным движением запечатав двери за своей спиной, он направился в противоположную сторону, ко входу в галерею, соединяющую эту часть дворцового комплекса с жилым. Вот там уже мелькали слуги и приближённые, так что мужчина привычно спрятал тревогу и напряжение за величественной и спокойной маской, с которой принимал посетителей или прохаживался по дворцу в вечерние часы.

Хорошо, когда маска примелькалась окружающим, и не вызывает вопросов и подозрений — удобно спрятать под ней бушующие чувства и необдуманные порывы.

Пройдясь по паре дворов и спросив слуг, он направился вскоре к комнатам старшего сына. Сидящие на ступенях дома служанки поднялись на ноги и поклонились главе клана. Тот кивнул, и, поднявшись, приоткрыл двери, скользнув внутрь. Прошёл за ширму, разделяющую помещение, и несколько мгновений просто смотрел на почти задремавшего у колыбели Аминари.

Тот сидел, сильно наклонившись вперёд, чтобы уронить голову на устроенный на бортике локоть. Другая рука свисала внутрь, теряясь в вышитой пожеланиями благополучия и здоровья ткани.

— И всё-таки... — произнёс Наместник со вздохом, когда наследник вынырнул из дрёмы и зашевелился.

— Знаю, — перебил отца он ворчливо. — Дворец — не место для маленького ребёнка. С чем вы пришли?

Наместник промолчал, просто подошёл да сел по другую сторону колыбели, бросив тревожный взгляд на, с большой вероятностью, внука. Малыш тихо спал, уцепившись крохотными пальчиками за указательный палец отца.

С большой вероятностью.

— Прочитай это.

Наместник протянул сыну крепко помятый доклад, а сам вынул из-за пазухи и активировал печать тишины. Вовремя. Быстро пробежав текст глазами Аминари не удержался от сдавленного возгласа.

— Как это понимать?!

В люльке гукнуло, и ребёнок тихонько захныкал. Аминари немного взял себя в руки, и вздохнув, поднял взгляд на отца.

— Как такое может быть?

— Либо Боги благословили наши земли дважды, либо они просто нашли столь экстравагантный способ вытеснить нас с доски.

— Наглый, чересчур наглый! — качнул головой наследник, тихонько поглаживая ручонку малыша. К счастью, хныканье быстро стихло. — Они отрезают себе пути к отступлению подобными заявлениями!

— Если это не так.

— А вы сомневаетесь? — Аминари недоверчиво нахмурился.

— Нет, но наш род не может реагировать иначе сейчас. Что знают простые люди?

— И верно. Простите, отец, я погорячился. Эта новость вышибла из меня дух.

Аминари помедлил, ещё раз перечитал шифровку под внимательным взглядом Наместника.

— Следующим их логичным шагом должна стать попытка уничтожения экспедиции, — произнёс он наконец. — И расшатать простой народ, чтобы задавить нас не составило труда.

— Я отправлю вестников. Несколько дюжин, помедленнее, побыстрее. Может, какой-то из них сумеет пробиться к ним через проклятие. Позже сложу ещё пяток. А что касается второго... У меня есть для тебя задание.

— Какое? — Аминари осторожно убрал руку от притихшего малыша и поправил одеяло, после чего уже поднял на отца решительный взгляд.

— Сложное, — честно предупредил Наместник. — Постарайся представить, что ты —

твой дорогой брат. Отправляйся на побережье, навстречу процессии, и радостно приветствуй их. Пусть путь будет полон цветов, возлияний и торжественных служб в храмах. Пусть процессия прирастёт свитой из танцоров и музыкантов, пусть ради даров от горожан и аристократии придётся собирать обоз, пусть возлияния затягиваются на дни, пусть дорога петляет от храма к храму, от города к городу, от поместья к поместью, не пропуска ни одного на своём пути.

По мере того как Наместник говорил, Аминари светлел лицом. В его глазах появилось что-то хищное, и он кивнул.

— Их путь займёт столько времени, сколько будет возможно. В организации такого нет особой сложности. Однако же, сделать всё достоверно и столь же искренне, как удаётся брату...

— Мой тебе совет, — Наместник лукаво усмехнулся, — Забудь о существовании совести. Не поминай её ни в мыслях, ни вслух. И наслаждайся, наслаждайся собственной наглостью и каждым мгновением, что дарит она тебе, пока вокруг происходит сумятица и суета сует.

Аминари решительно кивнул и поднялся на ноги. Потом бросил взгляд на люльку.

— Я присмотрю, — пообещал глава рода.

— В таком случае, я отправляюсь немедленно.

— Заскочи к казначею, и стряси с него столько, сколько ты со своими людьми способны увезти, — посоветовал Наместник.

— И даже больше, — Аминари задумчиво хмыкнул. — Умастив звонкими монетами мой путь туда, удастся сделать празднества на пути обратно куда пышнее и богаче на возлияния.

— Хорошая мысль, — даже с некоторой гордостью кивнул Наместник. — Ступай. И да помогут тебе Предки.

Честно сказать, Шоуки становилось немного не по себе, когда он поднимал взгляд вверх, на священную гору Аят. Она нависала над ними, довлела, закрывала горизонт, и делала мир вокруг таким маленьким-маленьким...

Подножие укутывала зелень лесов, выше она сменялась лугами и скальными осыпями, пока полностью не переходила в голый камень. И уж его покрывал искрящийся снег, подобно мраморному пьедесталу удерживающий на себе утопающие в облаках Нефритовые Чертоги. Легенды гласили, что в некоторые дни облака на вершине горы ненадолго расходились, открывая великолепные стены и крыши обители богов и Предков, и счастливчики, что смогли разглядеть их в этот час, получали благословение.

Настоятель храма в Тростниковой долине рассказывал, что во времена до гибели Последнего Императора на площади перед храмом горы Аят собирались сотни паломников, что сидели здесь и неотрывно смотрели на вершину горы в надежде увидеть Чертоги.

И Шоуки готов был поверить, что старик лично застал те времена, а то и просиживал тут днями, чтобы увидеть вожделенные стены. А потом император умер, сюда пришло проклятие... Вернее, не сюда, земля у подножия горы была чиста, что страшно расстроило Демьена, но все остальные наконец вздохнули с облегчением. Ну и настырное раненое чудовище наконец отстало, а то ходило за отрядом как привязанное, раздражая голосами, пугая фантомами, выглядящими очень натурально, но разрушающимися от малейшего физического контакта, но попыток напасть тварь больше не делала, обжёгшись дважды на бдевших с амулетом караульных и своевременных предупреждениях. Увы, добить чудовище не удалось, не смотря даже на то, что Шоуки во второй раз малодушно спустил на тощую гадость своё копытное чудовище. Пятнышко вошёл в раж, перемял все кусты, но гадость не догнал, ибо та ушла глубже в лес, прячась за деревьями.

Но Шоуки всё равно прикормил его кусочками тростникового сахара за старание. Средство оказалось очень действенным — конь быстро сообразил, что нападать на чужаков выгоднее, чем пытаться прибить своего хозяина.

По крайней мере, молодой карит хотел в это верить. Мало ли, вдруг хитрая тварь усыпляет его бдительность своим покладистым поведением? Одно радовало — несмотря на риск, Маленькое Пятнышко оставался весьма эффективным напарником. Может, и личные счёты к этим тварям имел — растоптанное им чудовище поцарапало ему ноги и живот. Как и у всех, царапины были неглубокие, но заживали плохо, и под седло его было лучше не ставить. Так что Шоуки ехал в большой повозке к вящему своему удовлетворению.

И перед чужими глазами так особо не маячил, и с ранеными каритами познакомился поближе, узнав много интересного. Они тоже ехали в повозке — один с сильным сотрясением, другой с неприятным вывихом ноги. Не считая раздражающих ран от когтей, которые не желали заживать спокойно. Может, дело было и в проклятой земле вокруг? Шоуки подозревал, что так и есть, и потому тоже обрадовался, когда они вышли к подножию горы, на благословенную богами землю.

Что удивительно, поселений здесь не было. Ну, или они были настолько незначительными, что лес поглотил все признаки их существования. Зато по краям дороги начали появляться высокие, в четыре человеческих роста, каменные столбы, расписанные мистическими знаками и сценками из жизни богов и героев. Сперва они призраками

выступали из растительности по краям дороги, но сейчас было видно, как они взбираются вверх по склону, ведя прямиком к постепенно выступающему из-за скал и деревьев храму.

Тут продвижение вперёд несколько... застопорилось. Жрецы выехали вперёд и молились едва ли не у каждого столба, вызывая молчаливое раздражение у каритов. Их действия были не вполне понятны, пока больше чем через полдня их путь не преградили тени. Едва различимые в солнечном свете, состоящие будто бы из взвеси серого пепла, с почти неразличимыми деталями внешности. Люди, мужчины и женщины, в одеяниях каритов, с клинками на поясах. Сказать что-то большее о них не представлялось возможным — всё было слишком смазано, слишком прозрачно, тени Предков были безлики и, казалось бы, безучастны.

Они наблюдали за отрядом из зарослей по краям дороги, расступались с пути, неторопливо сдвигаясь в стороны, вняв молитвам и просьбам жрецов. Они вызывали благоговейный трепет у окружающих, и Шоуки и сам тихо шептал молитвы, во все глаза разглядывая легендарных стражей священной горы.

Не удивительно, что та тварь отстала, не посмея ступить на охраняемую Предками землю.

В тишине и молитвах они продвигались вперёд, пока не остановились на ночь на площадке где-то на середине подъёма к храму. И несмотря на присутствие теней, оцепивших стоянку по кругу, Шоуки спал как убитый, в тишине и спокойствии. Не он один, как оказалось с утра. Без беспокоящей своими воплями твари и других угроз, избавленные от душной хватки проклятия — все чувствовали себя посвежевшими и бодрыми с утра.

Ну, может, кроме Демьена.

После завтрака, перевязавшись у лекаря, с удовольствием отметившего, что и раны от когтей начали заживать лучше, Шоуки заметил, что Алан, похоже, опять сцепился со Жрецами. Разговор их, по крайней мере, готов был выйти на повышенные тона, а позади будущего Императора недобро сложив руки на груди, замер Тамай.

— Что опять? — Шоуки коснулся плеча вздрогнувшего Амарими, с остальной компанией державшегося на почтительном расстоянии от места разгорающейся ссоры.

— Они заладили о какой-то церемонии, одна подготовка к которой займёт несколько дней в молитвах и медитациях, — поморщившись, пояснил принц тихо.

— То, что они собрались тянуть время, становится настолько очевидно, что наводит на мысли о заговоре, — согласно пробормотал Таики, тревожно оглядев “брата”, но придраться было не к чему. Шоуки не только чувствовал себя бодрым и полным сил, но, похоже, и выглядел таковым.

— Но — с чего бы? Какой смысл — жрецам замышлять против самого Императора? — Совсем свистящим шёпотом спросил Шимай.

— Вот это и тревожит более всего, что незачем, — заметил Амарими. — Еслибы так они вставляли палки в колёса моему отцу, было бы ещё понятно...

Озадаченно притихнув, они так и продолжали наблюдать за безобразной сценой. До криков, конечно не дошло, но тихие угрозы, судя по всему, озвучены были, хотя толку не возымели. Отряд собрался было в дорогу, а жрецы уселись кружком, и не собирались двигаться с места.

Солнце поднималось всё выше, Алан тихо бесился, Тамай и другие старшие кариты метались, даже пробовали подступаться к теням, но без толку. Даже Амарими успел ускользнуть от внимания спутников и попытаться приблизиться к теням. Вернулся бледный,

да покачал головой.

— Хуже всего, мы и назад вернуться не можем, пока эти... не изволят почесаться, — мрачно отметил Алан после очередной неудачной попытки договориться. Сперва со жрецами, потом — с духами. — Решили показать себя и свою власть над самим Императором?

— Как-то слишком мелко, — качнул головой Амарими. — Хотя, насколько я понял, тайна того, как договариваться с духами, известна только жрецам Арата-ма. Они всегда выставляли себя выше жрецов прочих храмов...

— Да, настоятель нашего храма делал пару раз замечания по этому поводу, — согласился Шоуки. — Однако же, с его слов...

Он не договорил задумавшись. Со слов господина Ооши выходило, что жрецы Арата-ма ставят себя выше жрецов других храмов Предков, но не так, чтобы пытаться размахивать своим превосходством направо и налево. Да и в чём разница между жрецами одного храма да другого? В отделке храма да богатстве убранства? Это всё мирское, суть-то одна и та же. В том, чей прах покоится под алтарями? Это часть служения и не повод для гордости. По крайней мере, так учил господин Ооши.

Все обряды и молитвы совершаются одинаково, по пути сюда он не слышал, чтобы жрецы совершали какие-то иные, отличные от привычных молитвы. Да и молитва-то в целом лишь способ сосредоточения — умелому жрецу достаточно сказать слово, чтобы оно прорвало невидимую границу между жизнью и посмертием и достигло богов и Предков. Это простым людям нужно придерживаться слов и ритма молитвы, чтобы та смогла возвыситься...

— Что? — тронул его за плечо Амарими, сбивая с мысли. — Что с его слов?

— С его слов, не похоже было, будто его коллеги из Арата-ма погрязли в гордыне.

— Они знают что делают. И зачем, — мрачно кивнул Алан. — И это весьма паршиво.

Шоуки задумчиво кивнул, потом посмотрел на цепочку едва различимых теней. Понял, что в задумчивости совсем потерял нить разговора, перерастающего в спор — Демьен пытался что-то предлагать да доказывал, а его дружно отговаривали кариты.

Поднялся, боясь, что вспугнёт никак не дающуюся в руки мысль, да направился к цепочке теней. И быстро почувствовал это — не потусторонний холод смерти, а могущество и силу Предков, что давила на плечи и пригибала к земле. Шаг, ещё шаг, ближе к стражам священной горы.

Если бы жрецы хотели договориться с предками, они бы давно это сделали.

Поклонился в глубоком почтении, сложив руки перед собой, и тихо, размеренно произнёс короткую, предваряющую молитву, настраиваясь на необходимый ритм слов и движение духовной энергии. И почувствовал, что ближайšie тени обратили на него внимание, будто только-только заметили. Гнёт их величия стал сильнее в разы, но он всё ещё не был чуждым или враждебным, как гнёт проклятия. Шоуки постарался отрешиться от него, сосредоточиваясь на молитве. Только слова изменил, подстраивая их к выдержанному ритму.

— Великие Предки, стоящие передо мной, да услышите вы слова потомка вашего, да снизойдите милостью своей к потомку вашему, ибо о помощи молю я не за себя, а за всех живущих ныне и пошедших от корня вашего...

Толика духовной энергии, заставить сосуд пульсировать в такт словам — всё как учил старик-настоятель. И поклониться ещё раз, выражая почтение. На удивление, после третьего повторения этой молитвы давление заметно ослабло, и Шоуки воспринял это как хороший

знак.

— Пропустите и проведите отряд наш к священному храму, ибо наследник Богов и наш господин пришёл забрать то, что принадлежит ему, пришёл восстановить то, что передано ему по праву наследования и по установленному Богами закону.

Шоуки склонился просительно, и почувствовал вдруг... Вопрос? Требование? Гнёт чужого могущества, кажется, ушёл вовсе, и распрямившись, он увидел, как тени перед ним сгустились, что, впрочем, всё ещё не позволяло разглядеть их черт. За спиной слышались возгласы удивления, возмущения, какая-то возня.

Тени явно чего-то хотели от него, только вот он не мог разобрать — чего именно, ибо не был обучен разговаривать с Предками как полноценный жрец. Оставалось только гадать, чего ждут от него стражи.

Хотя, как будто бы тут было о чём гадать.

— Господин Ишимари? — Шоуки повернулся, и нашёл взглядом Алана. Тот вместе со всей компанией стоял на почтительном расстоянии, а позади них Тамай и другие кариты заступили дорогу возмущающимся жрецам.

Алан озадаченно кивнул, увидев приглашающий жест, и решительно шагнул вперёд. Амарими с горящими глазами собрался было пойти следом, но парни его благополучно удержали.

Вот северянин подошёл, встав рядом. Резко побледнел и даже пошатнулся, когда внимание теней перескочило с Шоуки на него...

А потом тени Предков расступились, освобождая дорогу.

Алан перестал удивляться происходящему в какой-то момент. Он впервые в жизни видел призраков со способностью к столь мощной манифестации, способных оставаться вполне себе заметными даже под прямыми солнечными лучами неограниченное время.

И в таких количествах. И со столь мощными однотипными аурами, от чего они казались единым потусторонним существом, а не отдельными духами.

Потом эта тревожная выходка жрецов и их упрямство, явное желание затянуть путешествие из не пойми каких интересов. Жречество исторически было тесно связано с Императорским родом, да хотя бы потому, что первый император был прямым потомком богов!

Как и, собственно, он, Алан. С этой точки зрения взбрыкивание жрецов совсем уже выходило за рамки разумного.

А потом Шоуки пошёл и договорился с духами за пару минут, сняв не только окружавшее лагерь “оцепление”, но и вовсе расчистив дорогу — “тени предков” теперь выстроились по её краям, подобно почётному караулу, с равными промежутками между друг другом.

И стали ещё заметнее, нарастив плотность.

Мог ли обычный карит сделать больше чем целая когорта жрецов? Сомнительно. Могли ли жрецы делать вид, что что-то делают всё это время, на самом деле не делая почти ничего? Да легко!

— Как? КАК?! — Амарими всё не отпускало. Он цеплялся к Шоуки с тех пор, как тот сбежал от раненых, взобравшись на спину своего коня прямо так, без седла — лишь бы оказаться подальше от жрецов, что бросали на него весьма недобрые взгляды.

— Просто попросил дать пройти! — герой дня уже начал потихоньку огрызаться на это

избыточное внимание.

— А они тогда что?!

— Видимо, плохо просили, — хмыкнул Кено, чьи выводы явно перекликались с мыслями Алана.

Одно хорошо — лица жрецов, когда “тени” предков расступились... Это было просто бесценно! Увы, остаться и проводить свои “ритуалы” и дальше жрецы не согласились, и теперь ехали, свившись в злобную молчаливую кучку впереди возов, но позади основной группы каритов. Их же выпустили вперёд, чему не возражал даже Тамай, обычно пёкшийся о безопасности больше всех.

Впрочем, его логика была понятна — что может угрожать отряду на склонах священной горы Аят, когда её стражи приняли их и торжественно сопровождают к храму? Даже удивительно было видеть как южане спокойно приняли происходящее. Да и призраков они воспринимали с глубоким почтением и совсем без суеверного страха. Скорее с уважительной опаской, с какой относятся к более опытному и сильному воину.

Хотелось бы знать кто и как привязал к этому месту и поставил в охрану столько серьёзных духов. Алан бы в такое никогда не поверил, если бы не увидел собственными глазами...

Ехали не останавливаясь и где-то за полдень достигли внешних стен храмового комплекса. Выстроен он был в основном из камня, а потому пострадал от времени несильно — местами только видно было провалившиеся крыши вспомогательных построек, выглядывающие из-за стен многочисленных дворов, более крупные здания оказались крепче. Когда-то аккуратные садики превратились в заросли, наваливающиеся на окружающие их стены, тут и там вьюны многолетним слоем покрывали вертикальные и горизонтальные поверхности, из щелей между плитами пробивались травы, а по углам, куда ветер нанёс сухой листвы, образовались клумбы с диким горным разнотравьем. Дорогу выбирать было несложно — и караул духов намекал, куда нужно идти, и сама южная архитектура была такой же, как и во дворце, и в поместьях аристократии. Малый входной двор, поворот, большой двор с экраном и выходом в другие дворы, и уже за ним — главный парадный двор комплекса. Здесь он был длинным, ведущим к главному зданию храма, которое было врезано в отвесную скалу. По бокам просторного двора крыльями простёрлись храмы малого пантеона, связанные между собой единой крышей. Их входы охраняли вырезанные из камня волшебные звери, колонны были покрыты искусной резьбой, крыши украшены декоративными элементами... Несмотря на запустение, облупившуюся краску и приютившиеся между корнями сорняки, храм впечатлял.

Особенно — его главное здание, к которому вела широкая лестница. Оно располагалось повыше других, и вход его охраняли десятки теней, в несколько рядов выстроившиеся по краям от дверей.

Когда отряд замедлился и остановился у ступеней, Алан в благоговейной тишине спрыгнул на землю, и передал поводья кому-то из парней. Поднялся на три ступени, и только тогда обернулся, окидывая отряд взглядом. Прищурился — жрецы и вовсе отстали, оказавшись аж за возами, в хвосте колонны. А ведь в их задачу входило, в том числе, открыть двери самого храма...

Но — и с тенями договорились, и с дверьми, значит, возможно справиться и без их участия.

— Шоуки, Амарими, — позвал он. — Идёмте.

Парни немного удивились, но последовали за ним, почтительно приотстав на ступень.

А вот и двери. Двустворчатые, но с идущими внахлест элементами отделки, что были продолжением нетипичных для южных краёв геометрических узоров, так напоминающих что-то среднее между печатями и рунами. И ровно посередине, на уровне груди — крупная замочная скважина, к которой сходились ключевые нити узоров.

Алан придирчиво осмотрел створки, угадывая знакомые элементы узора и всё больше приходя к мысли, что без ключа эти двери не вскрыть. Вполоборота бросил взгляд на оставшийся внизу отряд. Что ж теперь, силком выбивать ключ у жрецов?

Ключ всегда при тебе, юный наследник. Его нельзя отнять и нельзя потерять.

Алан вздрогнул, и, оглядевшись, увидел, что одна из теней немного выступила вперёд. Такая же, как и все, тень высокого мужчины, воина. Однако от чего-то казалось, она смотрит прямо на него с лукавой усмешкой.

Алан сложил руки и медленно, с почтением поклонился тени, благодаря за подсказку, и та удовлетворённо отступила, вернувшись на своё место.

Однако.

Даже не по себе немного. “Голос” тени, тихий и шелестящий, сам возникал где-то в затылке, и ощущение было... своеобразным.

Нельзя отнять и нельзя потерять, значит? Что-то связанное с особым даром Императорского рода?

Алан ещё раз окинул дверь взглядом. В ней не было ни капли магии, но она явно была необходима для того, чтобы запитать все эти своеобразные печати. Несколько минут Алан потратил на аккуратные воздействия, в ходе которых установил, что двери хорошо экранированы и отталкивают постороннюю магию, даже замочная скважина была защищена наглухо!

А значит замок — чисто механический, и нуждается в первую очередь в физическом ключе. Пара заклинаний-отмычек, которыми он туда потыкал, намекали именно на это.

Но при чём тут тогда уникальная сила Императорского рода?

— Что-то не так? — тихо спросил из-за спины Амарими.

— Всё так, просто... Мне нужен ключ, который вроде как у меня есть, осталось только понять как его...

— Создать? — нетерпеливо продолжил молодой принц.

Алан едва удержался от того, чтобы хлопнуть себя по лбу ладонью. Ну конечно же! Физическое проявление смешанного дара!

Выдохнул. Собрался, сложил ладони лодочкой, нагнетая в них эфир и не до конца преобразованную в него “духовную энергию”, смешивая, их, переплетая. Фокус давался ему уже лучше, но прежде он создавал совсем мелкие белые камешки из смеси двух сил, а тут явно потребуется объём побольше. Вот между ладоней закружилось белёсое марево. Алан развёл их немного пошире, увеличивая количество энергии, и когда она уже готова была начать твердеть, вогнал рыхлое облако в замочную скважину. Пара мгновений, и в пальцах образовалась кривоватая рукоять от торчащего из замка ключа. Алан перебрал по ней пальцами, ухватываясь поудобнее, и с трудом провернул. Защёлкали и заскрежетали какие-то механические детали внутри замка, а потом тот с тонким звоном “откусил” ключ, оставив в руке только рукоять от него. Принц охнул, а Алан непонятливо сморгнул, а потом усмехнулся — узоры на двери оживали, впитав поглощённую замком часть ключа.

Он отступил на шаг назад, и спустя пару мгновений створки медленно и величественно

распахнулись.

В лицо пахло затхлым и сухим воздухом, разрушив всю торжественность момента. Шоуки кашлянул невольно — до того это было внезапно, ибо подсознательно он ожидал аромата благовоний.

Чем ещё может пахнуть в храме?

А ещё внутри было темно. Свет, проникающий сквозь распахнутые створки выхватывал из темноты лишь пару больших красивых светильников, стоящих по бокам от прохода. Ну и каменные плиты пола с мозаичными вставками — розетки под светильниками и проход, ведущий от ворот куда-то во тьму. Шоуки обшарил его своим “пронзающим взглядом”, и не сразу сообразил, что что-то было не так.

Сосредоточился, потянулся дальше, чувствуя ряды и ряды светильников, курильницы, подставки для благовоний, вероятно, в альковах по сторонам прохода, какую-то храмовую утварь и...

И что-то ещё. Вроде тела людей — оружие, амулеты, драгоценные нити в вышивке, а дальше “взор” начинал странно плыть, цепляя большую массу небесного металла. Сосредоточиться на форме было почти невозможно, и это было странно — Шоуки впервые сталкивался с таким эффектом.

Сморгнув, он обнаружил, что Алан уже шагнул вперёд, зажигая волшебный шарик-светляк, и Амарими потянулся следом. Пришлось догонять их, чуть прихрамывая.

— Я, кажется, вижу трон... — произнёс он шёпотом, боясь потревожить покой священного храма. — Он... странный...

— Ожидаемо, — так же тихо отозвался Алан. — Далеко?

— Порядком. Две дюжины пар этих светильников, и, похоже, лестничный пролёт.

— Получается, главный храм уходит глубоко в гору? — поёжился Амарими.

Мягкий свет шара выхватил ниши справа и слева, в которых замерли статуи божеств, и каменные тумбы перед ними для благовоний и подношений. Южане поклонились синхронно, прежде чем идти дальше. В одну сторону, в другую, а Алан — чуть замешкавшись.

Потом были ещё статуи. И ещё. Впереди показался большой экран со сценой сотворения мира, перед ним алтарный камень. Замешкались на мгновение, но мозаика на полу вела вокруг экрана — к широкой лестнице, что упиралась в приоткрытую дверь. Обычную, двустворчатую, из изысканного резного дерева. Охраняющие её каменные львы казались удивлёнными и слегка нетрезвыми в свете парящего магического шара.

Непонятное... трон был уже совсем близко, и Шоуки сглотнул невольно, чувствуя волнение и некоторую робость.

Не он один, впрочем. Глянул на напряжённо замершего Алана, и, поколебавшись мгновение, положил ладонь ему на плечо в знак поддержки. Будущий Император вздрогнул, выныривая из мыслей, и обернулся к спутникам.

— Мы рядом, — на удивление серьёзно заявил Амарими, склонив голову. — Не переживай.

Алан помолчал опустив взгляд, потом чуть качнул головой.

— Дело не в этом. Пути назад для меня давно нет. Меня тревожит, что мы увидим за этими дверьми. Сейчас перед нами откроется тайна падения Императорского рода.

— Ха-х... — Амарими то ли выдохнул так странно, то ли нервно хохотнул. — Учитывая, как часто обвинения в произошедшем звучали в адрес моего клана... Возможность узнать истину несказанно бодрит. Если, конечно, следы тогда не успели замести.

— Что-то должно остаться. Несмотря на прошедшие столетия... Когда прерывают ритуалы такого масштаба, что-то обязательно остаётся! — качнул головой Алан, и решительно направился к ступеням. Шоуки шагнул следом, чувствуя, что неясная тревога отпускает его.

На ступенях он немного отстал от парней, но нагнал их быстро, ибо оба принца так и замерли в дверях, разглядывая большое восьмиугольное помещение с теряющимся в темноте потолком. Вернее, то, что было в центре на полу. Для Шоуки это секретом не было, и он запоздало подумал, что стоило бы спутников предупредить.

Посередине зала мозаика была выложена сложной восьмиугольной фигурой, по углам которой лежали высохшие трупы — кто ничком, кто на боку, кто сбив и опрокинув на бок жаровню, и раскатившиеся угли теперь лежали тут и там. А у дальней стороны фигуры стоял трон. Совсем такой же, как и во дворце, но если стоящая там подделка благородно поблёскивала лаком, покрывающим дорогое красное дерево, то здесь трон отливал металлом и молочным янтарём. Мотивы и всё те же — гнутые львиные ноги, головы чудовищ на подлокотниках, широкая спинка украшена мотивом с горой Аят и восходящим солнцем.

И привалившись к трону спиной покоилось тело последнего Императора. Руки бессильно уронены, голова склонилась на грудь и уцелевшие чёрные волосы закрывают высохшее лицо. Узнать его было легко — по одеждам, по поясу, по выпавшему из ладони клинку с удивительно белым лезвием.

— Господин Такамори, — Алан сложил ладони в молитвенном жесте и поклонился. Южане последовали его примеру, склонившись куда ниже. — Я, потомок госпожи Миноко, прешёл забрать то, что принадлежит мне по праву. И прошу простить меня за спешку и отсутствие надлежащих почестей — в Империи... беспокойно.

Помолчали. Потом разогнулись, и тихо прошли вперёд, осматривая тела. Амарими неудержимо тянуло в сторону тела в цветах его клана, а Шоуки остановился у одного со знакомым узором на поясе.

Ло. Выходит, его далёкий родственник?

Алан обошёл всю фигуру по кругу, сторонясь, впрочем, трона, склонился над одним телом, над другим.

— Их убил срыв ритуала, — произнёс он вдруг. — Масса накопленной энергии была дестабилизирована и ударила по ним страшным откатом. Вероятно. Это произошло на пике ритуала — судя по записям, в трон можно скинуть порядочное количество энергии, но под конец её необходимо куда больше хранимого в нём объёма. Поэтому кроме Императора на ритуале должны присутствовать семеро каритов как минимум опаловой, а лучше — нефритовой ступени. Или жрецы с объёмными духовными сосудами.

— Но здесь только семь тел! — встрепенулся Амарими. — Включая господина Такамори.

— Верно, — согласился Алан. — И как раз таки жреца и не хватает. Судя по записям, Кроме Сиасая, Ло, Манаки, Тайко, Ишинако и Анори с императором отправился один из жрецов Арата-ма.

Шоуки вздрогнул. Бросил быстрый взгляд на Алана.

— Все погибли, если верить хроникам. Никто не вышел из храма, а эхо нарушенного ритуала оглушило многих, кто находился у подножия горы. Около десятка человек скончались от этого... — пробормотал Амарими. Потом нахмурился, а затем и оскалился зло, ударив кулаком по ладони. — Так вот от чего артачились жрецы! Они не хотели, чтобы вот об этом узнали!

— Они настаивали на том, что отправится за тронном должен их отряд. Только жречество, только храмовые стражи Арата-ма, — кивнул Алан, подойдя к трону и телу императора, и, опустившись на корточки, коснулся кончиками пальцев белого клинка. — Случайность ли, предательство, но жрец вышел из храма живым, и заперев двери, унёс с собой ключ.

— Ублюдки! — не на шутку разозлился Амарими, чего за ним почти не водилось. — Эти предатели заслуживают смерти!

— Погоди, у нас не хватает информации, — качнул головой Алан. — Как я уже сказал, случайность, предательство, либо личина, позволившая кому-то прикинуться жрецом. Впрочем, наличие у них ключа сводит последнюю версию на нет. Хотя, опять же, мы не знаем природу их “ключа” — артефакт ли это, или какая-то духовная практика, либо нечто подобное тому, что использовал я.

— Либо двери просто захлопываются и их нет необходимости запирать, — задумчиво кивнул Шоуки, подойдя к помрачневшему Амарими.

— Никаких обвинений, пока нам не хватает фактов. Но от жрецов ждём самого худшего до поры до времени, — кивнул Алан. — А пока идёмте, надо распорядиться насчёт... транспортировки и поэкспериментировать с дверьми.

Амарими пожевал губу, но потом кивнул. Шоуки бросил взгляд на тела, на пустой восьмой угол фигуры и тоже кивнул. Со жрецами нужно быть настороже.

От чего-то душу Алана грело осознание того, что верные последнему Императору рода нашли своё продолжение в современности. И то, что они по-прежнему были рядом. С потомками Сиасая и Тайко он был, естественно, знаком, среди глав кланов, которым доверили его тайну были и Манаки, и Анори, а распоряжающийся сейчас возами Сайнс Шиото был потомком расколовшегося клана Ишинако.

Ну и, конечно, последние из Ло, как забудешь об этой парочке? Вон, несут тихонько останки своего родственника.

К счастью, в припасах нашлось достаточно отрезков грубого полотна — их готовили для того, чтобы укрыть трон от нескромных взглядов. Крупные полотна разрезали на куски поменьше — чтобы хватило завернуть хрупкие высохшие тела. Решение Алана забрать их было поддержано всеми — слишком долго последний Император и его ближайшие соратники оставались непогребёнными. Из вездесущего бамбука быстро соорудили носилки, и вот теперь выносили тела. В большом возу, предназначенном для трона, места для них оставалось в достатке.

А вот жрецов в храм Алан распорядился не пускать, пускай молятся на ступенях, и приберегут свои злобные взгляды до подробного разбора этого дела, что Алан намеревался устроить по возвращению в столицу. Следовало поднять хроники и старые записи, попытаться восстановить события трёхсотлетней давности с учётом новых вскрывшихся

фактов. И внимательнее осмотреть тела, хотя на первый взгляд никаких ран и повреждений одежды видно не было. Определённые детали чётко указывали на то, что как минимум два карита погибли от отката — растрескавшиеся продольно посеревшие ногти и опалины на рукавах. И если причиной трагедии и правда стал злой умысел, то как минимум у одного из тел должна обнаружиться смертельная рана — пробитое сердце, печень, либо перерезанное горло. Последнее — вряд ли, кровотечение было бы слишком сильным, и волна жара от разрушенных чар не успела бы запечь рану. А следов засохшей крови на полу и одеждах видно не было.

Алану доводилось видеть тела убитых откатом — от слегка обожжённых и до полностью обугленных, спасибо дядюшке за экскурсии в морг Перекрёстка.

В конце концов, дома на севере убить врага или богатенького родственника ради наследства и обставить всё так, будто маг скончался от сложного сорвавшегося ритуала, было любимейшим развлечением аристократии.

Здесь откат скорее всего был инструментом достижения цели — а как ещё быстро и надёжно разобраться с таким монстром, как Император и его сильнейшими приспешниками разом?

Особенно если рядом нет сложнейшего мощного артефакта, дестабилизация которого приведёт к чудовищному взрыву...

При воспоминании о том, как погиб отец, принцу стало не по себе — заскребла душу дурная тоска, навалилось чувство вины.

Их последний разговор сложился не самым лучшим образом. И прощание... Но кто ж знал?

Слабое утешение.

Решительно отстранившись от тёмных мыслей и подняв взгляд, будущий Император невольно вздрогнул — одна из теней, он не сомневался, что та самая, что дала ему подсказку, оказалась рядом и застыла в ожидании.

Пора.

Тень обернулась к дверям храма, и Алан перевёл взгляд туда же. Из дверей как раз выносили последнее тело.

Оставалось только...

— Я должен сделать это сам? — спросил Алан тихо.

Из этих стен — да. Дальше смогут и другие.

— Использовать дар, или...

Всё, что доступно тебе.

Исчерпывающий ответ. Алан кивнул и направился к ступеням. Подал знак каритам остаться, и, миновав двери, направился вглубь горы. Развешенные им светляки немного разрушали мрачную атмосферу, выхватывая из темноты чудесную резьбу и яркие цвета украшающего пол и стены орнамента. Да и воздух за это время успел немного посвежесть, так что старинный храм не казался больше запущенным склепом.

Но всё равно Алану стало не по себе, когда он поднялся по ступеням в сам ритуальный зал.

Исчезнувшая куда-то тень уже ждала его подле массивного трона.

Вздыхнув, будущий Император подошёл к этому железному чудовищу. Осмотрел ещё раз. Низкий и ужасающе широкий, с совершенно плоским сидением, жёстким даже на вид, с резной спинкой, являющейся скорее украшением, чем поддержкой для спины.

Но хуже того, это типичный южный трон — не кресло для сидения, а платформа-возвышение, для того чтобы сидеть на нём, скрестив ноги.

И материал! Алан не сомневался, что трон был выточен из цельного железного метеорита — вот характерный узор из пересекающихся и накладывающихся друг на друга полос отлично просматривается на сидении, вот чёткие структуры ломаются вкраплениями оливина, желтовато-мутного, местами даже почти белого, сильно напоминающего “Императорский камень”. Лишь в подлокотниках они явно отливают зеленью, заменяя глаза и клыки мифическим зверям.

Прикоснувшись аккуратно к “голове” неведомого зверя, Алан невольно кивнул своим мыслям. Да, артефакт. Накопитель, наверное, в первую очередь, и объём его казался просто невероятным. А ещё он был полон до отказа. Ещё один признак сорвавшегося ритуала — в него пытались скинуть излишки.

И при этом никаких потерь энергии за три сотни лет. Великолепная работа!

И сложные чары, удивительная смесь характерных для заклинаний структур и печатей южан. Разобраться в их предназначении ещё предстоит, а пока... Алан бросил взгляд на тень, и когда та кивнула, прикрыл глаза, сосредоточившись.

Честно сказать, некоторые аспекты дара всё ещё давались ему так себе. Но стоило сосредоточиться, и чудовищная тяжесть трона приподнялась над землёй на локоть. Выдохнув с облегчением, Алан шагнул вперёд, но тень остановила его, и жестом указала на восьмиугольную фигуру на полу.

Обойди.

И правда — не стоит шутить с разметками для незнакомых сложных ритуалов.

Попятился, обошёл, ведя массивный трон подле себя аки пузырь из мыльной пены. Вот смеху бы было, если бы ему пришлось пыхтя толкать этот кусок железа весь путь наружу.

Впрочем, в груди скоро поселилось нытьё — хоть вес он и не чувствовал, держать нужное состояние “внутреннего очага” всё равно было утомительно. А играть с левитацией он опасался — как бы не улетел трон от этого под самый потолок...

По пути назад он заодно гасил светляки. В целом, они бы и так растаяли, израсходовав вложенный в них эфир, но Алану не хотелось нарушать покой этого места больше необходимого.

— Когда-нибудь я вернусь сюда. Изучу всё, что записано в шешоу по этому ритуалу, и повторю его. Вы можете мне?

Да.

На душе полегчало. Благодарно кивнув темноте, Алан прошёл последние шаги до очерченного светом входа и, выйдя наружу, аккуратно опустил трон на узкую площадку перед дверьми. Выдохнул, невольно потеряв солнечное сплетение — всё же это было изматывающе, хотя и не так сложно и тяжело, как виделось ему вначале.

Подождал, пока впечатлённые кариты разогнутся наконец и вдосталь налюбуются на творение древних мастеров — при свете солнца трон и правда смотрелся куда лучше. Все оттенки серого и серебристого в полированном металле, явная зелень и янтарь камней — он смотрелся весьма эффектно. А там можно было распорядиться, чтобы его укутали оставшейся тканью и загрузили в воз.

И, смерив взглядом какого-то пришибленного господина Томори, поманить к себе Амарими.

Последний, высокомерно пройдя мимо притихших жрецов, поднялся к нему на

площадку перед дверью и взглянул вопросительно.

— Двери?

— Двери, — кивнул Алан. — Давай так, заходи внутрь, и попробуешь открыть, если, конечно, они захлопнутся.

Младший принц бодро кивнул, и ни на миг не усомнившись в доверенной ему роли, переступил порог храма. Будущий Император на его месте бы поколебался, но южанин, похоже, был уверен в его способностях больше, чем сам Алан.

А двери и правда захлопнулись намертво, стоило толкнуть створки и свести их вместе. С тихим щелчком и на мгновение прокатившимся по узорам светом. Выждав минуту, Алан заволновался, обождал ещё немного и начал собирать в ладонях смешанную силу. Из-за двери не доносилось ни звука, но это ни о чём не говорило — тяжёлые створки вполне могли отсекалть все звуки изнутри и извне.

Ключ составить он не успел — по створкам снова пробежал всполох света, но, вместо того чтобы распахнуться, они лишь чуть приоткрылись, пропуская какого-то всклокоченного Амарими.

— Надо было просто духовной силой в нужной точке воспользоваться, — поделился он. — Но ты мне света не оставил, а на ощупь я не сразу сообразил.

— Не подумал, извини, — повинился Алан, и, повернувшись, чтобы обозреть процесс погрузки трона уже в сам воз, поймал взбудораженный недобрый взгляд жреца. — Кажется, кое-кто сообразил, чем это мы тут занимаемся.

Амарими хищно прищурился, и, надавив на едва приоткрытые створки ладонями, закрыл их с тихим щелчком и слабым всплеском света на узорах.

Амарими ловко увернулся от метнувшейся к нему заразы, свесившись в седле набок, подтянулся, выпрямляясь и оборачиваясь, чтобы поймать идущую на второй заход птичку, и получил в затылок второй. Выругался, заводя руку на зад и шаря по воротнику, пока вестник не скатился на землю, и прозевал первую бумажную птичку, что впечаталась ему ровно в нос.

— Да что такое?! — выдохнул он раздражённо, и, поймав-таки обе бумажки, принялся их аккуратно разворачивать.

— Ну что там? — тут же оживились парни, синхронно подав к нему коней.

— И почему они вдруг начали пытаться выклевать мне глаза?! — проворчал молодой принц, вчитываясь в размытые строки послания. К счастью, все четыре вестника несли один и тот же текст, и испорчен он был в разных местах в каждом послании, так что с прибавлением образцов разобрать зашифрованное послание становилось всё легче.

— Потому что эмоции создателя частенько накладываются на определённые типы печатей, — пояснит подъехавший ближе Жнец, протягивая руку. Амарими помедлил немного, перечитывая текст, и протянул ему будто молью изъеденные листки. — Ваш отец, должно быть, накладывал печати лично и очень сильно желал, чтобы вестники достигли получателя и привлекли его внимание.

— Они и привлекли... — Амарими потёр пустяковую ссадину под глазом, оставленную жёсткой бумажной складкой сегодня с утра. Сообщение на том вестнике было совсем нечитаемым, но, посоветовавшись со старшими каритами, Алан всё равно принял решение ускориться.

В конце концов, им бы не высылали вестников в сердце проклятой земли, если бы на то не было серьёзной причины! От этого было тревожно, но в целом, Амарими необходимость двигаться ещё быстрее с ещё меньшим количеством привалов только радовала — чем быстрее они выберутся за реку, на нормальную землю, тем лучше. Позади останется удушающая проклятая земля, настырные дикие твари, да и от сбившихся в кучу жрецов удастся, наконец, избавиться. Но главное — принести весть, пролить свет на события трёхсотлетней давности, счистить наконец с репутации клана последний налёт подозрений и пересуд.

Ну и официально вывести Алана в свет и посадить на трон. Может, тогда Алан сознается наконец, что такого случилось, что ему так срочно потребовалось раскрыться...

— Остерегайтесь засад... — тихо прочитал Тамай тем временем, заставив окруживших его парней встрепенуться. — Что-то серьёзное случилось, не иначе. Шоуки, дежури́м по очереди, шарим округу на металл.

Ученик жнеца кивнул, и Амарими отметил про себя, что насчёт возможной засады совсем не переживает — эти двое не дадут потенциальному врагу реализовать преимущество внезапной атаки.

А там... А там Амарими надеялся уж как-нибудь разобраться. Учитывая, что кроме самого Тамая Айри, с ними были весьма сильные старшие кариты, вероятному противнику нужно будет собрать небольшую армию, чтобы хоть на что-то рассчитывать.

Амарими бросил взгляд на нахмурившегося Алана, и усмехнулся про себя — да и северянин ещё не показал в полной мере, на что способен. И про Демьена забывать не стоит,

пока они на проклятой земле.

Если бы только эта тварь не орала по ночам снова... Они и так двигались быстро, останавливаясь только, чтобы дать отдых животным и переменить волов в повозках — в конце концов, трон был тяжелее, чем поскудневшие за дорогу припасы... И при такой скорости передвижения да по проклятой земле, усталость накапливалась темпами раздражающими. Тварь-пересмешник снова мешала выспаться, упрямо наворачивая круги вокруг лагеря по ночам. Тамай пару раз пытался её достать, но зверюга сделала правильные выводы и не подставлялась после гибели товарки.

— Кстати, про засады... — пробормотал Амарими задумчиво, — Может, попробуем заманить этого измигуна в ловушку? Шоуки, ты его щупал, что в нём самое опасное?

Карит поморщился, да ещё посмотрел так... пристально. И не он один при этом.

Но — ответил.

— Разум, в первую очередь. После него — наглость и невидимость.

— Допустим, с первыми двумя пунктами мы ничего сделать не можем, — задумчиво прикинул младший принц. Значит, нужно лишиться заразу невидимости в нужный момент! Или любым другим способом обозначить её точное местоположение! Демьен, в вашем арсенале найдутся какие-нибудь трюки на такой случай?

— Нет, это к нашему общему другу и господину, — качнул головой тот. — Да и то, кажется, мы выжали всё возможное в данных условиях из клыков той твари.

— Нет-нет, я не о том! — Амарими покачал головой, ловя на себе один за другим внимательные и подозрительные взгляды окружающих. — Когда вы ставите свой щит, земля под ним заметно покрывается инеем. Можно ли организовать иней без щита? Чтобы следы невидимки было видно. Или его самого осыпать?

— Хм... — северянин растерянно сморгнул, а потом кивнул: — В целом — легко.

Взгляды вокруг изменились, став задумчивыми и в какой-то мере озадаченными.

— Определённо это может сработать, — произнесёт Тамай медленно.

Амарими самодовольно усмехнулся. Вот что бы они без него делали, а?

Шоуки тихо выдохнул, пытаясь снять напряжение и успокоиться. Вдох-выдох, расслабиться, не подавать виду, вести себя, как обычно, ничем не выдавать засады. Ибо тварь умна и вполне может почуять неладное.

А на Шоуки сейчас была возложена очень ответственная и сложная задача — достоверно изобразить разгильдяйство.

Нет чтобы на младшего принца это взвалить, уж он-то с таким на раз, но Амарими в караулы не выставляли, и тварь точно заподозрит неладное, буде таковое случится.

Близилось время, когда вредная скотина начинала трепать нервы отряду. Алан утверждал, что существо, скорее всего, крутится вокруг лагеря с самого момента его установки, и намеренно дожидается, когда кариты начнут засыпать, чтобы устроить свой изнуряющий концерт с воплями.

Шоуки шевельнулся, устраиваясь поудобнее и давая послабление ноге со всё ещё ноющими ранами. Выдохнул. Так, подождать ещё немного, и можно прикрыть глаза и начать клевать носом. Лагерь притих, все потихоньку засыпают... или изображают, что засыпают, кроме караульных, конечно, но амулет сейчас у него, и зловерное существо об этом наверняка знает.

А спать-то и правда хочется, и медитации не особо помогают с этим делом —

проклятая земля подтачивает силы физические и душевные. Конечно, он уже по привычке к этой дряни, но не настолько, чтобы она на нём не сказывалась вовсе. Так что изображать сонливость особо и не пришлось, достаточно было просто перестать одёргивать себя и унять волнение. А там тело само расслабилось, и сознание начало соскальзывать в вожделенную муть...

Как бы и правда не задремать такими темпами.

Хотя, кажется, он задремал, ибо вздрогнул, почувствовав как рука соскользнула с колена. Обвязанный тонкой бечёвкой клык едва не выскользнул из пальцев — самодельный ремешок был намотан на запястье. Шоуки с трудом заставил себя снова расслабиться и дальше клевать носом, хотя внутренне запаниковал и испугался, что и правда проспит самое важное! Расслабился, называется...

К его удивлению, всего спустя несколько мгновений кончики пальцев, что касались клыка твари, начало греть чуть вздрогнувшим амулетом. Огромного труда стоило не дёрнуться, не задержать дыхание. Да и амулет практически сразу утих.

Странно.

Спустя минуту, впрочем, он снова начал сигнализировать о присутствии твари. Но опять недолго, всего пару ударов сердца.

“Да она проверяет, сплю ли я!” — удивлённо сообразил Шоуки. Чудовище отлично знало по предыдущему опыту, на каком расстоянии его засекают, и сейчас намеренно нарушало невидимую границу, проверяя, поднимут ли тревогу!

Снова ничего не происходило. Ожидание сейчас казалось просто невыносимым, и Шоуки едва не выдохнул с облегчением, когда амулет снова потеплел. В этот раз надолго. Шоуки выждал с минуту, убедился, что тварь не спешит удалиться, и, потянувшись мысленно к розданным каритам ножам, условно подёргал их, подавая сигнал.

Тварь была рядом, пора было подкидывать ей приманку. Но тут дело было уже за другими, ему надлежало “спать” и дальше.

Тянулись минуты ожидания, тварь всё ещё была рядом, а вызвавшийся на роль приманки Демьен пока не чесался предпринимать активные действия. Ворочался только, не поднимаясь с места.

В целом — его кандидатура была одобрена едва ли не единогласно — молодой маг имел возможность быстро закрыться щитами, если что, или вовсе обрасти коркой ледяной брони. Это во-первых. Во вторых, он не был каритом и отличался и внешне, и по одежде, так что некоторая безалаберность от него не показалась бы странной со стороны. Иначе было бы подозрительно, если бы сразу два карита начали проявлять головотяпство одновременно.

Вот наконец Демьен поднялся, должно быть, потянулся (Шоуки по-прежнему ”спал” не открывая глаз, и потому ориентировался на нож да пуговицы-пряжки северянина) и поковылял в сторону кустов. Уже на подходе “сообразил”, что спросонья направился не к тем, за которыми была вырыта яма для отходов жизнедеятельности, и потопал уже к нужным, держась вдоль барьера, потому что это был наиболее прямой путь. Вот он отклонился в сторону, пересекая невидимую линию, чтобы обойти какой-нибудь пенёк... И похоже, его игра была достаточно достоверной, ибо тварь клюнула и приблизилась к ушлему магу.

— Есть! Вперёд! — рывкнул северянин, отшатываясь под прикрытие барьера, и лагерь ожил, “просыпаясь” ото сна. Шоуки и сам подорвался, выдёргивая из земли ножи и метнувшись в сторону На Орса.

И едва не споткнулся, увидев расползающуюся по лесу зимнюю сказку. Трава, деревья, листья — всё покрылось светящимся синим инеем, мелким-мелким, будто белым бархатом затянуло всё за барьером. И посреди этого ошарашенно замер белый призрак, так же покрытый изморозью, высокий и горбатый, с длинными-длинными когтистыми руками. И на него уже налетала стая Хризантемовых лепестков, а следом неслись Тамай, Сайно Шиото, ещё несколько каритов... Вот тварь опомнилась, и, сорвавшись с места, побежала прочь, стряхивая часть белой изморози, но оставшееся на невидимке, да и следы, крошащие нежный бархат, выдавали её с головой. Помощь Шоуки там явно не требовалась, а вот сцапать ломящегося следом за старшими Амарими...

Но и тут он успел только вторым — первым младшего принца перехватил Алан.

— Не будем мешаться у них под ногами! — хищно усмехнулся он, наблюдая как кариты обрушиваются на мечущуюся тварь. — Демьен, красавчик! Какую площадь накрыл, вы только посмотрите!

И верно, светящийся белый бархат накрыл лес далеко вперёд и в стороны, из-за чего твари было совершенно некуда деться. Вот её болезненный рёв прозвучал над округой, и Шоуки почувствовал глубочайшее удовлетворение. Потом не удержался, присел, коснувшись пальцами этого белого чуда, так похожего на снежный покров. А нет, всё же холодное...

Под пальцами тонкие ледяные иглы начали осыпаться и таять, такие хрупкие, что, казалось, неаккуратно выдохнув, можно сломать их. Он поднял взгляд, оглядывая вытоптаные людьми и чудовищами следы, и... наткнулся вдруг на стремительно появляющиеся на белом покрове отпечатки. Цепочка росла на глазах, прибавляясь округлыми следами откуда-то слева и в сторону рубящих тварь каритов, заходя им в спины.

Шоуки среагировал мгновенно, бросившись вперёд и направляя в невидимку свои ножи. На ходу выхватывая клинок из ножен, он сообразил наконец направить ножи выше и разнести шире, чтобы хоть что-то да попало.

Ибо что ещё невидимое в этом проклятом лесу могло оставлять такие широкие следы?!

Но откуда здесь ещё одна тварь?!

Два ножа даже попали, заставив чудище удивлённо взвизгнуть и обернуться. С него клоками начала сползать невидимость, так что Шоуки успел поднырнуть под длинную лапу, подрубая резким движением худую ногу существа и перенаправляя ножи, из тех, что прошли мимо цели.

Взревев, тварь отмахнулась второй рукой, пустив её низко, и Шоуки пришлось кувырнуться через неё и, перекатившись в белом холодном крошечке... скривиться, пытаясь вскочить на ноги. Прострелившая плечо боль оказалась для него полной неожиданностью, да и опёршись на ногу, чтобы подняться, он наконец вспомнил, что она тоже ранена.

Из-за этой заминки он не успевал убраться с пути разъярённой раненой тварюги... Но это и не понадобилось — в морду ей ударил огненный шар, грудь с хрустом пробило ледяное копьё, а когда чудовище скорчилось с сиплым рёвом, голову ему снёс ловким ударом подскочивший с воплем Амарими.

Шоуки выдохнул и хлопнулся обратно на задницу, рассматривая наконец как следует то, что они завалили. Амарими замер, тоже уставившись на корчащееся тело. Позади похрустывали ледком, подбегая, старшие, которые, конечно же, уже расправились с той первой тварью. Эта же...

Эта была, в целом, такая же по телосложению, но кожа её не казалась такой уж высохшей и жёлтой, она ещё оставалась свежей, почти человеческой, и горбатая спина была

укрыта не грязной шкурой, а обрывками верхней жреческой накидки, да и сизуродованной головы сползли ещё не все волосы, и среди чёрных прядей проглядывало ещё совсем человеческое ухо.

Если бы не обожжённая кожа вытянутой морды, то, наверное, и поплывшие черты лица можно было бы узнать.

Шоуки подурнело, а оставленные когтями твари раны неприятно зазудели.

Раздавшиеся было вопросы стихали. Разительная разница в облике тварей была замечена всеми. Тамай склонился, переворачивая голову твари, чтобы лучше рассмотреть то, что осталось от её морды. Похрустывая исходящимся парком инеем, подошли северяне.

— Многие тёмные существа из этой категории нежити размножаются именно таким образом. Изменяют и коверкают тела несчастных, что попались им в руки живьём. Именно этим обусловлен высокий интеллект и хитрость тварей, — веско заметил Алан. — Повезло, что нам удалось избавиться от них сейчас. Приведи мы на своём хвосту это к цивилизации, последствия были бы... Печальными, — добавил тихо Демьен.

— Что ж, одной проблемой меньше, — вздохнул Тамай, возвращая клинок в ножны. — Никто не ранен? Отлично, тогда — за работу. Тела нужно сжечь. И пусть наши спутники из храма займутся делом и помолятся за посмертие своего товарища. И того, второго, кем бы он ни был прежде.

— Поддерживаю, — кивнул Алан, задумчиво глядя на замершего, бледного Амарими.

Ледяная сказка стаивала светящимся туманом. Демьен выглядел усталым, но удовлетворённым, и сидел теперь у костра, черпая кружкой из котелка заново заваренный травяной чай. Амарими бледной тенью сидел рядом с ним, понемногу приходя в чувства. Шоуки тоже остался у костра — берёт растревоженные раны, а вот Алан под присмотром Тамая приглядывал за работами. Его собственные телохранители недобро поглядывали на всё больше замыкающихся в собственном обществе жрецов. Будущий император так ни в чём и не обвинил их, не выводил на разговор, не спрашивал. Решил оставить все разбирательства до возвращения в столицу. На взгляд Шоуки — зря. С ними явно было что-то нечисто, так зачем рисковать?

Когда светящийся туман совсем рассеялся, кариты закончили сваливать над стащенными вместе телами срезанные ветви и молодые деревца. Потянулись обратно к лагерю. Спать. Погребальный костёр запалить решили уходя — измокшие от тумана ветви должны были давать много дыма, так что лучше поспать оставшиеся до рассвета часы, чем откашливаться от него.

— Как же это неправильно... — пробормотал Амарими тихо. — Уж после смерти этим несчастным должны были дать спокойно уйти в Нефритовые Чертоги. Не превращать... в это.

— Есть большая вероятность, что смерть их настигла только сегодня, — качнул головой Демьен. — Так что стоит только радоваться, что мы освободили их из этого кошмара.

Молодой принц уставился на него круглыми глазами, но потом медленно кивнул, и снова глубоко задумался. Да так, что не глядя перехватил у самого своего лица вынырнувшую из темноты бумажную птичку.

Шоуки почувствовал слабый отклик, и, сосредоточившись на нужном направлении, послал свой “взор” тонкой нитью так далеко, как только мог.

“Увиденное” было странным и подозрительным, и он быстро подал знак Тамаю. Мужчина подъехал и нахмурился, устремив рассеянный взгляд в нужную сторону. Спустя минуту кивнул — ему по-прежнему не удавалось заглядывать так далеко, как мог Шоуки своим направленным, зауженным “взглядом”. С другой стороны, его рассеянное внимание было едва ли в не два раза шире, чем у ученика.

— Я проверю, — решил Тамай, давая отряду знак остановиться, и, с щелчком раскрыв короб Хризантемы, направился вперёд. Хотя, судя по всему, столь демонстративный жест был излишним.

— Что там? — подъехав, спросил Алан. За ним потянулись и остальные.

— Стоянка. Чуть в стороне от дороги, защитный периметр небольшой, да и судя по останкам, там было человек пять, не больше.

— Останкам? — округлил глаза Амарими.

— Ну, судя по оружию, и тому, что оно утащено под землю на глубину человеческого роста примерно. Как и один из якорей периметра.

— Айрши, — понятливо кивнул Таики. — Подкопались под маленький лагерь, обвалили землю.

— Да и якоря у них втрое короче наших, — согласно кивнул Шоуки, наблюдая за тем, как его учитель подбирается к месту.

— И — кто? Можешь сказать? — поинтересуется Алан.

Шоуки отрицательно покачает головой — среди оружия и традиционных амулетов не было ничего особо примечательного. Вышивки на одеждах драгоценными нитями тоже не было.

Впрочем, вопрос был, наверное, всё же риторический.

Кто ещё мог повстречаться им на пути сейчас?

Количество вестников и их всё возрастающая сохранность позволили наконец расшифровать короткое послание. Наместник не вдавался в подробности, торопя их возвращаться как можно скорее из-за крупных неприятностей и возможности срыва всей затеи, предупреждал о возможных засадах и советовал присмотреться к отправившимся с ними жрецам (какая неожиданность!). А ещё сообщал, что у Нефритовой Рожи их встретит отряд сопровождения, и путь держать следует именно туда.

Увы, хоть означенное приметное место и располагалось на самой границе проклятой земли, практически в ней, сменить направление движения было не так уж и просто. Им всё равно пришлось бы двигаться вперёд по старинной дороге — тащить возы через лес было совершенно невозможно! Так что их ожидал ещё где-то день пути до развилки, где можно было свернуть на другую старую дорогу и надеяться, что она сохранилась так же хорошо, как и эта.

И, в целом, об обеих дорогах было хорошо известно, а то, что они вынуждены будут двигаться по дорогам — понятно и лупоглазой древесной ящерице. Так что, если кто-то и решился устроить засаду, то ждала она либо на развилке, либо перед ней.

— Господин, не следует ли что-то решать со жрецами в виду... этой находки? — тихо

спросил Сайно Шиото, с самого начала путешествия разошедшийся во мнениях с господином Томори. Шоуки всецело поддерживал тревоги старшего карита, но здесь решение было за Аланом. И тот снова покачал головой.

— Просто присматривайте за ними. Что-то решать будем уже в столице, собрав и оценив факты.

С другой стороны, наверное, всё же хорошо, что Алан не склонен принимать поспешные решения. Хорошо для Империи в целом. Несколько из его венценосных предков прославились самодурством, и те времена в истории отразились... весьма неблагоприятно для Императорского рода. В конце концов, правители тоже люди, несмотря на божественное происхождение и невероятные способности. Уж в этом-то Шоуки имел все возможности убедиться.

Тамай вернулся довольно быстро, задумчивый, но не сказать, чтобы обеспокоенный.

— Вероятно — наёмники, — доложил он. — Что странно — пешие. О прочем сказать сложно без пары часов возни с лопатой и поиска личных вещей в этом месиве, но кое-какие детали наталкивают на мысль о внеклановых бродягах. Либо о тех, кто намеренно избавился от всяких намёков о принадлежности к клану.

— Разведка? Передовой отряд? — спросил Алан. — Просто невероятное стечение обстоятельств и это были простые охотники?

— Простые охотники в эти леса не ходят таким малым числом, — покачал головой Шиото. — Особенно когда собираются зайти так глубоко. Да и в этих местах нет дичи, кроме айрши. Нет смысла ходить за их сомнительного качества шкурами в такую даль. Как давно это случилось?

— Дня два назад, может, чуть меньше. Сложно сказать, — прикинул Тамай. — Айрши быстро расправляются с добычей. Им хватило времени, чтобы обглодать всё и сожрать кости помельче, втоптать в землю кровь. Слишком мало осталось насекомым, слишком утоптанно всё, чтобы судить, за сколько взрытая земля должна была осесть и просохнуть, а вывернутые с корнем травы — завянуть. Но порядок движения следует менять. Возы — в хвост. Господин, вам и вашей свите лучше устроиться перед ними, Шиото, вы с вашими людьми, я возьму пятерых и Шоуки и поеду вперёд. Жрецов со служками впихнём за наши спины. Хочу иметь возможность быстро дотянуться до них, если они начнут чудить.

Конечно, засада расположилась на самой развилке, на невысоком холме, у которого дороги расходились, огибая его с двух сторон. И, что удивительно, Шоуки проморгал её, потому что снова слишком полагался на свой дар, и совершенно забыл о простом и банальном зрении. А вот Тамай — нет, и потому вскинул руку, подавая знак к остановке.

Дорога здесь была прямая как копейное древко, и холм хорошо просматривался, как и поваленные деревья, перекрывающие обе дороги за развилкой, как и вычищенный от подлеска склон холма, и что-то вроде наспех собранного укрепления из тонких стволов и гибких ветвей на его вершине.

Нет, не совсем засада. Преграда.

Справа и слева густой лес с оврагами и невысокими холмами. У них просто нет другого пути, кроме как вперёд. И это самое “вперёд” надёжно перекрыто.

— Забавно. Впрочем, такое случается уже не в первый раз, — усмехнулся Тамай.

— Что именно? — растерянно оглядывая это непотребство, спросил Шоуки. Было далековато, чтобы разобрать детали, да и даром он туда не дотягивался.

— Противник отказывается от тайного нападения, когда дело касается меня. Слишком накладно. Но ход, в целом, интересный — роль атакующих предоставляют нам. Остаётся только разведать степень их подготовки к столкновению. Шоуки, остаёшься здесь и смотришь по сторонам. Остальные — готовьтесь применять волну, возможны сюрпризы в виде костяных стрел.

И, раскрыв Хризантему, выдернул из неё сразу все лепестки, а короб, отцепив от седла, сбросил в кусты вплотную подступающие к дороге.

Шоуки нервно сглотнул и растянул своё внимание вокруг настолько, насколько мог. И почувствовал немалую тревогу, глядя, как учитель пришпорил коня, направляя его в лоб на укреплённый холм.

Сам расстегнул подсумки со своими ножами и нервно поглядел назад. Все доставали клинки, готовясь к бою, и, судя по лицам, их вот вообще не волновало, что Тамай рванул вперёд как...

Такое и называется разведка боем?

И, в целом, в этом была своя логика — зная репутацию Тамая, можно не сомневаться, что противник покажет всё, на что способен, лишь бы не подпустить жуткого Жнеца близко.

Но вот слитного звука выстрелов Шоуки совершенно не ожидал!

Если пороховые колоды, пороховые трубы да громоздкие ручницы на югах и применялись время от времени во время штурма поместий и крепостей, то более лёгкое пулевое оружие особой популярностью не пользовалось. Слишком много шума создавало, позволяя кариту среагировать на звук и волной сбить свинцовую пулю, безошибочно определив направление. Стрелы тут были куда надёжнее — далеко не все одарённые были настолько чутки, чтобы уловить звук разрезаемого стрелой воздуха и остановить её.

А вот на севере такое оружие любили использовать, и использовали довольно активно в междоусобных стычках. Не против магов, правда — те тоже легко создавали особые щиты против быстро летящих пуль. Против простых, неударённых людей, которыми и воевались войны севера.

Однако ж Тамай резко прильнул к лошадиной шее, и часть его ножей стремительно сместилась, а там и завертелась, разлетаясь в стороны. Два и вовсе брызнули блеснувшими на солнце осколками.

Конь Тамая запнулся, и начал падать, а Шоуки сообразил, в чём дело — до его мистических чувств наконец добралось облако мелких свинцовых пулек, траектории многих были сильно искажены Тамаем, но... Он просто не совладал с общей массой...

— Волна! — рывкнул Шоуки, уже понимая, что кариты рядом с ним просто не успеют среагировать, и самостоятельно смещая те маленькие пульки, что шли в сторону отряда. К счастью, стояли все кучно на узкой полузаросшей дороге, и стальной дождь, сильно ослабленный расстоянием, осёк листья и ветви вокруг, прошёл выше, и частью всё же был сметён мощной волной духовной энергии.

Листва шуршала, будто от обрушившегося с небес града, а конь Тамая и вовсе упал, благо, всадник его успел выскочить из седла, и ловко перекатившись, шмыгнул в кусты, утянув за собою все лепестки Хризантемы. А со стороны холма, заволоченного пороховым дымом, грохнуло снова.

Так быстро?! Они же долго перезаряжаются...

Но хоть старшие кариты вовремя среагировали теперь, без понуканий, и отбросили мелкое железо назад и в стороны, будто частым гребнем пойдя по обволакивающей дороге

растительности — вниз посыпалась листва и мелкие ветки.

— Картечь! — донёлся откуда-то сзади крик, кажется, Алана. А и точно — будущий император рвётся вперёд. Шоуки придержал грубо нетерпеливо перетаптывающегося коня, и, заметив страшное, выругался, цепляясь даром за конскую сбрую.

Вот что-что, а грохот пушечного выстрела Алан совершенно не ожидал здесь услышать. Вернее не пушечного — слитный грохот батареи змеевиков это напоминало, и напоминало удивительно сильно. Одна из разработок королевских литейных — стволы некрупных пушек собирали не из полос с кольцами, а из скрученных особым образом лент, что придавало конструкции жёсткость и облегчало её многократно. Увы, хорошая на бумаге задумка хоть и воплотилась в чугуне, но всё равно оказалась несколько тяжелее задуманного, и, кроме того, была весьма требовательна к качеству снарядов и не обладала нужной точностью. Тогда предназначение орудия пересмотрели, немного изменили габариты, и собрали в батарее по пять шгук и в три этажа на один лафет, поменяли затворный механизм хитрым образом, и надумали снаряжать картечью. Получилось довольно странное, но в целом сравнительно эффективное оружие для противостояния толпе или просаживания заряда стационарных щитов беспорядочным и относительно кучным огнём. До сих пор это чудовище, прозванное змеиной гармоникой, ещё не применяли (вроде как) и с десятков образцов пылились на складах одного из форт. А ещё две находились в оружейных дворца, из них шумно и весело грохотали холостыми по праздникам.

Такая диковинка, которую не очень понятно, к какому делу приткнуть.

Вопрос — что оно забыло здесь?!

И одно ли оно? В любом случае — для каритов это должна быть та ещё головная боль. И вообще — совладают ли они с частыми выстрелами из гармоник и впечатляюще секущими лес пулями?

— Картечь! — рявкнул Алан, поворачиваясь к телохранителям, и, подавая пример, пришпорил коня, бросая его вперёд. У Люка с Диланом при себе имелись весьма мощные амулеты как раз против быстрых физических объектов малой массы, и в столь ровном эфирном поле они должны были работать даже лучше расчётных значений. Да и сам Алан мог выставить нужный щит и подпитывать его длительное время. Втроём они несомненно перекроют дорогу, дав отряду возможность сбросить силы и развязав руки.

Струдились все на дороге довольно кучно, но сильный, крупный конь, которого выделили будущему Императору, попер вперёд как таран, сперва растолкав скакунов каритов, затем врезавшись в кучку жрецов и слуг. Кони тех отшатывались, топтались пытаясь уступить дорогу и пофыркивая, пока чёрный жеребец пер вперёд, сильно замедлившись.

В какой-то момент высчитывающий секунды между залпами Алан поймал вдруг взгляд жреца, полный холодной решимости, запоздало уловил движение, которым тот сорвал с пояса почти декоративный ритуальный нож, замешкался, подбирая чары щита, что сработают в такой тесноте без огрех, но — обошлось. Лошадь, на которой восседал жрец, вдруг с испуганным ржанием вскинула и странно завернула голову назад, из-за чего жрец пошатнулся, и запоздал с нанесением удара, а потом и вовсе едва не вылетел из седла, когда его лошадь присела на круп, продолжая заворачивать голову и сучить передними копытами. По другую сторону от его коня происходило что-то похожее, в вывешенную совсем близко к телу защиту ударил нож, и бессильно соскользнул, а потом всё и вовсе смешалось в кашу.

Господин Томори, чтоб ему пусто было, прокричал что-то, понукая своих подчинённых к действию, пока их кони странно шарахались, спотыкались и выкручивали головы, Спереди и сзади в эту давку влетели кариты, в воздухе заметались ножи и клинки, замирая и подрагивая, когда две воли начинали биться за контроль над оружием, раздались первые крики боли и ругань.

Со стороны развилки снова грянул залп, и снова зашуршала вниз подрубленная листва, осыпаясь вниз. Алану ничего не оставалось, кроме как понукать коня и гнать его вперёд, растягивая и на него сероватое марево щита и на ходу пытаясь выправить его форму — сложные очертания всегда жрали куда больше эфира и внимания.

Позади раздался звонкий и весьма “воинственный” крик, явно принадлежавший Амарими, и северянин оглянулся, увидев, как молодой принц сцепился с подозрительно ловко орудующим ножом молодым жрецом. Ну, во всяком случае, пока того не выбило из седла крупным куском льда. Волна духовной энергии ударила в лицо довольно ощутимо, сбивая большую часть зависшего в воздухе железа, и конь Алана наконец вывалился из давки, проскочив между старших каритов первой линии, сейчас усиленно подавляющих ожидаемое предательство жрецов. Вернее, самым первым в линии стоял Шоуки, с совершенно взбешённым видом выкрикивающий команды, которые едва удавалось слышать в криках, ржании лошадей и звоне метала.

И грохоте змеевиков.

Телохранители отставали, завязнув в куче мале из людей и лошадей, они просто не успевали задействовать амулеты, часть каритов отвлеклась и ушедшая навстречу картечи волна была так себе. Алан закусил губу, отчётливо понимая, что сам начал свалку своим необдуманном порывом, и выкинул вперёд плетение щита, влив в него столько силы, что дыхание перехватило на мгновение от боли в груди, а жилы в запястьях начало будто бы выкручивать раскалёнными щипцами. Однако — сработало. Перламутровая плёнка, перегородившая дорогу, всколыхнулась от ударивших в неё сотен картечин, да так и осталась стоять, осыпав железо к своему подножию.

Алан выдохнул, поймал взгляд Шоуки, и качнул головой в сторону щита.

— Удержу!

Шоуки кивнул, и, оскалившись недобро, совсем развернулся к давке, надо полагать, производя какие-то хитрые манипуляции с металлом.

К моменту пятого залпа маленький бунт был задавлен окончательно, а шестого не последовало вовсе — со стороны развилки раздавались какие-то крики и отдельные беспорядочные выстрелы малого ручного дульного оружия. Но Алан не торопился опускать щит, а со спины его прикрыли наконец-то подоспевшие телохранители. Кариты же под руководством распалившегося молодого Жнеца растаскивали спелёнутых, раненых, сдавшихся и мёртвых, разводили и успокаивали коней. Спустя пару минут всех рассортировали и разделили, занялись ранеными.

А Алан наконец убрал щит, увидев, как с холма у развилки спускается немного ободранный и порядком окровавленный, но вполне себе бодрый и невозмутимый Тамай Айри.

— А этих куда? — почти даже обречённо спросил Алан, обозрев выволоченных из кустов тяжело раненных и бессознательных каритов. Шоуки пожал плечами и холоднокровно предложил:

— Добить?

Честно сказать, он так вымотался за этот скоротечный бой, что на дальнейшую судьбу предателей и врагов ему было просто начихать. Ворочать отчаянно сопротивляющихся лошадей было тяжело, хоть и помогал сильно опыт общения с Маленьким Пятнышком. В какой момент потянуть за подкову, куда вывернуть удила... Да и эта глупая попытка остановить картечный залп... Вон, даже учитель с этим не справился, куда ж ему было?

А будущий Император с ним совладал и бровью не поведя.

— Вдруг они что-то знают?

— Мнепоказалось, что учитель уже привёл наиболее осведомлённых людей из этого отряда.

— Да, но вдруг?

— У наспросто нет на это времени, к сожалению, — подошёл Амарими, рассеянно пытаясь соскрести с щеки ссохшиеся брызги чьей-то крови. — Проблемы ждут нас, и отец чётко дал понять, что нам не стоит испытывать их терпение. Понимаю твоё желание провести перекрёстный допрос по всем правилам, но...

Молодой принц развёл руками. Алан вздохнул, кивнул и таким знакомым жестом потёр солнечное сплетение. Шоуки оживился аж, переваривая мысль, что будущий Император, похоже, выдохся и испытывает такие же досадные затруднения, как и он сам.

Увы, в получившейся свалке покалечились многие. Не из своих — Шоуки за этим следил тщательно, так что придавлены лошадьми, потоптаны лошадьми и задеты беспорядочными ударами копыт оказались жрецы, слуги, и непонятно зачем полезший в самую гущу Кено. Тот отделался, впрочем, только парой сильных ушибов и содранной кожей, но вот жрецам повезло меньше. Двое скончались, Томори пребывал в очень тяжёлом состоянии с разбитой головой, остальные были помяты в той или иной степени. Слугам тоже досталось, хотя большая их часть догадалась не оказывать сопротивления, когда запахло жареным.

Тамай тоже поработал... эффективно, оставив в более-менее целом состоянии очень немногих. Так что часть припасов с возов спешно перегружали на лошадей или просто выбрасывали, чтобы освободить место раненым пленным и просто пленным.

А ещё надо было загрузить эту жуткую штуку, которую Алан назвал змеиной гармошкой, и кое-какие другие “улики” из лагеря “наёмников”.

К сожалению, противник оказался пешим, а гармошки — разборными, так что две установки разобрали, навьючили ими и тащили сюда прямо напрямик, через чащу, в обход старых дорог.

А часть лошадей тоже пострадала в давке, так что заменить их трофейными не вышло. Досадно.

— Они проживут не дольше нескольких часов, — заметил Тамай, подошедший тихо. Одежда его загрубела от высохшей крови, что придавало ему вид ещё более... недобрый. — Былибы в досягаемости хорошие целители, имело бы смысл заняться ими. А сейчас лучшее,

что мы можем сделать — подарить им лёгкую смерть. Шоуки, это тоже важный урок для карита, как быстро и аккуратно добить поверженного врага.

Он снял с пояса нож, и меньше чем за минуту всё было кончено. Амарими даже не побледнел, только глаза отвёл, Алан досадливо качнул головой. Потом заметил:

— На севере это традиционно называют “ударом милосердия”. Во времена тяжёлых доспехов для этого изготавливали даже особые кинжалы.

Шоуки подумал, что нужно будет помолиться над телами — жрецам и их прислужникам доверия более не было никакого, даже тем, что почти сразу отбросили оружие и истово лопотали, будто во всём этом не участвовали и вообще ни о чём не знали. Наверное, он тут единственный кроме них, кто наизусть знает все основные тексты — среди каритов как-то не принято было заучивать длинные молитвы на все случаи жизни — для этого есть жрецы и храмы, в конце концов. Попросить у Атасахики помощи в предстоящем бою, испросить благословения у предков, защиты у богини-матери. Что ещё нужно воину?

— Кстати, а что послужило причиной того, что вы забросили облачаться в железо с ног до головы? На большой доспех легко же навесить сложное зачарование? — немного рассеянно спросил Амарими.

— Вот его предок пришёл, с армией, — коротко пояснил Демьен, кивнув на вздохнувшего Алана.

И снова снимались со стоянки, оставляя за собой пылающий погребальный костёр. Ночью двое пленников скончались от полученных увечий — разлитое в воздухе проклятие не слишком хорошо сказывалось на ослабленных ранами. На всех сказывалось паршиво, но их отряд так притерпелся к нему, что раз за разом не учитывал его в определённых вещах.

Шоуки снова прочитал полагающиеся молитвы — даже враги заслуживали упокоения и вознесения в Нефритовые Чертоги — пускай уже там Предки разбираются с ними, а то и вовсе представляют на суд богов, если есть за что. К стыду своему — чуть не задремал на середине текста — монотонная, ритмичная молитва к этому очень располагала. Увы, путешествие стало куда проблематичнее, кроме беспокойства о местной живности, нужно было ещё следить за защитным периметром и за пленниками. Увы, ставить защиту так хорошо, как делали это жрецы не мог больше никто, и печати требовали теперь регулярной проверки и подпитки.

Особенно когда под лагерь активно пытались подкопаться айрши...

Так же надо было следить за пленниками, разбитыми для большей безопасности на группы. Жрецы и их служки в одну сторону, наёмники в другую, сильно раненных в третью.

И за животными ухаживать, и лагерь разбивать в куда меньшее количество рук, чем прежде. Но никто из каритов не жаловался, все делали, что должно, чтобы сохранить быстрый темп передвижения. И, по всем признакам, уже скоро они должны были выбраться наконец из леса, а там недалеко до реки, за которой располагалась означенная в посланиях роща.

Рядом в седле позёвывал Алан с отчётливо наливающимися под глазами синяками — работал и дежурил он наравне со всеми, но при этом ещё и пытался разговорить наёмников, по одному таская их в единственный не брошенный там, на развилке, малый походный шатёр. Компанию ему составлял Тамай, одной своей репутацией делая половину работы. Но, судя по их мрачным лицам, исполнители знали удручающе мало, и ценной информацией не радовали.

Радовало то, что скорость отряда всё ещё равнялась скорости самого медленного воза, и можно было хоть немного помедитировать в седле, отгоняя сонливость и позволяя телу и разуму немного отдохнуть.

Совсем немного. Ибо за дорогой тоже надо следить и за окрестностями, просматривая их впереди и по сторонам...

Солнце приближалось к полудню, когда он снова уловил нечто подозрительное. Впрочем, на этот раз оружие, амулеты и прочее присущее каритам железо располагалось не под землёй, а в кустах у дороги, да и лошадь обреталась неподалёку.

Подал знак Тамаю, и тот подъехал, “всматриваясь” в указанном направлении, а после неожиданно оживился, и велел продолжать движение, поскакал вперёд.

— Что там? — напряжённо уточнил Амарими. Другие тоже глянули выжидательно.

Шоуки пожал плечами.

— Полагаю, дозорный. Думаю, господин Айри узнал его.

— Откуда такие мысли? — уточнил Алан с сомнением.

— Он не открыл Хризантему.

Принцы многозначительно хмыкнули, Шимай усмехнулся, остальные только переглянулись, и заметно расслабились. Вскоре они достигли поворота дороги и увидели впереди просвет — лес редел, вдалеке за полоской разнотравья поблёскивали воды реки. А на дороге маячили Тамай и карит в одеждах клана Сиасай. Шоуки не смог бы назвать его имени, но определённо видел его во дворце.

И правда, оказалось, дозорный. Их поджидал, а заодно высматривал посторонних, что могли попытаться воспользоваться этой дорогой. По его словам, отряд, отправленный караулить первую дорогу, вспугнул и после скоротечной битвы разбил большую группу наёмников чуть больше недели назад. Увы, захватить удалось немногих — чужаки всеми силами старались скрыться, а отряд опасался, что это обманным манёвр, и не решился оставить въезд в лес без охраны. Как это укладывалось в происходящее, Шоуки не знал, но Тамай предположил, что после этого противник повторил попытку, но уже пешим.

А в Нефритовой Роще и правда дожидался большой отряд. Возглавлял его господин Итаки, и Шоуки порадовался лицу знакомому, и без сомнений — надёжному. Старший карит передал Алану запечатанное письмо и сообщил, что у него есть около часа ознакомиться с содержимым, перекусить и отдохнуть. После же следует незамедлительно возвращаться в столицу. Настолько незамедлительно, что пленников распорядились оставить здесь, на попечение части отряда Итаки, а волов из воза с драгоценным грузом собирались поменять на пару здоровенных тяжеловозов, да ещё две пары были припасены на смену.

Мягко говоря, подобное наводило на мрачные мысли. Алан тоже нахмурился, но письмо вскрывать не торопился.

— И правда, поедим сперва, пока кусок в горло лезет, — предложил он, кивнув на полевую кухню. И верно, оттуда тянулся приятный аромат, намекающий на свежие овощи, мясо и множество специй. После довольно однообразного походного пайка и невозможности добыть свежей дичи (есть что-то с проклятой земли? Самоубийство!) это предложение виделось весьма заманчивым.

Вкуснейший пряный суп с лапшой и свининой умяли в гнетущей тишине, наблюдая за охватившей лагерь торопливой беготнёй. Взнуздывались кони, снова сортировались пленники, раненных осматривал лекар, выглядевший больше, чем мясник сосенной

ярмарки, которого малышня Тростниковой Долины так боялась когда-то...

Молчаливая трапеза становилась... очень неловкой.

Подошедший Тамай настроения не улучшил, кивнул только да сел рядом со своей миской, держа её обеими руками и прихлёбывая ароматный бульон. Наблюдая за этим, Алан вздохнул и, сломав печать, развернул бумагу. Сидящий рядом с ним Демьен вежливо отвёл глаза, Амарими, на удивление, тоже, уткнувшись в миску и вылавливая из неё последний кусочек дикого лесного лука. Тамай приступил к лапше, кажется, ничего не замечая вовсе, а вот Шоуки, сидящий напротив будущего Императора, видел.

Из лица северянина ушла вся тревога и напряжение, оставив после себя лишь холодную сосредоточенность, почти мертвенную, с налётом величественности, которую скрадывали лишь следы многодневного путешествия и усталости. А в глазах алыми бликами отражалась закипающая внутри ярость. Шоуки не мог отвести взгляд, чувствуя, как вокруг его господина и друга появляется слабое “эфирное поле”, расходитя волнами, каждая из которых ощущается все явственнее, “увидел”, как дрожит мелко, едва заметно, находящийся поблизости металл.

Даже Демьен вскинулся, почувствовав насыщающее воздух проклятие.

Алан наконец оторвал взгляд от бумаги, сложил её, зажал в двух пальцах, и та вспыхнула, обратившись в пепел за считанные удары сердца.

Вот после этого на него уставились все.

— Представляете, в северных землях нашёлся ещё один Император, — произнёс Алан по-странному ровно и даже как будто отстранённо. — И сейчас он шествует в столицу Империи в сопровождении жрецов и представителей нескольких кланов, с помпой, музыкантами, танцовщицами и целой подводой винных бочонков.

Среди присутствующих повисла потрясённая тишина. Ну, по крайней мере, среди младших каритов. Тамай отложил миску, недобро прищурившись.

— Кто-то из вашей родни, или?..

— О, всёдовольно сложно и просто одновременно, — в глазах будущего Императора снова отразились глубокие, яркие чувства. — Его имя — Ингвар на Мосс

Демьен потрясённо выругался неизвестными Шоуки словами северного наречия.

— Этот фигляр совсем потерял страх божий! — воскликнул на Орс. И какой бодрый сразу, взгляд горит, лицо порозовело от праведного возмущения. А ведь такой кислый был, уйдя с проклятой земли...

— На Мосс... — кажется, я слышал уже эту фамилию. Она связана с каким-то скандалом. — пробормотал Амарими растерянно.

— И не с одним, — кивнул Алан, немного успокаиваясь и беря себя в руки. По крайней мере, он перестал сочиться силой, и огонь в его глазах притих, будто подёрнувшись слоем пепла. — Кузина моей матери, в девичестве Ламвуд, чуть более тридцати лет назад была выдана за молодого главу рода на Мосс. Вскоре она подарила ему сына, и будущее рода, в целом, выглядело светлым, несмотря на мелкие проблемы и отсутствие особой теплоты между супругами. На Моссы не ввязывались в политические дразги и соблюдали нейтралитет, они всегда были немного в стороне от основных событий высшего света, потому обрушившиеся на них несчастья с одной стороны вызывали шок и растерянность, с другой — очень быстро забывались и отходили на второй план. Сперва в юном возрасте погиб их сын — во время конной прогулки его лошадь понесла и с обрывистого берега скатилась в реку. Несмотря на все усилия челяди, спасти мальчика не удалось, и тело его не

было найдено, невзирая на очень долгие и тщательные поиски. Да и злого умысла в случившемся найти не удалось, так что смерть эту объявили несчастным случаем. Горе моей тётушки было столь велико, что она немного повредила рассудком — будучи уверена, что сын её жив, она пыталась продолжать поиски. В остальном она была вменяема, и пересуды по поводу её безумия опять же быстро стихли. Семь лет назад она овдовела. В смерти её супруга тоже не было найдено ничего предосудительного, никакого дурного замысла, хотя расследование проводилось весьма тщательно. Тётушка стала главой рода, и помешательство не мешало ей вести дела, напротив, в её руках земли на Моссов начали приносить большой доход, и потому её главенство не было оспорено дальними родственниками супруга. А потом объявился он. “Ингвар”. Чудом выживший и от пережитого сильнейшего шока потерявший память потерянный сын. Его подобрали охотники, и мальчик некоторое время жил среди них, а потом подался в наёмники, с которыми и мотался до тех пор, пока к нему наконец-то не начала возвращаться память. Никто и опомниться не успел, как этот ублюдок втёрся в доверие к несчастной женщине и убедил её в правдивости этой нелепой истории. Когда на Моссы опомнились, было уже поздно — тётушка признала этого человека и передала ему титул главы рода. Скандал был... неопишмым.

Алан криво усмехнулся.

— Самая же ирония в том, что по велению отца занявшиеся этим делом дознаватели не нашли никаких доказательств в причастности этого авантюриста к смерти на Мосса. Но нашли свидетельства того, что он и правда является его сыном, зачатым до брака с какой-то селянкой. Так что отец решил не вмешиваться, благо первое время новоявленный на Мосс вёл себя довольно осмотрительно и хорошо обходился с тётушкой. Он достаточно сильный маг, склонный к огненной стихии, отлично фехтует и снискал себе славу бретера в последние годы. Его появления при дворе всегда скандальны в той или иной мере, но он достаточно осторожен и умён, чтобы не нарываться на тех людей, ссора с которым может кончиться для него плохо. Это-то меня и беспокоит более всего.

— Согласен, — кивнул Демьен. — Мои родственники пару раз сцеплялись с ним и сделали те же выводы — расчётлив, знает, когда следует отступить, и удивительно изворотлив и жесток, когда знает, что может урвать хороший куш и при этом выйти сухим из воды. Но раз в нём нет крови госпожи Миноко, то его участие в этой аванюре выглядит, мягко говоря, странно. Слишком большой риск — пытаться занять трон Империи, не имея столь очевидного признака, как наличие Дара.

Шоуки же напротив, стало спокойнее. Самозванцу ничего не светит — в нём нет дара, а значит, его притязания бессмысленны. Какую бы хитрость не придумал он и поддерживающие его люди — ему не удастся ничего доказать.

За всю историю Империи всего дважды люди со стороны пытались захватить власть.

И оба пали от рук тех, в ком Дар юга сплёлся воедино с Проклятием севера.

Если тот человек благоразумно не отступится, он станет третьим.

Чем больше Алан размышлял о происходящем, тем больше его это тревожило. События явно указывали на некий неучтённый фактор, ибо всё и правда упиралось в наличие у самозванца Дара. Да, пропихнуть на Мосса на трон с определённой долей подготовки было возможно, особенно если заговорщикам удалось бы уничтожить их отряд и заполучить трон. Имея поддержку жрецов Арата-ма и ещё десятка влиятельных храмов, он вполне смог бы провозгласить себя Императором. На время. Потому что посвящённые главы кланов не отступились бы — они видели доказательства, они не смогут добиться их от “Ингвара”.

Алан часто не понимал, что руководит отцом в том или другой случае. Договорённости, о которых он не знает? Нюансы, тайные договоры, заготовки на будущее? Младшего ребёнка в семье не то чтобы посвящали во всю эту кухню. Только последний год перед тем как всё перевернулось с ног на голову он начал хоть сколько-то приобщаться к внутренним делам королевства.

И всё равно не понимал, почему отец спустил ситуацию с наследством на Моссов на самотёк. То ли наплевать ему было на дальнюю родственницу матери, на не самый влиятельный и богатый род, то ли кандидатура этого проходимца на звание главы рода его совершенно устраивала...

И не спросишь теперь... Но Алан всерьёз надеялся решить дело с этим аферистом раз и навсегда! И его задевало и приводило в бешенство даже не то, что выскочка пытается занять его законное место, а скорее то, что своими действиями он в очередной раз подставляет тётушку! Бедная женщина, убитая горем потери, как гадостно было смотреть, с каким обожанием она вьётся вокруг “сыночка”, пользующегося её безумием без всякого стыда.

Ну и мятеж таких масштабов не может не сказаться на имени на Моссов...

Как всё это... печально.

Избавившись от обузы и приростя охраной, они двигались сейчас куда шустрее, назад в столицу. Наместник писал, что делается всё возможное, чтобы замедлить на Мосса с соучастниками, но времени всё равно оставалось слишком мало. Птички-послания прилетали так часто, что Амарими наловчился их ловить на подходе, а Алан даже понемногу начал вникать в шифр, что использовался Наместником и его сыновьями.

Они опаздывали. Обеспечить приличную фору и как следует подготовиться к визиту самозванца не выходило уже, но варианты ещё оставались, нужно было только согласовать детали.

Оставалось надеяться, что такая возможность представится. Столица бурлила в ожидании, во дворец спешно съезжались представители кланов, по какой-то причине не успевшие к началу большого конгресса (или вовсе не планировавшие на него явиться), так что у Наместника оставалось не так много времени и возможностей для встречи и детального обсуждения вопросов.

Которых у Алана было хоть ковшом черпай...

И не потому ли брат так открыто намекал поторапливаться? Он что-то знал? До него дошли слухи?

Но лучше не думать на эту тему, иначе беспокойство за брата начинало наваливаться с силой неопишуемой. Хорошо хоть сестра пристроена, её муж принадлежит к сильному роду, и её будет кому защитить в случае чего.

Короткие остановки, смена лошадей, постоянное напряжение и ожидание нападения — в округе были замечены большие отряды наёмников и каритов определённых родов, но возросшее количество патрульных и люди господина Инари Сая всячески мешали им свободно передвигаться и предупреждали, позволяя вовремя менять маршрут движения.

Первым напряжения не выдержала ось воза, переломившись на узкой крестьянской дороге между мелкими поселениями. К счастью, заменили её быстро, и даже в какой-то мере ловко — часть каритов происходила из крестьянства и вполне способна была бороться с такими проблемами быстро и эффективно.

Наблюдая за процессом Алан который раз задумался о странных контрастах севера и юга. Дома с рабством было покончено уже много сотен лет, но при этом сословные границы пересечь было почти невозможно, особенно тем, кому не посчастливилось родиться среди крестьянства и чернорабочих. Их преследовала бедность, болезни и отвратное качество образования, если оно вообще имелось. Юг, с другой стороны, всё так же пребывал в дикости крепостного права, но при этом пробуждение даже слабого дара давало доступ к немислимым для босоты севера благам. А те, что успешно развивали дар, и вовсе выбивались в кариты и по заслугам могли вознестись на самый верх.

“В свите Императора нет разницы между выходцем из богатого клана и крестьянской семьи, ибо каждый из них — достоин” — гласила надпись, выбитая в камне у входа на тренировочный плац в глубине дворцовых дворов и переходов.

Наконец перед ними распахнулись двери поместья Тайко, расположенного всего в часе с небольшим пути от столицы. Солнце успело нырнуть за горизонт, но в небольшом уютном поместье царило нездоровое оживление. Господин Намари вышел встречать их, и надо признать, что пожилой карит выглядел помолодевшим лет на десять, глаза горели, морщины разгладились — удивительно, как положительно сказывается на организме южан отсутствие эфира. Бывший посол так и лучился жадной бурной деятельностью и Алан толком не успел вежливо справиться о его здоровье — парня поволокли вглубь поместья, коротко и чётко вываливая на него последние новости. Едва успел обрисовать основной расклад, как очередные двери распахнулись, пахнув в лицо влажным, горячим воздухом, полным запаха трав. Купальня была небольшая, довольно скромная, если сравнивать с дворцовой, но уютная, а главное — готовая к употреблению.

Все мысли вылетели из головы начисто, и Алана прозорливо оставили наедине с желанием опуститься в воду и оттереть дорожную грязь. С задачей было довольно быстро покончено, и будущий Император даже задремал немного, разморенный теплом и благодатью, но тут явился злобно улыбающийся Амарими, и, растолкав его, вручил простые светлые одежды, вроде тех, в которые, чистый и свежий, был завёрнут и сам.

— Ну что, пришёл твой черёд страдать так, как мы страдали! — заявил он непонятно, подталкивая сонного Алана по направлению к большому павильону. Внутри было довольно неплохо — помещение было разбито ширмами на несколько “зон”, в одной из которых на низком столике располагался чайник, чашки и блюда с простыми, но сытными закусками, вокруг него расселась “шайка” Амарими, уже мытые и в светлом, кто пил чай, кто устроился поудобнее на низких подушках и погрузился в глубокую медитацию. Чуть в стороне бессовестно дрых, привалившись к стене, Демьен, а Дилан с Люком оживлённо обсуждали что-то около стойки с оружием, декоративным на вид, но зная традиции юга...

Это на севере повешенные над камином скрещенные мечи могут оказаться годны только на висение на стенке. Тут самый изысканный клинок, величественно покоящийся на

лакированной подставке, в первую очередь остаётся оружием.

Алан нацелился на чай и закуски, но Амарими с недобрый смешком потащил его дальше — в огороженную часть павильона, где его дожидался дворцовый портной. Въедливый и дотошный южанин, как Алан уже имел несчастье убедиться.

И то, что всего-то требовалось немного подогнуть одежды, ситуацию не спасало.

Поспать так и не удалось — вскоре появился Наместник, весьма странно выглядящий в простых одеждах, с неряшливой причёской и лёгким гримом, скрадывающим черты лица. У него было мало времени, так что обсуждение дальнейших действий вышло бурным и торопливым. В целом, они сходились во мнениях, немного поспорили из-за некоторых деталей, но это мелочи. А после того, как Наместник ушёл завершать последнюю подготовку и тайно пробираться обратно во дворец, Алан всё же добрался до чая. Вот под него и провёл время до утра, выслушивая наставления господина Намари касательно определённых древних традиций, законов, риторики, благоприятных ораторских приёмов и поведения. Они намеревались сыграть на контрасте, а тут важны были малейшие детали. И точно выверенное время.

Потому собираться начали рано-рано, снова погрузив поместье в состояние деловитой беготни и всеобщей занятости.

Наконец принесли подшитые одежды. Алан обзрел богатый наряд и тихо вздохнул пока никто не видит — надевать одежды с золотым шитьём и жёлтыми полосами ткани страшно не хотелось, ассоциации были весьма неприятны. Красный, чёрный, и золотой. Юг, север, и Императорский род. Как водится, надевать всё это нужно в несколько слоёв, но высочайшего качества ткани и веками проверенный крой позволяют не чувствовать себя запелёнутым, аки дитя у семи нянек. А если сбросить верхнюю накидку с длинными эффектными рукавами и тяжёлой золотой вышивкой...

Это что ещё?

Развернув последнюю, верхнюю накидку, он обнаружил под ней ещё один свёрток. Поднял, встряхнул, и ткань опала волной тяжёлого шёлка, отороченного полоской удивительно пушистого белого меха. Несколько мгновений Алан пялился на непонятное, пока не опознал в нём декоративный вариант традиционного дуэльного плаща, что надевался на одно плечо, прикрывая левую руку, и, крепко зачарованный, обычно являлся неплохим щитом. По иронии, как раз в дуэлях его использование считалось бесчестным, но в тёплое время года выходить без него на улицы ввечеру повсеместно признавалось беспечным и недалёководным поведением. Зимой его с успехом заменяли полноценные зимние плащи с потайными карманами, многослойными зачарованиями и вшитыми накопителями.

Занятно. Решили сделать реверанс в сторону севера, подчеркнуть единство континентов под властью Императора не только цветом, но и фасоном?

Странно знакомая шерсть легла на плечо, ткань волной упала до локтя, красные шнурки и хитрая застёжка из метеоритного железа и белого нефрита на удивление гармонировали с богатыми одеждами и вышитыми драгоценными нитями поясами. Главное не обращать внимание на мятую рожу в воротнике и растрёпанную шевелюру чуть выше. Алан выругался и попытался привести в порядок голову, благо, гребень, лента и хитрая заколка в наличии имелись, когда за дверьми раздались возбуждённые голоса, потом те распахнулись, впуская просто лучащегося самодовольством Амарими.

— Ага! Так, тут почти закончили, обождите минутку, сейчас будем! — бросил он куда-то назад и закрыл за собой двери. Пока Алан с интересом рассматривал его наряд, (чёрный, с красной оторочкой и скромной золотой вышивкой по подолу и рукавам нарядных одежд, и таким же маленьким декоративным плащиком с чуть менее пушистым воротником) южный принц подошёл и важно поклонился. А потом ничтоже сумняшеся отобрал у Алана расчёску и распорядился:

— Садись! Сейчас всё сделаю.

Алан подчинился, немного нервно хохотнув.

— Что? Думаешь, не справлюсь? — уязвился южанин, ловко зачёсывая и собирая в пук всё ещё недостаточно длинные пряди. Хвост пока получался куцым.

— Нет, просто ты так... серьёзно выглядишь в этом одеянии.

Хорошо не ляпнул, что думал. Нелепо Амарими в нём смотрелся, нелепо. Одежды были слишком серьёзными и взрослыми для шустрого молодого парня. Если бы он держался иначе, может, и эффект был бы совсем другим, но с этими горящими глазами, широкими жестами и нетерпеливым приплясыванием...

— О, ты ещё парней не видел, — как-то зловеще заметил молодой принц, перехватывая волосы лентой и безбожно дёргая непослушные пряди, чтобы легли идеально и гладенько. — Кстати, рукава. Когда садишься, смотри, чтобы длинная часть легла ровно и не сбилась. Статуи бога мудрости видел? Ну вот как-то так оно и должно выглядеть.

Алан угукнул невнятно. Бог мудрости у южан, по преданию, был просто очень мудрым человеком, прочитавшим всю императорскую библиотеку и ударившимся в философию и науки. Вроде как он постиг великие знания, но они принесли ему лишь великие беды. Он ушёл в горы отшельником и до глубокой старости обдумывал совершённые в молодости ошибки и размышлял над прочитанными трактатами и взвешивал решения свои и прочих людей, о которых ему было известно, и преисполнился в конце такой мудрости, что даже боги являлись к нему за советом. И когда ему пришло время покинуть этот мир, проводить его в Нефритовые Чертоги пришёл сам Громовержец. Он предложил ему занять место среди младших богов, но старик отказался, сказав, что недостоин, и что жаждет лишь оказаться среди Предков, чтобы получить ответы на те вопросы, разрешить которые он не смог самостоятельно.

В целом, довольно типичная легенда до этого момента. Дальше начинаются странности с южным колоритом — не прошло и десяти лет, как мудреца вышвырнули из небесных чертогов и отправили на перерождение, а один из предков первого Императора лично явился к нему во сне и потребовал разбить благословенное наречие Аятти на три круга знаков, от простого к сложному, и распространить простой круг среди такого количества людей, какое только возможно, всячески поощрять грамотность и ещё схему книгопечатного станка показал напоследок. Хитрость была такая — доставшего всех вопросами мудреца вышвырнули обратно в мир под предлогом, что он ещё не прочитал все книги, что были написаны. А в них он может найти ответы на большинство своих вопросов, и посему пусть не возвращается, пока не прочитает вообще всё.

Вот от и ходит под видом скромного школяра, выискивает по библиотекам непрочитанные ещё книги и по сей день. И посчастливится невероятно тому, кто обратится к нему за советом, ибо в мудрости своей он подскажет наилучшее решение проблемы. И изображали его как сидящего со скрещенными ногами старца в старомодных парадных одеждах с широкими и длинными рукавами, что лежали на его коленях.

И насколько понял Алан, подтекстом этой легенды была басня о том, как ушлый старикашка обдурил и богов, и Предков, выбив вечную жизнь в полное своё распоряжение.

— Готово! — радостно заявил Амарими, и почти сразу надавил попытавшемуся подняться Алану на плечи. — Так, сиди! Ещё грим наложить и глаза подвести...

— Чего?!

— Ты лицо своё видел?! Сейчас этот недосып быстренько уберём, и будешь свежий и румяный, как сладкая пшеничная булочка! А подводка — традиция!

Молодой принц зловеще захохотал и жестом фокусника извлёк из-за пазухи продолговатую шкатулку с красками и миниатюрными кистями.

“Шутом! Непременно назначу шутом сразу после коронации!!!” — мрачно пообещал себе Алан.

— Вот! Ещё это! — Кено торопливо подошёл к парням, закинув на плечо здоровенный тюк, надёжно перевязанный верёвкой. Судя по тому, как он его нёс, несмотря на объём, тот был не слишком тяжёлым.

— Что это? — нахмурился Шоуки, изнервничавшийся дальше некуда из-за свалившихся на него обязанностей.

— Не знаю, но велели постелить. И чтобы покрасивее.

— Хм... Не закрыть, точно? — нахмурился Таики, отстраняясь от трона.

Тот так и простоял всю ночь в возу во дворе здешнего маленького храма предков. Тела перенесли внутрь на попечение местных жрецов до полноценной погребальной церемонии, а к древнему символу власти Императорского рода никто из местных не осмелился прикоснуться. Он остался на попечение свиты наследника престола.

На их попечение.

Так что, пришлось брать себя в руки, осознавать что это всё происходит на самом деле и взваливать на плечи груз невероятной ответственности. Весьма помогла подогнанная мастерами одежда — надел цвета Императора, от обязанностей уже не отвертишься.

— Именно что постелить!

— Ну посмотрим, — хмыкнул Шоуки, опуская на ковёр тряпку, которой протирал пыль с резьбы “подлокотника” и ножек. Вырезанное на спинке полотно они уже обработали, вычистив от пыли каждое углубление и каждую линию. Удивительно, но ни следа ржавчины они не нашли, несмотря на то, что трон целиком был изготовлен из благословенного металла! Причём — самородного, судя по чудесным узорам перекрещенных ярких полос. А самородное железо богато на примеси и склонно к ржавлению. Только после обработки в кузне, где к нему применяют жар и духовную силу, оно очищается и приобретает свои знаменитые свойства.

— Клади сюда! — кивнул Таики, да и Шимай подтянулся поближе.

Выгрузивиз воза, трон поставили на большой толстый ковёр с традиционными узорами “лилии на воде”. Не на землю же его опускать, в самом деле? Да и благодаря симметричному узору удалось установить его точно в центре. Заодно и прорепетировали...

Кено опустил свёрток, и в восемь рук его быстро распотрошили, обнаружив внутри аккуратно свёрнутую шкуру с таким знакомым белым мехом.

— Ха, а я-то думал — отчего этот мех кажется таким знакомым... — пробормотал Кено озадаченно.

— Смотрите, тут и голова есть! — поразился Таики.

И лапки. Вернее, засушенные хитрым образом чёрные когтистые лапищи. А голова оказалась фальшивой, вернее, шкура-то была настоящая, с головы, но натянута она была на бамбуковый каркас с подкладками, а челюсть с зубами была вырезана из дерева и покрыта красным и белым лаком. Ну да, череп таких размеров должен быть тяжеленным...

Пришлось повозиться, укладывая шкуру на трон так, чтобы она не слишком его закрывала, и в то же время демонстрировала себя во всей красе. Спасало то, что её обкорнали до вменяемых размеров, так-то в шкуру демона-лиса трон можно было бы завернуть целиком да в три слоя, если Шоуки правильно помнил размеры чудовища.

— А смотрится-то внушительно, — заметил подошедший Дилан. Его напарник маячил рядом, но лишь рассеянно кивнул. Обоих тоже причислили к свите будущего Императора, но северяне явно чувствовали себя не в своей тарелке в одеждах южного края. Или переживали насчёт истощающихся зарядов амулетов, что сильно снижало их боеспособность и эффективность работы.

Впрочем, отведённой им ролью в процессии они остались довольны — профессиональные телохранители предпочитали держаться в тени своего господина.

— А уж как внушительно оно смотрелось, когда было живо! — Кено нервно хохотнул. — А там — как?

— Уже заканчивают, так что мы за лошадьми, — просветил Люк.

— Ступайте, — согласился Шоуки. — Так, все тряпки в сторону, вон ту лапу закрепить, чтобы не болталась! И не забываем, весь церемониал должен быть сработан идеально! С этой минуты и... Чем бы всё это не кончилось.

Парни переглянулись, кивнули и быстро убрали, передав слугам поместья, так и носившимся туда-сюда, всё лишнее.

А там ждать пришлось недолго — наконец на ступенях павильона показался Алан в сопровождении важного и непривычно степенного Амарими.

“Господин наследный принц Ишимари из благословенного Императорского рода!” — поправил сам себя Шоуки, церемонно кланяясь вместе с остальными каритами.

Алан не сразу сообразил, что именно показалось ему неправильным в открывающемся виде. Глаза видели несоответствие, а голова всё не хотела воспринимать эту скромную деталь, порождая неприятное, тревожное чувство. Потом сообразил — флаги над предвратными башнями развевались высоко, впервые за три сотни лет поднятые выше “положения скорби”.

Всё верно — Император вернулся. Должно быть, флаги было велено поднять, когда Наместник только узнал о том, что самозванец раскрылся и шествует в столицу. В конце концов, роль клана Сиасай в Империи — не только управлять обезглавленной страной, но и встретить возвращение Истинного Императора со всеми подобающими почестями и ритуалами. Поддержать, помочь, возвести на престол и смиренно отойти в сторону ожидая похвалы или наказания за проделанную работу. Если Наместник при вести о возвращении Императора станет совершать странные телодвижения и отлынивать от обязанностей, его просто не поймут. Как и если он заявит, что у него уже есть свой Император.

Ситуация, мягко говоря, сложная.

И насколько сложнее она станет с минуты на минуту, особенно для простых столичных жителей.

Вон на стенах уже засуетились и забегали редкие караульные. Легко понять их суету — ведь всем в столице известно, что наследник въедет в столицу через ворота Дракона, а не ворота Феникса. Что будет, когда они поймут, что наследников — двое?

Амарими привычно ловил бумажные послания, и судя по ним, со временем они угадали и шествовали с нужной скоростью, неторопливо, чинно, под бой традиционных барабанов.

И оставалось только надеяться, что со стороны всё выглядело соответствующе, ибо у Алана имелись на этот счёт определённые сомнения. Другой менталитет, вероятно, ибо на севере подобное сочли бы дешёвым трюком, пусканием пыли в глаза и низкосортной мишурой.

Впереди колонны, почти что на высоте человеческого роста, плыл трон. Несмотря на артефактную природу этого предмета мебели, левитация в него встроена не была, и потому волокни его кариты свиты, прикладывая каждый по небольшой толике своей силы, так что Алану оставалось только задавать направление и скорость движения. Делалось это на удивление легко, достаточно было коснуться прохладной гладкой поверхности кончиками пальцев. Найти только место, где металл не закрывает проклятая шкура! И зачем только... Алан едва не полетел со ступеней, когда увидел разложенный по трону трофей — зубастую башку твари просто положили на широкое сиденье, от чего всё время казалось, что они на троне вдвоём. С одной стороны это нервировало, с другой — пробивало на нервный смех, позволяя осмыслить в полной мере нездоровую ширину сиденья.

Следом ехала “свита” в одеждах, отражающих его собственный облик фасоном и цветами. Надо признать, смотрелись ребята внушительно и пёстро, символически подчёркивая единение севера и юга своим составом.

Слева снова тихо зашипел Шоуки, одёргивая своего коня, который раз попытавшегося погрызть свисающую с подлокотника когтистую лапу аморфной шерстяной твари.

И всё же дурацкая это была идея со шкурой. Кто вообще догадался ободрать её и отдать скорняку?!

Замыкали маленькую свиту телохранители Алана, немного успокоившиеся после того, как он подзарядил их амулеты. Следом со знамёнами ехали кариты, представляющие разные кланы, из тех, чтобыли посвящены в тайну и чьи главы успели принести присягу ему лично, а по краям отряда двигались музыканты из того, что здесь считалось за военный оркестр и жрецы и жрицы нескольких храмов Великой Матери и Отца-Громовержца. Им у Наместника доверия было куда больше, да к тому же это подчёркивало лишний раз “божественное” происхождение Алана.

Который, честно сказать, испытывал сейчас страшное, до тошноты, волнение. Воссесть на троне, скрестив ноги, вольготно возложив руку на башку чудовища и сохранять возвышенно-отстранённое выражение лица было не то чтобы тяжело, но... Только сейчас до него начало доходить, на какую высоту он замахнулся. Только сейчас он начал осознавать, что стоит на кону.

Когда к размеренному ритму барабанов добавился гул посеребрённых рогов, спешно извлечённых караульными из кладовых. Когда обычно открытые на две трети большие ворота поползли к стенам и с глухим стуком встали в специальные пазы, распахнувшись во всю ширь. Когда встали на караул приставленные к воротам солдаты, а горожане, случайно оказавшиеся у ворот либо любопытно потянувшиеся на переполох, замерли в растерянности и шоке и один за другим начали опускаться на колени перед процессией.

Дышать, просто дышать ровно, проговаривая про себя медитативные мантры, которые на удивление помогали успокоиться. И смотреть вперёд, только вперёд.

Барабаны забили шустрее, сменив ритм на более торжественный, новенькие подковы звонко цокали по мостовой, мелодично звенели украшающие сбруи бубенцы, звуки эхом отдавались от выросших по сторонам стен и домов и волной уносились вперёд.

Сперва горожан попадалось сравнительно мало, похоже, значительная их часть ушла к воротам Дракона, но слухи, видимо, неслись впереди, и на улицы высыпало всё больше народа. Когда они проходили мастерские кварталы, по сторонам улицы выстроилось по полосе из согнутых спин. Когда проходили купеческий — спин стало по три ряда с каждой стороны. Люди молча кланялись, и... Алану очень хотелось развернуться и посмотреть назад, но делать этого было нельзя, однако что-то подсказывало ему, что горожане двигаются следом в степенном молчании.

Время тянулось невероятно медленно, но вот впереди показался просвет — большая площадь перед главным входом во дворец была совсем близко. Более того, трон... просыпался. Алан чувствовал, как в артефакте одна за другой перекатываются непонятные вибрации, распространяющиеся на барьеры, окружающие дворец. Вибрации были очень слабые, похожие, скорее, на то, как мягкой лапкой аккуратно кот трогает непонятное, упавшее на пол с хозяйского стола.

По идее, никаких сложностей в возвращении трона во дворец возникнуть не должно, главное — провести его через ворота самостоятельно.

Но это — потом.

Ибо стены старинных зданий расступились, выпуская процессию на совершенно пустую площадь. Снова мощно грянули барабаны, меняя мелодию и перебивая отголоски музыки, льющиеся откуда-то из-за домов по другую сторону площади.

“Всё-таки немного поспешили...” — с досадой отметил Алан, медленно поднимая руку и давая колонне знак замедлиться и остановиться.

Впрочем, ненамного, вон на улице вдалеке показались фривольно одетые дамочки с

корзинками, из которых они разбрасывали, надо полагать, лепестки цветов, и мужчины, характерными движениями разбрасывающие рис. Алан помедлил и опустил руку, давая знак двигаться вперёд. На стены дворца он старательно старался не смотреть — их должны были заполнять сейчас главы кланов и аристократия, собравшаяся во дворце на липовый “конгресс”, затянувшийся и приросший участниками после вестей о возвращении императора.

Вот и голова процессии самозванца — конные, яркие наряды, скученность, какие-то люди, мельтешащие по бокам. Они замерли, сбились, сумятица возникла в плотной толпе сопровождающих, посыпающие дорогу “подношениями богам” растерялись совсем и один за другим прыснули к стенам домов.

Хорошо, просто отлично.

Барабаны гремели, широко разносясь по площади и перебивая сбившуюся мелодию, что сопровождала “Ингвара”.

А вон и он, разряженный в пух и прах, в дикое сочетание южных и северных одежд. Верхняя накидка южного типа из вручную расписанного шёлка совершенно не сочеталась с дорогой рубашкой, вышитой серебряными нитями и с кружевным жабо, как было модно при дворе последние годы. Короткие русые вихры фигляр спрятал под лихо сдвинутым набок двухцветным беретом, украшенным пёстрыми фазаньими перьями. Манжеты рубашки тоже выбивались из рукавов верхних одежд очень неуместно — это стало видно, когда он вцепился в поводья, посылая коня вперёд. Было далековато, но Алан готов был поклясться, что увидел в глазах его злость. Это принесло странное облегчение, разливаясь по телу спокойствием. Ещё один знак. Колонна остановилась, Алан неторопливо вывел трон немного вперёд, и, дождавшись, пока выскочившие вперёд Дилан с Люком шустро расстелят тот большой узорчатый ковёр, неторопливо опустил трон в его центр. За спиной сквозь бой барабанов пробивался скрип подпруги и шорох ткани — его свита выстраивалась по бокам и чуть позади трона, коней должны были шустро отвести назад. Вот подобным образом выстроились и сопровождающие с флагами, и жрецы, и музыканты, крыльями раскинувшись по бокам от трона. А следом, вдоль домов тихо растекались люди, что шли за ними через весь город — мастеровые, ремесленники, торговцы, купцы, меняльщики, ростовщики.

Всем хороши ворота Дракона — дракон символ власти, символ Императора и его владения империей! Только уж так сложилось исторически, что дорога от них до площади проходит через кварталы, в которых в основном расположены гостевые дома, рынки и квартал развлечений. Так что народ за “Ирнгваром” увязался шумный, разбитной, баламутящий — весь тот народ, что сбежался встречать процессию едва не со всего города. И толкучка там была...

Барабаны ударили последний раз, стихнув.

В резко повисшей тишине стали слышны суета и возгласы со стороны другой процессии, что пыталась обрести хоть какой-то порядок, вываливаясь на площадь вслед за выехавшим вперёд самозванцем. Жрецы попеременно с музыкантами и аристократами, девицы из весёлых кварталов, жмущиеся к последним и запутывающиеся в длинных полах своих нарядов, удивительно громко разбилась выроненная кем-то бутылка.

“Ингвар” выехал вперёд, и из неровного строя за ним поспешили, похоже, ближайшие сподвижники. Неуверенно подала голос, пытаясь выводить мелодию, какая-то дудка во всё ещё бурлящей беспокойной процессии. На площадь наконец начали просачиваться горожане, следовавшие за самозванцем, так же расползаясь полукругом, вдоль стен домов.

— Явился-таки, дорогой племянник, — подъехав ближе и так и оставшись в седле приплясывающего скакуна, процедил на Мосс тихо. Уши резануло наречие королевства с характерным выговором побережья. — Алан, тебе разве не говорили, что большие серьёзные игры нужно оставлять взрослым?

Будущий император неторопливо поднял на самозванца взгляд, раздумывая, как будет правильнее ответить на этот пассаж. Это заняло мгновение — ответ был очевиден и плотно вплетён в традиции этих земель. Алан поднялся с трона (испытав дикое облегчение, а то задница страшно запрела на этой густой шерсти), и с достоинством поклонился, отдавая положенную дань именам, что собирался назвать. И голос его, сдобренный простеньким заклинанием, широко разнёсся по площади, невзирая на расстояние, дотянувшись до каждого из присутствующих.

— Моё имя — Ишимари. Отец мой происходит из рода Коэнов, властителей севера, а мать ведёт родословную от благословенной Миноко и через неё от первого Императора и самих небесных супругов Грома и Солнце.

— Уже и имя сменить успел?! — прошипел на Мосс, блеснув глазами, и, развернув коня выехал ближе к воротам. Алан тоже повернулся в ту сторону и вежливо склонил голову, приветствуя цвет аристократии юга.

— Я — Ингвар на Мосс, потомок госпожи Миноко по матери, и по старшинству имею больше прав на трон, чем мой племянник! — произнёс он громко. От природы приятный, сильный голос был подпорчен только характерным северным акцентом, с которым он говорил на аятти.

— Разве же не знаешь ты, дорогой дядюшка, что одного происхождения недостаточно, чтобы претендовать на трон империи? — спросил Алан ласково, хорошо пряча жгучую неприязнь к этому человеку за вежливым обращением. — Без пробудившегося Дара польза твоя для Империи столь же велика, как польза брошенного в землю семени, не давшего всходов.

“Вот и посмотрим, какой трюк ты нашёл, чтобы имитировать наличие Дара!” — напрягся внутренне Алан. Он просто не верил, что “Ингвар” мог сунуться сюда, не позаботившись о такой важной детали. Сам Алан ставил на мощный амулет — в нейтральном поле они быстро разряжались, но если держать пару пообъемнее на ближайших проклятых землях, а потом быстро-быстро доставить сюда...

— Дар? Ха! — мужчина картинно щёлкнул пальцами, растопырил пальцы, создавая над ладонью объёмный комок пламени, и поднял взгляд на молчаливо столпившихся на стенах южан. — Какие ещё доказательства нужны вам? И что ты сам можешь показать, драгоценный племянник?

В обращённом на Алана взгляде сквозило превосходство. Немного лукавой насмешки. Будто намеренно пытался вывести его из себя. Да только — не срабатывало. Алан по-прежнему был спокоен и сосредоточен.

— Пусть за меня говорят дела мои, — произнёс он ровно, и повёл рукой в сторону трона. — Под сводами Великого храма благословенной горы Аят тени Предков говорили со мной и позволили забрать то, что принадлежит мне. И демон-лис был убит моими людьми после того, как я освободил его из заточения императорского камня. Однако же согласно традиции, подтвердить свой статус мы должны иначе, чем мерясь достижениями. Господин Наместник?

Дворцовые ворота медленно и торжественно отворились, явив взорам стоящего посреди

прохода Наместника с единственным охранником за его правым плечом. По такому случаю Тамай был облачён не просто в цвета клана Сиасай, а в нарядные одежды с вышивкой, подчёркивающей его службу лично Наместнику. Да и тот выглядел очень торжественно и в то же время холодно-отстранённо и серьёзно. Сейчас он был нейтральной стороной, в конце концов.

Когда ворота распахнулись полностью, он неторопливо двинулся вперёд, прошёл несколько шагов, выйдя на площадь, туда, где хороший обзор получили бы и те, кто собрался на стенах, и всё пребывающие на площадь горожане. Театральным жестом он снял с шеи пластину, символизирующую его власть, поднял её, держа за красный шнурок, чтобы показать медный узорчатый амулет всем присутствующим.

— Предками на меня была возложена обязанность встретить и опознать Истинного Императора, когда вернётся он, чтобы занять положенное ему место, — провозгласил он громко. Голос его разнёсся далеко, отдавшись эхом в углах площади. Наверное, какой-то хитрый фокус с акустикой. Алан присмотрелся и заметил, что Наместник стоял на немного отличающейся по размерам каменной плите. Хитро. Нужно запомнить.

Выдержав вполне себе театральную паузу, Наместник опустил амулет, перехватив его за старую медь, и в эдакой наигранной задумчивости потянул:

— И раз уж Предки послали нам сегодня двоих претендентов на престол, я проверю обоих. Господа, прошу, подойдите сюда, покажите, что боги одарили вас дважды.

Алан подошёл к наместнику первым. Он не торопился, но конь под на Моссом как-то внезапно заартачился, попятился, вскидывая голову и недовольно всхрапывая, так что пока самозванец справился с ним, пока подъехал, пока слез с седла...

Алан коснулся амулета, привычно активировав сперва одну, затем другую половину узора.

— Достоин, — весомо произнёс Наместник, и возбуждённый шёпот прокатился по толпе.

“Ингвар” принял удар стоически. Шагнул вперёд, обдав Алана запахом вина и горьких зелий, снимающих похмелье. Вцепился в медную пластину, легко вызвав свечение на одной её половине.

Мгновение, другое. Вот и вторая часть узора засветилась, как-то неровно, пятнами. Глаза Наместника на мгновение сузились недобро, внимательно следивший за происходящим Алан успел это подметить и оценить заминку и странную разницу в свечении. Значит, он нашёл таки какой-то способ обмануть амулет. Такую возможность развития событий они тоже обсуждали.

— Достоин! — провозгласил Наместник, ввергнув площадь в очень тихие и по-южному вежливые разброд и шатание. Да, нелегко было принять горожанам новость, что претендентов на престол и в самом деле двое. А вот на стенах наверху обозначилось явное напряжение — для глав кланов ситуация складывалась... потенциально неприятная. И просто — неприятная для уже посвящённых.

— Боги наградили нас сегодня за долгое ожидание! — провозгласил Наместник. — Двое потомков Первого Императора были явлены нам сегодня!

— И трон мой — по старшинству, — оскалился “Ингвар” в хищной улыбке.

— Пусть власть над ним определит право сильного, — Алан скрестил руки на груди и зеркалом вернул самозванцу улыбку. — Страной ведь должен управлять достойнейший, не так ли?

— Пусть будет так, — подозрительно легко согласился тот. Это настораживало. Северный маг должен был быть ограничен возможностями припасённых амулетов, которые, к тому же, будут за считанные часы осушены в защитных периметрах дворца.

Что же этот мошенник припас в рукаве? Как обманул древний амулет? Под ложечкой неприятно засосало.

— Да будет так! — замешкавшись на мгновение, подтвердил Наместник. — Поединок состоится завтра, на рассвете, в старом дворе перед храмом Предков, если вас обоих это устраивает.

Кивок с одной стороны и чинный поклон с другой были ему ответом.

— Господин на Мосс, прошу вас, проходите во дворец с ближайшими вашими сподвижниками и слугами. Господин Ишимари, ваши покои ждут вас, но вначале позаботьтесь о троне.

— Непременно, господин Наместник, — Алан снова поклонился, краем глаза отмечая, как Ингвар вспрыгнул в седло и поскакал к своей разношёрстной свите, затем отметил, как Тамай склоняется к уху наместника и что-то шепчет. После повернулся, направившись обратно к трону, у которого напряжённо замерли парни.

— Господин, — тихо произнёс Шоуки, едва Алан подошёл к ним. — Этот человек... В его теле проклятые ядра, круглые, как у кукол, числом семь, в ключевых точках пересечения меридианов.

Алан медленно кивнул, плотно сцепив зубы, чтобы не выдохнуть вслух рвущееся с языка ругательство.

Остаток дня смазался в череду поклонов, расшаркиваний и практически ритуальных, ни к чему не обязывающих фраз. После того как Алан закончил с треном, убедившись, что тот удивительным образом слился с опутывающими дворцовый комплекс печатями и чарами, его и его людей проводили в отведённые покои, расположенные ровно на противоположном краю дворцового комплекса от помещений, предназначенных для на Мосса и его шайки.

Алан набросился на Шоуки, визнавая подробности, Демьен подключился к обсуждению — было критически важно понять, на что способен “Ингвар”, и без таких подарочков являющийся весьма сильным магом и дуэлянтом.

Увы, как следует обсудить потенциальные возможности противника не получилось — к Алану началось паломничество заинтересованных глав кланов. Здоровались, знакомились, обменивались общими фразами и расходились. Многие имена Алан узнавал (зря, что ли, изучал политические реалии юга и взаимоотношения кланов?), и быстро сообразил, что к нему нахаживают представители, если можно так выразиться, нейтральных кланов. И скорее всего, прежде они уже были или ещё пойдут к на Моссу — сравнить претендентов на престол, сделать выводы... В конце концов, те, кто поддерживал самозванца, уже определились с выбором, а главы наиболее надёжных союзников Наместника уже присягнули Алану на верность. Так что все прочие кланы можно было условно определить как нейтральные. Поэтому следовало произвести на их глав впечатление благоприятное... и выиграть проклятый поединок.

— Демьен, не надо, я отлично знаю его приёмчики — не раз наблюдал за дуэлями и читал отчёты, лучше припомни, когда последний раз ты слышал о нём в столице? Хотелось бы понять, как долго он замешан во всём этом.

После ужина паломничество южан сошло на нет, и можно было наконец заняться делами насущными и возобновить обсуждение. Алан испытывал хороший такой мандраж, порождающий неуёмную жажду деятельности.

— Да вот как раз перед приездом нашего уважаемого друга у него дуэль была с кем-то из Траймеров, — припомнил Демьен. — Я не видел, но про тот бой не было слышно ничего необычного.

— Значит, можно смело предполагать, что тогда в него ещё не было напихано артефактов, — хмыкнул Алан задумчиво. — Что может дать размещение их в этих точках? Меридианы образуются в телах уже открывших Дар, верно?

— Считается, что они есть у каждого человека, — качнул головой Таики. — Просто развиваются с пробуждением Дара...

— А может, тебе лучше лечь пораньше и выспаться?! — влез Амарими. — Не думаю, что мы сможем раскрыть его страшную тайну вот так с ходу, а ты вторые сутки на ногах.

— Если мы поймём, как он умудряется колдовать здесь, станет понятно, как его победить! — возразил Алан. — Так что, пожалуйста, попроси, чтобы кто-нибудь принёс из библиотеки тот здоровенный труд по природе Дара.

— Я сам принесу! — кивнул Амарими бодро.

И вернулся не только с книгой, но и со слугами, несущими подносы с чайным набором. Так что дальнейшее обсуждение пошло куда приятнее... до тех пор, пока Алан не понял, что отчаянно клюёт носом, а Амарими всё это время подливал ему чай из отдельного чайничка.

— Ты! — поразился такой подлости Алан, и, не удержавшись, сорвался в мучительный зевок.

— Я! — довольно кивнул мерзавец. — А теперь — спать! Завтра вставать рано!

Алан повернулся, коротко, но с почтением поклонившись храму Предков. После вернулся к своему противнику, но кланяться уже не стал, — извлёк клинок из ножен неторопливо и принял классическую стойку. По-хорошему, на Моссу следовало тоже поклониться, проявив вежливость. Но — Алан позволил себе не быть вежливым сейчас, не хватило бы у него на такое сдержанности, и так нервы звенели как натянутые струны ввиду мучающих его сомнений и опасений.

Если бы только ему позволили как следует поразмыслить над ситуацией и перебрать записи, тогда он бы, может быть, сумел бы хоть сколько-нибудь сообразить, в чём сильные и слабые стороны противника. Как вообще он использует магию.

Но если бы да кабы, да козлы давали молоко, то на осенней ярмарке сыром заедали бы не пиво, а вино.

Алан нервно хохотнул про себя вспомнившейся селянской поговорке. И в самом деле — каковы шансы, что ему бы удалось установить, как именно аферист использует магию? Невеликие. А так хоть выпался...

Но по идее, сообрази они что к чему, и это помогло бы определить, как именно противник будет сражаться.

Чего ждать? Духовной силы, а значит выставлять множественные простейшие щиты, или сложных чар, против которых нужна либо мощная, либо не менее сложная защита?

Поставить и то и то одновременно... Алан бы не сумел, но всё равно попытался, когда гонг возвестил о начале поединка.

Внешний примитивнейший щит он создал жестом, очертив его дугу движением клинка, а внутренний почти успел сплести, когда первый щит лопнул, а почти законченный классический трёхслойный барьер продавило атакующим плетением противника. Всё случилось слишком быстро, но каким-то чудом Алан успел выплеснуть вперёд волну сырой духовной силы и сбить заклинание на Мосса. Его только волной жара и искрами обдало. После Алан шарахнулся в сторону, ожидая новой атаки и спешно выставляя новый простейший щит со слегка изменёнными параметрами — задержать что-то такая конструкция не могла, но хоть обозначала направление атаки противника.

Ибо “Ингвар” мастерски использовал “призрачное пламя” — его атакующие чары были практически невидимы, пока не касались чего-то. По факту он использовал не столько огонь, сколько раскалённый поток воздуха. Конечно, его всё равно можно было засечь по характерному “дрожанию”... со стороны в спокойной обстановке, а не шарахаясь туда-сюда в попытке не зажарится аки пирог в печи.

Инициативу он определённо упустил и теперь отчаянно пытался улучшить момент, чтобы сделать хоть что-то.

Увы, дуэлей на счету Алана было меньше, чем пальцев на одной руке — отчасти его от этого дела охранял статус, отчасти здравый смысл, отчасти то, что с магами-бытовиками сходиться в дуэлях было как-то невежливо. Теорию он знал неплохо, ибо любил за дуэлями наблюдать и обсуждать их с другими молодыми аристократами, которые в них как раз и участвовали.

Но всё это было совершенно не то!

Противник явно пытался взять его нахрапом, задавить количеством и скоростью сотворяемых чар, не дать опомниться — одним словом действовал со всей серьёзностью и целеустремлённостью, без показухи и бравурных речей, на что, надо сказать, Алан весьма надеялся.

Зато стали ясны две вещи — противник его использует исключительно магический дар и использует нездорово мощно. Воздух на площадке уже дрожал от наполнявшего его жара, ненавязчиво пахло палёнными волосами, а одежда начала липнуть к телу, пропитываясь потом. В целом, это весьма напомнило Алану собственные мучения с магией после того, как его дар открылся, и дозировать подаваемый в плетения эфир стало весьма непросто.

Неужели, у него и правда — Дар южан?! Но тогда при чём тут ядрышки из метеоритного железа? Или они — хитрые накопители, сохраняющие большой запас эфира?

Отбросив путанные мысли, полные сомнений и неуверенности, Алан рванулся прямо навстречу очередному заклинанию, бросив вперёд духовную энергию и задержав дыхание. Атакующие плетения были сметены, но волна жара его накрыла такая, будто в кузнице в печь для плавки сунулся. Зато — сократил расстояние, и, запустив клинок в полёт, толкнул противника даром в ноги, как дубинкой. Тот качнулся, но вместо того, чтобы упасть, повис в воздухе, левитируя, а клинок Алана ожидаемо напоролся на слабые, но многочисленные барьеры.

И методы боя с каритами ублюдок отлично знал! Но хоть мгновения были выгаданы, и Алан смог подобраться ближе, чтобы...

На Мосс пустил ему навстречу волну пламени едва ли не в человеческий рост и, качнувшись, отлетел назад, вновь разрывая дистанцию.

Да когда ж у него эфир-то кончится?! Одно дело так рубить с плеча в перенасыщенном поле дуэльной арены, но здесь-то, здесь “Ингвар” не может брать эфир извне!

Кожи коснулся обжигающий жар взметнувшегося ещё выше пламени. Волна духовной силы сбила плетение, но огонь не сильно-то от этого опал, мощи в заклинание было вложено немеряно.

А потом Алан обозвал себя идиотом и, не жалея силы, выбросил вперёд примитивное, но мощное плетение. Огненную стену пробило конусом холодного воздуха, мигом покрывшего каменные плиты густым слоем инея и затуманив воздух вокруг. Широко получилось. Далеко. Почти как у Демьена тогда, в лесу, но если тот брал мастерством, то Алан просто выплеснул в чары прорву силы.

Эфирное поле дворца всегда чувствовалось настолько странным, что он совсем забыл о возможности черпать из него после установки трона на законное место. А тот ведь установили ещё вчера вечером! И Алан ещё проверял, может теперь пить дворцовый эфир или нет?!

А что, если на Мосс тоже может?!

Вот и проверим...

Алан почувствовал злой азарт, наполняющий его, приглушающий неприятный зуд обожжённой кожи, придающий сил, и, зачерпнув так много, как только мог взять за один раз, обрушил на площадку шквал огня. Вернее, технически, довольно примитивное плетение рухнуло на каменные плиты, мгновенно расплзлось по ним, пока не упёрлось в барьер, огораживающий площадку, и выбросило вверх гудящее от жара пламя. Получилось оно даже не красно-оранжевым — насыщенно жёлтым с белыми всполохами, и пришлось вешать на себя щит, чтобы закрыться от жара и обеспечить приток воздуха. Так-то чары расступались

перед хозяином, но кто ж знал, что огонь окажется настолько горячим?

Закончив со щитом, Алан рванул в ту сторону, где заметил возмущение — огонь там отдавал красным и казался намного плотнее — и, хищно улыбнувшись, поймал меч ладонью...

И с криком отбросил успевшее раскалиться оружие.

Пришлось снова подхватывать его духовной силой и посылать вперёд, ибо крупный купол, которым накрылся его противник, был уже буквально в трёх шагах. Алан вбил в него клинок... И тот потерял скорость, уничтожив ещё один невидимый слабосильный барьер перед сложным огненным щитом. Алан ударил заклинанием, промяв сразу три простейших барьера, затем снова ударил клинком, прорываясь к противнику через многослойную луковицу щитов. Получалось так себе — более опытный дуэлянт успевал возводить щиты, сдвигать их и растягивать, а Алану не хватало навыков, чтобы справляться с таким количеством щитов достаточно быстро. Но он отчаянно пытался, раз за разом вкладывая всего себя в атаки. Напитать меч нужным количеством духовной энергии — снести препятствие, преобразовать духовную энергию в эфир — сформировать чары — таран. Основной щит противника, впрочем, становился всё ближе, но и огонь вокруг начал опадать — заклинание расходовало вложенный в него заряд.

— Ну же! — Алан умудрился пробить ещё два щита, оказавшись вплотную к огненному плетению сосредоточенно замершего на Мосса. Единственный удар клинка — магией он столь сложную структуру попросту бы не вскрыл!

Но сделать его ему не дали. Среди огня каменная плита поплыла и, изогнувшись, тонким длинным языком захлестнула и скручиваясь утянула клинок вниз, к земле, Алан дёрнул меч на себя со всей силы, аж в груди заныло, но было уже поздно — камень затвердел, намертво прихватив добычу.

Самозванец улыбался. Так довольно и самоуверенно, что аж скулы сводило.

— Должен признать, сила Императора впечатляет, — произнёс он тихо. Впрочем, за гулом пламени вряд ли бы кто-то услышал и сказанное в полный голос. — Даже в руках едва освоившегося юнца она столь опасна.

— Неужто тебе завидно, ублюдок? — Алан оскалился, неторопливо смещаясь вдоль щита, и немного отведя назад левую руку. Самую малость — и настойчиво направляя в ладонь силу своего странного дара.

— Силу ещё нужно уметь применить, и без этого умения, даже самые невероятные способности не смогут тебе ничем помочь.

— Ой ли? — Алан насмешливо качнул головой. — Твой щит схлопнется с единственного удара клинка.

— Которого у тебя нет, прошу заметить, — ухмыльнулся самозванец.

— С чего ты взял? — Алан округлил глаза и изобразил то почти-совсем-искреннее удивление, которое так часто можно было заметить на лице Амарими.

И на Мосса сделал ровно то, на что Алан надеялся — повернул голову, чтобы проверить, на месте ли схваченный камнем меч.

Именно тогда он и ударил, выбросив вперёд зажатый в руке нож из той самой субстанции, что формируется при смешении эфира и духовной силы. Он пробил сложный щит и дестабилизировал его так же легко, как и клинок в руках опытного карита, пропуская Аланавозмутительно прохладное и уютное нутро барьера.

Наместник прицокнул от невольного восхищения и бросил уничижительный взгляд на рассевающуюся особняком “оппозицию”. Вот оно — легендарное золотое пламя, что ещё им нужно?

По лицам каритов, поддержавших самозванца, сейчас, когда золотое пламя поднялось вровень со стенами, можно было понять очень многое. Вот, например, главы кланов Тари и Санарису — оба аж заледенели, пытаясь скрыть охватившие их чувства, но во взлёте бровей и блеске глаз определённо читаются удивление и растерянность. Вот старик Мираки из Сетсу не сумел сдержаться, сжал губы так, что его седые усы встопорщились, подчёркивая досадливую гримасу. Остальные выглядят в разной степени напряжёнными, неотрывно следя за происходящим, некоторые то и дело бросают быстрые взгляды на верховного жреца.

Наместник почувствовал раздражение, очередной раз убедившись в непроницаемости маски этого человека, и вернулся к созерцанию залитого огнём двора — пламя опадало, наконец позволяя разглядеть большой алый купол и крадущегося вдоль него молодого господина, едва прикрытого мутноватыми всполохами защитного барьера... Чувствовалось, что этот Ингвар куда состоятельнее Ишимари в северном искусстве, но на стороне истинного наследника был сам дворец, о чём и свидетельствовало золотое пламя.

Хм, кажется, они разговаривали. Жаль, дрожащее пламя и барьеры не давали прочитать по губам, о чём именно. Но говорили недолго — белый росчерк ножа вспорол алую стенку купола как гнилую дерюгу, и Ишимари бодро нырнул внутрь.

— Хм, младший носитель великих кровей нарушил правила, — важно, с глубокой печалью в голосе сообщил верховный жрец, привлекая всеобщее внимание. — Ибо установлено правилами приносить с собою лишь один клинок.

— Это верно, — Наместник легко придал голосу сочувствующие нотки. — Господин Митаки, в силу вашего возраста вас подводят либо глаза, либо память — создание костяного янтаря и придание ему произвольных форм есть часть дара этого рода. Не зря же выходящие из их рук камни называют Императорскими?

По рядам собравшихся пронесли шепотки, и они с удвоенным вниманием принялись следить за боем. Благо, огонь совсем прижался к земле, открывая вид на медленно разрушающийся алый купол, внутри которого сцепились в близкой сшибке оба претендента на престол.

Обмен ударами шёл очень бодро, более того, самозванец показывал превосходное владение клинком, успевая отбиваться и от наследника, и от огненных комов, которые тот выплёвывал то и дело. Сам Ишимари с ожесточением работал белым клинком не слишком правильной формы, видимо, таким, какой успел создать, и грамотно сбивал заклинания противника волнами духовной энергии, а иногда и так и зажатый в левой руке сотворённым ножом. Впрочем, чары, которыми они оба пользовались сейчас, смотрелись сырыми и торопливыми, маломощными. Маги были всегда слабы на ближней дистанции, и Ингвар не был исключением несмотря на весь свой опыт. К тому же, как бы ни сумел он подделать реакцию амулета на Дар, пользоваться им на Мосс не мог либо не умел. Наместник придирчиво ловил каждое движение, но до сих пор не увидел со стороны Ингвара ничего, что свидетельствовало бы о наличии Дара.

А ведь у него в душе успели всколыхнуться сомнения вчера, когда чужак всё же заставил древний медный диск светиться на обе половины. Но то, что почуял в этом человеке Тамай...

Негодящий клинок разлетелся белыми осколками, сабля рванула рукав отшатнувшегося

Ишимари, от чего его правая рука, и без того работавшая немного неловко от чего-то, и вовсе повисла. Однако он отмахнулся плотным комом золотого огня, не давая противнику развить успех, отбросил нож, и в левой руке его начало формироваться светящееся облако, что вот-вот затвердеет в новый клинок.

Ситуация со стороны выглядела отчаянной, но Наместник был спокоен. И когда едва сформировавшийся клинок снова разлетелся осколками от нового удара, и когда камень под ногами Ишимари поплыл, норвя сковать его движения.

Молодой господин уступал противнику во многом. Но главное — он это понимал и искал выход из положения. И, в отличие от его противника, Наместник разгадал его рискованную хитрость.

Впрочем, Ингвара можно простить — он вполне может и не знать таких деталей. То ли не успели просветить, то ли не посчитали нужным, что, в целом, не удивительно. Благодетельный Митаки всегда относился к своим ставленникам как к инструментам, оплетал тенетами своих речей, но не стремился вкладывать в свой инструмент больше, чем необходимо для выполнения поставленной задачи. В конце концов, его интриги всегда были раскинуты так широко — требовалась прорва времени, чтобы уследить за всем.

Удивительно широко. Надо было учитывать, что старость не умерила его прыги!

— Жаль, — тихо вздохнул рядом пожилой глава клана Мо, когда гибкие плети жидкого камня спеленали и чуть не раздавили Ишимари, едва успевшего набросить тонкую защитную плёнку вокруг своей фигуры. — Младший из потомков госпожи Миноко производит куда лучшее впечатление, чем его дядя.

— Он просто не успел свыкнуться с местными реалиями и поднабраться такта, — хмыкнул глава клана Сетсу. — Пройдёт немного времени, и он станет достоин статуса Императора.

— А с чего вы взяли, уважаемый господин Мираки, что всё уже кончилось? — не удержался Наместник от шпильки и распахнул веер, чтобы спрятать за ним хищную, довольную улыбку.

Императорские камни почти невозможно разбить, для этого нужно приложить невероятные усилия. А эти клинки ломались так бодро, разлетаясь на десятки узких, почти игловидных осколков.

А в момент триумфа, как водится, человек склонен терять бдительность.

Ишимари сработал не хуже Амарими, будь он благословлён трижды всеми предками до седьмого колена — на лице его отразился совершенно искренний страх, он метнулся в узкой как футляр для свитков сетчатой ловушке и быстро забормотал — увы, с этой точки было плохо видно, что именно, и ни взглядом, ни движением не выдал начала атаки.

Кажется, Ингвар даже не понял, почему его нога вдруг подломилась. Белый осколок с чудовищной силой пробил его колено насквозь, другой ударил в плечо, заставляя выронить оружие. Самозванец, несмотря на это, успел сориентироваться и попытался сотворить какие-то чары, но поймал ещё два осколка в точки пересечения меридиан и рухнул обратно на землю, корчась от боли.

Ишимари разбил каменные оковы изнутри, и, ссутулившись, коснулся груди левой рукой. Сила его дара была чудовищна, и применять её в больших объёмах ему до сих пор было сложно. Но его контроля и оставшихся сил было достаточно, чтобы прижать остальные осколки белого костяного янтаря к шее противника.

— Господа, — спокойно заметил Наместник, поднимаясь. — У нас есть победитель.

И по его знаку над двором разнёсся удар гонга.

Шоуки бросил быстрый взгляд на возвышение, на котором разместились высокородные зрители поединка, но все были поглощены боем. Да и свита самозванца находилась с противоположной стороны площадки и не должна была заметить его уход.

И свои так переживали за Алана, что взгляда не отводили.

Шоуки тоже немного переживал — в конце концов, Алан... Ишимари — человек из плоти и крови, несомненно, хороший человек, но — определённо не полубог из легенд, которыми часто изображали Императоров в мифах и сказаниях.

Успокаивало его то, что Предки были на стороне Ишимари. Предки признали его, говорили с ним и сейчас смотрят за ним, и определённо помогут, если что. Это смертным запрещено вмешиваться в поединок, Предки и Боги вольны оказывать помощь. Об этом даже в своде правил написано, и эти строки вчера вогнали северян в некоторый ступор.

Шоуки ещё раз прикинул направление движения снявшейся со своего места цели и тихонько дёрнул один из ножей своего учителя, всё так же грозно стоящего позади Наместника там, в центре площадки. Поймал взгляд Тамая. Увидел лёгкий кивок и сместился назад и в сторону, незамеченным выскальзывая с отведённой для зрителей площадки. Дальше пришлось повозиться — на нём были приметные одежды, и попадаться на глаза многочисленной охране дворца и изнывающим от любопытства гостям поместья, кому не хватило места во дворе у храма, не хотелось. Храмовый двор был довольно просторен, но, в конце концов, не безразмерен, а желающих наблюдать за поединком было море. Вон, все окна и террасы ближайших многоэтажных зданий, с которых видно место действия, заняты людьми.

Все хотят узреть, как вершится история.

Спрашивается, и куда, а главное зачем направился в такой момент этот человек?

Шоуки держал его своим пронзающим взором, и в то же время тщательно проверял окрестности, прежде чем свернуть за угол, пересечь двор или перемахнуть через высокую стену.

Он заметил этого человека ещё вчера, на площади. Заметил, сперва зацепившись за полное отсутствие металла при нём, потом присмотрелся к чертам лица и долго раздумывал над увиденным, прежде чем поздно ночью наведаться к господину Инари и поделиться наблюдениями. Свою прошлую ошибку он усвоил хорошо и сейчас, поступив так, как следовало бы тогда, ощущал неожиданную уверенность в себе и собственных силах.

Всё оговорено, одобрено, и пусть случилось куда раньше, чем ожидалось, все сопутствующие приготовления, зная Инари Сая, должны были быть уже завершены.

Маленькая булабочка, ввинченная рано с утра в подол долгополого одеяния, замерла, пережидая, когда пара слуг пересечёт двор, и направилась в сторону крытого перехода между постройками. Шоуки прикинул расстояние, ещё раз проверил расположение людей в окрестностях и, подтолкнув себя Даром, перемахнул через высокую стену. Едва не приземлился в декоративный прудик и пронёсся по уютному садику бегом, чтобы выскочить в узкий проход между стенами до того, как снова появятся слуги. Добрался до чёрного хода в одно из старых зданий и затаился в тених за высокой искусно вырезанной из дерева статуей какого-то воина.

Ждал. С местом засады он не ошибся, посторонних в округе тоже было немного — никто ничего не должен услышать. Подумав, Шоуки расстегнул застёжку и снял с плеча

отороченный мехом смешной маленький плащик. Лишним он, пожалуй, не будет.

Вот едва различимые шаги, высокая фигура появилась в поле зрения. Шоуки задержал дыхание, мягко выскользнув из своего укрытия строго в нужный момент, но всё равно его противник что-то почувствовал и начал разворачиваться.

Противник... Жертва в этот раз.

Он успел прихватить его шею локтем со спины, вцепился, потянул вниз всем своим весом, роняя и себя, и его на пол, а куцый короткий плащик сам прыгнул на лицо мужчины, и длины шнурков, на которых держались половинки металлической застёжки, как раз хватило, чтобы перехлестнуться и вновь сойтись на носу мужчины, крепко приматывая ткань к его голове.

Старый знакомец захрипел и дёрнулся, пытаясь вырваться из хватки карита, но Шоуки держал крепко, продолжая душить свою добычу.

— Думал, обрядишься жрецом, замажешь шрам, и я тебя не признаю? — почти ласково спросил он, перехватывая взглядом выхваченный старым знакомцем костяной нож. Держать неметаллы Шоуки по-прежнему страшно не любил, но сейчас его противник не мог видеть своё оружие и не смог полноценно напитать его духовной энергией, так что отвести удар было сложно, но и только. Его добыча забарахталась с новой силой, сипя, догадалась наконец попытаться сорвать с лица ткань, но Шоуки не позволил ему, перехватив руку. Спину пробило испариной от прилагаемых усилий, но вот придушенный карит начал наконец затихать.

Вокруг всё было спокойно, и сейчас главное было не задушить предателя совсем уж насмерть.

Он успел связать бессознательное тело поясами с его же одежд и уже закидывал тяжеленную добычу на плечо, когда над дворцом разнёсся гул большого гонга.

Цыкнул невольно с досады — не успел!

Оставалось только надеяться, что его отсутствие не привлечёт слишком много внимания, а Ишимари не обидится на то, что Шоуки поздравит его с опозданием.

Мысль о том, что победить мог самозванец, ему в голову даже не пришла.

Конец второго тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net